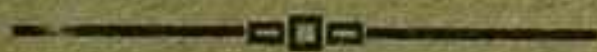
Беларуская Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка
Белорусская Социалистическая Советская Республика

ПРАЦЫ
Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ў Менску.

ТРУДЫ
Белорусского Государственного Университета в г. Минске.

LES ANNALES
de l'Université de la Blanche-Ruthénie.



ФАКУЛЬТЭТ ПРАВА І ГАСПАДАРКІ.

1928 г.

№ 20

Выданьне Праўленьня Б. Д. У.
Менск—1928

1928 г.

Бел

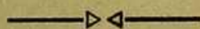
Белорусс

de

1928 г. № 20.

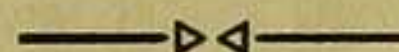
ПРАЦЫ

Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ў Менску.



ТРУДЫ

Белорусского Государственного Университета в г. Минске.



LES ANNALES

de l'Université de la Blanche-Ruthénie.

1. ФАКУЛЬТЭТ ПРАВА І ГАСПАДАРКІ.

Выданьне Праўленьня Б. Д. У.
Менск—1928

Райлит № 15. (Тираж 700 экз.)

Борисов, тип. Комбината № 769.

Проф. С. Я. Вольфсон.

ЭКЗОГАМИЯ. [1]

Первичной и элементарной формой полового запрета, известной уж самым ранним ступеням первобытности, является запрет *возрастный*. Еще в эпоху превращения стадоподобных групп в примитивные орды наши отдаленнейшие предки устанавливали меж своими членами различных возрастов какие то грани, возбранявшие половое общение между ними. Мало-помалу эти грани стали более четкими и привели к возрастной дифференциации тех коллективов, в форме которых существовало первобытное человечество. Эти возрастные классы, олицетворяющие первичную форму полового запрета, совпадали обыкновенно с тремя поколениями,—старшим, средним и младшим, меж которыми создавалась сексуальная изоляция: половые партнеры могли избирать друг друга лишь в кругу определенного поколения, определенного возрастного класса

Наряду с этой, изначальной формой полового запрета, первобытность знает и другую, гораздо более сложную форму его, с легкой руки Мак-Леннана известную под именем *экзогамии* (от греческого exo—вне и gamein—вступать в брак).[2])

Экзогамия обозначает запрет членам данного первобытного общественного коллектива (орда, племя, клан) вступать в брак с членами того же коллектива. Если дать тому же явлению не негативную а позитивную формулировку, оно обозначает, что каждый член такого коллектива должен искать себе брачного контрагента в другом коллективе (здесь встречаются два варианта: или обязанность вступать в брак с членами данного, вполне определенного коллектива, или же право на брак с членом любого коллектива - за исключением своего собственного).

Вместе с экзогамией мы встречаем у первобытных народов и явление обратного порядка—эндогамию т. е. запрет вступать в брак вне коллектива, к которому принадлежит брачущийся (от греческого endon—внутри и gamein вступать в брак). Здесь, опять-таки, мы можем прибегнуть к позитивной формулировке и сказать, что эндогамия обозначает обязанность вступать в брак только с членами того же коллектива, к которому принадлежит брачущийся.

---

[1]) Глава из подготовляемой к печати работы „Социология семьи".

[2]) Факт экзогамии был известен и до Мак-Леннана, работа которого вышла в 1866 году. Энгельс уже указал, что раньше Мак-Леннана об экзогамии заговаривали Латам и Морган. Можно добавить сюда также Джорджа Грея, в тридцатых годах XIX века, путешествовавшего по Австралии и столкнувшегося у туземных племен с экзогамией.

Экзогамия представляет собою явление широчайшего распространения: нет почти народа, который не прошел бы через нее на определенных ступенях исторического прошлого, и миллионы людей подчиняются ей по настоящее время—один исследователь заметил, что лишь перечисление экзогамных племен современности заняло бы много страниц.

Однако, несмотря на такую широкую распространенность экзогамии и ее исключительную историческую живучесть, несмотря на то, что экзогамия является одной из узловых генеономических проблем, без освещения которой остается темным очень многое в эволюции брачно-семейных форм, наука до сих пор лишь *описала* экзогамию, но оказалось бессильной дать столь необходимое об'яснение ее возникновению. Некоторые исследователи, как например Эрнст Гроссе, настроены весьма скептически даже к самой возможности отыскать такого рода об'яснение и полагают, что науке придется ограничиваться в этом отношении лишь более иль менее остроумными догадками. Мы считаем такого рода скептицизм чрезмерным и полагаем, что при здоровом, критическом анализе огромного, от года к году увеличивающегося этнографического материала в интересующей нас области, решительно разрывая с идеалистическими спекуляциями и систематически учитывая те материальные факторы, которые обусловили экзогамию, наука может еще многое сделать.

Попытаемся теперь подойти поближе к основным гипотезам происхождения экзогамии.

Что толкнуло первобытного человека с его столь необузданными инстинктами наложить на себя узду экзогамии и заставить его разыскивать брачного партнера не по близости, а вдали от себя?

Сам Мак-Леннан, приковавший внимание науки к экзогамии, об'яснял ее помощью такой логически-спекулятивной догадки, которая уж давно не имеет ценности и упоминать о которой приходится лишь разве в порядке исторической постановки проблемы.

Ключ, помощью которого Мак-Леннан пытается вскрыть происхождение экзогамии,—факт распространенного среди первобытных народов умерщвления младенцев женского пола. Так как эти народцы часто не в состоянии прокормить себя, то дабы уменьшить численность населения, они прибегают к убийству новорожденных девочек, обусловленному тем, что женщина в то время в хозяйственной жизни играла ничтожную роль, подчас являясь лишь обузой для общества. Таким образом постепенно образуется нехватка женщин, которая компенсируется двумя путями: полиандрией, т. е. браком одной женщины с несколькими мужчинами и похищением женщин со стороны,—у чужих племен. Брак—похищение со временем становится столь распространенным явлением, что даже у множества цивилизованных народов брачная церемония содержит в себе символические следы похищения. Широкое распространение брака путем похищения до такой степени внедрилось в быт и нравы первобытных народов, что стало общепринятым заключать брак не со своими, а с иноплеменными женщинами. И тогда, когда отпали породившие этот обычай предпосылки, обычай стал уж всеобщим правилом.

Мак-Леннанова гипотеза целиком соткана из допущений, находящихся в противоречии с исторической действительностью. За шестьдесят лет, прошедших с тех пор, как она была формулирована, против нее было сделано с самых разнообразных сторон столько веских возражений, что она может считаться разрушенной. Я перечислю поэтому лишь основные из этих возражений.

1. Мак-Леннан преувеличил значение убийства девочек, как массового явлсния. Женщина на ранних ступенях первобытности, часто представляет собою высоко-полезную хозяйственную единицу (собирательница кореньев, помощница в охоте, походах и т. д.). Экзогамия сплошь и рядом возникает у племен, этого убийства совершенно не практикующих.

2. Убийство девочек, нигде и никогда не носившее *повального* характера, не могло резко изменить соотношение между мужской и женской частью населения, так как множество мужчин погибало в военных столкновениях и на охоте. Часто при похищении женщин имеет место и полигиния (многоженство), что опровергает их недостаточность внутри группы.

3. Экзогамия широко распространена и при матриархате, когда мужчина перекочевывает в клан жены; следовательно, брак—похищение и экзогамия отнюдь не являются сопутствующими явлениями.

С гораздо большим внешним успехом нежели Мак-Леннанова, претендует на правильность гипотеза Льюиса Моргана и Сомнера Мэна. Морган-Мэнова гипотеза отыскивает корни экзогамии в стремлении противодействовать бракам между лицами, которые связаны между собой кровно-родственными узами. Таким образом, детерминировавшей экзогамию предпосылкой об‘является противодействие кровосмешению. Экзогамия рассматривается, как средство, предупреждающее возможность появления хилого и болезненного потомства в результате кровосмесительных браков. К экзогамии прибегают—с точки зрения этой гипотезы—такие орды, которые на примере своих эндогамных соседей убедились в пагубном действии кровосмесительных браков, имеющих результатом вырождение орды—появление в ней уродов, идиотов, больных и т. д.

Основным грехом рассматриваемой гипотезы является то, что она приписывает первобытному человеку такую степень наблюдательности и такие логические способности, которые ему были далеко не свойственны.

Ниже мы коснемся того вопроса, насколько верно, что браки близких родственников дают уродливое и вырождающееся потомство. Но предположим пока, что это—бесспорный факт. Так мог ли, спрашивается, первобытный человек— Homo infans—, относительно которого ведется оживленная дискуссия, понимал ли он даже связь, имеющуюся между зачатием и рождением, подняться на такие вершины синтетических обобщений, с высоты которых можно лишь установить зависимость меж родственными отношениями супругов и сказывающимся иногда через несколько поколений вырождением потомства?...

Я полагаю, что на этот вопрос может быть дан исключительно отрицательный ответ. Ответ положительный обозначал бы уподобление первобытного человека с его примитивным, далеким от абстрактного мышления умом ученому евгенисту. Так поступить может лишь человек, одержимый иноскопией т.-е. чрез „культурные очки“ современности рассматривающий явления, отделенные от нас неизмеримо большими историческими расстояниями!...

Теперь укажем, что самый факт вредного влияния кровнородственных связей на потомство отнюдь не является бесспорным и подвергается современной наукой серьезным сомнениям. Многие выдающиеся авторитеты выступают в настоящее время противниками этого взгляда. Чтобы не задерживаться долго на этом специальном вопросе, я сошлюсь лишь на взгляды известного немецкого психиатра профессора Освальда Бумке.

Бумке считает, что кровные связи (Inzucht) усиливают наследствен-

ные тенденции, как хорошие, так и плохие. Суммируя наличные задатки сближающихся индивидуумов, кровная связь ведет как к вырождению, так и к улучшению вида. „Популярный взгляд на последствия кровных связей,—говорит Бумке—, весьма значительно отличается от этой точки зрения: в результате браков кровных родственников возникают будто бы всевозможнейшие болезни и уродства: кроме того моральная и интеллектуальная недостаточность, в довершение всего понижение способности к деторождению... Все это были впечатления и догадки: *научные исследования их не подтвердили*".[1]) (Курсив мой—С. В.)

В подтверждение этого положения Бумке ссылается на работы Шиллер-Титца, Пейперса, Крауссе, Майе и др. Исследования всех этих ученых опровергают ходячее мнение о пагубных последствиях кровных браков. Кроме того Бумке аппелирует к таким общеизвестным историческим фактам, как частые браки меж сестрами и братьями среди египетской, персидской и перуанской аристократии.

„В доме Птоломеев,—говорит он—, на протяжении семи или восьми поколений братья и сестры вступали в брак исключительно между собою, и известная царица Клеопатра была последним отпрыском этого рода. По Lorenz'у у нас нет сведений, чтобы монархи, вышедшие из этих браков, проявили себя чем либо ненормальным. А в Перу инки заключали такие браки даже в течение четырнадцати поколений без того, чтобы это привело к каким нибудь угрожающим или даже просто бросающимся в глаза явлениям... В Европе в большинстве сельских местечек люди связаны друг с другом сто и тысячекратными родственными связями...[2]) Общий вывод, к которому Бумке приходит по интересующему нас вопросу, гласит: „бракам между кровными родственниками нельзя приписывать, как таковым, сколько нибудь значительного влияния на развитие дегенерации. Если браки братьев и сестер в течение ряда поколений не ведут к дегенерации, то отдельные случаи браков между более или менее отдаленными по родству двоюродными братьями и сестрами, конечно, не в состоянии вызвать такого ухудшения вида, которое имело бы значение для всего вида в целом[3]).

Итак, отрицательные последствия кровных связей служат еще в наше время предметом серьезной научной дискуссии и отнюдь не являются установленным фактом. В крайнем случае здесь можно говорить о биологической тенденции. Так вот, приписывать человеку, который вел бродячий, звероподобный образ жизни, уловление этой тенденции,—не значит ли это совершать насилие над фактами?...

Добавлю еще, что эта тенденция должна была проявляться тем слабее, что и в замкнутые орды неминуемо вливалась время от времени „свежая кровь" со стороны,—это было результатом частых нападений на орду и сопутствовавших этим нападениям насилий над женщинами...

Как мы, наконец, об'ясним,—выводя экзогамию из противодействия кровосмесительству,—тот факт, что она очень часто ограничивается родством по женской линии, но совершенно не касается такового по мужской, и наоборот.

Каутский ссылается на пример индийцев, имеющих право вступать в брак с ближайшей родственницей с отцовской стороны (теткой, двоюродной сестрой и т. д.), но которым возбраняется брак с самыми

---

[1]) Проф. Освальд Бумке. Культура и вырождение. Пер под ред. проф. П. Б. Ганнушкина. Изд. Сабашниковых. М. 1926. Стр. 79.

[2]) Ibidem. Стр. 70.

[3]) Ibidem. Стр. 82.

дальними родственницами по клану матери[1]). Тоже, по свидетельству Ефименко, имеет место у самоедов. Самоед может жениться на сестре матери, но ему воспрещен брак с сестрой отца.[2]) У остяков при экзогамии разрешается, по сообщению Палласа, жениться на племяннице—дочери сестры. Максим Ковалевский показал, что у большинства племен дравитского происхождения экзогамические запреты, распространяются только на родство по отцовской линии.[3])

У северных бурят и в настоящее время запрещено половое общение лишь между братьями и сестрами и кузенами—первой, второй и третьей степени, только с отцовской стороны.[4])

Число этих примеров можно было бы без труда увеличить, так как они содержатся почти в любой истории брака.

О чем же они свидетельствуют?

О том, что экзогамия не была обусловлена пониманием со стороны первобытного человечества отрицательных действий кровнородственных связей. Если-б у него было это понимание, то экзогамический запрет одинаково бы касался родства и по материнской, и по отцовской линии.

Наконец, нельзя забывать, что экзогамический запрет иногда касается лиц ни в каком кровном родстве между собой не состоящих, а принадлежащих лишь к одному клану.

На основании всего сказаннаго мы имеем право утверждать, что гипотеза Моргана-Мэна не выдерживает критической проверки.

Я полагаю необходимым остановиться здесь и на том решении вопроса о происхождении экзогамии, которое предложил недавно Карл Каутский. Это сделать тем более необходимо, что предложенное Каутским решение, в сущности, реставрирует с некоторыми вариациями—гипотезу Морган-Мэна, и что оно знаменует собой разрыв с теми взглядами, которые развивал по этому поводу сам Каутский в широко распространенной его работе „Возникновении брака и семьи", написанной еще в 1882 году. В этой работе Каутский устанавливал, что экзогамия, становясь привычкой, постепенно превратилась в инстинкт, который в форме отвращения к кровосмешению сохранился и до нашего времени). „Однако, так как отвращение к кровосмешению не вложено в человека самой природой, то стали искать для него иных причин. Его постигла та же судьба, какая постигает и каждый рудиментарный инстинкт человека: за ним старались открыть какую нибудь определенную цель, а раз эта цель найдена, то ей, явлению вторичному и производному от инстинкта, отвели первое место, превратили ее в причину инстинкта. Этот рационалистический прием, исходящий из того предположения, будто в основе всего, что только человек делает лежит определенное понимание, будто он все свои поступки совершает постоянно с заранее обдуманной целью,—прием этот из отвращения к кровосмешению... сделал такой вывод, что во времена возникновения их люди обладали характерными для того периода знаниями природы". Ссылаясь на ряд доводов, говорящих против выведения экзогамии из отвращения к кровосмешению, Каутский продолжал: „Но вопреки всему этому, еще и по сей день господствует то мнение, будто невежественные и легкомысленные дикари, у которых нет ни малейших сведений о физиологии, все врачебное искусство

[1]) Каутский. Возникновение брака и семьи. Изд. 3-ье „Прибой" П. 1923. Стр. 62.

[2]) А. Ефименко. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. Стр. 171-172. Приведено у А. Максимова „Что сделано по истории семьи". М. 1901.

[3]) Максим Ковалевский. Родовой быт. СПБ. 1905. Стр. 132-137.

[4]) Проф. Б. Э. Петри. Внутри-родовые отношения у северных бурят. Иркутск. 1925. Стр. 32.

которых состоит лишь в чарах и колдовстве,—будто они сделали такое наблюдение, что кровосмешение вредно и вследствие этого запретили его,—так, примерно, как у нас введено принудительное оспопрививание. Но это значит приписывать дикарям вполне современный образ мышления“[1]).

В своей обширной, вышедшей в конце 1927 г., работе—„Материалистическое понимание истории“ Каутский произвел ревизию тех взглядов на экзогамию, которые он развивал сорока пятью годами раньше.

Теперь Каутский отправляется от кровосмешения, как исходного пункта для рассмотрении экзогамии. При этом он уделяет особое внимание тому обстоятельству, что замкнутый—в эпоху первобытности—характер человеческого общества значительно повышал вредоносность кровосмешения. В этой вредности же первобытный человек мог убедиться, наблюдая отрицательные результаты инцеста домашних животных, которых он начинал разводить.

Сознавая, однако, всю шаткость своих аппеляций к вреду кровосмешения, Каутский пытается выдвинуть некоторые новые доводы, которые, по его мнению, вносят необходимое понимание в вопрос генезиса экзогамии. „Я надеюсь все же“,—пишет он,—„что нашел удовлетворительный ответ благодаря тому, что принял в соображение то обстоятельство, что наряду с последствиями кровосмешения выявлялись и последствия скрещения. Контраст того и другого может так сильно проявиться, что мимо него не мог пройти и первобытный человек, который хотя и был очень наивным и невежественным, но который точно также, как и животное, во всем, что непосредственно касается его блага, является крайне острым наблюдателем“[2]). Каутский полагает, что первобытному человеку резко бросалась в глаза разница между племенем, в котором брачные союзы заключаются внутри него, и тем, которое эти союзы заключает во вне. В первом—женщины становятся безплодными или дают хилое потомство. Во втором—появляется крепкое и здоровое потомство. Первобытный человек не знает физиологической причины этого явления. Он об‘сняет его проклятием богов, тяготеющим над браком со своими и их благословением по отношению к бракам с чужими. Отсюда запрет первых и поощрение вторых. „Именно потому, что запрет подобных (родственных-С. В.) связей основывается не на научном воззрении, а на наблюдениях, которые связываются с фантастическими и мистическими представлениями коллектива, он принимает религиозную и этическую форму“...[3])

Совершенно очевидно, что Каутский в своих новейших взглядах выступает сторонником Морган-Мэновой теории экзогамии, в которую он вносит некоторые коррективы.

Коррективы эти, однако, нисколько не колеблют тех воззрений, которые мы привели выше против мысли о том, что запрещение кровно-родственных браков обусловлено их вредом для потомства.

Ведь, в самом деле, Каутский подменяет логическое осмысление первобытным человеком этого вреда мистическим страхом этого же человека пред кровно-родственным браком, дающим вырождающееся потомство. Но ведь для того, чтобы этот страх возник, необходимо наличие порождающего его фактора т.-е. факт гибельных последствий инцеста. Между тем, как мы указывали выше, этот-то самый факт

[1]) К. Каутский. Возникновение брака и семьи. Стр. 62.
[2]) Karl Kautsky. Die materialistische Geschichtsauffassung. Berlin. Verlag Dietz 1927 Erster Band S. 343.
[3]) Ibidem S. 347.

и берется современной наукой под вопрос. Следовательно, на нем нельзя базировать тех взглядов, которые развивает в настоящее время Каутский. Каутский предлагает лишь новую вариацию гипотезы Морган-Мэна, но эта вариация имеет те же предпосылки, что и сама гипотеза. Потому она обнаруживает свою несостоятельность пред лицом тех же доводов, которые опрокидывает эту гипотезу.

Мы считаем, что Каутский был прав тогда, когда протестовал против рационалистических приемов об'яснения экзогамии отвращением к кровосмешению и приписывания дикарям образа мышления современного культурного человека, а не теперь, когда он заявляет, что дикари и варвары придавали большое значение рассовой гигиене.[1])

Не более устойчива по отношению к критической проверке и попытка об'яснить возникновение экзогамии, которую, видоизменяя Морган-Мэнову гипотезу, делает ряд видных социологов, среди которых можно назвать Гелльвальда, Вестермарка, Фрезера и Мюллер-Лиэра. Исследователи эти, разобщенные друг от друга в своих генеономических взглядах серьезнейшими разногласиями, совместно защищают, однако, гипотезу, которую можно охарактеризовать как „теорию экзогамического инстинкта".

Для представителей теории экзогамического инстинкта совершенно очевидна несостоятельность Морган-Мэновой гипотезы, приписывающей первобытному человеку понимание вреда, который приносят с собой кровнородственные связи. Поэтому они, отстаивая самый факт противодействия первобытного человека кровосмешению, рассматривают противодействие это как результат инстинктивно-присущего человеку отвращения к половой близости с лицами, с которыми вместе воспитываешься и растешь. Совместная жизнь оказывает, по выражению Гелльвальда „притупляющее влияние" (eine abstumpfende Wirkung) на чувственное возбуждение[2]). Вестермарк также аппелирует к инстинкту который по его выражению, „в нормальных условиях делает половую любовь между ближайшими родственниками психологической невозможностью".[3])

Он же утверждает, что „существует врожденное отвращение против половых сношений между лицами, которые совместно жили с ранней юности, и что так как в большинстве случаев такие лица находятся в кровном родстве, то это чувство проявляется преимущественно в виде отвращения к половым сношениям между близкими родственниками"[4]). Той же точки зрения придерживается и Фрезер, для которого отвращение к кровосмешению таится не в действительном знании, а в чем то ином—„в бессознательном подчинении первобытных людей импульсу великих творческих сил, которые в физическом мире создают из низших форм бытия—высшие и в духовном мире из варварства—культуру". Любопытно, что к тому же взгляду примыкает и Мюллер-Лиэр, материализм генеономической системы которого в этом пункте уступает место вульгарному идеализму.

Мюллер-Лиэр трактует экзогамию, как „всеобщий закон органического мира". Для него экзогамия возникла в результате врожденного экзогамизма полового инстинкта, который должен рассматриваться „не только как вплоть до нашего времени существующий факт, но и... как всеобщий закон размножения органической природы. Эта „склонность к чужим женщинам", повела сначала к примитивной экзогамии..., затем

---

[1]) Ibidem S. 349.
[2]) Hellwald. Geschichte der menschlichen Familie. Leipzig 1889. S. 179.
[3]) Ed. Westermarck. Geschichte der menschlichen Ehe. Verl. Barsdorf Berlin. 1902. S. 319.
[4]) Ibidem S. 321.

и к примечательным брачным запретам“...[1]). Все приведенные высказывания отбрасывают нас непосредственно к Платону с его „неписаным законом“, предохраняющим красивых сестер от об‘ятий их братьев...

В самом деле, что обозначает аппеляция к „экзогамическому инстинкту“, как к ultima ratio половых запретов? Что этот инстинкт внедрен в душу человеческую какими то потусторонними силами, что это, говоря языком Фрезера, „импульс великих творческих сил“. Но это обозначало бы отказ от научной аргументации и переход на поповскую точку зрения „искры божией“... Или же усмотреть в этом инстинкте спасительную преграду природы от пагубных для человечества кровных связей? Но для этого надо было бы раньше всего быть непоколебимо уверенным в биологической гибельности этих связей. Из того же, что мы говорили рассматривая гипотезу Моргана-Мэна, ясно, что этой уверенности у нас отнюдь не может быть... О большой проблематичности отрицательных последствий кровнородственных связей говорили неоднократно и сами сторонники теории „экзогамического инстинкта“, тем подрубая сук на котором они сидят. Против этой же теории выступает и тот выше охарактеризованный факт, что экзогамия, как правило, ведет к половым запретам лишь по линии одностороннего родительства. Ясно, что если бы „экзогамический инстинкт“ был бы действительностью, а не фикцией, то он проявлялся бы в отношении всякого родства—безразлично с отцовской или материнской стороны.

Фикцией же заставляют нас назвать экзогамический инстинкт и следующие соображения.

Наряду с миллионами, подчинявшимися экзогамии, всегда существовали и миллионы, ее не признававшие. Мы выше называли уж египетскую, персидскую и перуанскую аристократию, среди которых были узаконены браки меж сестрами и братьями. Можно назвать и множество эндогамических народностей, у которых как правило брачные узы соединяют ближайших родственников. Жиро-Теллон указывает на ряд строго эндогамных негрских племен. Старке сообщает, что половые связи между родителями и детьми, между братьями и сестрами очень часты в Бразилии, среди племен, живущих по Амазонке и Рио-Негро, у чиппевьянов, у одной отрасли каренов; веддахи ставят брак с младшей сестрой выше всякого иного брачного союза.[2])

По сообщению Пешеля, в Египте две трети браков заключаются без всяких видимых дурных последствий меж детьми братьев и сестер. Поль Декан среди племен, у которых эндогамия ведет к постоянному кровосмешению, называет негриллов из Огоуйэ и Новой Гвинеи, ковбоев из Высокой Джамбии на Суматре, бушменов из Калагари, дайяков (Борнео), маори, алеутов, и веддов.[3])

Интересна реплика, которую Маркс подал в одном своем письме по поводу содержавшейся в Вагнеровском тексте Нибелунгов, фразы: „Слыхано ли когда нибудь, чтобы брат обнимал сестру, как супругу“. Маркс считал, что эта фраза искажает первобытность. „В первобытную эпоху“,—говорит он,—„сестра *была* женой, и *это было нравственно*“.

Если, вслед за Фрезером и Мюллер-Лиэром, считать экзогамический инстинкт врожденным в человеке, то придется, повидимому, об‘явить не подчиняющиеся этому инстинкту миллионы—дефективными.

---

[1]) Fr. Müller Lyer. Die Familie. Albert Langen Verlag. München 1921 S. 42 und 78-79.

[2]) К. Н. Старке. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. Изд. Л. Пантелеева СПБ. 1901. Стр. 307.

[2]) Paul Descamps. Les causes de l'exogamie et de l'endogamie. Revue de l'institu de sociologie. Bruxelles. 1927 № 1, p. 74.

Но на это вряд ли отважится самый рьяный сторонник рассматриваемой теории.

Добавлю еще, как характерный штрих, что у многих народов экзогамия распространяется лишь на брачные союзы, но ее запретительное влияние не касается „случайных“ связей, которые сплошь и рядом широко практикуются внутри какой либо экзогамной группы, равно и половых сближений во время всяких празднеств и церемоний. Так, например, у пермяков возбраняются браки между всякими родственниками, но и самое близкое родство не составляет препятствия для заключения любовных связей.[1])

Сошлюсь также и на свидетельство лица, которое произвело относительно недавно—уж в период мировой войны,—тщательное исследование общественных форм небольшого племени банаро, обитающего на севере Новой Гвинеи и изложившего результаты своих наблюдений в специальной монографии, „Община банаро“, появившейся в 1921 г.

Автор названной монографии Рихард Турнвальд пишет между прочим: „Все что фантазировали касательно смысла экзогамии, будто она выражает отвращение к кровосмешению, или даже, что она преследует рассово-гигиенические цели, совершенно необосновано, и в свете того, что определенно известно о первобытных народах, несоединимо с их знаниями и их представлениями о естественной взаимозависимости“.[2])

Подводя итоги всему сказанному насчет теории экзогамического инстинкта, мы видим, что у нас не больше данных признать ее правоту, нежели мы это можем сделать в отношении других разобранных выше гипотез.

Перейдем теперь к тому об‘яснению, которое дает возникновению экзогамии школа Зигмунда Фрейда.

Защищаемая Фрейдом гипотеза не может быть признана оригинальной. Глава психоаналитической школы в сущности восстанавливает с некоторым специфическим привеском ту теорию происхождения экзогамии, которую пытались в свое время обосновать Аткинсон и Лэнг, и с которой удачно полемизировал еще М. М. Ковалевский.

Названные авторы искали об‘яснения экзогамии в том, что тиранический глава орды, дабы монополизировать за собою владение всеми молодыми женщинами орды, насильно удалял за ее пределы всю мужскую молодежь. Последняя вынуждена была таким образом добывать себе женщин извне, со стороны. Но мало—по—малу, движимая чувством ревности полово-зрелая мужская молодежь восстает против отца-тирана и убивает его. Это убийство в свою очередь, ведет к распрям между становящимися сексуальными конкурентами братьями-победителями, что грозит распадом орды. Процесс распада однако, приостанавливается в результате вмешательства женщин, добивающихся компромисса между поколениями—сыновья оставляются в орде, но, отказываясь от близости с матерью и сестрами, обязуются не посягать на сексуальную монополию отца.

Посмотрим теперь, как излагает ту же теорию Фрейд. Отправной точкой его генеономического анализа служит Дарвинова первичная орда „Здесь только жестокий ревнивый отец, приберегающий для себя всех самок и изгоняющий подрастающих сыновей, и ничего больше... В один прекрасный день изгнанные братья соединились,

[1]) Н. Добротворский. Пермяки. Вестн. Европы. 1883 т. 4, стр. 565. Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. Журн. Мин. Внутр. Дел. 1858 т. 4, стр. 74. Приведено у А. Максимова Op. cit.

[2]) Dr. Richard Thurnwald. Die Gemeinde der Banaro. Stuttgart. Verl. Enke 1921. S. 181.

убили и с‘ели отца и положили таким образом конец отцовской орде. Они осмелились сообща и совершили то, что было бы невозможно каждому в отдельности.... Жестокий праотец был несомненно образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. В акте поедания они осуществляют отождествление с ним, каждый из них усвоил себе часть его силы.... Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремления к власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усиливавшихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния... То, чему он прежде мешал своим существованием, они сами себе теперь запрещали, попав в психическое состояние хорошо известного нам из психоанализа „позднего послушания“ (nachträglicher Gehorsam), они отменили поступок.... и отказались от его плодов, отказавшись от освободившихся женщин“[1]).

Такова, изложенная отрывками из самого Фрейда, его теория возникновения экзогамии. Уточняя эту теорию, он ссылается также на ее практическое основание. Это основание Фрейд видит в том, что будучи союзниками в совместной борьбе с отцом, братья в то же время оставались соперниками по отношению к женщинам. Их взаимная борьба была неминуемой и должна была принести гибель новой организации. „Таким образом братьям, если они хотели жить вместе, не оставалось ничего другого, как быть может, преодолеть сильные непорядки, установить инцестуозный (т.-е. кровосмесительный-С. В.) запрет, благодаря которому все они одновременно отказались от желанных женщин, ради которых они прежде всего и устранили отца.“[2])

Как мы видим, развиваемая Фрейдом точка зрения восстанавливает теорию Аткинсона-Ленга, придавая ей общую психоаналистическую устремленность. Поскольку так, против нее могут быть направлены все те доводы, которые в свое время Ковалевский с успехом использовал для опровержения взглядов Аткинсона и Ленга.

Предположим, что действительно молодые мужчины, вследствие завладения патриархом всеми женщинами орды, должны были добывать женщин извне. „Но что в таком случае, могло воспротивиться притязаниям патриарха на этих взятых со стороны женщин“?[3])

Ковалевский подчеркивал также, что „условия первобытной борьбы с животными и людьми не допускают возможности изолированной жизни или добровольного устранения старшим и нередко стариком всех сыновей, достигших половой зрелости и способных быть ратниками. С другой стороны, имеются свидетельства, позволяющие сомневаться в том, чтобы при кратковременности союзов, какой отличается первобытное общество, чувство ревности сказывалось с особенной энергией“[4]). Последнее указание Ковалевского находит себе подтверждение в многочисленных сексуальных обычаях первобытности, вроде сужания жен, „угощения“ гостя женой и, наконец, широко распространенной полиандрии. Сексуальное состязание ревнивого отца с сыновьями Фрейд, вслед за Аткинсоном, изображает по аналогии с тем, что происходит в табунах диких лошадей и быков, где иногда имеет место убийство животного—отца. Но такого рода вульгарное „зооло-

---

[1]) Prof. Sigmund Freud.-Тотем и Табу. Пер. д-ра Вульфа ГИЗ стр. 150-152.
[2]) Ibidem стр. 153.
[3]) Максим Ковалевский. Родовой быт. Стр. 126.
[4]) Максим Ковалевский. Стр. 127.

гирование“ общественной жизни первобытного человека не обладая никакой научной убедительностью, доказывает лишь, что допускающий его плохо разбирается в специфических особенностях исторической жизни людей, обуславливающих необходимый при анализе человеческой истории, скачок от зоологии к социологии, „от Дарвина к Марксу“.

Еще в „Происхождении семьи, собственности и государства“ Энгельс разоблачал истинную цену попыток на основе механически осуществляемых „зоологических уподоблений“ об‘яснять половые отношения первобытного человечества. „Из тех условий, в которых сейчас живут человекообразные обезьяны переход к человеческому состоянию был бы прямо необ‘ясним; эти обезьяны производят скорее впечатление сбившихся с пути боковых ответвлений, обреченных на постепенное вымирание и, во всяком случае, клонящихся к упадку. Одного этого достаточно, чтобы отказаться от параллели между формами семьи у них и первобытных людей. *Взаимная же терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности, была первым условием для образования таких крупных и прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека“.*[1] (Курсив мой—С. В.).

Для того, чтобы покончить с Фрейдовой гипотезой происхождения экзогамии добавлю еще, что ее основным грехом, как и всех, впрочем, генеономических взглядов этого виднейшего теоретика психоанализа, является игнорирование им социальной детерминированности половых отношений, „десоциализация“ их, по правильному выражению тов. Быховского.[2]).

На какие же размышления наводит нас сделанный разбор генеономических течений по вопросу о происхождении экзогамии. Мне думается, что из произведенного разбора можно убедиться в том, что ни обращение к физиологическому фактору, ни аппеляция к врожденным инстинктам, ни психоаналитическая трактовка инцестуозного запрета не дают искомого об‘яснения. Это об‘яснение находится за очерченными выше пределами. Мы должны попытаться поэтому осмыслить генезис экзогамии в свете социально-экономических предпосылок.

Некоторые исследователи экзогамии уже давно, правда довольно нерешительно, заговаривали о социально-экономической детерминированности экзогамии. Так мы встречаемся у Тейлора и у Поста с мыслью о том, что экзогамия явилась средством достигнуть солидарности между разрозненными группами и упрочить их взаимоотношения.

Уж неоднократно упоминавшийся нами М. М. Ковалевский,—которого, кстати сказать, сочувственно цитирует в своей работе о происхождении семьи и Энгельс,—в мемуаре, представленном IV С‘езду международного института социологов, также писал: „Ежедневная борьба с дикими зверями и враждебными им группами людей побуждала первые человеческие сообщества направлять все усилия к одной цели—не уменьшать, а наоборот, возможно увеличивать число собственных членов. Одно уже это обстоятельство должно было повести к установлению обычая добывать женщин со стороны“. В своем исследовании о родовом быте тот же выдающийся ученый подошел к экзогамии, как к обычаю, который ведет за собою увеличение оборони-

---

[1]) Фр. Энгельс. Происхождение семьи собственности и государства. Пер. под ред. Рязанова. М. 1922. Стр. 25.

[2]) Б. Быховский. Генеономические воззрения Фрейда. Под знаменем марксизма 1926 № 9.

тельных и наступательных средств тех родов, которые ее придерживаются.[1])

Высказанная при этом Ковалевским мысль о том, что союз с чужеродцами увеличивал и численный состав определенной родственной группы и ее производительные средства, бросает, кажется мне, значительный свет на интересующую нас проблему.

Тем, что в орду переселялся мужчина со стороны, мощь этой орды возрастала, увеличивалась ее рабочая сила, налаживались дружественные отношения с соседними ордами, к которым протягивались таким образом нити „свойства". Соединенные друг с другом брачными узами своих членов, орды превращаются в союзников, и тем самым экзогамия становилась фактором об'единения, давала толчек к образованию более широких группировок. Косвенным доказательством тому, что экзогамия преследовала цель завязывания дружественных межродовых отношений, служит упоминавшийся уж выше факт частого запрета *браков* внутри орды, при фактической легализации *кратковременных половых связей* в ее же пределах. Это обстоятельство показывает, что орде не было дела до способов удовлетворения сексуальных потребностей своих членов, но что она старалась использовать это удовлетворение в целях увеличения своей мощи и налаживания дружественных отношений с соседями. И поэтому экзогамия, как правило, возникает чаще всего там, где есть наибольшая нужда в межгрупповых об'единениях, в их взаимной поддержке, в совместной борьбе со стихиями природы, зверями и враждебными племенами, одним словом там, где на лицо хозяйственная заинтересованность в ней.

В пользу этого утверждения свидетельствует и то обстоятельство, что экзогамия большей частью означает не право свободного выбора брачного партнера за пределами той группы, к которой принадлежишь, а обратное,—обязанность произвести этот выбор из среды данной, определенной группы.

Так, если мы возьмем для примера, одно из основных австралийских племен—аранда или арунта, то мы увидим, что оно разделяется на юге на четыре и на севере на восемь брачных классов: каждый из членов данного брачного класса может вступать в брак лишь с членами какого-нибудь другого определенного класса.[2])

Здесь совершенно явственно сказывается стремление сблизиться и поддерживать дружественные отношения со строго определенной группой.

Наоборот, там, где живут разобщенно в силу природных условий,—на островах и в местностях, отделенных друг от друга лесами или реками, там находит себе почву эндогамия.

Она вытекает из привычки, образующейся вследствие вынужденной замкнутости орды,—того, что она варится „в своем собственном соку", что ее члены поставлены в необходимость вступать в брачные отношения лишь друг с другом. Здесь как и везде, привычка постепенно освящается, становится правилом, вызывает запреты поступать иначе. Таковы предпосылки эндогамии, у называемых Поль Деканом кайугвов и некоторых других групп, живущих в области Амазонки, у негриллов Огвуэ и Фернанд Вац, у бушменов Калагари, у дайяков, у минкопиев, у маори, у каров из Бирмы и многих других первобытных народцев.

---

[1]) См. Ковалевский. Op. cit. Стр. 128-9.

[2]) A. W. Nieuwenhuis. Entstehung der Ehe. Das Ehe-Buch. Celle. 1926. S. 58.

Попутно заметим, что эндогамия имеет иногда и предпосылки иного порядка: желания сохранить неприкосновенным облик данной группы, предохранить ее от постороннего влияния, от „чужой крови". Таковой является кастовая эндогамия, классические образцы которой находим в Индии. Тем же желанием продиктованы, повидимому, и эндогамные обычаи персидской, египетской и перуанской аристократии, которых мы уже касались выше. Тоже можно сказать относительно некоторых современных племен Британской Колумбии и Центральной Африки.

Наконец, не той же ли „эндогамической тенденцией", руководился небезизвестный профессор Томсен, когда он на происходившем в сентябре 1927 года в Берлине Международном генетическом конгрессе выступил с предложением создать особые „биологические ядра" для выведения племенных „музыкантов, ученых, атлетов и т. п." путем создания специальных, территориально-замкнутых колоний?!....[1])

Но вернемся к экзогамии. Вероятие социально-экономической мотивации экзогамии усиливается еще и соображением, которое выдвигает Генрих Кунов. На примере тщательно-изученных им австралийцев Кунов показал, что обладание женщиной, взятой в плен, похищенной или добытой каким либо иным способом из чужой орды, приносит мужчине гораздо больше пользы, нежели его сближение с женщиной из собственной орды. В последнем случае женщина сохраняла определенную самостоятельность, реагировала на дурное обращение, пользовалась защитой орды, наконец, могла порвать связь. Женщина, похищенная извне находилась в полном распоряжении похитившего ее,—она была почти на положении вещи.

Женщина нужна австралийцам, не только, как сексуальный об'ект, но и как помощница в кочевье, которая тащит за своим господином домашний скарб и собирает корни, ягоды, червей и т. д. Для этой роли, в силу изложенных причин, чужая женщина удобнее женщины из своей собственной орды.

Таким образом постепенно внедряется в сознание мужчины уверенность в том, что владение „чужой" женщиной гораздо удобнее, нежели своей. Эта уверенность со временем и создает привычку вступления в брак с женщиной извне, а привычка переходит в правило.

В конце концов это всеми признаваемое правило ведет к запрету заключать браки между членами одной и той же орды, людьми которые „tau wil yerr" т.-е. „одного мяса", одной плоти.[2])

Таковы моменты, говорящие о социально-экономической детерминированности экзогамии.

Было-бы неосторожным утверждать, что эта детерминированность уж в достаточной степени изучена нами: нет, наука только начинает „прощупывать" ее. Но все-же можно уже с уверенностью сказать, что поскольку генеономии удается вскрыть те двигательные причины социальной первобытности, которые призвали к жизни экзогамическую организацию, она этого добьется на пути уловления социально-экономической целесообразности экзогамии.

Экзогамия увеличивала рабочую силу орды—это было целесообразно.

Экзогамия протягивала нити содружества к соседним ордам—это было целесообразно.

Экзогамия укрепляла экономическую мощь орды—это было целесообразно.

---

[1]) См. Вестник Коммунистической Академии. 1927. Книга XXIII стр. 226.

[2]) См. Heinrich Cunow. Marxsche Geschichts, Gesellschafts—und Staatstheorie. Berlin 1923 B. 1. S. 117-120 и его же.—Происхождение брака и семьи. Стр. 6 и 51.

Экзогамия облегчала членам орды и кочевье, и охоту—это было целесообразно.

Все эти рассуждения ведутся на твердой почве исторического факта. И потому это—путь материалистической генеономии.

В заключение я бы хотел отметить, что нельзя прямолинейно противопоставлять друг другу экзогамию и эндогамию, а надо учитывать, что в исторической действительности они иногда выступают в своеобразном сплетении, характеризующем сексуальные нормы первобытности. При этом сплетении данная группа эндогамна во вне, но экзогамна внутри. Это значит, что эндогамная как таковая, лишенная право заключать брак за своими собственными пределами, группа в то же время разбивается на подгруппы, экзогамные по отношению друг друга.

Образцом такого рода эндо-и экзогамных отношений могут служить различные индусские касты, которым запрещается завязывать брачные отношения во вне.

Касты эти часто бывают разделены на подкасты, каждая из которых также строго эндогамна. Подкасты, в свою очередь, делятся на кланы и готры. Член же каждой готры может вступать в брак лишь с лицом, принадлежащим к другой готре того же клана.[1]) На лицо таким образом яркое проявление сплетения эндо-и экзогамного принципов...

---

[1]) Swen Lönberg. Der Klan. Berlin. 1921 S. 12.

И. Я. Герцык.

Экономическая теория Отмара Шпана.

I

Известно, какой кризис в послевоенный период переживает немарксистская политическая экономия.[1]) В то время, как по отдельным, особенно по чисто практическим, вопросам мы имеем целый ряд трудов первостепенного значения (в частности по вопросам денежного обращения и теории кризисов), нет той общей теории, как в свое время теория классической школы, позже исторической и психологической, которая могла бы об'единить вокруг себя большинство экономистов. Мы наблюдаем в этой области полный разлад, целый ряд теорий, за каждой из которых стоит ученый с небольшим числом своих учеников. Каждая маленькая школа считает себя единственной обладательницей „истины", а все остальные заблуждающимися. Но и эти школы, даже со своей точки зрения, не дают общего мировоззрения, общих основ нашей науки. О. Шпан (профессор Венского университета по кафедре политической экономии и социологии), принадлежит к числу наиболее видных немецких экономистов последнего времени, один из немногих, пытающихся подвести новый фундамент под разрозненные теории политической экономии. Его основной труд „Fundament der Volkwirtschaftslehre" [2]) как и брошюры, и статьи, посвященные экономическим вопросам, обратили на себя общее внимание специалистов.

Мы не имеем в виду передавать подробно всю обширную, детально разработанную, теорию нашего автора. Для нашей цели достаточно выяснить основные, наиболее важные, пункты этой теории. Изложим их возможно об'ективно, без комментариев, а потом уже перейдем к критике экономического мировоззрения, интересующего нас автора.

У Ш. теория политической экономии тесно связана с его общим философским мировоззрением. По его мнению, социальное мировоззрение является решающим для установления той или другой теории политической экономии. Он по этому вопросу резко расходится с огромнейшим большинством экономистов немарксистов. Ш. находит, что то или другое отношение к целому, к коллективу является определяющим для метода и развития общественных наук. Имеются два основных мировоззрения: индивидуалистическое и универсалистическое.

[1]) См. интересный труд Р. Штольцмана „Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie" Iena 1925. На этом вопросе остановился также я в моей статье „Новейшие течения в политической экономии в связи с проблемой кризисов" в Труд. Белор. Госуд. Унив. №№ 14—15.

[2]) Iena 1923.

Первое—индивидуалистическое или атомистическое—предполагает, что коллектив, целое составляется из отдельных частей, оно равно их сумме, подобно куче камней. Целого, помимо частей, не существует. Второе же, универсалистическое или коллективистическое, исходит из целого, как организма, об'единяющего отдельные клетки, оно (целое) больше, чем сумма клеток, оно то, что составляет их единство. Ш. не признает единой для всех обязательной научной истины. Он прямо заявляет: „основною ошибкою является предположение о существовании единой науки о народном хозяйстве.... Нет таковой.... До тех пор будут два учения о народном хозяйстве, пока в нашей науке не будет разрешен спор между индивидуалистическим и универсалистическим мировоззрением". Ш. предполагает, что ошибочный взгляд о единой науке укоренился только потому, что крупнейшие теоретики экономисты, сознательно или безсознательно, были сторонниками атомистического мировоззрения, между тем как представители другого направления, коллективистического, принадлежавшие к исторической школе, пренебрегали совершенно теоретической работой.[1]) Это различие в мировоззрении, находит наш автор, является решающим для всех основных вопросов нашей науки. „Выражают ли сущность хозяйства свобода конкуренции или его организованность, содействуют ли повышению производительности труда свобода торговли или протекционизм, в интересах ли накопления и правильного распределения социальная политика государственной власти или самопомощь населения—все это не вопросы политические, а чисто теоретические, разрешение которых зависит от общей установки основ науки".[2])

Ш. берет на себя установление фундамента экономической науки, выработку общих принципов, на основе которых и должно быть воздвигнуто здание политической экономии, соответствующее единственно правильному универсалистическому мировоззрению.

Но что такое народное хозяйство и каково его место в обществе? Ш., как идеалист по своему философскому мировоззрению, считает, что изначальным, все определяющим, является „духовное". Оно представляет собою цель общественной жизни, оно состоит из самостоятельных ценностей—религии, науки, искусства, семьи, брака (? И. Г.), одним словом, говорит наш автор, духовное делает достойной нашу жизнь и придает ей смысл и содержание [3]). Хозяйствование же занимается созданием средств, необходимых для достижения вышеуказанных целей. Имеется, следовательно, мир самостоятельных ценностей, а хозяйство выполняет служебную роль по отношению ко всем без исключения самостоятельным целям общества.

Все хозяйственные категории должны разрабатываться в связи с установленной основной точкой зрения. С этой же точки зрения и должен совершаться пересмотр нашей науки.

Возникновение науки экономии является плодом мысли не немецкой, а французской и английской. „Кене, а за ним Ад. Смит и Рикардо с их учениками строят в XVIII и XIX ст. здание экономической науки"[4]). Ш. считает нужным подчеркнуть, что принципы нашей науки, ее исходные пункты, установлены не эмпирически, не как результат изучения явлений жизни, а чисто дедуктивным путем. Они исключительно

---

[1]) O. Spann „Vom Geist der Volkswirtschaftslehre" приложение к „Fundament der Volkswirtschaftslehre" Iena 1923 стр. 348—349.
[2]) O. Spann „Vom Geist etc . . ." стр 349.
[3]) do „ 352.
[4]) O. Spann „Vom Geist etc" стр. 352.

представляют собою выводы из основ определенного общественного мировоззрения: теории естественного права, вытекающей из атомистической точки зрения, права каждой личности определять свои отношения к другим людям, исходя из своих лично эгоистических интересов и из стремления наиболее выгодно устроиться. Погоня за удовлетворением личных интересов составляет, по мнению указанных авторов, основной мотив хозяйственной жизни, она является выражением естественного порядка, „ordre naturel“. Вместе с „ordre naturel“, говорит Ш., введена в нашу науку еще более важная идея, предопределяющая весь путь развития политической экономии до настоящего времени, а именно признание, во первых, причинной обусловленности процессов народного хозяйства, во вторых, возможности исследования законов, которым эти процессы подчиняются, тем же методом, как и законов об‘ектов, подлежащих ведению естественных наук.

В связи с указанными положениями, самый важный для всей истории нашей науки тезис: народное хозяйство оформляется только через обмен. Хотя оно состоит из самостоятельных индивидуальных хозяйств, оно не аморфно. Каждый волен работать по своему желанию, но из стремления к выгоде отдельные хозяйствующие суб‘екты производят не все продукты, а немногие, обмениваемые ими на продукты других хозяйств, и таким образом содействуют наиболее продуктивной форме работы, возможной при разделении труда между многими хозяйствами. В обмене, следовательно, проявляется суть современного хозяйствования. Обмен об‘единяет все сообщающиеся друг с другом отдельные хозяйства. Обмен, по выражению нашего автора, является, с точки зрения индивидуалистов, общей платформой деятельности отдельных хозяйственных единиц. Обмен не только законодатель и руководитель производства, но также решающий фактор распределения народного дохода. Им определяется на рынке, какое количество продуктов каждый получает за предметы своего производства и, следовательно, какая доля достается каждому производителю из общего национального продукта. Вся теория народного хозяйства растворяется в теории цены и ценности, ибо все хозяйственные явления—производство, заработная плата, прибыль, рента, процент—ничто иное, как формы обмена.

Наконец, последний вывод очень важный для строгой, основанной на законе причинности, науки—приведение всех хозяйственных явлений к чисто количественным отношениям. Атомистическая точка зрения не терпит качественных различий. Она должна все качественные различия привести к количественным. И в этом отношении решающее значение имеет сосредоточение центра тяжести всей науки на процессах обмена, в которых количественные отношения особенно ясно выступают: 2 овцы=1 быку—количественное сравнение. Ищут общее, сравнимое, в таких различного качества хозяйственных продуктах, как бык и овца, и находят их в потраченном количестве человеческого труда. Ценность—застывший труд.[1]) „У Смита, Рикардо и Маркса ценность равна труду, поэтому сущность ценности и сущность хозяйства, закон ценности и закон хозяйствования идентичны“[2]). Немного выше Ш. заявляет „законы ценности для этого мировоззрения (любопытно отметить, что Ш. к сторонникам атомистического мировоззрения, ничтоже сумняшася, относит и Маркса И. Г.) суть законы производства и распределения, законы всего народного хозяйства“[3]). Между

[1]) O. Spann „Vom Geist etc“ стр. 358—360.
[2]) O. Spann „Fundament etc“ стр. 296.
[3]) do „ 295.

тем, отмечает дальше наш автор крупным шрифтом, не ценности, но функции (Leisten) главное в хозяйстве, не образование цен, но организация народного хозяйства основное в обмене. Ш. указывает, что в начале (im ersten Anbeginn) при еще „неиспорченном инстинкте" уделяли больше внимания основным процессам хозяйствования, а не ценам. Он ссылается на Фому Аквинского, на меркантилистов, теории которых о торговом балансе, о деньгах исходили из исследования народного хозяйства в его живой связи. Эту черту автор находит у физиократов, в „tableau économique", у Кери, Дюринга, Рескина, одним словом у всех предшественников классиков и у более поздних экономистов, не пошедших по пути, проторенному классиками[1]).

Отрицание основных посылок—основ индивидуалистического мировоззрения—требует пересмотра и всех указанных положений, составляющих, по мнению нашего автора, краеугольный камень экономической науки.

II.

Создателями в новое время основ универсалистического мировоззрения являются немецкие романтики. Из их рядов выделяется Адам Миллер [2]), по мнению нашего автора, основатель, творец романтической науки о народном хозяйстве. Ш. считает одинаково важными и положительную, и критическую часть его учения. Выступления Миллера против Ад. Смита, заявляет Ш., разбивают тяжеловесными ударами индивидуалистические основы системы. Его доводы, говорит Ш., были потом полностью восприняты исторической школой. Его исходной точкой является учение о государстве. Он начинает с борьбы против теории естественного права. Государство есть целое, неразрывное единство, а не союз самостоятельных индивидуумов, как полагают сторонники теории естественного права. Затем Миллер обращается против всех выводов смитовского учения. Его критика Смита является вместе с тем критикой капитализма. В своей критике он сосредоточивается не на характеризующих капитализм специфических формах народных бедствий, которые, почему то решает Ш., к тому времени еще не достаточно проявились, а на дезорганизованности народного хозяйства. Ад. Миллер противопоставляет конкуренции организацию хозяйства, на основе солидарности. Он не ограничивается материалистическим пониманием производительности, а считает нужным обратить внимание на „идеалистическую" производительность. Не только тот производителен, говорит Миллер, кто изготовляет нужные людям вещи, но и тот, кто непосредственно удовлетворяет человеческим потребностям, например, музыкант. Он обращает внимание на взаимозависимость и тесную связь производительных сил, из которых каждая зависит от высших производительных сил. Перестанет, говорит он, государство производить и частные (меньшие) производства, из которых состоит народное хозяйство, сами собою прекратятся. Индивидуалистическое понимание цены и ценности Миллер заменяет выяснением публичного характера ценности, т. е. взаимной связи всех ценностей и оценок, и приходит к выводу необходимости обоснования ценности не количеством потраченного труда, а пользою для общества.

Обращает особенное внимание Ш. на теорию денег Миллера: последний отказывается от товарнометаллической теории классиков и

---

[1]) O. Spann „Fundament etc." стр. 296.

[2]) Писатель и политический деятель начала XIX ст. (род. 1779 г. ум. 1829)

впервые высказывает мысль о бумажных деньгах, как выразителя живой национальной солидарности, национального кредита.[1] [2])

Но Ш. вынужден признать, что учение Миллера и в малейшей степени не так закончено, как учение индивидуалистов от Кене до Рикардо. Это, конечно, замечает наш автор, затормозило дальнейшее развитие нашей науки по указанному им пути, да и уже черезчур реакционные взгляды Миллера (он был одним из ближайших сотрудников Меттерниха), полагает Ш., мешают распространению его правильных экономических теорий.

Ш., являясь последователем идей Миллера, Фр. Баадера (род. 1765 г. ум. 1841 г.) [3]) (который, по мнению Ш., дает критику капитализма, во многом превосходящую марксистскую) и других представителей романтической школы, берется за трудное дело—установление и разработку основных принципов универсалистической политической экономии.

III.

Нами уже указано, наш автор, как идеалист, исходит из мира ценностей, мира априорных значимостей. Эти ценности представляют собою самоцель. Ни одна из признанных ценностей, заявляет он, не изолирована от других ценностей, а находится в постоянной связи с ними. Все ценности в совокупности представляют систему, в которой каждая занимает место, соответствующее ее рангу. Ценности классифицируются, как высшие и низшие. Этот мир ценностей, как априорный, находится в полной противоположности к миру подчиняющемуся закону причинности, т. е. к природе. Этот мир причин и следствий не знает никаких ценностей, он является чисто механическим движением, зависимым от закона необходимости, подобным колебанию морской волны.

Но мир ценностей проявляется вначале только в мысли и воле. Святость, истина, добро, красота будут одинаково ценностями, останутся ли они в мире идеалов, или будут воплощены в реальной жизни в мире причин и следствий. Но в этом грешном мире необходимы определенные чисто материалистического характера предпосылки для воплощения ценностей.

Все то, что служит для реализации ценностей является средством, функцией цели (Leistung). „Средства" служат для воплощения ценностей в жизнь и представляют собою соединительное звено между миром ценностей и миром причин и следствий. Другими словами, из всей необозримой, непрерывной цепи причин и следствий выделяются, как средства, явления, служащие для реализации целей (Leistungen). Понятие „средство" содержит в себе, по мнению нашего автора, два взаимно исключающих друг друга элемента. По действию закона причинности, они относятся к области внешней природы и занимают свое место в цепи механических, химических, физиологических, психических и других явлений в этом мире действительности. Как средства же для

---

1) O. Spann „Vom Geist etc." стр. 365—367.

2) Как это характерно для идеолога сословного строя, интересов крупных землевладельцев—дворян (каковым и был Ад. Миллер), имения которых большею частью заложены и перезаложены и которым выгодно платить долги падающей валютой! И. Г.

3) Баадер, как и Миллер, принадлежит к феодалистическому крылу экономистов первой половины XIX ст., так ярко изображенных в „Коммунистическом манифесте" в главе „Феодальный социализм". Баадер был сторонником отмены свободы промышленности и установления цехового строя, принудительного об'единения рабочих в профессиональные союзы, во главе которых должны стоять священники, как вожди и защитники интересов пролетариата (см. O. Spann „Die Haupttheorien der Volkswirtschafslehre" Leipzig 1920 стр. 100)

осуществления ценностей, целей, они являются подготовительной ступенью к ценностям, даже членом в мире ценностей. В отдельных случаях они могут быть и самоцелью, но, если они служат для осуществления других целей, например, истина на службе у полезного, то они относятся к сфере средств. „Поскольку она (ценность) служит другим целям, она средство, поскольку же ей служат, она высшее, самоцель,“[1]) „математические формулы, использовываемые для построения моста—средства, сами по себе—ценность“[2]). Хозяйство и есть совокупность средств для осуществления целей. Средства, заявляет наш автор, не должны быть смешиваемы с целями, ибо они различаются, как огонь и вода, поэтому наслаждение, потребление, как цель, должны быть строго отделены от хозяйства. Потребление не последний акт хозяйствования, но самоцель, ценность, оно вне всякого хозяйства.[3])

Определение хозяйствования, как совокупности средств для осуществления целей, Ш. считает однако недостаточным. Необходимы еще ограничительные признаки. Отношение средств к цели не является еще хозяйствованием. Оно может быть безхозяйственным, если средства имеются в изобилии, как воздух для дыхания, или, если земля, рабочие силы, средства производства и предметы потребления имеются в таком количестве, что все потребности могут быть удовлетворены. Только тогда имеет место хозяйствование, когда не все цели могут быть осуществлены, когда чувствуется недостаток в средствах, когда приходится учитывать и устанавливать порядок достижения целей по их значимости. Тогда появляется необходимость накопления, т. е. отказа от удовлетворения ближайших потребностей в интересах будущих, более важных целей.

И так, основными признаками хозяйствования являются совокупность необходимых для достижения целей средств, их недостаточность, учет и установление порядка достижения целей по их значимости.

Теория о „средствах“ (Leistungen), взятая, как схема, пишет Ш., заключает в себе вечное, сверх‘историческое содержание, она применима ко всем фазам народного хозяйства, ко всем хозяйственным воззрениям (Wirtschaftsgesinnungen), оно чистое, абсолютное учение о народном хозяйстве. Это учение подходит в общих чертах, по мнению Ш., для замкнутого, городского, товарного и социалистического хозяйства[4]).

Как система ценностей, система целей, в которой каждая ценность занимает надлежащее ей по рангу место, совокупность средств тоже представляет нечто целое, ибо каждое из средств удовлетворяет не одной, а нескольким целям, в связи с другими средствами. „Земля в сельском хозяйстве, машина и сырье на фабриках, железные дороги, капиталы и кредиты банков, работа в этих и других отраслях народного хозяйства—все эти факторы выполняют свое предназначение в организме народного хозяйства“[5]).

Как измеряются различные „средства“, как устанавливается их отношение друг к другу? Ш. находит, что отношение их определяется их местом в обшей системе народного хозяйства, той пользой, которую они приносят. Это отношение, цена и ценность продуктов, заявляет Ш., измеряется их предельной полезностью; по этому вопросу, как мы видим, автор принимает теорию австрийской школы (с некоторыми оговорками)[6])

---

[1]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 23.
[2]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 24.
[3]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 37-38.
[4]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 191.
[5]) do „ 76.
[6]) do „ 83, 94.

Быстро, по кавалерийски, расправляется Ш. на полутора страничках с трудовой теорией стоимости. Его основное возражение: работа, такое же средство, как и другие элементы (естественные силы, капитал и т. д.) и оценивается она по ее достижениям в общей системе народного хозяйства[1]).

Все „средства“ делятся на активные и пассивные. К активным могут относиться только действия людей, человеческая рабочая сила. К пассивным все вещные средства, которые называются благами. Впрочем и рабочая сила, находит Ш., в зависимости от условий, может быть отнесена к пассивным, или относительно пассивным „средствам“.[2])

Подобно Менгеру и Бем-Баверку, Ш. делит блага на непосредственные (потребительные) и посредственные (производительные) блага или капиталы. К первым относятся все те блага, которые служат для непосредственного удовлетворения потребностей; к капиталам или посредственным благам относятся те блага, которые не могут непосредственно быть использованы для удовлетворения потребностей, а служат для создания других благ, например, сырье, машины, мелиорация, железные дороги и т. д.

Ш. различает капиталы низшего и высшего порядка; к последним он, как и Ад. Миллер, относит институты, необходимые для функционирования непосредственных и посредственных благ: законодательство, в частности торговые договоры, государственный аппарат и т. д. Все эти организации, заявляет Ш., не условия хозяйствования, как предполагают многие экономисты, а часть, и необходимая, самой хозяйственной системы, которая, соответственно приносимой ею пользе, получает свою оплату в виде, хотя бы, налогов[3]). Нашей науке о хозяйстве, пишет Ш, так мало ясно значение капиталов высшего порядка, что она работу судьи, государственного деятеля считает непродуктивной. Это, по его мнению, неверно. Работа государственного человека имеет первостепенное значение. Всякая работа, всякое благо могут быть полезны на своем месте, лишь если им предоставляют возможность проявиться государство или другие общественные организации. Купец не может совершать заграницей никакие сделки без содействия государственного деятеля, заключающего торговые договоры, устанавливающего таможенное управление и т. д. Или, может ли купец совершать внутри страны кредитные сделки, в частности вексельные, без вексельного права и закона о кредитах, без гражданского права, устава о наказаниях? Наука о народном хозяйстве, замечает далее наш автор, поставила на ненадлежащее место этот важнейший фактор всякого хозяйствования (государственную власть и законодательство), указав ему место вне хозяйства и определив его лишь, как условие хозяйствования[4]).

Вполне последовательно со своей точки зрения, наш автор считает труд всех тех, кто оказывает личные услуги—лиц свободных профессий, прислуги и т. д.—, относящимся к хозяйственной сфере и производительным, так как они выполняют средства для определенных целей. „Результаты личных услуг, пишет Ш., содержатся также в общем итоге годового производства народного хозяйства, как и результаты сельского хозяйства и промышленности. Личные услуги отличаются тем, что они большею частью немедленно потребляются,

---

1) O. Spann „Fundament etc. стр. 83—4.
2) do „ 90.
3) O. Spann „Fundament etc. стр. 101,103.
4) do „ 178-179.

между тем как продукты промышленной работы более продолжительно действуют, но это второстепенный признак и особого значения не имеет. То, что производят лакеи, кельнера, артисты, государственные деятели не отличается от производства тех ремесленников, которые изготовляют быстро потребляемые продукты, как, напр., пекари, хозяева гостинниц, кондитерские и т. д. Совершенно поверхностно представление, что слуги получают свое содержание из дохода господ, артисты от зрителей. Слуги и артисты также продают свои услуги и получают соответствующий эквивалент, как сапожники и портные"[1]).

Непродуктивны, говорит наш автор, только те сословия, которые действительно паразитичны, т. е. вредны для целей общества, напр., игроки, лица разных других нечистоплотных профессий[2]).

IV

Мы считаем лишним излагать различные виды классификации систем народного хозяйства, устанавливаемые Ш. с разных точек зрения. Мы остановимся лишь на делении хозяйственных систем на два типа, которому наш автор придает особое значение—на моногенетические и полигенетические системы хозяйства.

Моногенетические системы хозяйства представляют единое целое, стремящееся к одной цели.

К моногенетическим системам хозяйства относятся хозяйство Робинзона, замкнутое хозяйство. К типу моногенетических систем Ш. также относит каждое отдельное предприятие, каждую фабрику, заведующий которой стремится к одной цели—скажем, замечает Ш., производить возможно дешевле.

Полигенетическое хозяйство составляет об'единение нескольких или многих моногенетических хозяйств в высшее единство. В такой системе каждое действие в отдельном хозяйстве служит индивидуальным целям предпринимателя, но эти действия отдельных хозяев уже не являются независимыми друг от друга, но образуют покоящуюся на единстве взаимность. Моногенетические хозяйства являются посредствующим звеном, благодаря которому отдельные процессы становятся частями единства высшего порядка. Обмен и является той формой связи, которая об'единяет отдельных хозяйствующих суб'ектов. Каждое хозяйство однако обменивает свои продукты на продукты других хозяйств только с целью удовлетворения потребностей своих членов, но не высшего единства. Поэтому единство полигенетических хозяйств менее крепкое, менее устойчивое, чем моногенетических. В моногенетическом хозяйстве соответствие отдельных действий требуется единством целей. В полигенетическом единой цели нет, но действия индивидов в отдельных хозяйствах находятся в связи с действиями в других хозяйствах; так, сапожник не может шить сапоги, если пекарь не будет печь для него хлеб, если портной не сошьет ему костюма и т. д. Поэтому и в полигенетическом хозяйстве известное соответствие, пропорциональность являются также необходимым условием существования и развития хозяйственной системы.

Полигенетические системы не только вносят изменения в организацию отдельных хозяйств, но и вызывают целый ряд новых хозяйственных явлений, обусловленных обменом и тесно связанным с ним разделением труда, появляется рынок, в дальнейшем биржа, банки, кредит и т. д.

---

[1]) O. Spann „Fundament etc. стр. 232—3.
[2]) do „ 241

Анализируя сущность акта обмена, Ш. заявляет, что обмен не есть совокупность нескольких или многих независимых действий отдельных хозяйственных единиц, как предполагают со времен Смита сторонники атомистического мировоззрения. По их мнению, полагает Ш., каждый производит, согласно своему желанию, и обменивает на нужные ему продукты. Наш же автор считает обмен проявлением целого, коллектива, частями которого являются отдельные хозяйства. [1]) Обмен, как выше уже указано, видоизменяет характер деятельности отдельных хозяйств, заставляет их приспособляться друг к другу.

Ш. устанавливает также законы, действительные для моногенетического и полигенетического типов хозяйства.

Из законов, которые наш автор относит к моногенетическому типу хозяйств, мы отметим следующие: 1) закон убывающего плодородия почвы, который обозначает, что при одинаковых прочих условиях увеличение капитала и труда не приведет к соответственному увеличению производительности, если невозможно увеличение других факторов производства (например, на участке, на котором могут быть увеличены затраты труда и капитала, но не влияние лучей солнца, орошения и т. д.) 2) Закон концентрации капитала, который Ш. считает законом внутреннего органического строения предприятия, т. е. что крупное предприятие обладает большей производительной силой, чем мелкое. 3) Закон Энгеля, согласно которому в маленьком хозяйстве издержки на пищу составляют больший процент всех издержек, чем в крупном[2]).

К законам полигенетического хозяйства относятся по Ш. законы обмена, покупки, продажи; выпуска банкнот, закон Грешема (плохие деньги вытесняют хорошие из обращения), теории биржи, банкового дела и т. д.[3])

В каждом хозяйстве обязательно повторение хозяйственного процесса. Кругооборот или периодичность хозяйственного процесса составляет жизненный закон хозяйствования. Повторение процесса хозяйствования имеет своей причиной повторение постановки целей, реализация которых составляет задачу хозяйства.

Изменение целей приводит, конечно, к изменению средств. Старый процесс хозяйствования уже не может больше повторяться. Тоже самое наблюдается при введении новых „средств", благодаря новым формам производства, новым машинам, новым источникам сырья. Эти изменения, вследствие необходимости соответствия всех процессов хозяйствования, не могут ограничиться только непосредственно затронутым новым явлением процессом хозяйствования, а отражаются на всей совокупности хозяйственной жизни, и в результате новое распределение хозяйственных благ. Ш. это переустройство называет реорганизацией (Umgliederung) или развитием в широком смысле слова. „Если мы соответствие или пропорциональность отдельных частей хозяйственного организма уподобляем механическому равновесию, то изменения, вызванные реорганизацией хозяйства, составляют его динамику"[4]).

Изменения, распространяющиеся на все сферы хозяйства и сопровождающиеся нарушением всего хода хозяйственной жизни, приводят к кризису. Кризис представляет собою нарушение соответствия, пропорциональности между различными сферами хозяйства. Как процесс, он приводит более или менее насильственными и разрушитель-

---

[1]) O. Spann „Fundament etc." стр. 129.
[2]) O. Spann „Fundament etc." стр. 278—9.
[3]) do „ 280—284.
[4]) O. Spann „Fundament etc." стр. 125.

ными способами к созданию новой пропорциональности в хозяйственной системе. Например, введение механического ткацкого станка вызывает массовую безработицу среди ремесленников и приводит к новому распределению рабочих сил. Продолжительность и трудность этого процесса имеет своим следствием кризис в ткацком производстве и распространение кризиса на другие отрасли производства, находящиеся в связи с ткацким. [1])

Ш. приводит также примеры новой установки целей, как причины кризисов. Изменение, напр., моды, обычаев, поведения—замена черного шелка цветным. Или, если чехи перестанут покупать товары у немцев, юдофобы у евреев, немцы у англичан и т. д. Бойкот, таможенная война и другие подобные явления, пишет Ш., не должны рассматриваться с точки зрения народного хозяйства, хотя они и оказывают на него огромное влияние и даже могут привести к его крушению: они относятся к области целей, как вся политика государства, как и войны“[2]) По мнению Ш., реорганизация основ данной системы хозяйства, как возникновение капитализма и замена его другим хозяйственным строем, исторически весьма важное явление, не относится к науке о хозяйстве.[3])

Экономическое об‘яснение процессов, являющихся следствием переустройства народного хозяйства, Ш. называет законами реорганизации народного хозяйства (Verschiebungsgesetze). Изложенный нами в другой связи, в числе законов моногенетического хозяйства, закон о преимуществах крупного производства перед мелким, крупного состояния перед малым, приводит, говорит Ш., в своем повторении, в своем развитии к изменению соотношения между предприятиями, между крупными и мелкими состояниями, благодаря победе крупных. Рост крупных капиталов совершается быстрее мелких.[4]) К законам реорганизации также относятся, по мнению Ш., учения о последствиях войны или учения о последствиях изменений законодательного характера, по терминологии Ш., „изменений капитала высшего порядка“, как влияние сокращения рабочего дня, обязательного страхования, новых налогов, новой валютной политики и т. д., даже изменение нравов и обычаев (изменение целей).

V.

Ш. считает возможными логически (но не исторически) 4 типа общественно-хозяйственных систем: 1) полигенетическое хозяйство, основывающееся на товарообмене, свободе конкуренции и невмешательстве государства в хозяйственную жизнь, 2) та же система, но регулируемая государством, 3) хозяйственная система с явно выраженным национальным характером и наконец 4) коммунистическая система.

Первая система является вместе с тем логически первою ступенью связи между отдельными хозяйствами. Эта связь далеко недостаточна, хозяйство имеет аморфный характер

Второй высшей ступенью будет регулирование хозяйственной жизни государственной властью, или, по выражению нашего автора, капиталом высшего порядка. Интересно, как Ш. обосновывает свою мысль. Он указывает, что существование различных отраслей производства, различных даже природиых богатств не создает единства.

---

[1]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 125.
[2]) „ do „ 68—69.
[3]) „ do „ 240.
[4]) Закон концентрации капиталов, заявляет наш автор, приводится лишь примерно, как закон реорганизации, в предположении, что этот закон (концентрации капиталов) сам по себе верен. Ш. противоположного мнения. См. его „Fundament etc.“ стр. 291, также „Der wahre Staat“ Leipzig 1923 стр. 149-155.

Железные и каменноугольные залежи в Вестфалии, железная руда в Штирии, заявляет он, не об'единяют еще германский народ; распоряжаться этими богатствами могут только владельцы копей и обрабатывающие сырье предприниматели, жители же других областей не имеют к ним отношения и могут их получить лишь путем обмена. Только государственная власть способна создать высшее единство. Железо, уголь и другие продукты, благодаря пошлинной охране, системе фрахтов, административным мерам становятся доступными членам данного общества на иных основаниях, чем жителям других стран.[1]) Государственная политика, следовательно, устанавливает определенную специфическую связь между жителями одной и той же страны.

Еще более об'единяется хозяйство национальным характером населения, единством целей. Наш автор в пример приводит разные сорта пива, которые производятся в Германии в различных местностях и которые дальше этих местностей не идут, также другие отрасли промышленности, работающие на специфический вкус жителей данной нации. Эти особые потребности, создаются, пишет Ш., историей и культурой данного народа, они составляют особую систему целей, для достижения которых и работает национальная промышленность. „Если бы у нас появились жители луны, у которых совершенно другие, чем у нас, потребности, то их хозяйство было бы совершенно изолированным от нашего. Им нечего было бы покупать у нас, как и нам у них. По отношению к целому ряду товаров, это явление имеет место и в настоящее время"[2]) Нация стремится к возможно полному развитию хозяйственных сил для удовлетворения всех своих потребностей. Развитие хозяйственной жизни должно привести ко все большему единству отдельных национальных хозяйств, а не, заявляет Ш., к единству „так называемого мирового хозяйства". [3]) Наш автор поэтому считает мировое хозяйство крайне несовершенной системой. Оно основывается, говорит он, на свободе конкуренции и служит весьма ограниченным общим целям, оно регулируется только в незначительной степени „капиталом высшего порядка" (общепринятые торговые обычаи, международные торговые договоры и т. д.). Возможность дальнейшего развития в направлении большого об'единения отдельных стран кажется нашему автору весьма проблематичной. [4])

Четвертая логически возможная система хозяйства, как указано выше, коммунистическая. Автор верно замечает, что при этой форме хозяйства система перестает быть полигенетической и опять становится моногенетической. Все хозяйственные процессы совершаются по общему плану. Ш. крайне легковесно расправляется с коллективизмом, старается доказать его неосуществимость доводами, заимствованными у разных авторов, в том числе у своего коллеги по университету проф. Л. Мизеса, который считает социализм невозможным из за отсутствия рынка, отсутствия механизма ценообразования и, следовательно, учета.[5]) Эта „критика" не представляет никакого интереса и, если мы о ней упоминаем, то только чтобы указать, что наш автор приходит к следующему выводу: имеются только две основных системы хозяйства

---

[1]) Ш. напрасно не добавил, что „иные основания" получения продуктов жителями данной страны отличаются только тем, что граждане опекаемой страны покупают их по более высоким ценам, чем жители других стран, иногда даже благодаря субсидии правительства предпринимателям И. Г.

[2]) O Spann „Fundament etc." стр. 163.

[3]) O Spann „Fundament etc." стр. 199-194.

[4]) O Spann „Fundament etc." стр. 168-169.

[5]) Критика теории Мизеса мною дана в ст. „О некоторых проблемах политической экономии" в Трудах Белорусск. Госуд. Унив. кн. XI стр. 26.

которые оправдали себя в историческом развитии—1) капитализм, умеряемый социально-политическими и другими мерами государства и 2) сословноцеховое хозяйство. Остальные системы утопистичны.[1]) Ш., как известно, сторонник сословноцехового строя.[2])

Для полной характеристики экономической системы нашего автора, нам остается только в немногих словах изложить его мнение о методе политической экономии и месте, занимаемом этой наукой в ряду других наук.

Как указано выше, согласно определению Ш., народное хозяйство представляет совокупность средств для достижения целей, систему средств. Наука о народном хозяйстве, заключает наш автор, не может поэтому основываться на законе причинности. Она наука нормативная, ее законы—законы соответствия средств целям. Ш. признает, что его мнение противоречит общепринятому, берущему, как он полагает, свое начало от Кене и Рикардо. Он даже затрудняется обосновать свое мнение, так как, пишет он, современная логика мало разработана, она преимущественно логика естественно-научных исследований. Он различает три типа нормативных наук: 1) науки о целях, ценностях, как спекулятивная метафизика. Эти науки изучают, выясняют, устанавливают ценности. Ценности не получаются путем опыта, они результат предпосылок теологического и метафизического характера. 2) Науки, разбирающие и анализирующие данные первым типом ценности—дисциплины юридические. Они оформляют и определяют ерархию различных ценностей, подводят отдельные случаи под общие принципы и наконец 3) наука о хозяйстве, изучающая отношение средств к целям, располагающая их в систему и изменяющая эту систему, как в соответствии с изменением данных ей и неподлежащих ее суждению целей—ценностей, так и с изменением тех условий, которыми она пользуется для реализации поставленных целей. [3])

VI.

Переходя к критике теории Ш., считаю нужным заметить, что останавливаться специально на философских воззрениях его не буду, я их буду касаться лишь постольку, поскольку они отразились на его экономической теории.

Основным в своей теории Ш. считает, как мы убедились из вышеизложенного, изучение экономических явлений с точки зрения универсалистического мировоззрения. Последнее, по его об'яснению, в противоположность индивидуалистическому, видит в обществе не собрание отдельных, независимых, самостоятельных личностей, но нечто целое; личности части целого, зависимые от него и друг от друга. Политическая экономия, как и другие общественные науки, имеет своим об'ектом человека в обществе, она изучает определенные явления общественных отношений людей. Ш., как мы знаем, резко выступает против сторонников атомистического мировоззрения, основоположников нашей науки, он считает необходимой реформу теории экономии. Но разве наша наука остановилась в своем развитии на учении классиков и их эпигонов? Ш. совершенно прав, когда указывает, что представители исторической школы, ведя борьбу против индивидуализма и атомизма классиков, сами не внесли ничего нового в общую теорию экономической науки. Но уже, начиная с сороковых годов, Маркс и его

[1]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 165.

[2]) См. мою статью „Социальные воззрения О. Шпана“ в Труд. Белорусск. Госуд. Унив. № 21.

[3]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 297-302.

школа, а также Родбертус, ведут непрестанную борьбу в течение десятков лет против атомистических воззрений в политической экономии. Кто так едко и остроумно, как Маркс, высмеивал робинзонады классиков и их последователей? Замечания Маркса на эту тему, в изобилии разбросанные в его сочинениях, могли бы составить целую книгу. Ограничимся парой цитат из статьи, написанной в 1857 г. „Человек есть в буквальном смысле zoon politikon, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленных личностей вне общества, возможное, как редкое исключение, для цивилизованного человека, случайно заброшенного в необитаемую местность и динамически уже в себя самом носящего общественные силы, такая же безсмыслица, как развитие языка вне совместно живущих и друг с другом говорящих индивидов". Немного выше мы читаем „единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии химерам восемнадцатого века"[1]).

Но Маркс не ограничивается выяснением неправильности атомистических воззрений, он об'ясняет также причину их возникновения. В цитировавшейся статье он пишет „мы имеем здесь дело с предвосхищением буржуазного общества, которое начало развиваться с шестнадцатого столетия, а в восемнадцатом сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельная личность является освобожденной от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали из нее составную часть некоторого ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам восемнадцатого столетия, на плечи которых еще целиком опираются Смит и Рикардо, этот индивид восемнадцатого века, продукт, с одной стороны разложения феодальных общественных форм, а с другой новых производительных сил, начавших развиваться в XVI веке, представляется идеалом, существование которого относится к прошлому— не результатом истории, но ее исходным пунктом"[2]).

Маркс первый отметил фетишистский характер товарного хозяйства. Он наиболее последовательно и блестяще развил основную идею нашей науки, что все экономические явления суть общественные отношения людей, и только как таковые они и могут изучаться. Маркс также во всех своих сочинениях по экономии, начиная с „Капитала", обращает внимание на преувеличение экономистами роли обмена в хозяйстве. Всюду подчеркивая неразрывную связь и взаимозависимость между отдельными процессами хозяйствования, Маркс отмечает примат производства по отношению к другим процессам хозяйства. В не раз цитированной уже нами статье мы читаем „что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению, как к распределению продуктов. Но, в качестве распределения агентов производства, оно само есть момент производства. Определенная форма производства обусловливает таким образом определенные формы потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу"[3]). Ш. не только не упоминает об этом, но относит даже Маркса, как нами указано в главе I настоящей работы, к представителям атомистического направления. Ш., как идеолог феодально-цехового

---

[1]) Маркс „Введение в критику политической экономии" в сборнике. „Основные проблемы политической экономии" под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина (Госуд. Издат. 1922 стр. 5—6).

[2]) Маркс „Введение к критике" стр. 5—6.

[3]) Маркс „Введение и т. д." стр. 23.

строя, видящий задачу жизни в борьбе с марксизмом, очевидно не в состоянии об'ективно разобраться во взглядах своего великого противника. А ведь в теории то Ш. знает, как надо поступать. В его работе „Главные теории науки о хозяйстве", в числе полезных правил начинающим ученым, имеется также указание, как относиться к идейному противнику. „Неправильно, пишет он, изучать противника с заранее предрешенным намерением его опровергнуть... Надо уметь выслушать противника, проникнуть в суть его доказательств, чтобы воспринять всю заключающуюся в них правду. Только идя этим путем, можно остаться верным научной истине и выполнить задачу критики и самозащиты"[1]). Вот уж где уместно напомнить „врачу исцелися сам".

Но этого мало. Ш., считающий необходимым в своей борьбе с противниками неуклонно проводить универсалистическую, по его терминологии, точку зрения, не в состоянии на ней удержаться. Он часто скатывается на рельсы, опровергаемого им атомизма. В своем основном труде по экономии он заявляет: „В действительности социальные или меновые отношения хозяйств являются внутренним логическим продолжением индивидуально хозяйственной деятельности... Следовательно, все элементы меновых отношений необходимо должны быть приведены к робинзоновским отношениям, ибо каждое меновое отношение может быть также понято, как индивидуальное действие... С одними и теми же основными принципами мы встречаемся в индивидуальном и меновом хозяйстве"[2]). Р. Штольцман по поводу этой цитаты правильно замечает „Что понимает Ш. под хозяйством Робинзона? Есть ли это хозяйство настоящего Робинзона, который предполагается нами вне товарного мира, или это хозяйство частное, социально связанное с другими хозяйствами... Ш. ведь говорит о меновых отношениях Робинзонов. Значит речь идет у него о мнимом Робинзоне... Настоящий Робинзон не имеет никаких общественных связей, он для экономической мысли не существует, является фикцией. Выражение „меновые отношения Робинзонов" противоречиво и чисто логически, и по своему реальному содержанию... Что не может быть перехода от робинзонады к социальному мышлению уже давно выяснено, как буржуазными, так и социалистическими экономистами[3])". Повидимому наш ярый универсалист порою основательно застревает в тенетах атомизма.

VII.

Ш. различает систему ценностей—целей и систему средств для реализации этих целей. Хозяйство и составляет систему средств. Наука о хозяйстве изучает ее. Эта наука, политическая экономия, не имеет, по мнению Ш. отношения к суждению о целях. Средства выполняют только служебную роль по отношению к целям. Установление системы целей, их ерархии, замена одних целей другими—все это определяется другими сферами общественной жизни.

Здесь мы отмечаем полную оторванность процесса производства от процесса потребления. Неправильность такой точки зрения выяснялась много раз марксистской теорией, доказывавшей, в какой тесной неразрывной связи находятся различные области общественной

---

1) O. Spann „Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre" Leipzig 1926 стр. 207—208

2) O. Spann „Fundament etc." стр. 12—13.

3) R. Stolzmann „Die Ganzheitslehre O. Spanns" Iahrbücher für Nationalökonomie „Statistik" 72 Band (Decembre 1927) стр. 892—893.

жизни. Маркс прямо указывает, что как потребление создает производство, так и производство создает потребление. Потребление создает производство тем, что „в потреблении продукт действительно становится продуктом, напр., платье становится платьем лишь, когда его носят; дом, в котором не живут, не является фактически домом... Во вторых, потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, т. е. вызывая идеальный, внутренний, побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает импульс к производству, оно создает также и предмет, который участвует в производстве, определяя его цель... Этому соответствует со стороны производства то, что оно 1) доставляет потреблению материал, предмет... 2) производство создает для потребления не только предмет, оно дает потреблению его определенность, его характер, его законченность... Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов... 3) производство не только доставляет потребности материал, но оно доставляет и материалу потребность... Предмет искусства, а также всякий другой продукт создает понимающую искусство и способную наслаждаться красотой публику. Производство производит не только предмет для суб'екта, но также и суб'екта для предмета[1]) „Развитие хозяйственной жизни на каждом шагу подтверждает не только тесную связь производства с потреблением, но и что „производство является действительным исходным пунктом, а потому и господствующим моментом“[2]). Как изменились потребности, „цели“ под влиянием развития техники, производительных сил! Как могли в прежние времена появиться такие „цели“ как поездка на автомобиле, разговор по телефону, слушание радио, воздухоплавание и т. д.?

Оторвав производство от потребления, или, как Ш. выражается, „цели“ от „средств“, наш автор вносит вместе с тем неясность в свою классификацию „целей“. Как мы указали выше, согласно Ш., система „целей“ состоит из самостоятельных ценностей: религии, науки, искусства и т. д., словом того, что делает, по его мнению, достойной нашу жизнь и придает ей смысл и содержание. Хозяйствование к этой области отношения не имеет. Ш., желая быть последовательным, отделить окончательно средства от целей, вынужден отнести к воображаемому им миру „целей“, миру „высокого и прекрасного“ все, что является потребностью человека и удовлетворяется хозяйствованием. Мы выше убедились, что Ш. относит к миру целей и наслаждение едой, и моды с их изменениями, и различные сорта пива в различных местностях Германии, и таможенную войну, и бойкот, и войны между государствами—одним словом понятие „цель“ у него становится чем то расплывчатым, получается полнейшая путаница. Апологет „святого, высокого, прекрасного“, видящий весь смысл жизни в их реализации, „по недосмотру“ переносит из нашей действительности в свою систему ценностей все ее несовершенства, все безразличные и отрицательные явления. Классический пример, как бытие определяет сознание.

Ш. считает свою теорию о „средствах“, как содержании нашей науки, вечной, внеисторической, годной для всех времен и народов Нам нечего доказывать несостоятельность этого взгляда. Мы знаем, что под флагом вечных, неизменных законов нам будут преподнесены законы существующего капиталистического строя. Это прием унасле-

[1]) Маркс „Введение и т. д.“ стр. 14—15.
[2]) do „ 17

дованный Ш. у эпигонов классической школы, против которой так сильно ополчается наш автор. Правда Ш. считает, согласно вышеизложенному, возможными только два типа хозяйства—капиталистическое и феодально-цеховое, но, во первых, он ссылается на исторический опыт, не доказывая правильности своей мысли. Голая ссылка далеко не убедительна, так как известные нам исторические факты прямо противоречат его утверждению. Во вторых, ведь законы капиталистического хозяйства не приложимы к феодально-цеховому строю, тоже возможному, по мнению Ш. Наконец, наш автор, несмотря на то, что он считает неосуществимыми другие формы хозяйства, кроме капиталистического и феодально-цехового, пытается однако дать законы, годные и для замкнутого, и социалистического хозяйства. Мы в дальнейшем убедимся, что наш автор, как уже отмечено, повторяет многих предшественников из лагеря атомистов и к вечным законам относит те, которые получены, правильно или нет, в результате исследования явлений капиталистического хозяйства.

По вопросу о цене и ценности, наш автор принимает теорию предельной полезности с незначительными оговорками. Это должно казаться странным при крайне отрицательном отношении Ш. к авторам этой теории, сторонникам атомистических воззрений. Лишнее доказательство, как наш талантливый автор невольно запутывается в противоречиях, благодаря неправильным исходным пунктам. Идеолог феодально-цехового строя и метафизик Ш. не может остановиться на трудовой теории стоимости Маркса, наиболее последовательно выводящей категории нашей науки из общественных отношений людей. Он отбояривается от марксистской точки зрения ничего не стоящими и давно опровергнутыми возражениями и заимствует теорию— предельной полезности—, основывающуюся на мировоззрении, с которым ему же приходится бороться.

Следуя по стопам своего учителя Ад. Миллера, Ш. не различает между трудом полезным и производительным в хозяйственном отношении, считая всякий труд, являющийся средством для достижения какой либо цели, производительным. Производителен, с его точки зрения, и труд чиновника, артиста, лакея. Теория не новая, она высказывалась многими писателями (кстати, большею частью атомистического лагеря, как, напр., представителями психологической школы) до и после смитовского периода.[1]) Таким определением стирается черта между хозяйственною и всякою другою общественною деятельностью, затрудняется изучение специфически хозяйственных явлений. Экономисту трудно удержаться на этой точке зрения. И Ш., признав производительной работу судьи, чиновника, артиста, в дальнейшем своем изложении к ним не возвращается, а занимается исследованием специально хозяйственной деятельности. Это определение ничего, кроме путаницы, в теорию нашей науки не вносит и лишь затрудняет понимание основных проблем хозяйства — производства ценностей и их распределения.

Перейдем к делению Ш. хозяйственных систем на два типа, по его терминологии, моногенетический и полигенетический, т. е., по общему обозначению, замкнутое, натуральное хозяйство и товарное хозяйство. Ш., в противоположность многим экономистам, относит изучение явлений замкнутого, т. е. планового хозяйства, к политической экономии. Наш автор в своем определении моногенетического типа хозяйства впадает в уже отмеченную нами ошибку. Он указывает, что

---

[1]) См. Маркс „Теории прибавочной стоимости" Петроград 1923 г. Изд. Прибой стр. 187—209.

к моногенетическому типу относятся, как хозяйство Робинзона, замкнутое хозяйство, так и каждое отдельное предприятие, каждая фабрика. Понятно, он не прав, нет ничего общего между замкнутым хозяйством и фабрикой, составляющей часть товарнокапиталистической системы. Неправильность смешения хозяйств разных систем еще более выясняется при попытке автора установить законы моногенетической системы. Ш. полагает, что в моногенетическом хозяйстве функционируют капитал (?) и труд, в этом же хозяйстве возможно применение закона концентрации капиталов. И, чтобы не было сомнений, Ш. добавляет (трудно поверить, не прочитав самому И. Г.): „все эти законы действительны, как в частном предприятии, так и в хозяйстве Робинзона[1]) Комментарии излишни.[2])

Характерна для нашего автора его теория кризисов. Причину кризисов, как мы выше изложили, автор видит в изменении целей, или в изменении средств и в необходимости реорганизации хозяйственной системы, нового распределения хозяйственных благ, сопровождающегося нарушением соответствия, пропорциональности между различными частями данного хозяйства. Читатель экономист узнает в этом об'яснении старую теорию Сея—Рикардо[3]) Но ведь со времени появления этой теории прошло более 100 лет, капитализм в это время развернулся, выявил свои противоречия. Уже теперь всем ясно, что пропорциональности и полного соответствия между отдельными отраслями народного хозяйства при капитализме достигнуть нельзя, что кризисы неминуемы и основную причину их надо искать не во внешних условиях (изменение целей), а в имманентом развитии капиталистического хозяйства. Между прочим изменения технических условий, как приведенный Ш. пример изобретения механического ткацкого станка, реже всего имеют своим последствием промышленный и торговый кризис, так как технические усовершенствования проводятся обычно не во время расцвета, предшествующего кризису и депрессии, а именно в период депрессии. Все указанные соображения не приняты во внимание нашим опытным и, несомненно, знающим экономистом, так как по его убеждению в капиталистическом, а в особенности в „национальном“ хозяйстве должны господствовать пропорциональность и соответствие частей и только внешние условия могут быть причиною нарушения равновесия.

Эта же приверженность к „национальному“ хозяйству приводит к недооценке значения мирового хозяйства, заслоняет от нашего автора бьющие в глаза факты, в особенности в послевоенное время, развития мирового хозяйства, все более возрастающей экономической связи между отдельными государствами. Впрочем по этому вопросу у нашего автора имеется много единомышленников среди экономистов Германии, в числе их замечательный ученый К. Бюхер, который в своей знаменитой классификации систем хозяйства не уделяет места мировому хозяйству, и это же скептическое отношение к мировому хозяйству, как системе, так и фазе развития, высказывает и в 7-м немецком издании своих очерков[4]), несмотря на то, что в настоящее время все более

---

[1]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 279.

[2]) Интересно, что, разбирающий внимательно теорию Ш., Руд. Штольцман в своем труде („Die Krisis in der heutigeu Nationalökonomie“ Iena 1925 стр. 29—82), повидимому занятый „высокими“ проблемами—об этизировании экономической действительности—, совершенно не останавливается на этом наиболее ярком примере неправильности одного из основных исходных пунктов теории Ш.—внеисторичности нашей науки.

[3]) См. Сочинения Д. Рикардо перев. Н. Зибер С. Петербург Изд. Л. Ф. Пантелеева 1882 г. стр. 164—167.

[4]) К Бюхер „Возникновение народного хозяйства“ Петроград 1918 г. стр. 97—98.

выясняется тесная связь отдельных государств с мировым хозяйством и невозможность независимого от мирового хозяйства развития даже таких гигантов государств, как Британская империя, или Соединенные Штаты Америки.

Метафизическое мировоззрение нашего автора оказало еще более вредное влияние на него, как экономиста, чем его пристрастие к „национальному“ хозяйству. Мы выше убедились, что причины изменения систем хозяйства, переход от одного типа к другому, даже такой важный факт, как возникновение и исчезновение капитализма, Ш. вынужден отказаться об‘яснять экономическим развитием, так как, согласно его мировоззрению, эти явления относятся к области целей, не подлежащих ведению нашей науки. Неправильный исходный пункт продолжает мстить за себя.

Ш. не допускает и мысли, что высшие идеалы человечества вырабатываются путем опыта, исторического развития. По его мнению, они сверхопытно, интуицией постигаются из мира ценностей. Хозяйство же должно реализовать эти „ценности“. Следовательно, хозяйствование, как имеющее дело с „ценностями“ сверхопытного происхождения, не может изучаться методом механической причинности, правильным только при исследовании внешней природы. Диалектический же метод Ш. считает применимым исключительно в метафизике (Маркс, уверен Ш., Гегеля не понимал)[1]). Экономия, полагал Ш., должна пользоваться методом нормативным, ибо предмет ее изучения—отношение частей к целому, нормативного характера. Нормативный метод, по мнению Ш. и его единомышленника по этому вопросу, Руд. Штольцмана, единственно приемлемый и плодотворный в применении к общественным наукам[2]), к которым, как мы в нашем изложении теории Ш. отметили, наш автор относит и спекулятивную метафизику[3]). Дальше итти некуда. Ш. вынужден был отказаться от научного метода, которому он следовал в своей юности[4]) и перейти к чисто метафизическим не научным приемам. Ш. об‘ясняет свою теорию, как логическое следствие универлистического мировоззрения. Мы убедились, что это не так, что наш автор часто становится на атомистическую точку зрения. Причина, по нашему мнению, другая: его реакционные политические взгляды, его шовинизм, его приверженность к сословноцеховой идеологии [5]), в настоящее время сливающейся с капиталистической[6]), помешали ему

---

[1]) O. Spann „Der wahre Staat“ Leipzig 1923 стр. 138,162.

[2]) Главное произведение Р. Штольцмана носит название „Цель в народном хозяйстве, народное хозяйство, как социально этическая целевая система. Опыт социально органического обоснования науки о народном хозяйстве“ (R. Stolzmann „Der Zweck in der Volkswirtschaft, die Volkswirtschaft als sozialethisches Zweckgebilde, Versuch einer sozialorganischen Begründung der Volkswirtschaftslehre Berlin 1909). (Прекрасный анализ экономических воззрений Штольцмана дал Рубин в сочин. „Современные экономисты на Западе“ Москва-Ленинград 1927 стр. 93—168).

Как далеко ушел Штольцман от реалистического мировоззрения своего первого высокоталантливого труда „Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre“! См. мою статью „О некоторых проблемах политической экономии“ в Труд. Бел. Гос. Унив., стр. 23-24.

[3]) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 298.

[4]) „ „Kategorienlehre“ Iena 1924 стр. 6—10.

[5]) Характерно, что своими учителями и первыми обновителями нашей науки Ш. считает, как нами выше изложено, крайних реакционеров начала XIX ст. Ад. Миллера (ближайшего сотрудника Меттерниха) и Фр. Баадера, забытые произведения которых им теперь издаются (в сборниках „Die Herdflamme“) Подробнее о Ш., как социологе см. мою статью „Социальные воззрения Отмара Шпана“ в труд. Бел. Гос Унив.

[6]) Правильно замечает H. Sultan в статье „Rodbertus u. der agrarische sozialkonservatismus“, что в настоящее время союз „между доменною печью и рыцарским имением, солидарность интересов промышленника и сельского хозяина рассматриваются, как нечто само собою разумеющееся“ (см. Zeitschrift für die gesamme Staatswissenschaft 82 B. Heft 1927 стр. 72).

об'ективно изучать предмет своего исследования. Боязнь перед грядущими изменениями заставляет его бороться с единственно правильной в настоящее время теорией—марксистской. Необходимость балансировать между капиталистической и феодальноцеховой идеологией (припомним, что, по мнению Ш., только строй сословноцеховой и капиталистический реальны, остальные утопистичны) приводит нашего крупного экономиста к отходу от научного пути и заблуждению в дебрях метафизики.

И. В. Герчиков.

Проблема империализма в русской марксистской литературе.

IV. [1]

Воззрения на проявления империализма в легальной марксистской литературе 1897—1900 годов.

Нельзя не отметить тот факт, что во всей нашей богато-разросшейся литературе по истории марксистского движения в России совершенно не уделяется внимания вопросам об отношении русской марксистской мысли к проблемам мирового хозяйства и мировой международной политики в ранние периоды ее развития. А между тем начало широкого развития марксистской мысли в России, начинающееся со второй половины 90-х годов, совпадает с периодом практических и теоретических осложнений, связанных с проблемами мирового хозяйства и крупных международных осложнений, ознаменовавших вступление капитализма в его последнюю империалистическую фазу существования.

Русская историческая литература проходила до сих пор мимо этого вопроса может быть и не случайно. Подавляющая часть марксистской литературы, в особенности до 1905 г., посвящена вопросам внутри-российским. Борьба с народничеством, экономизмом, либерализмом, изучение экономики России, применение теоретических положений марксизма к российским условиям, определение политических путей и форм организации рабочего движения, в чрезвычайно тяжелых условиях самодержавного правления и т. д., и т. п.,—все это отнимало чересчур много сил для того, чтобы можно было уделять много внимания мировым и международным отношениям, хотя они никогда не упускались из виду, чему прекрасным доказательством может служить известный от 3-го февраля 96 г. адрес 605 петербургских рабочих французскому пролетариату. „Россия с 1861 г. все больше и больше вступает в круг европейских стран. Русские рабочие, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее знамя пролетариата всего мира“, пишут русские рабочие. Больше того на свою борьбу с царизмом они смотрят как на интернациональную пролетарскую задачу; „они горды сознанием что передовой бастион европейской реакции—царизм—должен быть ими (русскими рабочими И. Г.) разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немыслима победа всего пролетариата, должен быть ими свергнут.“

Этим, указанным выше, преобладающим направлением мысли и практики русского марксизма, интересующего нас периода и об‘ясняется то, что русская историческая наука, которая, несмотря на богато-разросшуюся после Октябрьской Революции литературу, все-же делает только первые шаги в изучении русского марксизма, сосредоточила свое внимание на вопросах внутри—российских, оставив пока в стороне

[1] Доклад, прочитанный в заседании Соц.-Истор. секции Научн. О-ва при Б. Г. У. 13/II—28 г.—Первые три главы в № 14—15 Трудов Б. Г. У. Минск 1927 г.

вопросы мирохозяйственные и международно-политические. А вместе с тем, как мы уже говорили конец 19-го и начало 20-го века знаменуется чрезвычайным обострением международных отношений. Здесь нужно указать на такие крупного исторического значения войны, как Японо-Китайская (1895 г.), Испано-Американская (1898 г.), Англо-Бурская (1899—1902 г.), Европейско-Китайская (подавление восстания большого кулака) (1900 г.). Такие важные в международных отношениях факты как наметившееся оформление тройственного союза и тройственного соглэсия и важного в истории буржуазно-пацифистского движения факта, как 1-ая Мирная Конференция в Гааге (1899 г.).

Наряду с этими политическими фактами в области мировой экономики быстро шел процесс трестификации в области крупной промышленности, одновременно с усилением политики протекционизма и падением теории и практики свободной торговли.

Как оценивала эти факты и как на них реагировала русская марксистская мысль в самое время их осуществления.

Сделанный нами в предыдущих главах обзор воззрений М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова приобретает особый интерес в связи с тем, что совсем не случайно именно в лоне русского марксизма и русскими авторами, с Лениным во главе, по преимуществу создана действительно марксистская теория империализма. Русская марксистская мысль даже в крайних правых своих проявлениях была значительно свободней от наслоений либерально-буржуазных традиций, в значительно большей степени сковывавших социалистическую и рабочую мысль в Западной Европе даже в лучших ее представителях.— В особенности это относится к вопросам колониальной политики, милитаризма и империализма. Русские рабочие массы, никогда не собиравшие крох с барского стола, в том смысле, что они никогда не знали, что такое дележ империалистических сверх-прибылей, уже с очень раннего времени относились чрезвычайно чутко к империализму и русский марксизм беззастенчиво вылущивал из-под внешне мнимо-цивилизаторской, прогрессивной скорлупы империализма, его действительное ядро и выявлял его сущность. В этом не трудно убедитьсн обратившись к нашей ранней легальной марксистской литературе.

Более или менее широкое с марксистской точки зрения освещение мировой экономики и международной политики не могло быть осуществлено в России до тех пор, пока марксисты не имели своей журнальной литературы. Такая литература появилась только с апреля 1897 г., когда орган правых народников „Новое Слово" был самовольным, вызвавшим протесты со стороны народников, действием издательницы его О. Н. Поповой передан в руки марксистов. Подвергаемый правительственным репрессиям марксистский орган дважды менял свое название. После закрытия „Нового Слова" в декабре 1897 г., он в первой половине 1899 г. выходил под названием „Начало" (четыре книжки до апреля 1899 г.), а затем по закрытии „Начала" под названием „Жизнь" с 1809 г. по 1901 г.

Марксисты, этой легальной литературы резко делились на левое во главе с Лениным и правое во главе с П. Струве крыло. До 1900 г. правое крыло, которое Ленин прямо называет буржуазно-демократическим, находилось под непосредственным не только влиянием, но давлением левого крыла — революционно-марксистского. И хотя и в этот период правому крылу очень часто удавалось „протаскивать", как выражается А. Ангорский в своей работе о легальном марксизме, в журнале совсем не марксистские или даже антимарк-

систские статьи, но в общем и целом, как свидетельствует Ленин, оно служило „громадному распространению идей марксизма“. С 1900 года расхождение между левым и правым крылом зашло уже так далеко, что марксистская окраска с правого крыла почти совсем слиняла и хотя, входившие в него и продолжали называть себя марксистами и социал-демократами, но это не дает нам основания их действительно к таковым причислять.—Когда в 1901 г. журнал „Жизнь“ был окончательно закрыт правительством в России, правое крыло продолжало издавать журнал „Жизнь“ заграницей и, организовав там под тем же названием издательство, сложилось в особую социал-демократическую группу „Жизнь“, которая, подготовляясь ко второму с‘езду партии, опубликовала в 1902 г. свой проект программы Р. С. Д. Р. П., который по всей видимости на с‘езде даже не рассматривался, а сама группа никакой роли не играла и неминуемо стала быстро и открыто приобщаться к буржуазной демократии.

Вообще приобщение фактически буржуазно-радикальных элементов к революционному марксизму в России происходило под влиянием роста рабочего движения и исторически совершенно определенно выявившегося факта, что старым самодержавно-крепостническим элементам, как сила их разрушающая противостоит рабочий класс. Ту многократно высказывавшуюся идею, которая лежала в основании искания радикально-буржуазными элементами союзника в рабочем классе, всего ясней высказал П. Б. Струве в предисловии к изданной в 1901 г. в Штутгарте известной записке Ю. Витте: „Самодержавие и земство“.—„Современное рабочее движение несравненно шире распространено и гораздо глубже проникает в рабочий народ, чем социалистическое „хождение в народ“ 70-х годов, и на его почве поэтому может и должно строиться и чисто политическое движение гораздо *более устойчивое,* чем геройское народничество конца 70-х и начала 80-х годов“.

Колебание буржуазно-радикальных элементов, временно образовавших правое крыло марксистов, влево и вправо происходило в зависимости от состояния промышленности и рабочего движения. Период промышленного расцвета 1894-98 г. тянул их вправо к беренштейнианству, с его верой в то, что капитализм уже изжил те констатированные К. Марксом противоречия, которые ведут к революционным потрясениям. Такое резкое и невиданное еще в России столкновение между буржуазией и организованным пролетариатом, как петербургская забастовка текстильщиков в 1896 г., заставило их несколько шагнуть влево и дало возможность революционным марксистам подчинить их на время себе и состояться тому союзу, благодаря которому революционные марксисты могли использовать целый ряд легальных возможностей и подцензурную литературу и в котором по существу радикальные демократы выступали под знаменем марксизма.

Это резко повышенное настроение рабочего класса, начавшееся в 96 г. проходит целиком через 98 и 99 г., стимулируя тоже полевение правого крыла. К этому нужно прибавить неурожай 97 г. разросшийся в 98 г., который еще более обострял классовые отношения в стране и создавал революционные настроения, сходные с теми, которые проявились в голодный 1891 г.

Вот те причины, которые об‘ясняют левизну правого крыла в период с 1897 до 1900 г.г. и его подчинение давлению революционных марксистов.

Что же касается непосредственно империализма, то кроме того, что было в связи с этим сказано выше о русском рабочем, нужно

сказать, что и русская буржуазия несмотря на все ее промышленные завоевания в то время несомненно была очень далека от империализма, вот почему ее левые идеологи, находившиеся под влиянием марксизма могли высказать об империализме марксистски правильные суждения.

В июльском номере Нового Слова за 1897 г. в отделе „письма из заграницы“ привлекает внимание корреспонденция из Соедин. Штат. Сев. Америки, подписанная И. Г.—„Страничка из истории промышленных синдикатов“.

В статье нет анализа экономических причин, которые обусловили синдикатское движение, но с достаточной ясностью изображается непреодолимость, вся тщетность борьбы мелкобуржуазных элементов против этого движения крупного капитала и затем полное подчинение государственного аппарата интересам синдицированной промышленности, „интересам собственников одной пятой доли всего богатства Соедин. Штат.“, как выражаются сами руководители синдикатского движения в своем заявлении в конгресс Сев. Амер. Соед. Шт.

„Как президент Гаррисон (1889-1893 г.), так и президент Кливеленд (1893-97) были креатурами крупных монополистических корпораций“, пишет И. Г., тоже самое он говорит и о сменившем Кливеленда на президентском посту Мак-Кинлее (1897-1901), с именем которого связан почти запретительный тариф на ввозные, главным образом из Европы в Соединенные Штаты товары (1890 г.).

В связи с вопросом о нарушении трестами, изданного в 1890 г. конгрессом т. н. закона Шермана против синдикатов Sherman anti-trust law запрещающего всякого рода „контракты, союзы или стачки, с целью стеснения свободы торговых сношений между штатами и с иностранными национальностями“ И. Г. пишет. „Если бы даже допустить, что правительство Мак-Кинлея креатуры миллионеров, вздумало-бы преследовать всерьез стачки крупных капиталистов, то это лишь ускорило-бы неизбежный процесс централизации капиталов... Строгое проведение законов против „Трестов“ вынудило-бы массу мелких конкурирующих компаний слиться в несколько крупных компаний, а этому никакой закон помешать не может“.

Если в первой главе этой корреспонденции это чрезвычайно важное мнение, резко характеризующее взгляд автора на непреодолимость монополистического оформления капитализма, высказано по поводу железнодорожных трестов в связи с специфическими особенностями хозяйственной структуры и деятельности железных дорог, то во второй главе этот взгляд распространяется на все виды крупной промышленности и конкретным примером служит факт централизации сахарной промышленности, несмотря на препятствия, которые этому ставились.

„История возникновения этой компании“ The American Sugar Refining Campany „(Сахаоного Треста) лишний раз иллюстрирует бессилие мелкобуржуазного законодательства в борьбе с крупным капиталом“ пишет И. Г.—Компания, представлявшая собою союз пятнадцати ранее раздельно существовавших компаний, образовалась в 1888 г. Нью-Иоркский генерал-прокурор пред‘явил иск о ликвидации одной из компаний; дело дошло до апеляционного суда и было окончательно решено против треста. „Решение суда, отмечает И. Г., имело единственным последствием полное слияние, прежде раздельно-существовавших компаний, в одну. Новая компания, принявшая название „Американской Сахаро-Рафинадной Компании“, вскоре поглотила все филадельфийские заводы и захватила в свои руки 98% всего производства сахара в Соединен. Штат. „Дело доведено было до федерального верховного

суда. Адвокаты синдиката совершенно резонно доказывали, что он ни в чем не преступил против закона Шермана, так как последний запрещает лишь соглашения между отдельными компаниями; в данном же случае суд имеет дело с одной компанией, скупившей заводы, ликвидировавших свои дела мелких компаний. Суд нашел, что хотя компания—ответчица и несомненно является монопольным предприятием *в производстве* (подчеркнуто автором) сахара, но такая монополия вне компетенции федерального законодательства и суда; монополии же в торговле сахаром компания не представляет".

Из излагаемых И. Г. фактов с очевидностью следует, что если-бы государство решило вести реальную борьбу с процессом монополизации капитализма, то оно должно было-бы взять в свои руки не контроль над рынком, торговлей, как делает это закон, Шермана, а контроль над производством. Конечно, тогда борьба приняла бы совершенно иной характер несовместимый с буржуазной сущностью государства Сев. Амер. Соед. Шт. Автор корреспонденции этого вывода, ясно вытекающего из всего хода его изложения не делает. Нельзя сказать, чтобы состояние к тому времени, когда писал И. Г. науки о синдикатском движении в крупной промышленности не толкало к тому, чтобы при наличии указанных фактов этот вывод сделать. Как мы уже указали в первой главе достаточно известная к тому времени в Европе работа Kleinwächter'a (изд. в 1883 г.) и не менее известная в России работа И. И. Янжула (изд. в 1895 г.) вполне выяснили, что процесс образования монополистического капитализма жиждется главным образом в эволюции производственных форм современного капитализма из чего для марксиста, затрагивавшего вопрос о борьбе с монополистическим капитализмом, естественно вытекало положение, что эта борьба только тогда может быть реальной, если она ведется против самой формы капиталистического производства. Как это ни ясно—марксистская мысль, сталкиваясь с сотнями фактов, ведших к этому заключению еще долго не делала такой увязки между монополистическим капитализмом и борьбой с ним мелкобуржуазных элементов и рабочего класса.

Указывая в дальнейшем, что трест в первые годы своего образования дал прибыль „чуть-ли не в 100% годовых" И. Г. увязывает господство монополистического капитализма во внутренней жизни государства, с характером внешней государственной политики, в первую очередь в области таможенного законодательства, в сторону строжайшего протекционизма и запретительных тарифов.

„Монополия во внутреннем производстве одна не в состоянии была обеспечить такие непомерные барыши. На выручку должен был явиться запретительный тариф".

Главную часть корреспонденции занимает скандальная хроника, подкупов, осуществляемых трестами при выборах в конгресс, назначении должностных лиц—вплоть до президента республики, для того, чтобы проводилась выгодная им внутренняя и внешняя политика, но корреспонденту вместе с тем ясно, что не в подкупах суть.—„В этом царстве повальной продажности, пишет он, мне видится лишь процесс приспособления республиканских форм к потребностям достигшего апогея своего развития капитализма. В другой раз я постараюсь показать, как под напором новых экономических условий шатаются „устои" традиционных американских „свобод". Этот заключительный абзац чрезвычайно интересен и говорит о том, что если автор еще не отдает себе достаточно сознательного для марксиста отчета в том, что представляет собою, то явление, которое он описывает, то во всяком случае чувствует ту новую экономическую, а в связи с этим и поли-

тическую фазу, в которую вступил капитализм Северо-Американских Соединенных Штатов.

Интересно отметить еще одну из цитат, приводимую автором из New Jork Journal, который выступает в защиту железнодорожных синдикатов.

„Потери акционеров, говорится в этой цитате, от тарифных войн (при отсутствии треста) и ненужного удвоения железнодорожных линий составляет серьезное зло. Но гораздо большее зло—постоянное колебание провозных тарифов, так как устойчивость последних такое же необходимое условие коммерческого преуспеяния, как и устойчивость денежной единицы“. Как видим довод за положительную роль капиталистических синдикатов, потому что они стабилизируют цены на рынке, имеют значительную давность. И. Г. против этого довода не возражает.

Воззрения правого крыла марксистов на международную политику империализма нашли свое главное отражение в отделе „Обзор заграничной жизни“, который в „Новом Слове“, „Начале“ и „Жизни“ вел главным образом В. Поссе под инициалами В. П.

Первое что нужно отметить, это то, что при всей трезвости взглядов автора на сущность разворачивающихся на его глазах международных отношений—внешняя политика европейских держав, также как и Соединенных Штатов Сев. Амер. и Японии не ставится в связь с развитием монополистических отношений в Европе.

В первой же книге, с которой „Новое Слово“ стало марксистским журналом, по поводу Греко-Турецкой войны 1897 г. отчетливо вскрывается, на примере международного положения Ближнего Востока, чрезвычайная обостренность международных отношений, а в особенности противоречие интересов в борьбе за Азию между Россией, Японией и Англией.

В то время как многие даже радикальные политики приветствовали утверждение Франко-Русского Союза в связи с посещением Парижа Николаем II (1896 г.) и России президентом Фором (1897 г.), как факта, влиявшего в сторону укрепления мирных отношений в Европе В. Поссе видит в нем факт милитаристического значения, только изменившего направление, в котором будут стрелять ружья, в том смысле, что этот Союз направит франко-русские ружья в сторону Англии. Пусть это предположение, которое В. Поссе разделял с значительной частью немецких и иных дипломатов и не оправдалось, но самая оценка союза, как союза для стрельбы, а не для мира, самое понимание того факта, что положение международных отношений исключает всякую возможность осуществления пацифистских чаяний чрезвычайно знаменательно. Возвращаясь в сентябрьской книжке журнала к тому же вопросу В. Поссе указывает на то, что наиболее горячие сторонники Франко-русского союза во Франции совсем не являются сторонниками мира, а определенно заявляют, что им нужен союз не для мира, а для войны, для разрушения результатов Франкфурского (10 июля 1871 г.) мирного договора, для возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, оторгнутых по этому договору; указывает на то, что это политика реакционных верхов Франции и, что „искренние проповедники всеобщего мира являются противниками франко-русского союза, являясь одновременно противниками реакционного министерства Мелина. А далее Поссе недвусмысленно указывает на милитаристический характер этого союза, когда говорит по поводу матросов французской эскадры, приплывшей в Кронштадт

в августе 1897 г., которых торжественно и обильно угощали и чествовали: „Кто несомненно доволен франко-русскими торжествами, так это матросы французской эскадры, хотя русские симпатии были для них опаснее немецких пушек“.

Реальное понимание международных отношений видно и из оценки политики Англии по отношению к бурам еще во время разыгравшейся за три года до знаменитой Англо-Бурской войны (1899-1902) прелюдии к ней в виде набега на Трансваль отряда д-ра Джемсона (1896 г.) В. Поссе ставит этот набег в связь с идеями Салюсбери и Джо Чемберлена о создании мировой британской федерации и говорит, что раньше или позже Оранжевой республике и Трансвалю придется вступить в британскую африканскую федерацию.

Реально В. Поссе смотрит и на политику Сев. Амер. Соед. Шт., которые внезапно выступили в „защиту“ инсургентов на о-ве Кубе (Испано-Американская война 1898 г.).—„Вмешательство Соед. Шт. в пользу инсургентов на о-ве Кубе, конечно, об‘ясняется не столько сочувствием к борцам за свободу, сколько надеждою, что, освободившись из-под испанского ига, Куба войдет в союз штатов, и очень возможно, что долгое и кровопролитное восстание кончится тем, что Куба станет не только в географическом, но и в политическом отношении островом чисто американским“.

В связи с Испано-Американской войной В. Поссе отмечает новый курс политики Соединенных Штатов, которые до сих пор не вели колониальной политики, а теперь энергично принялись за приобретение колоний. Он доказывает это на примере приобретения Соед. Шт. в 1897 г. Гавайских островов, на которых они фактически расположились уже давно, произведя на них насильственно те политические изменения, которые диктовались их интересами. Наряду с этим, он нигде не упускает случая отметить как с каждым шагом любой державы в области колониальных приобретений расширяется круг обостренных международных отношений. Так и в связи с колониальной политикой Соединенных Штатов он отмечает обострение отношений с Японией. Тот, кто находится в курсе современной международной политики и в частности Японо-Американских отношений не сможет без большого интереса прочитать следующее место: „Туземцы гавайских островов быстро вымирают. Зато в последние годы на Гавайских островах быстро стало возростать число „желтокожих“, в особенности японцев, которых в настоящее время насчитывается уже 24 тыс. Эти новые энергичные колонизаторы, проникающие ныне подобно англичанам во все углы мира, чрезвычайно недовольны присоединением гавайских островов к Северо-Американским Соединенным Штатам, и японское правительство обратилось к вашингтонскому с энергичным дипломатическим протестом. Из этого протеста разумеется ничего не выйдет, но он показывает, что японская „притязательность“ растет вместе с развитием японской цивилизации“. Как бы то ни было, а с ними придется считаться не одним китайцам.[1])

В начале 20-х годов 19-го века, в английской экономической и политической литературе, как и в жизни шла борьба между сторонниками сохранения старой существовавшей в Англии системы свободной торговли (free trade) и сторонниками перехода Англии к системе протекционизма. Правда протекционисты еще скрывали свои стремления под разными стыдливыми названиями. То они называли себя „фертредерами“ (fair trad) сторонниками справедливой торговли, что

---

[1]) „Новое Слово“, Петерб. Июль 97 г.

означало:—на пошлины введенные на европейском континенте справедливо ответить пошлинами на товары, ввозимые в Англию, в особенности в английские колонии; то они называли себя преференционалистами (preferentialists) что должно было означать таможенную систему, при которой Англия имела бы преимущество перед другими странами в торговле с колониями Британской Империи, при чем Англия, как таковая, сохраняет свободу торговли. Спор нашел очень яркое выражение в дискуссии, развернувшейся на страницах английских газет New Rewiew i Daily grafilc между Е. Е. Уильямсом—сторонником протекционизма и Гарольдом Коксом—сторонником свободной торговли. Статьи обоих авторов затем вышли отдельными книгами: первого под названием „Mad in germany", второго под названием are We ruined by the Germans. Первая книга, многократно цитировавшаяся и ставшая особенно известной в России во время войны 1914—18 г.г. вышла в русском переводе в 1897 г. В связи с последним обстоятельством в „Новом Слове" помещена рецензия на обе книги.

Автор рецензии раньше всего вскрывает причину, вызвавшую этот спор и находит ее в несомненном факте все прогрессирующего с начала 80-х годов падения относительного значения английского хозяйства в общей системе европейских хозяйственных отношений и в потере Англией ее былой хозяйственной гегемонии. Но автор совсем не задается вопросом о том, почему спор сосредоточен по преимуществу вокруг вопроса о торговле в колониях, хотя именно в смысле торговли с колониями дела обстояли для Англии наиболее благоприятно. Он приводит следующие цифры из книги Кокса: „В общей торговле с британскими колониями Англия занимает первое место, ввозя в них товаров на 116,2 милл. ф. ст. из всего ввоза в 225,7 милл., т. е. более половины, тогда как Германия, Соединенные Штаты и Франция вместе ввозят в эти колонии всего на 25,6 милл. в том числе Германия на 4,6 милл. (среднее за 1890—92 г. г.). Стоит-ли спрашивается начинать таможенную войну с Германией, в которую Англия ввозит товаров на сумму свыше 30 милл. ф. ст., а получает от нее на 27 милл. ф. ст."—Приводя эти интересные данные автор рецензии все-же не выясняет того, что из них следует,—что протекционисты стремятся к монополии на британское сырье, что в интересующем его явлении борьба идет не столько за рынки сбыта, сколько за рынки сырья между монополистически оформляющимися капиталистическими хозяйствами—при чем английские монополисты стремятся сократить сырьевую базу монополистов европейских, главным образом немецких, для того, чтобы подорвать производственную базу конкурентов на мировом рынке. Не видит автор рецензии также того, что система протекционизма диктуется части английских предпринимателей, ставшей на путь трестирования промышленности, стремлениям к увеличению своих прибылей, путем укрепления протекционизмом своего монопольного положения, т. е. того, что, как мы видели выше, достаточно обстоятельно выяснил И. Г. на примере борьбы за протекционизм трестов Сев. Амер. Соед. Шт.—Замечая, что „вера во всесилие богини „free trade" (свободной торговли) подорвана" автор рецензии не замечает, что для этого существуют причины, коренящиеся не только в положении Англии на международных и колониальных рынках, но главным образом в переходе капитализма к новым формам производственных отношений, поэтому он не замечает падения принципа свободной торговли и свободной конкуренции не только в Англии, но вообще в капиталистических отношениях и спор превращается для него в домашнюю „прю" английских предпринимателей.

Из всего вышеизложенного об этой рецензии ясно также и то, что автор ее, отмечая, на ряду с появлением новых течений в английском капитализме, появление новых течений в английском рабочем движении (New unionism), отмечающие обострение классовых отношений, конечно не может ставить этого обострения классовой борьбы в связь с новыми империалистическими отношениями. Но вместе с тем самое обострение классовой борьбы внутри отдельных государств и международных отношений ясно для всех представителей правого крыла марксистов, работающих в журнале, также как и непримиримость этих противоречий до тех пор пока существует система капиталистических отношений.

Процесс централизации, происходивший в этой системе не только в Соединенных Штатах, но и в Европе, в Германии и даже Англии не раз отмечался в легальной марксистской литературе. Так в февральской книжке журнала „Научное обозрение" за 1899 г. а в это время в период закрытия „Нового Слова" до открытия „Начала" этот журнал превратился в марксистский орган в первом номере этого журнала за 1899 г. Ленин поместил свою статью—„К вопросу о рынках при капиталистическом производстве", имеется статья В. Томианца—„Главные черты экономического развития передовых стран в 1896 и 1897 г. г.", в которой он говорит:—„Централизация производства идет, хотя и не быстрыми, но верными шагами", а несколько ниже еще раз говорит:—„В виду быстрого прогресса централизации производства". Что же касается собственно централизации производства в Англии, то здесь он отмечает следующие факты: „Соединение крупных нитяных фабрикантов, мясной синдикат, желающий приобрести сначала большинство мясных лавок Лондона и Ливерпуля, процесс картелизации всех английских каменноугольных копий". Мы останавливаемся особенно на Англии потому, что в ней процесс монополистического оформления капитализма шел медленней и менее выразительно, чем в Германии и Соединенных Штатах, а как раз она то и являлась той страной, которая больше всего привлекала внимание интересующих нас публицистов. Этим весьма вероятно, об'ясняется и то, что они не усмотрели той тесной связи, которая уже исторически была чрезвычайно реальна, которая существовала между процессом монополизации хозяйства и осложнением международных и классовых отношений. Рассмотреть же в таких проявлениях английской политики, как стремление к созданию британской федерации двустороннее проявление империализма в смысле обеспечения интересов своих монополистических групп и защиты от натиска от монополистического хозяйства конкурентов—этого они подавно не могли. Но то, что весь процесс капиталистического развития, в том числе и концентрации, ведет к все большему и большему обострению классовых и международных отношений это было для них ясно.

В Июльском номере журнала „Жизнь" за 1899 г., касаясь Гаагской мирной конференции (1899 г.) заменивший на этот раз В. Поссе. Е. С. высказывает следующие чрезвычайно интересные и характеризующие уровень марксистского понимания проблемы войны и мира мысли, по поводу возникших в связи с этой конференцией пацифистских надежд.

„Говорят, что промышленное и торговое развитие уменьшает шансы на военные столкновения и что войны фактически исчезают. Трудно, думается нам, согласиться с последним положением, если вспомнить, что за последние несколько лет мы видели войну между Китаем и Японией (которая чуть было не привела к вмешательству

некоторых европейских государств), между Грецией и Турцией и между Испанией и Соединенными Штатами Северной Америки. Не уменьшились шансы войны и между крупными европейскими державами. Если в былые времена яблоком раздоров между ними служили сравнительно небольшие непосредственные границы в пределах Европы, то в настоящее время усиление всемирной конкуренции и развитие колониальной политики могут не сегодня так завтра бросить друг против друга Англию и Францию из-за какой нибудь Фашоды, или Англию и Германию из-за какого-нибудь ничтожного острова, затерявшегося в бесконечном океане. Правда, все растущее и непроизводительное потребление, истощая и разоряя некоторые страны, делают все более настоятельной необходимость сократить военные расходы, *но это одно из противоречий, в которых бьется и задыхается капиталистическое общество и до тех пор пока существует всемирная конкуренция*, пока остаются в силе отмеченные выше мотивы касательно внутренней политики всех европейских государств (отмечено чрезвычайное обострение классовых и национальных взаимоотношений И. Г.) *мы не видим возможности разрешить вопрос о разоружении или даже только о приостановке дальнейших вооружений.*

Чтобы дополнить наше представление об общих политических воззрениях интересующих нас представителей марксизма мы остановимся на факте отношение к которому чрезвычайно ярко характеризует их политическое лицо. Это по вопросу о знаменитом вступлении Мильерана в коалиционное министерство Вальдека—Руссо (1899 г.) Здесь Е. С., а вместе с ним конечно и журнал вообще заняли позицию революционных марксистов и оценили вступление Мильерана не как силу, а как слабость правого крыла французской социалистической партии.—Е. С. высказывает мысль, которая была блестяще доказана Р. Люксембург, о том, что республике во время вступления Мильерана не грозило никакой опасности и, что Мильеран не должен был принять предложения Вальдека—Руссо. По вопросу же вообще о намечающихся не только во Франции, но и в других странах широких правительственных демократических коалициях, он говорит как о чрезвычайно хрупких и недолговременных, неминуемо разрываемых на части классовыми противоречиями.

Все дальнейшие обозрения и статьи журнала, касающиеся вопросов международной политики еще ясней и отчетливей выясняют классовый и империалистический характер международных устремлений буржуазных государств и столкновений между ними, полную их связь с экономикой современного капитализма и полную в связи с этим их неизбежность, невозможность вообще преодоления войны при наличии капиталистического хозяйства.

Все политические отношения ставятся в связь с мирохозяйственными отношениями, правда эти мирохозяйственные отношения рассматриваются только с точки зрения усилившейся погони за рынками сбыта продукции, уже достаточно ясно наметившийся к тому времени процесс образования трестов и синдикатов, монополистического капитализма остается незамеченным и с производственными факторами империализм не связывается, но за то отмечается падение английской мировой хозяйственной гегемонии, рост центробежных сил в Британской Империи, об'ясняются причины этого явления, отмечается быстрый рост Северо-Американских Соединенных Штатов и Германии, как конкурентов Англии на мировом рынке. Отчетливо выявляется рост значения Великого Океана и противоречие интересов империалистических групп, борющихся за господство на этом океане.

Срывается маска всяких идеальных мотивов, которыми стремятся прикрыть свои чисто корыстные вожделения империалисты. По поводу добрых „чувств американцев, выступивших в защиту" кубанцев против испанского угнетения, а затем подчинивших себе путем жесткого подавления всякого освободительного движения местного населения и Кубу и Филиппины иностранный обозреватель „Жизни" пишет:

„Реальная подкладка идеальной Испано-Американской войны:—идеальные чувства являлись лишь орудием вполне материальных интересов американских биржевиков, купцов и промышленников, на деньги которых „желтая печать" возбуждала сострадание, как она теперь возбуждает „патриотизм", требуя покорения филиппинцев"... „Испанские жестокости пришлись кстати американским торгово-промышленным интересам. Война была необходима американцам, она дала им возможность сразу развернуться в великую морскую державу, господствующую не только на американском материке, но и в Великом Океане. В их руках теперь Сандвичевы и Филиппинские острова, которые приобретают теперь особенное значение, если удастся соединить каналом Великий океан с Атлантическим... Над этой великой международной дорогой будут господствовать американцы, для чего им прежде всего необходимо господство над Мексиканским заливом, а оно было невозможно, пока Куба и Порторико находились в испанских руках. Вот она реальная подкладка идеальных стремлений".

Он не только говорит об устремлениях Северо-Амер. Соед. Штатов, но дает весь узел отношений на Великом Океане между Соединенными Штатами, Англией, Германией, Японией и Россией предвидя неизбежные столкновения даже между теми, кто сейчас действует в союзе.

„Борьба из-за Великого Океана—одно из грандиознейших мировых столкновений. Оно уже началось. Испано-Американская война—лишь один из эпизодов этой великой борьбы. Англия и Соединенные Штаты действуют *пока* (подчеркнуто нами И. Г.) в союзе. Дряхлая Испания одним ударом выбита из строя. Германия злобно рычит, но не может ничего поделать против соединенных сил могучих англосаксов... Но сумеют-ли размежеваться между собою Англия и Америка —это вопрос... Окажется ли прочным недавно опубликованное англорусское соглашение по Китайскому вопросу". Обозреватель видит, что в связи с захватнической политикой Соединенных Штатов в Великом Океане и англичан в Южной Африке разгораются захватнические аппетиты всех держав.

„Под влиянием этой (бурской) войны, значительно оживилась „международная политика". Всплыли вопросы Марокский, Персидский, Корейский, Китайский и т. д.".

С такой же ясностью и реальностью выявляются захватнические устремления англичан в Южной Африке по поводу англо-бурской войны и всех держав вместе взятых в связи с подавлением восстания большого кулака. В. Поссе не исключает возможности революционных национально-освободительных движений в угнетенных странах: „Чьи рельсы и паровики, пишет он, думают европейские правительства—тот будет и влиять, и владычествовать. Возможно, конечно, что в конце концов, рельсы и паровики попадут в китайские руки, но этой возможности европейцы не предусматривают".

Нужно конечно принять во внимание, что все это пишется в подцензурном журнале и потому автор дожен был соблюдать некоторую сдержанность, но при всем том, взгляды журнала на импери-

ализм и империалистическую политику выявлены с достаточной определенностью. Тем интереснее то, что журнал даже и намеками не делает надлежащих выводов из этих воззрений. Это не дает ему возможности выразить самостоятельную линию рабочего класса в международной политике, как ее начали строить Маркс и Энгельс до и в первом интернационале и как ее всегда отстаивали революционные марксисты во 2-ом интернационале, вот почему он порой попадает под влияние буржуазного пацифизма и либерально-буржуазных воззрений на относительную культурную роль империалистических колонизаторов. Выявив, как мы видели выше, цель и характер завоеваний Соединенных Штатов, В. Поссе говорит: „Куба, Порторико и Филиппинские острова ни в коем случае не проигрывают от замены тяжелого испанского ига *культурным владычеством* (подчеркнуто нами И. Г.) северо-американцев. „Без хозяина Филиппинские острова все равно не остались-бы“. Становясь на сторону буров в Англо-Бурской войне автор делает это не безусловно, исходя из интересов европейской культуры, боясь, что падение престижа Англии вызовет агрессивность по отношению к ней ее противников, „что может повлечь за собой опасные международные замешательства и внешняя политика еще более, чем до сих пор будет давить на политику внутреннюю, усиливая реакцию“.—Такая боязнь европейских осложнений, затемняет для автора положительное их значение для борьбы рабочего класса и иногда уклоняет его на путь либерально-буржуазного пацифизма. Он приветствует образование Южно-Африканского комитета примирения во время англо-бурской войны, в который входят „представители английской умственной аристократии“. Он верит в возможность осуществления предложения, выставленного этим комитетом:— „примирить британскую и голландскую расы в Южной Африке“ не изменяя всех общественных отношений, которые определяют отношения между расой угнетенной и угнетателями.

Как ни близко в последней части своих воззрений подходит В. Поссе к буржуазно-либеральным пацифистам, как ни велика та тень, которую эти его воззрения бросают на самое отношение к империализму и к той тактике, которую должен осуществлять рабочий класс по отношению к империализму, все же самая характеристика империализма, даваемая им, имеет для того времени большую ценность. Это станет для нас в особенности ясно, если мы примем во внимание, что теоретически проблема империализма еще совсем не разрабатывалась ни в Русском ни в Западно-Европейском марксизме.

В относящейся ко времени начала англо-бурской войны статье „Война в Южной Африке“ К. Каутский впервые занимается вопросом о сущности империализма, при чем из статьи следует, что колониальная политика и империализм явления совершенно различные, что империализм появился в Англии в результате падения английской гегемонии на мировом рынке и вместе с этим старого манчестерства. На развалинах манчестерства вырастает империализм, который должен „при помощи политических средств укрепить колебающийся капиталистический способ производства“—это политическое средство— об‘единение колоний с метрополией в одно огромное государство— создание „Великой-Британии“—огромной мировой империи—откуда и происхождение термина империализм. Ни того, что принципы манчестерства под влиянием экономических причин падают в мировом масштабе, ни того, что империализм есть явление не только Английское, К. Каутский, по тому времени крупнейший в Западной Европе теоретик революционного марксизма, не видит. И в смысле ши-

роты понимания термина империализм наши правые марксисты стоят гораздо выше Каутского.

В легальной марксистской литературе левое крыло соц.-дем. не касалось вопросов международной политики, не касался их и крупнейший его представитель Ленин, но интересно здесь для сравнения привести из IV-го тома сочинений Ленина отрывок из статьи в Искре от 1-го декабря 1900 г. „Китайская война", где он касается вопроса о колониальной политике. „Принято называть эту политику грабежа, пишет В. И. Ленин, колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги". Правда выдержка взята нами не из теоретической работы, а короткой агитационной статьи, но и она говорит о том, что обозреватели иностранной политики из журналов легального марксизма не расходились в оценке этой политики с Лениным.

Еще разительней станет высота достигнутая даже правым крылом легальной марксистской литературы в понимании сущностн международной политики в смысле ее подчиненности империализму, если мы сравним их воззрения с воззрениями радикально-народнической интеллигенции, как они отражались в журнале „Русск. Богат.". Вот для примера в книжке 9-й за 1897 г. рецензия на достаточно известную книгу английского автора Малькольма Мак Коля:—„Султан и Державы" (СПт. 1897 г.) Книга Малькольма является исторической в том смысле, что она одна из первых отражает перелом, происшедший в английской политике под влиянием обострения империалистических отношений. Рецензент это отмечает. — До сего времени Англия придерживалась политики сохранения турецкой державы и оптимистически смотрела на возможность эволюции Турции в сторону более культурного, более гуманного управления, но вот с некоторого времени Англия кардинально меняет свое отношение к Турции и, теряет свои оптимистические взгляды на будущее турецкого управления, выступает в защиту всей угнетенной христианской раи и всех немусульманских народностей, угнетение которых описывается в чрезвычайно ярких красках. Теперь Англия требует, чтобы добиться прав от мусульман и общего прогресса в Турции применения принудительных мер, хотя бы в роде тех, какие были применены в 1880 г. для того, чтобы заставить Турцию подчиниться постановлениям берлинского трактата, когда была занята Смирна, главный ввозной порт Турции и наложен секвестр на таможенные доходы этого порта.—Как можно понять из текста рецензии,— специально на этом вопросе рецензия не останавливается,—эта перемена политики об'ясняется тем, что весь предыдущий опыт убедил в негодности старой английской политики, а потому Англия перешла от политики открытых дверей в Турции, к политике удушения, как правильно следовало-бы выразиться, а действительная причина—нарастающее осложнение и обострение международных отношений в связи с развитием империалистических отношений остается для рецензента совсем не замечанной. Какой-то для об'ективного взгляда непонятной иронией является изображение английской политики, как имеющей какие то собственные гуманные задания. Малькольм возмущается угнетением в Турции, а у рецензента, ну хотя бы прямо по ассоциации, не возникает мысль об ужасающих угнетениях в английских колониях на территории многократно большей, чем территория Турции. Но рецен-

зент идет еще дальше, его даже не удовлетворяет предложение Малькольма—„необходимо не просто принуждение—заявляет радикальный народник из Русского Богатства, издаваемого Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловским, а целое завоевание, но завоевание чего? Да всей Турции, потому что всюду (в Турции) господствует безграничная тирания, одинаково безнадежная к исправлению при сохранении турецкого владычества“.

„*Не принудить, а упразднить Турцию есть единственная целесообразная программа решения восточного вопроса*“ (Подчеркнуто нами И. Г.) Правда рецензента волнует вопрос о дележе турецкого наследства, но здесь он отделывается столь-же легкой, сколь и мало говорящей формулой—„Не раздел, а освобождение (везде, где это возможно) может явиться только безобидною и для всех выгодною комбинацией“.—И дальше продолжает—„Говорим для всех выгодною комбинацией, потому что одно избавление от тревог и опасений, связанных с неразрешимостью восточного вопроса, составляет очень крупную выгоду для всей Европы. Видите-ли, стоит только упразднить Турцию и со всеми осложнениями международной политики будет покончено“.

„Опасение Европейской войны—чувство вполне достаточное, которое, повидимому, все крепнет и развивается среди правительств и народов Европы. *Это одно из величайших завоеваний последнего времени.*“ И это „завоевание“ может быть еще более укреплено уничтожением Турции и мирным разрешением вопросов с этим уничтожением связанных“. И все это пишется накануне Испано-Американской и следующей за ней серией громадных войн в период начавшейся с конца 80-х годов самой бесшабашной и дикой захватнической политики во главе которой шла Англия.

В книжке 10-й Русского Богатства за тот-же год имеется любопытная корреспонденция из Франции, где автор отмечает блестящие достижения во внешней политике Франции, заключающееся в укреплении русско-французского союза, который он считает „решительным приобретением современной культуры“, потому что он „уменьшает возможность свирепой чисто зоологической вражды между цивилизованными народами“. А то, что это есть простоя группировка сил для грядущего грандиозного международного столкновения, обстоятельство которое и тогда уже было ясно для всех публицистов хотя-бы чуть чуть овеянных духом марксизма и, понимающих, что международная политика определяется не зоологическими, а экономическими отношениями, остается скрытым для корреспондента Русского Богатства. Он не может понять как с этой блестящей внешней политикой вяжется реакция во внутренней политике Франции и рост милитаристических настроений внутри ее. Действительно публицисты из Русского Богатства плывут без руля и без ветрил, не имея возможности связать концы с концами и видя противоречия там, где есть полное соответствие и, представляя орудие войны, франко-русский союз, как орудие мира, не могут об‘яснить рост милитаристических настроений и реакционную политику внутри Франции.

По поводу упомянутой нами выше книги „Mad in Germany“ рецензент „Русск. Богат.“ ухитряется явно бьющие в глаза экономические причины, благодаря которым Германия вытесняет на международном рынке Англию, заменить причинами психологического, национального и социально-исторического характера.

В этой главе мы затронули легальную литературу русского марксизма 1897—1900 г. г. только постольку, поскольку нам нужно

было выяснить частный вопрос об отношении ее к актуальным для указанного времени вопросам мирового хозяйства и мировой политики. Нам придется заняться этой литературой более обстоятельно в дальнейшем, когда мы будем изучать оформление в ней основных экономических положений, легших в основание революционно-марксистской теории империализма.

Проф. А. А. Манов.

„К постановке вопроса о методологии счетных дисциплин".

I.

Основными и важнейшими вопросами во всякой науке или наукообразной отрасли знания являются вопросы методологические. Каков предмет познания данной науки, каков об'ект ее исследования, каковы те особые точки зрения, которые определяют направление исследования и содержание познания, каковы методы данной науки, как конструируются границы данной науки и смежных наук,—таков цикл основных вопросов, разрешение которых переводит данный комплекс понятий и суждений из знания в научное знание.

Совокупность знаний, об'единяемых до сего времени необ'единенными терминами „Счетная Наука", „Счетоведение", „Бухгалтерия",[1]) является, несомненно, одной из старейших отраслей человеческих знаний. Их историки начинают свои исследования с зарождения у человека хозяйственной идеи, одним из трех составных элементов которой являлась счетная идея (проф. А. М. Галаган), или ближайшим образом—с Египта (3500 лет до нашей эры). Если даже считать моментом зарождения системы понятий относительно того или иного предмета познания появление первого печатного или рукописного труда, более или менее систематически излагающего эти понятия, то и в этом случае рассматриваемая нами отрасль знаний имеет весьма почтенную давность в 433 года.[2]) Тем не менее в области указанных основных вопросов данная отрасль знаний является одной из наименее разработанных. Отсюда то на первый взгляд кажущееся ненормальным для научного знания несовершенство счетных понятий и их словесного оформления, которое вызывает столь-же резкие, сколько, может быть, и лишенные необходимой глубины замечания исследователей, с ними соприкасающихся. „Вместо ясных и полных содержания экономических категорий Маркса мы весьма часто прибегаем к вульгарным бухгалтерским рубрикам, нередко затушевывающим суть дела"[3]), жалуется М. Смит, давая основание думать, что автор не видит в той

---

[1]) Позднейшим является предложение профессора *Л. Гомберга* назвать рассматриваемую науку „Экономологией" (см. его L'Economologie (Science comptable) et son historie) разделяемое и поддерживаемое среди русских авторов проф. *А. М. Галаганом.*

[2]) „Summa de Arithmetica, Geometria, Proportioni et Proportionalita. Tractatus de computis et scripturis" *Л. Пачиоло.* Издано в Венеции в 1494 г. Русск. перев. Э. Г. Вальденберга. С.П.Б. 1893 г.

[3]) *М. Н. Смит.* „Экономические основы калькуляции" 1926 г. стр. 8.

отрасли знания, о которой трактует, ничего, кроме „вульгарных рубрик“ и „рыночно-бухгалтерской терминологии“.[1])

Нельзя отрицать того обстоятельства, что в этих замечаниях есть доля истины, ибо, как мы указали, остаются и сейчас недостаточно разработанными главнейшие методологические вопросы Счетной Науки, а отсюда и логически вытекающие недостатки внешней, формальной обработки ее понятий. Но об‘яснение этого факта лежит, по нашему мнению, значительно глубже поверхностных замечаний и кроется в области исторического хода развития познавательного процесса человека,

II.

Как будет показано дальше, об‘ектом исследования Счетной Науки является единичное хозяйство (не полностью, а в строго ограниченной области и со строго определенной точки зрения); последнее-же в свою очередь, является мельчайшим хозяйственным элементом. А известно, что чем более частным, более индивидуальным оказывается то или иное явление, тем оно сложнее по своему существу и тем оно труднее для изучения, и наоборот, явления и понятия более общие (в эмпирическом смысле) в то же время суть явления и понятия наиболее простые, наиболее доступные наблюдению и изучению. Способность познавания и познавательный процесс развиваются таким образом, что человек познает прежде всего то, что обладает общими чертами, и уже позднее переходит к познанию индивидуального и частного. „Те стороны действительности, которые наблюдаются с величайшей ясностью и отчетливостью и несомненно находятся налицо в суждении и восприятии, относятся к области общего... тогда как настоящее индивидуальное наблюдается и познается с величайшим трудом“.[2])

„Познавательная деятельность дает прежде всего знания средней степени общности, и уже на этой почве развиваются в одну сторону знания наивысшей степени общности, а в другую сторону—знания низшей степени общности, а также знания об индивидуальном“.[3])

Об‘ясняется такая постепенность в восприятии человеком явлений окружающего его внешнего мира тем, что „в человеческом сознании на его теперешней ступени развития наиболее отчетливо дифференцировалось только средне-общее содержание действительности (и оно то по недоразумению и принимается за индивидуальное), а наиболее общее, также как и наиболее индивидуальное, дифференцируется в нашем сознании очень несовершенно и потому наблюдается с величайшим трудом ... Сталкиваясь с единичной, единственной в мире вещью, мы усматриваем в ней обыкновенно лишь такие стороны ее, которые общи у нее со многими другими вещами, и представление о ней оказывается средне-общим, а вовсе не единичным“[4]).

Нам нет надобности останавливаться на разделяющем различные философские школы вопросе о сущности общих суждений,—являются ли они всего лишь связкой индивидуальных представлений (номенализм), или совокупностью тождественных элементов вещей (реализм),

---

[1]) Там же. Стр. 38. Характерно для выявления степени знакомства, как цитируемого, так и других экономистов (*Струве, Реннер* и др.) с развитием Счетной Науки и ее понятий то, что все они говорят о „бухгалтерии“, термине, обозначающем лишь отдел практической части Счетной Науки и употребляемом в указанном широком смысле лишь узкими практиками, да иногда, по традиции, и академическими представителями Счетной Науки (проф. *Н. А. Блатов.)*

[2]) *Н. Лосский.* „Обоснование интуитивизма“ 1910 г. стр. 264.

[3]) Там же. Стр. 267.

[4]) Там же. Стр. 264—267.

или же заместителями и представителями единичных свойств вещей (концептуализм); для нас в данном случае важна не природа суждений, а методы их образований. А формулированный выше взгляд, что в наших суждениях преобладают знания если не общие, то средней общности, достаточно убедительно доказывается всем повседневным опытом. В частности, хорошо известно, что мы лучше знаем „человека" в его физическом и психическом существе, нежели конкретных, может быть, даже очень близких к нам людей. Встречаясь с новым составом какой либо совокупности, напр. с новым составом аудитории, мы прежде всего познаем ее, как таковую, как аудиторию, а потом уже начинаем познавать и отдельных лиц, входящих в качестве элементов в эту совокупность.[1])

Таким образом, устанавливая на основе непосредственных наблюдений с одной стороны, логического (гносеологического) анализа— с другой постепенность усвоения явлений физического и социального мира от средне-общего к индивидуальному, мы находим об'яснение и, если угодно, оправдание указанного выше факта недостаточного раз-

[1]) Не можем здесь не указать, что, пользуясь аргументацией интуитивизма в определении понятий общего и частного и их генезиса в познавательном процессе, мы совершенно не имеем в виду сказать, что нами разделяются основные выводы этого философского учения и основание этих выводов. Мы полностью разделяем взгляд этой гносеологической теории лишь на генезис процесса познания и пользуемся именно ея формулировками лишь как, по нашему мнению, наиболее точными.

Известно, что изложенный взгляд на природу первоначальных представлений и их развитие присущ и другим философским теориям, и прежде всего весьма далекому от идеалистического эмпиризма (интуитивизма) *О. Конту*, который говорит, что „наиболее простые явления, т.-е. наименее осложненные влиянием других, суть по необходимости также и наиболее общие, ибо все, что наблюдается в большинстве случаев, уже по тому самому наименее зависит от обстоятельств, присущих каждому отдельному случаю. Таким образом, чтобы изучить систематически всю естественную философию, надо начать с самых общих или самых простых явлений (разбивка наша. А. М.), а затем последовательно переходить к более частным или более сложным явлениям (разбивка наша. А. М. См. *О. Конт*. „Курс позитивной философии", лекция 2-ая)

Как видим, О. Конт считает, что и высшую ступень знания—философскую систему необходимо строить в вышеуказанном порядке развития процесса познавания вообще: от „простого-общего" к „сложному-частному". Правда, содержание и определение двух последних понятий у О. Конта, как нам кажется, не совсем ясно. В только что приведенных словах общее и частное определяются скорее количественно („наблюдаются в большинстве случаев"). В следующих словах преобладают уже не количественные, а качественные моменты. „Так как астрономические явления наиболее общи, наиболее просты и наиболее абстрактны, то очевидно, что с их изучения и должна начаться естественная философия... Во всех явлениях земной физики наблюдается прежде всего общее действие всемирного тяготения, а затем еще несколько видоизменяющих его сил, свойственных только земным явлениям; поэтому то, анализируя самое простое земное явление..., мы всегда найдем, что оно сложнее самого сложного небесного явления... Явления, рассматриваемые социальной физикой (социологией А. М.), суть наиболее частные, наиболее сложные, наиболее конкретные", и потому их изучение в системе наук О. Конт ставит на последнем месте.

С точки зрения качественного разграничения рассматривает понятия общего и частного у О. Конта и *Н. И. Кареев* во „Введении в изучение социологии" (стр. 14 и след.).

Существенным для нас является не точность содержания понятий „общее" и „частное", а последовательность их изучения, которая в данном случае переносится из области первичного познавания в область философского знания, будучи, что особенно важно, и в том и в другом случае тождественной.

Близкую концепцию находим у *Т. Рибо*, указывающего в его „Эволюции общих идей", что „ум идет от неопределенного к определенному; как только ум переживает момент восприятий и его непосредственного воспроизведения в памяти, тогда возникает родовой образ, т. е. переходное состояние между частным и общим,—смутное упрощение (перевод Спиридонова, стр. 46).

См. также *Х. Зигварт*: „Совершенно вопреки обычному учению об образовании общих представлений, общее, как в индивидууме, так и в языке, является раньше, нежели специальное". (Логика. Русский перевод И. Давыдова; т. 1-й, стр. 49).

вития основных положений Счетной Науки. Человеческое сознание прежде всего познает общее, хотя бы и в форме видового, и уже потом переходит к полному уяснению всего многообразия и многогранности частного. В области хозяйственной деятельности это значит, что прежде всего наиболее отчетливо осознаются экономические феномены, являющиеся средне-общим для отдельных фактов взаимодействия хозяйствующих суб'ектов, и уже позднее достигается ясное осознание основы экономических отношений—хозяйственных действий индивидумов; прежде познается „народное хозяйство" в смысле-ли „системы взаимодействующих хозяйств" или в смысле „единства" этих хозяйств, и уже потом—сингулярное единичное хозяйство. Отсюда и соответствующая постепенность в развитии хозяйственных дисциплин.

Нельзя не добавить к этому еще и чрезвычайно важного указания на то, что всякое знание требует для своего развития в качестве фундамента определенной ступени развития других, более или менее близких по об'екту или по методу знаний. И чем более частным, а следовательно, и более сложным является предмет познания, тем на большем количестве данных других знаний обосновывается знание этого предмета. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, укажем все же, что изучение единичного хозяйства опирается на логику столько же, сколько и на политическую экономию, не могущую претендовать на высокую степень точности ее положений, и на математику в ея наименее разработанных отделах (теория комплекса)[1].

III.

Изложенное об'яснение недостаточной развитости ряда основных понятий рассматриваемого нами знания по сравнению со степенью развития таковых же в более старых отраслях знания не только не ослабляет необходимости скорейшей их разработки, а наоборот, обостряет таковую необходимость, ибо неосозданный дефект может казаться нормальностью, тогда как дефект осознанный и сознается, как аномалия.

Выше указано, что к числу основных методологических вопросов в каждой науке относится вопрос о разграничении данной отрасли знания от других смежных дисциплин. По отношению к Счетной Науке это означает, как будет указано ниже, ближайшим образом, розграничение с дисциплинами экономическими.

В одинаковой мере важным является и вопрос об установлении точной терминологии для вырабатываемых и применяемых Счетной Наукой понятий. Как известно, только та совокупность суждений и понятий может быть названа системой знаний, т.-е. наукой, в которой эти суждения и понятия точно классифицированы, при чем самая классификация „должна вытекать из изучения самих классифицируемых предметов и определяться существующими между ними действительными сродствами и связами" (О. Конт). В свою очередь всякая классификация и систематизация неизбежно ведет к выработке точных терминов, охватывающих одним наименованием группу однородных явлений, об'единяемых на основе их сродства и связи. Таким образом,

---

[1]) „Нелегкая задача популяризировать понятие комплекса, которое устанавливается в результате всего математического анализа, потому что и простейшие результаты математического анализа, а не только конечные результаты его, не легко усваиваются... Весьма возможно, что первая попытка широкой популяризации понятия о математическом комплексе, с целью установления основных счетных понятий, и не будет особенно удачною, тем не менее таким путем мы надеемся все же положить начало научному обоснованию учета, а научное обоснование учета в свою очередь поведет к уяснению многих хозяйственных явлений". *А. П. Рудановский.* „Общая теория учета". Стр. 209—210.

основной признак научности—приведение в систему понятий и суждений относительно познаваемого Счетной Наукой об‘екта требует точной терминологии, которая сама является результатом установления классов явлений и понятий и их системы[1]).

В области счетных знаний данный вопрос осложняется еще необходимостью приведения в согласование их терминологии с тэрминологиею других смежных дисциплин и, в частности, с терминологией Политической Экономии. Назвав несколько грубой характеристику, данную М. Смит бухгалтерским терминам, мы все же не можем не согласиться с ней в том, что „Маркс снимается нами с полки и используется преимущественно, когда нужно прочесть доклад в марксистком кружке или написать статью для теоретического журнала, но Маркс спокойно стоит на полочке..., пока мы сидим в учреждениях и сводим наши бухгалтерские балансы или калькулируем прибыли и убытки“[2]), или, добавим от себя, когда мы пишем статьи или книги по вопросам теории и практики учета хозяйства. Конечно, нельзя свести все счетные термины к терминам Политической Экономии. Каждая наука, каждое искусство и каждое знание имеет свою веками выработанную терминологию, быть может, однозвучную с терминологией других наук, но обладающую своим внутренним, более или менее строго установленным содержанием. В области счетных знаний к таким терминам относится, в частности, термин „капитал“, с недостаточно установившимся содержанием[3]), но тем не менее во всех случаях понимаемый иначе, нежели термин „капитал“ понимается в Политической Экономии. Нельзя отказать Счетной Науке в праве вливать свое содержание в применяемые ею термины; нужно лишь совершенно ясно установить соотношение их содержания с содержанием одинаковых в звуковом отношении терминов других наук.

Нужно сказать, что установление только что указанных соотношений, т. е. соотношения между счетными дисциплинами и Политической Экономией и соотношения между их терминологией, в основном принадлежит не представителям счетных знаний. Остановимся на двух, наиболее интересных на наш взгляд попытках связать Политическую Экономию и Счетную Науку и терминологически и по существу, при чем обе эти попытки принадлежат экономистам. Мы имеем в виду прежде всего работы П. Струве. „Задача идиографического изучения хозяйственной жизни“, говорит последний, „как методическое требо-

---

[1]) Считаем невозможным, говоря о недостаточности разработки терминологии Счетной Науки, не напомнить указаний переводчика „Логики“ Х. Зигварта *И. А. Давыдова*, который в своем предисловии говорит: „По истине печальное положение философской терминологии на русском языке слишком хорошо известно, чтобы нужно было особенно распространяться об этом. Даже вполне компетентные представители русской философской мысли, не говоря уже о сомне некомпетентных, одни и те же термины передают нередко различным образом. Это лишний штрих из нашей общей некультурности... (разбивка наша А. М.)

Нашим компетентным философским сферам давно пора было бы положить конец этому невозможному терминологическому разброду...

Даже такая, повидимому, вполне завершенная дисциплина, как Логика, к сожалению, не составляет в этом отношении исключения: и здесь царит тот же терминологический разброд и произвол“.

Этих обстоятельств „общей некультурности“ не учла М. Смит, давая вышеуказанную характеристику терминологии счетных знаний.

[2]) М. Смит. Эконом. основы калькуляции. 1926 г. стр. 9. См. также стр. 38.

[3]) Reinvermögen + Schulden по Prof. I. Schärr'y („Buchhaltung und Bilanz“), Reinvermögen по Dr. P. Gerstner'y („Bilanz-Analyse“) и пр.

То-же с термином „пассив“—Schulden o. Aufwendung по Gerstner'y („Bilanz—Analyse“), Schulden+Geschäftsfordernisse (Geschäftsbedürfnisse) по Staub'y („Kommentar zum Handelsgesetzbuch“), Yermögensnachweise (?) по Prof. E. Feuerstein'y („Das Ganze der Fabriks Buchhaltung)“ и др.

вание—программа, до сих пор не ставилась с полной ясностью". Между тем, „вопрос о соотношении между Политической Экономией и Бухгалтерией (производящей идиографическое изучение хозяйственной жизни А. М.)... есть предварительный методологический вопрос всей эмпирической Политической Экономии и должен быть поставлен с полной ясностью. Без регистрации всех реализованных цен невозможно цифровое установление успешности предприятий... Между тем при условии такой регистрации возможны все интересующие экономиста выводы, выходящие за пределы бухгалтерии и тех задач, которые ей ставит право и практические надобности частного хозяйства. *Только... обработка первичных данных критически построенной и критически осуществляемой бухгалтерии может дать ответы на целый ряд вопросов, которые ставила себе Политическая Экономия и которые она пыталась разрешить „дедуктивно". В частности, только таким путем разрешима проблема учета доходов отдельных хозяйств и тем самым может быть разрешено то, что составляет реальное содержание проблемы распределения"* (курсив автора)[1].

Попытку установления частной, терминологической и по содержанию, связи между Политэкономией и Счетной Наукой находим у К. Реннера в „Теории капиталистического хозяйства", где он дает экономическую интерпретацию счетных понятий „баланс", „актив", „пассив". Переводя на язык Политической Экономии термины Счетной Науки, Реннер говорит, что „баланс есть не что иное, как уравнение $Д = Д + \triangle$ в его развернутом виде" где $Д + \triangle$ есть пассив, а $Д—Т—\left\{\frac{С\ П}{Р\ С}\right\}—П—Т,—Д,$—актив.[2])

IV.

Чрезвычайно важным методологическим вопросом счетных дисциплин является вопрос о природе связи между хозяйсвенными явлениями. Правда, по своей сущности он заходит за грани понятий Счетной Науки; однако и последняя не может нормально развиваться без его разрешения. В самом деле, в зависимости от того, будем ли мы рассматривать эту связь, как причинную, или как фунциональную, или, наконец, как связь сопряженности (комплексная), будет находиться и применение Счетной Наукой тех или иных методов исчисления хозяйственных явлений. Среди теоретиков Счетной Науки мы найдем представителей и первой (Л. Гомберг), и второй (Сиверс и большинство русских авторов), и третьей (Рудановский) точек зрения.

В настоящей работе по самому ее характеру и назначению мы не можем поставить себе задачей ни перечисление всех методологических

---

[1]) *П. Струве* „Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни". Часть II-я, выпуск I-й, глава 4-я „Идиография хозяйственной жизни, как методическое требование и научная программа (политическая экономия и бухгалтерия)".

Интересно отметить, что указывая сам и приводя мнение других о „грубости опытных бухгалтерских приемов", П. Струве в то же время приводит и об'яснение этому факту, которое не могло бы быть лучше формулировано и представителями Счетной Науки. „Часто встречающееся указание на неточность частно-хозяйственной бухгалтерии и калькуляции, на то, как много в ней условного и произвольного, а потому ненаучного, не могут поколебать этого вывода (о счетных данных, как основе для решения вопросов политической экономии. А. М.). Когда делают (эти) указания, то забывают или, вернее, не задумываются над тем, что сама бухгалтерия состоит из: 1) первичного материала, неверность которого может восходить только к обману или самообману, что может быть присуще *всякой* (курсив автора) регистрации; 2) из известной обработки и группировки этого материала, который принципиально всегда и практически часто может быть отмежевана от первичного материала". „Хозяйство и цена". Ч. II-я, вып. I-й, стр. 86/446.

[2]) *К. Реннер.* „Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализирования". Русский перевод Г. Германидзе с предисловием Спектатора. Стр. 79—81.

Не имея возможности в данном случае углубиться в весьма интересное исследо-

вопросов Счетной Науки, ни тем менее их разработку. Мы должны ограничиться лишь указанием на необходимость срочной их разработки, для чего весьма кратко выше остановились на некоторых из них, дав общее обоснование настоящего положения этого вопроса. В то же время нашей задачей является наметить основные вехи такой разработки, для чего мы считаем возможным и достаточным более подробно остановиться лишь на одном из важнейших методологических вопросов,—на вопросе о природе Счетной Науки, об‘екте ея познания и ея месте среди других научных дисциплин.

Что же мы должны понимать под Счетной Наукой?

V.

Хозяйственные явления, отличаемые от явлений естественно-технического порядка присущей им социальной обусловленностью и суб‘ективно целесообразностью, могут быть и должны быть изучаемы с двух точек зрения, вытекающих из их природы.

Прежде всего, в хозяйственном есть сторона, обращенная к внешней природе, есть целевое отношение человека к вещи, возникающее на почве удовлетворения его материальных потребностей, есть производственное начало. С другой стороны, поскольку хозяйственная деятельность индивидуума развивается в условиях социальных связей, постолько хозяйственное переходит, в экономическое, в совокупность взаимоотношений хозяйствующих суб‘ектов, каковыя взаимоотношения развиваются и оформляются, будучи обуславливаемы формами производственного начала. Наряду с явлениями производства и потребления вырастают отношения распределения и обмена, при чем самые явления производства и потребления из индивидуальных и суб‘ективных явлений, из простых хозяйственных актов пределах единичного хозяйства превращаются в социальные проблемы, становятся в пределах социального целого категориями экономическими. „Экономические категории представляют собой лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства. Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, а изменяя свои способы производства, способы обеспечения своей жизни,—они изменяют все свои общественные отношения“[1]). При этом, зависимость между производительными силами и общественными отношениями, между хозяйственным отношением индивидуума к вещи и общественно-производственными отношениями к другим индивидуумам является и мыслится, как эмпирическая и логическая, как двухсторонняя взаимообусловленность. „Производство создает предметы, *соответствующие потребностям*, распределение распределяет их *согласно общественным законам,* обмен распределяет снова уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении *продукт выступает из общественной циркуляции* и становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе использования. Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, настоящее *логическое единство*, образуют собою

вание об экономической интерпретации понятий и терминологии Счетной Науки, мы отсылаем интересующихся к цитированному первоисточнику, а тем самым и к его оригиналу—II-му тому „Капитала“ Карла Маркса, о котором вместе с К. Реннером должны сказать, что „учение Карла Маркса об обращении является единственно научным анализом баланса“ и основой для экономической переработки понятий Счетной Науки.

[1]) К. Маркс „Нищета философии“ Перев. В. Засулич под редак Г. В. Плеханова 1906 г. стр. 78—79.

части целого, различия внутри единства. (Курсив везде наш. А. М.) Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства,—но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения"[1]). Однако исторические факты свидетельствуют, что имеют место случаи когда „распределение является не как нечто зависящее от производства, но наоборот, *производство расчленяется и определяется благодаря распределению.* Определенная форма производства обуславливает определенные формы потребления, распределения и обмена и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу.* Конечно, и призводство *в его односторонней форме,* с своей стороны, определяется *другими моментами* (курсив наш. А. М.), напр., когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возростают размеры производства, становится глубже его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д.

Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом.[2])

Таким образом, в пределах хозяйства и хозяйственного тесно между собою переплетаются и взаимно исторически, функционально и логически обуславливаются хозяйственные действия отдельных индивидуумов (производство в его „одностороней" форме и потребления) и система их производственных взаимоотношений (распределение и обмен.)

Формулированная с неоставляющей сомнений ясностью в цитированной работе К. Марксом,[3]) связывающим неразрывными узами хозяйственную деятельность отдельного хозяйствующего индивидуума (единичного или коллективного) с общественными (экономическими) отношениями, эта точка зрения свойственна в той или иной форме и большинству экономистов других школ.

Устанавливая в качестве об'екта хозяйственной деятельности, „общего предмета человеческих желаний" богатство, классики (Welth of Nations.—A. Smith, Милль) и их продолжатели характеризуют богатство на-ряду с понятиями полезности, материальности, способности сохраняться (Милль), возникновения в результате затраты усилий, также и понятиями меновой ценности (Милль), присвояемости, (Кларк) об'екте частной собственности (Маршалл), т. е. в их определениях индивидуальное (полезность) связывается с экономическими (ценность). Да и самая полезность, по замечанию проф. Р. Орженцкого, „не есть физическое свойство вещи; это есть физическое свойство по отношению к человеку; понятием полезности человек впервые вводится в круг экономического явления, и в этом именно заключается сознаваемая или несознаваемая причина, почему этот признак в той или иной степени, но всегда и всеми признавался необходимой составной частью

---

[1]) К. Маркс. „Введение к критике политической экономии".

[2]) *К. Маркс* „Введение к критике политической экономии".

[3]) Из экономистов-марксистов см. *Н. Бухарина.* „Индивидуальные акты и общественные явления генетически (курсив автора) связаны друг с другом ближайшим образом.. Мы имеем различные ряды явлений индивидуального характера и слагающиеся из них ряды явлений общественного характера; несомненно, что имеются некоторые закономерности как между этими двумя категориями (индивидуального и социального характера), так и между различными рядами одной категории." Политическая экономия рантьё, стр. 36—37.

экономического явления. Однако, *полезность есть только отношение вещи к человеку; понятие-же экономического должно заключать больше; оно должно заключать в себе и отношение человека к вещи.*[1])

Определяя хозяйственную деятельность моментом цели, к каковой относится удовлетворение человеческих потребностей вообще или удовлетворение только материальных потребностей (Дитцель, Туган-Барановский, Зелигман, Чупров и др.), указанием ее об'екта—внешний мир вообще (Туган-Барановский), только сфера материальных вещей (Шёнберг, Шмоллер, Железнов), сфера несвободных и недаровых благ (Леруа-Болье, Железнов), сфера вещей, способных быть предметом обмена (Кейнс), указанием метода достижения цели—экономического принципа (Чупров, Исаев), указанная группа экономистов, преимущественно индивидуально-психологического направления и эклектиков, также устанавливает, что „хозяйственная деятельность прежде всего—явление общественное" (Зелигман), что мотивы действий индивидуумов являются исходным пунктом об'яснения социальных законов (Бем-Баверк), что индивидуально-экономические исследования являются „вспомогательными средствами, предварительной ступенью" политико-экономических исследований (Железнов), что „в результате взаимного влияния целесообразных действий многих людей, преследующих независимо друг от друга свои особые цели, возникают результаты, совершенно независимые от воли каждого отдельного человека и не входящие в область его целей" (Туган-Барановский), что „особенный научный интерес представляют еще (т.-е. кроме способных удовлетворять потребности А. М.) те блага, которые.... об'единяются в особую категорию благ, под названием *отношений*" (К. Менгер), что хозяйство определяется „и меновыми связями одного лица или нескольких совместно живущих лиц" (Шмоллер) и т. д. Следовательно, и в данном случае двухсторонность хозяйственного, несколько затушевываемая фиксированием внимания в первую очередь на сфере индивидуальных мотивов и действии[2]), выступает совершенно ясно, когда теоретическая мысль подходит к установлению на основе индивидуального поведения типичных явлений, „точных законов" (К. Менгер), вытекающих из этого поведения.

Если, таким образом, почти всеми экономистами теоретиками в хозяйственном устанавливается наличность узко-индивидуального—деятельности, направленной на внешний мир с целью обеспечения жизни, и наличность меж-индивидуального,—связей и отношений отдельных индивидуумов, то и изучение хозяйственного возможно с двух точек зрения: с точки зрения изучения явлений хозяйствования и с точки зрения изучения закономерностей, возникающих из социально-экономических связей и отношений хозяйствующих суб'ектов.

Общепризнано, что явления социально-экономических связей и вытекающие отсюда экономические законы изучаются специальной наукой—политической экономией, и что область последней—это область общественного хозяйства, обстрагированного от хозяйствования отдельных индивидуумов, так же, как норма поведения (юридическая норма) обстрагируется от конкретного поведения отдельных индивидуумов и обославливает последнее.

---

[1]) Р. Орженцкий „Учение об экономическом явлении" Одесса, 1923 г. стр. 13. Курсив наш.

[2]) „Изучение *типических черт единичных хозяйств*, познание состава хозяйства, знакомство с главными явлениями, происходящими среди них, и с основными разновидностями этих хозяйств, в пространстве и времени, составляет ближайшее содержание политической экономии." *А. И. Чупров*. Политическая экономия. Изд. 1902 г.

Но бесспорно также и то, что экономические законы проявляются в отдельных конкретных хозяйствах, обуславливая то или иное конкретное направление их развития, определяя собой их формы и бытие, и с другой стороны, что источником, материалом для экономических законов, или, пользуясь терминологией Амонна, об'ектом исследования, позволяющим построить логическое единство проблем относительно предмета познания теоретической экономии, является отдельное, единичное хозяйство. При этом под последним подразумевается не просто совокупность хозяйственной деятельности, но совокупность личных и материальных средств, об'единяемых определенной хозяйственной целью или целями, совокупность, построенная нормально на основе экономического принципа и в своей деятельности обуславливаемая экономическими законами. Это есть „культурное единство и внешнее целое", „совокупность приспособлений и учреждений, служащих хозяйственной деятельности, вместе с результатами последней".[1])

И если общие законы хозяйственной деятельности, возникающие в результате того, что она осуществляется в социальной среде и потому является гетерогенною, изучаются специальной научной дисциплиной, имеющей своим предметом познания только экономическое отношение, то вторая, а генитически первичная, сторона этой деятельности, являющейся сферой отражения и овеществления, сферой „воплощения" этих законов, сторона, непосредственно обращенная к внешнему миру вещей, являющаяся отношением человека к вещи, должна быть изучаема, очевидно, вполне самостоятельно, вне пределов политической экономии, хотя и в тесной связи с последней. Эта отрасль научного знания, изучающая единичное хозяйство (предприятие) в качестве совокупности надлежаще организованных с целью осуществления того или иного вида хозяйственной деятельности личных и материальных средств, а равно изучающая и процессы происходящие в этом телеологическом единстве, получает становящееся общепризнанным наименование „Учения о Единичном Хозяйстве" (Privatwirtschaftslehre, Betriebslehre).

Возникшее, согласно вышеустановленному закону развития процесса познания, тогда, когда уже завершился процесс выработки системы основных понятий об общественном (народном) хозяйстве (Политэкономия), развертывающееся лишь в нястоящее время до значения специальной науки со своим об'ектом и методами познания, со своей конечной целью—построения научной теории хозяйствования (Р. Зейфферд), разрабатываемое как специальными представителями этого учения, так и представители политической экономии (*М. Веймар и Г. Шеницц*—„Основы и систематика учения о частном хозяйстве, как науки"; *Р. Лифман* „О предмете и систематике учения о единичном хозяйстве"),—Учение о Единичном Хозяйстве тем не менее в области усвоения об'екта исследования имеет уже свою историю. Так, еще *А. Вагнер* определял задачи частной экономики, как исследование экономических явлений с точки зрения единичного хозяйства и его экономических целеустремлений, отделяя частную экономику от политической экономии, предметом которой служат не просто хозяйственные явления, но хозяйственные явления, образующие в их совокупности и взаимодействии народное хозяйство и рассматриваемые в этой их особенности; одновременно им дана и классификация единичных хозяйств, с подразделением их на 2 группы—по личности хозяйствующего суб'екта и по целям хозяйства.

По совершенно справедливому замечанию Ф. Листа, классическая

[1]) *М. И. Турган-Барановский.* Основы Политической Экономии. 5-е изд., стр. 15-я

политическая экономия („Школа“), строя здание экономической науки на принципе полной свободы индивидуального хозяйственного по ведения, на совпадении частных и общественных интересов, смешала „принципы частной экономии с принципами хозяйственной экономии“.[1]) Особенно ясно это сказывается у Т. Купера, заявляющего, что „политическая экономия почти тоже самое, что и частная экономия всех индивидуумов; *политика* не составляет какой либо существенной особенности *политической экономии;* нелепо было бы думать, что общество есть нечто совершенно иное, нежели индивидуумы, из которых оно состоит“.[2])

Мы отнюдь не желаем и не можем сказать, что классики, равно, как и их предшественники, меркантинисты и физиократы, разработали проблемы учения о единичном хозяйстве. Указанной ссылкой мы подчеркиваем лишь то обстоятельство, что единичное (сингулярное) хозяйство уже давно являлось предметом внимания и первичных попыток систематического его изучения. Однако, время для детального и углубленного изучения этого хозяйства еще не пришло, ибо коллективное общественное восприятие и сознание в течение ряда столетий (16-й—19-й в. в., в зависимости от времени зарождения и темпа роста идеи современного государства в различных странах) было сосредоточено на социальном явлении средней общности—на идее организации национального государства, борющегося за самостоятельное существование и развитие. Перед грандиозностью этой задачи стушевывались интересы единичного хозяйствующего суб‘екта.

Тем не менее, экономическая мысль не могла уйти от последнего, как от своей почвы, и чем выше поднимались теоретические обобщения экономистов-социологов, тем ощутительна становилась необходимость изучения отдельных элементов хозяйственного целого, тем яснее сознавалось, что только надлежащая организация первичной ячейки социального целого—единочного хозяйства и нормальное течение происходящих в нем процессов обуславливают нормальное развитие всего экономического целого.[3])

Таким образом, изложенное выше позволяет сказать, что наличность в сфере хозяйственных явлений момента суб‘ективно-целесообразных отношений человека к внешнему миру, имеющих целью поддержание жизни и нуждающихся для своего внешнего проявления и достижения указанной цели в надлежащей организации материальных и личных средств (хозяйство, предприятие) ставит в качестве самостоятельной научной проблемы проблему рационального хозяйствования, проблему изучения единочного хозяйства с точки зрения изучения

---

[1]) *Ф. Лист.* Национальная система политической экономии. Перевод под редакцией Д. В. Трубникова 1891 г. стр. 212.

[2]) „Lectures on political Economy by Thomas Cooper“. Цитируем по Ф. Листу.

[3]) Нашим положениям не противоречит то обстоятельство, что первичным содержанием „экономики“ было изучение отдельного хозяйства—ойкоса у греков и хозяйства государя у комералистов. Греческая „экономия“ развивалась уже тогда, когда в достаточной мере было развито учение о государстве; потому-то „экономика“ и мыслится Аристотелем в неразрывной связи с „хрематистикой“ (учение об обмене). При этом, греческие философы, в трудах которых мы находим экономические идеи „думали больше об обществе или государстве, чем об индивидууме, и можно сказать, что, в общем, афинские философы ставили во главу угла солидарность общества. Они не закрывают глаз на интересы индивидуума, но всегда индивидуум был прежде всего гражданином“. (*Л. Хеней.* „История экономических учений в древности и в средние века“, в „Истории экономических учений“ *Ш. Жида* и *Ш. Риста.* Перев. Сережникова и Розенфельда под ред. проф. В. Тотомианца). Как у древних, включая римских scriptores de rerustica, так и у камералистов описываемое ими хозяйство было тем средне-общим представлением, которое соответствовало экономическим условиям эпохи и степени развития их мышления.

происходящих в нем процессов (динамика хозяйства) и с точки зрения его организационных и функциональных форм (статистика хозяйства) с оценкой их на основе принципа экономической целесообразности. Эти задачи и являются содержанием „Учения о единичном хозяйстве".

Мы не имеем возможности и необходимости в данное время останавливаться на вопросах методологии указанной науки, равно как и на вопросе о том, является-ли данная наука самостоятельной или логической вспомогательной дисциплиной для других социальных дисциплин и прежде всего политической экономии, или, наконец, чисто случайной вспомогательной дисциплиной.[1]) Для наших дальнейших целей будет достаточна лишь некоторая конкретизация указанных выше целей этой науки.

Совершающиеся в пределах единичного хозяйства (предприятия) хозяйственные процессы, его динамика, в их развитии обуславливаются обще-экономическими законами, протекают на основе последних и в определяемых ими формах. Однако, одно голое констатирование этого обстоятельства и исследование на его основе процессов единочного хозяйства является недостаточным. В приложении к конкретному указанные законы сами конкретизируются, наполняются конкретным содержанием и если не видоизменяются, то во всяком случае получают некоторое уточнение, как бы дополняются. В отношении экономических законов это тем более возможно, что они сами являются не вечными категориями, а категориями историческими, лишь проявляющимися в данное время в вечных феноменах-единичных хозяйствах (понимая вечное не в абсолютном смысле, но лишь в пределах истории человека). Для иллюстрации возьмем закон обращения, выражаемый формулою Т-Д-Т. В его абстрактном значении этот закон выражает лишь последовательность метаморфоз капитала в условиях товарного (капиталистического) хозяйства, долженствующих сменять одна другую в динамическом процессе развития единичного хозяйства. Но в конкретном воплощении этот закон принимает форму Т . . . Д . . . Д . . . Т . . ., так как указанные метаморфозы совершаются не мгновенно, а разделяются во времени. Социально-экономическая значимость этого закона осложняется в его конкретном применении совершенно об'ективным, техническим моментом времени. Для точного уяснения происходящих в единочном хозяйстве процессов необходимо изучить влияние этого нового фактора, стоящего вне сферы экономических отношений и потому не входящего в область исследований политической экономии.

Отрезки времени между Т . . . .Д и Д . . . .Т, между превращением товаров в деньги и денег в товары (беря процесс обращения в широком смысле) могут быть равны или неравны между собою, могут быть при равенстве и неравенстве более длинными и более короткими. Отражаются-ли эти обстоятельства каким-либо образом на проходящих в единичном хозяйстве процессах, на его функциях и внутренней структуре?

Рассмотрим отдельно возможные положения.

I. Т . . .Д + Д . . .Т =|= Constant.

1. Т . . .Д = Д . . .Т. Очевидно, что в этом случае в пределах единичного хозяйства должно сохраняться то равновесие между его элементами, которое в нем установилось под влиянием тех или иных

---

[1]) *А. Амонн:* „Предмет и основные понятия теоретической политической экономии" в сборнике „Политическая экономия". Основные проблемы в избранных отрывках „Предмет и метод". Сост. пр. *С. И. Солнцевым* в 1925 г. стр. 221.

причин. Товары в определенные промежутки времени заменяются равной им ценностью в денежной форме; последняя вновь замещается равноценностью в товарной форме. Процесс происходит таким образом, что ни одна его фаза не задерживает развитие другой. Принимая установившееся взаимоотношение между элементами хозяйства за оптимальное, мы можем сказать, что хозяйство находится в состоянии оптимального равновесия.

2. Т . . .Д $<$ Д . . .Т. Первая фаза процесса—превращение товара в деньги требует меньше времени, совершается быстрее второй фазы—превращения денег в товары. Это значит, что в определенный отрезок времени будет продано товаров больше, нежели их будет куплено. Очевидно, в этом случае произойдет смещение установившегося в хозяйстве оптимального равновесия его элементов в сторону увеличения капитала в денежной форме и уменьшения капитала в товарной форме. Если этот процесс будет длительным и равновесие не будет восстановлено путем ускорения фазы Д-Т (покупка товаров), хозяйство постепенно будет уменьшать свой функционирующий оборотный капитал, а тем самым уменьшать свою долю участия в Δ Д, принимая последнее в общественном масштабе, (народном, национальном, мировом,—в зависимости от хозяйства). Следствием этого должно явиться уменьшение его способности в конкурентной борьбе со всеми дальнейшими неблагоприятными последствиями.

3. Т . . .Д $>$ Д . . .Т. Отрезок времени, потребный для превращения денег в товар, меньше отрезка времени, необходимого для превращения товаров в деньги, время, необходимое для сбыта товаров, продолжительнее времени их заготовки. Очевидно, в этом случае также произойдет смещение оптимального равновесия в пределах хозяйства, но уже в сторону увеличения капитала в товарной форме. Если при этом для хозяйства представляется возможным избегнуть приостановки темпа развития его процессов путем получения добавочного капитала в денежной форме (кредит), капитал в товарной форме будет расти в своей величине. При условии стабильности общего об'ема хозяйства должен сократиться темп его процессов (быстрота оборотов), должен, следовательно, сократиться и процесс накопления, уменьшиться доля участия в общественном Δ Д) или Δ Т). В конце концов в пределах хозяйства установится некоторое новое равновесие элементов, соответствующее новым условиям его деятельности, и если эти условия явятся общими для всех других хозяйств, вновь установившееся равновесие будет оптимальным; в противном случае позиции хозяйства в конкурентной борьбе вновь окажутся ослабленными по сравнению с позициями других хозяйств, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Усложняя исследование и беря полную формулу кругооборота капитала—Д . . .Т $\left(\frac{Р}{С\ П}\right)$ . . . Пр . . . Т' (Т+т) . . . Д' (Д+д), или в несколько упрощенной и видоизмененной форме—Т . . . Д . . . Т $\left(\frac{Р}{С\ П}\right)$ . . . Пр . . . Т мы при анализе первых двух фаз с точки зрения представляемых ими отрезков времени придем к тем же выводам, усложненным лишь влиянием изменения равновесия элементов хозяйства на его производственные процессы, на об'ем и быстроту последних.

Если Т . . . Д $=$ Д . . . Т $\left(\frac{Р}{С\ П}\right)$, производство идет нормально, превращение товарной формы капитала в денежную и этой последней в производственную не задерживается, взаимоотношение между фор-

мами капитала и элементами хозяйства находится в состоянии оптимального равновесия.

В случае, когда Т . . . Д < Д . . . Т $\left(\frac{Р}{С\ П}\right)$, т. е когда превращение товара в деньги происходит быстрее превращения денег в элементы производственного капитала, денежный капитал окажется в излишке, равновесие между элементами хозяйства нарушится. Если излишек денег образовался не вследствие случайных причин, а является результатом изменения в условиях рынка для данной продукции или для элементов производственного капитала, — этот денежный излишек вообще будет вытолкнут из оборотных капиталов данного хозяйства и превратится или в ссудный капитал или в основной капитал с целью расширения производства.

При условии, если Т . . . Д > Д . . . Т $\left(\frac{Р}{С\ П}\right)$, т. е. если время, необходимое для превращения капитала из товарной формы в денежную, больше времени, необходимого для превращения его из денежной формы в элементы производственной формы, если сбыт продукции по тем или иным причинам задерживается, результатом будет уменьшение об'ема и темпа производства и накопление запасов в форме товарного капитала.

Реальный хозяйственный оборот на каждом шагу дает нам конкретные иллюстрации изложенных схем. Мы имеем или так называемый „товарный голод", когда период обращения короче периода производства, когда Т. . . . Д < Д. . . . Т $\left(\frac{Р}{С\ П}\right)$ . . . . Пр. . . . . Т, или явление затоваривания, когда время необходимое для превращения капитала из товарной формы в денежную продолжительнее времени потребного для превращения денежной формы в производственную и пребывания в последней.

Конкретный пример: №-й Государственный Трест. Сводный баланс Треста на 1/X-25 г. показывает по статье „товары и готовые изделия"— 87.398.810 р. 58 к.; на 1/X-26 г.; та же статья возрастает до 173.011.264 р. 52 к.; средний годовой остаток товаров и готовых изделий на основе этих цифр равен 130.205.038 р. Средний годовой остаток ценностей в производстве определился по тому-же методу в 117.570.587 р. Обращаясь к динамике Треста за год, находим, что сумма выпущенной продукции достигла—952.321.755 р. 50 к., сумма проданной продукции— 866.709.301 р. 56 к. Таким образом, фаза Д . . . . Т $\left(\frac{Р}{С\ П}\right)$ . . . . Пр . . . . Т. требовала для ея завершения 45-ти дней, а фаза Т . . . . Д—55 дней. Отсюда тот рост товарных запасов данного хозяйства на 85.612.453 р. 94 к. или на 98%, который показан во втором его балансе. К каким последствиям это обстоятельство приводит в данном хозяйстве и в других хозяйствах будет указано ниже.

II. Т . . . . Д + Д . . . . Т =/= Constant.

Здесь так же возможны три случая.

1. Т . . . . Д и Д . . . . Т равномерно возрастают. В этом случае удлиняется весь процесс круговращения капитала в данном предприятии, но соотношение между двумя фазами не меняется, продолжительность каждой из них сохраняет значение оптимальной величины; не меняется, вследствие этого, и соотношение между величинами отдельных форм капиталов, сохраняя гипотетически оптимальное их равновесие.

Однако, общее экономическое положение данного хозяйства в этом случае может измениться, а именно ухудшиться, если указан-

ный процесс удлинения круговращения его капиталов не вызывается причинами, лежащими в обще-экономических условиях и не сопутствует таким-же процессам в других хозяйствах. При наличности-же этого последнего условия рассматриваемый процесс для данного хозяйства относительно, т.-е. в отношении его места среди других хозяйств, безразличен, принимает характер не индивидуально-хозяйственный, а общественно-экономический и подлежит изучению не в пределах „Учения о единичном хозяйстве", а в пределах или теоретической или прикладной экономики. Лишь после проработки его с точки зрения социально-экономических связей и отношений установленные указанными науками общие положения или законы могут в качестве императивных и извне данных положений войти в „Учение о единичном хозяйстве", как исходный пункт исследования процессов этого хозяйства.

2. Т....Д и Д....Т равномерно уменьшаются. Сокращается, следовательно, время процесса круговращения капитала. Последствия для данного хозяйства будут те же, что и в предыдущем случае.

3. Т....Д и Д....Т изменяются, но не равномерно. При этом возможны следующие варианты:

а) Т....Д и Д....Т увеличиваются, но темп наростания Т....Д быстрее темпа наростания Д....Т, т. е. Т....Д становится больше Д....Т.

б) Т....Д и Д....Т уменьшаются, но быстрота сокращения Т....Д меньше быстроты сокращения Д....Т., т. е. опять Т....Д становится больше Д....Т.

В обоих этих случаях наступят последствия, указанные в п. п. 1 и 2 схемы II-й в соединении с последствиями, указанными в п. 3-м схемы I-й, т. е. в части равномерного увеличения или сокращения периода кругооборота капитала, установившееся в хозяйстве равновесие элементов не изменится; постепенное же наростание Т....Д по сравнению с Д....Т должно будет вызвать наростание капитала в товарной форме со всеми отрицательными для хозяйства (предприятия) и для всего общественного хозяйства последствиями.

в) Т....Д и Д....Т увеличиваются, но темп наростания Т....Д меньше темпа наростания Д....Т, т. е. Д....Т постепенно увеличивается по сравнению с Т....Д.

г) Т....Д и Д....Т уменьшаются, но темп уменьшения Т....Д интенсивнее темпа уменьшения Д....Т и последняя фаза опять становится продолжительнее первой.

В этих случаях наступят последствия, указанные в п. п. 1 и 2 схемы II-й в соединении с последствиями п. 2-го схемы 1-й, т. е. в конечном результате смещение в равновесии элементов хозяйства в сторону роста капитала в денежной форме.

Такова схема исследования динамики единичного хозяйства на основе абстрактных законов теоретической экономии. Как ясно из изложенного, работа по исследованию единичного хозяйства начинается там, где кончается работа представителя теоретической экономии и, наоборот, кончается там, где начинается работа последнего. Исследование единичного хозяйства и его процессов на основе общих закономерностей и установление фактов отклонений от них—задача „Учения о единичном хозяйстве". Обобщение явлений единичного хозяйства, установление типичного в них, изучение отклонений от типичного и установление закономерности этих отклонений, проверка и ревизия на их основе экономических законов и обобщений—дело теоретической и прикладной экономики.

Конечно, приведенный анализ процессов единичного хозяйства не является исчерпывающим. Он дает лишь схему и указывает методы исследования. По такой же схеме могут быть исследованы процессы обращения той части товарной формы капитала, которая помещена временно данным хозяйством в других хозяйствах (по балансовой терминологии—дебеторы, векселя и пр.) с точки зрения ея абсолютной величины, характера и формы изменений и связи последних с изменениями прочих форм капитала; процессы обращения чужих товарных и ссудных капиталов в данном хозяйстве и связь этих процессов с другими процессами хозяйства; процессы обращения ценностей внутри данного хозяйства (внутрихозяйственное распределение и потребление) и пр.

Однако, исследование единичного хозяйства не может ограничиться исследованием его процессов в рамках общих норм. Помимо общих норм и законов есть частные нормы, являющиеся уточнением общих норм в условиях конкретной действительности. Например, падающее на землю тело уклоняется в своем движении от линии земного радиуса, причем это уклонение возрастает по мере удаления от полюсов.

Тем более это приспособление к конкретной среде может и должно иметь место в области социальных и в частности экономических законов, вообще характеризующихся условностью в отношении места и времени и осуществляющихся в их чистом виде большей частью при предпосылке ceteris paribus. В сфере экономических исследований недостаточно установить закон, которому должны подчиняться частные экономические явления; необходимо установить, при каких условиях эти процессы в рамках закона развиваются оптимально, наилучшим образом.

В частности, при исследовании процессов круговращения капиталов в пределах единичного хозяйства, развивающегося в указанном выше порядке чередования отдельных форм капитала, необходимо установить не только соотношение отрезков времени, потребного для перехода капиталов из одной формы в другую, но также и нормальный период как для всего кругообращения капитала, так и для завершения отдельных его фаз, нормальный в пределах общей совокупности данных условий среды, в которых осуществляется динамика хозяйства (предприятия). Нормальным периодом кругообращения капитала в целом, а равно процесса обращения и процесса производства будет период, средний для данного вида хозяйства (предприятий), работающих в данной естественной и социальной среде, при данном уровне развития техники, период, позволяющий хозяйству дать среднюю эффективность (продуктовую и ценностную). Этот средний период может быть получен в свою очередь лишь путем массовых наблюдений, путем изучения большого количества хозяйств определенной группы или определенных групп.

Таким образом, для учения о единичном хозяйстве возникает новая задача установления нормальных показателей для отдельных хозяйственных процессов и квалификации процессов каждого единичного хозяйства с точки зрения установленных норм. Уклонения от нормы в сторону сокращения периодов круговращения капитала в целом и отдельных его фаз, в сторону получения наибольшей хозяйственной эффективности, будут оптимальными периодами; уклонения в обратную сторону—периодами с отрицательными показателями.

Далее, выше при исследовании отдельных фаз круговращения капитала указывалось, что то или иное изменение длительности фаз вызывает изменения в установившемся равновесии элементов единич-

ного хозяйства. Это равновесие мы принимали за оптимальное равновесие. Присмотримся сейчас ближе к этому кругу понятий.

Как указано выше, одним из конститутивных признаков единичного хозяйства является соответствующим образом организованная совокупность предметов внешнего мира (вещей и сил природы) являющаяся об'ектом деятельности хозяйствующего суб'екта с целью поддержания его жизни. Принцип рационального хозяйствования требует, чтобы имеющиеся в распоряжении данного единичного хозяйства (предприятия) орудия и об'екты его производственной деятельности прилагались с максимальным эффектом, с максимальным использованием их производственной способности. Конкретно это значит, что в каждом отдельном случае, при исследовании каждого единичного хозяйства необходимо установить, находятся-ли производственные элементы исследуемого хозяйства (капиталы основной и оборотный в отдельных формах) в надлежащих количественных соотношениях, соответствующих суб'ективным,—зависящим от функциональных особенностей этого хозяйства, и об'ективным,—вне воли данного хозяйства лежащим (естественным, коньюнктурным и пр.) условиям. При этом, количественные величины производственных элементов понимаются, как производные двух факторов—отвлеченного количества (затраченный капитал) и степени хозяйственного их использования оборота.[1])

В частности, говоря терминами К. Маркса, в единичном хозяйстве в каждый данный момент величина оборотного капитала в денежной форме должна быть равна величине подлежащего затрате капитала, ибо, если первая величина будет меньше второй, то рабочий период не будет обеспечен переменным оборотным капиталом, и тогда, или хозяйство должно будет озаботиться привлечением дополнительных капиталов в денежной форме, или должен будет прерваться процесс производства. Если первая величина будет больше второй, то окажется неиспользованной производительно часть находящегося в распоряжении данного единичного хозяйства капитала в денежной форме, если, конечно, эта часть не является видоизмененной формой основного капитала, накапливающегося в виде денежного резерва и временно становящейся (нормально) с'ужаемым капиталом. За исключением последнего случая излишек капитала в денежной форме, не зависимо от того, является ли он в руках данного хозяйства сокровищем или превращается в ссудный капитал, указывает на непропорциональность в соотношении отдельных материальных элементов хозяйства, на относительную недостаточность основного капитала или на неполное его использование.

То же самое можно сказать и в том случае, если в пределах данного единичного хозяйства окажется в избытке или в недостаточном количестве постоянный оборотный капитал, ибо и этот случай указывает на диспропорцию в соотношении между основным капиталом с одной стороны и оборотным капиталом—с другой, на недостаточность или неполное использование первого или же его избыток.

Дезорганизующим образом влияет на развитие данного единичного хозяйства и избыток капитала в товарной форме. Мы практически, из хозяйственного опыта знаем, что излишнее скопление товаров на складах хозяйства означает или экономическую неорганизованность его хозяйственной деятельности (собственно—производства и сбыта) или сознательную дезорганизацию со стороны единичного хозяйства общеэкономических процессов (уменьшение предложения с целью спекуляции).

---

[1]) К. Маркс. Капитал Т. II-й. Изд. 1885 г., стр. 221 и сл.

Во всех указанных случаях производственные процессы данного единичного хозяйства не получают развития в соответствии с общей массой его капиталов. При этом, поскольку единичное хозяйство является функциональным (в отличие от механического) элементом экономического целого, постольку ненормальности в его пределах влияют отрицательно и на другие единичные хозяйства, приобретают, так сказать, характер социально ненормальных.

Поясним это конкретными примерами из практики советских единичных хозяйств.

Оборот уже рассматривающегося выше №-ого треста за 2-й год был равен:

По материалам и сырью . . 231.986.286.98
По готовым изделиям . . . 952.321.765.50
По кассе . . . . 62.661.312.—

При средних годовых величинах затраченных капиталов:

По материалам и сырью . . 73.181.794.—
По готовым изделиям . . . 130.205.038.—
По кассе . . . . 5.221.776.—

Следовательно, оборачиваемость первой формы капитала за год была равна 3,17 раза второй—7,3 раза и третьей 12 раз. Таким образом, трест имел запасов материалов на 3 м. и 25 дней, товары на складе лежали в среднем 50 дней и каждый рубль в кассе—30 дней. Нельзя не признать все эти величины весьма высокими. Если мы примем в качестве некоторой средней нормы 2-х месячный запас материалов, запас денег на 15 дней и срок пребывания товаров на складе—1 месяц,[1]) то для такого-же об'ема и темпа производства потребуется подлежащие затрате капиталы в суммах:

Материалы и сырье . . 38,66 мил. руб.
Готовые изделия . . . 79,36 „ „
К а с с а . . . . . 2,61 „ „

Соединяя все эти величины в одну таблицу, получим следующие результаты:

Формы затрачен. капитала	Годовой оборот	Суммы фактич. затрат капит. (средняя за год)	Фактическая оборачиваемость	
			Раз	Дней
Сырье и материал . .	231.986.286-98	73.181.794	3,17	115
Готовые изделия . . .	952.321.755-50	130.205.038	7,33	49,8
Денежные средства .	62.661.312 —	5.221.776	12	30
ИТОГО .		208.608.608		

Нормальная оборачиваемость		Нормальная сумма подл. затрате капит.	Излишек фактич. затраченного капитала
Раз	Дней		
6	60	38,66 мил. руб.	34,52 мил. руб.
12,2	30	79,36 „ „	50,85 „ „
24	15	2,61 „ „	2,61 „ „
		120,63	87,98

[1]) Практика указывает следующие нормы для отдельных элементов оборотного капитала: для сырья и вспомогательных материалов—от 15-100 дневного запаса; для товаров—10-15-ти дневный запас, для денежных средств—15-20-ти дневный запас. См. М Филимонов „Методология анализа хозяйственной работы промышлен. предприят. по их отчетам“ в сборнике „Вопросы баланса и экспертизы.“ Вып. I-й, стр. 94 и сл.

Таким образом, в данном хозяйстве оказываются непроизводительно помещенными 87,98 мил. руб. Средняя годовая сумма задолженности его была равна 181.093.325.70 коп. Следовательно, указанный излишек средств был получен данным хозяйством путем кредита и за счет недостаточного снабжения средствами других хозяйств, что в условиях планового распределения кредита означает задержку роста других, быть может, более важных отраслей народного хозяйства.

В рассмотренном случае диспропорциональность внутреннего строения была вскрыта путем анализа процессов, имевших место в отношении отдельных элементов хозяйства, путем рассмотрения ряда материалов-балансов и отчета хозяйства. Но иногда такая диспропорциональность бросается в глаза с первого взгляда, или, по крайней мере, поверхностного обзора документов достаточно для того, чтобы была поставлена под вопрос нормальность внутреннего строения хозяйства.

Так, в балансе Чайного и Цикорного Треста на I/X-25 г. денежные средства составляли 9,1% актива, а в балансе на I/X-26 г. поднялись до 25,5%—, дав рост на 290% при общем росте баланса на 40%, при росте имущества (основной капитал) всего лишь на 19% и материалов—14% и при росте задолженности Треста на 76%. Уже одни эти цифры дают полное основание говорить о ненормальностях в соотношении отдельных элементов капитала и в происходивших в хозяйстве процессах.

Еще пример. Ленинградский завод точного машино-строения имел в составе своих оборотных капиталов на I/X-25 г. товаров и готовых изделий в размере 54% и денежных средств в размере 1,8% всей суммы оборотных средств; по балансу на I/X-26 г. эти элементы равнялись соответственно 26,4% и 19% той же суммы. На основании этих данных можно сказать, что если по балансу на I/X-25 г. сумма товаров была по отношению к прочим элементам оборотного капитала ненормально высока, а сумма денежных средств—низка, то во втором балансе при сведении к нормы суммы товаров сумма денежных средств поднялась относительно до ненормальной высоты. Очевидно, что или общая сумма оборота капиталов данного хозяйства непропорционально высока, или хозяйство не в состоянии надлежащим образом использовать имеющиеся в его распоряжении капиталы.

Будет ли хозяйство вследствие нерационального использования собственных средств иметь излишек заемных средств и, таким образом, нести издержки по их оплате, или же нерациональное использование собственных средств не повлечет за собой этого последствия,—в обоих случаях мы будем иметь дело с хозяйством, ведущемся не в соответствии с принципом наибольшей пользы при наименьших затратах (экономический принцип). И во всех случаях нарушения оптимальной пропорциональности между элементами хозяйства будет иметь место нарушение указанного принципа. Поэтому, всякое изучение единичного хозяйства должно быть фиксировано и на этой стороне его деятельности с целью определения, действительно-ли применяемые хозяйством и выработанные техническими науками приемы хозяйствования дают максимальный эффект при минимальных затратах, действительно ли отдельные производственные элементы хозяйства во всех их формах и превращениях форм при данном состоянии техники и при данных естественных и социальных условиях организованы таким образом, что при их минимальных затратах получаются максимальные результаты.

При этом, вопрос о надлежащей (оптимальной) организации элементов хозяйства, как и вопрос о нормальных периодах кругообраще-

ния капитала, может быть научно разрешен лишь на основе массовых наблюдений.

Таким образом, конкретизируя установленные выше цели „Учения о единичном хозяйстве“, мы можем сказать, что при изучении единичного хозяйства могут быть и должны быть поставлены задачи:

1) Исследования происходящих в конкретных единичных хозяйствах процессов для определения их видов и форм;

2) Изучения выявленных процессов с точки зрения общих экономических законов, установления их соответствия этим законам или уклонения от них;

3) Установления нормальных (оптимальных) условий осуществления хозяйственных процессов для конкретных групп единичных хозяйств, установленных по признаку функциональной общности или общности естественных и социальных условий их существования;

4) Оценки процессов исследуемого единичного хозяйства с точки зрения установленных наблюдением и изучением норм;

5) Исследования внутренней организации отдельных единичных хозяйств;

6) Установления оптимального соотношения отдельных элементов для групп однородных единичных хозяйств (устойчивого равновесия этих элементов);

7) Оценки организации исследуемого единичного хозяйства с точки зрения установленной исследованием нормальной схемы организации хозяйств данного типа;

8) Исследования эффективности единичных хозяйств;

9) Установления нормальной эффективности для данной группы единичных хозяйств;

10) Оценки эффективности исследуемого единичного хозяйства с точки зрения нормальной при данных технических, естественных и социальных условиях эффективности той группы хозяйств, к которой относится исследуемое хозяйство.

Этот перечень далеко не исчерпывает всего об‘ема исследования единичного хозяйства; он намечает лишь основную схему и вехи исследования процессов, происходящих в пределах единичного хозяйства, их причин и следствий. Пользуясь аналогиями, можно было бы сказать, что мы имеем дело в данном случае с анатомией и физиологией единичного хозяйства. Помимо организационной и функциональной точек зрения на изучаемый об‘ект возможны и необходимы точки зрения внешних форм (морфология), общности признаков (систематика), а по отношению к хозяйственным явлениям и точка зрения вспомогательных средств достижения целей (техническая организация). Учение о единичном хозяйстве в целом должно охватить весь указанный цикл вопросов, подразделяясь на отдельные частные научные дисциплины. Для определения той из этих дисциплин, которая специально занимает наше внимание, достаточно формулировки вышеуказанных задач и целей исследования.

Установление задач исследования естественно влечет за собой постановку вопроса о методах исследования, или, говоря словами А. А. Чупрова, „к системе целей должна присоединиться теория средств“[1]). При этом мы имеем в виду не обще-логические методы познания явлений вообще, а специфические методы, присущие данной науке.

---

[1]) *А. А. Чупров*. „Статистика и статистический метод“—в сборнике „Введение в изучение социальных наук“ под ред. проф Н. И. Кареева 1903 г.

Какими же методами пользуется учение о единичном хозяйстве для разрешения поставленных вопросов, касающихся процессов единичного хозяйства и складывающейся на основе этих процессов его организации.

Здесь мы можем с полным основанием сказать то-же, что было сказано К. Марксом при анализе превращения товаров во всеобщую или общественную эквивалентную форму,—„задача возникает одновременно со средствами ее разрешения"[1]). Конститутивным признаком экономического явления почти всеми экономистами теоретиками признается его способность получать денежную форму, выражаться в деньгах. Разница между экономическими и неэкономическими" находит себе чрезвычайно характерное проявление в современном хозяйственном строе в применимости или неприменимости денежной оценки; все, что мы называем экономическим, в нашем хозяйственном строе может быть переведено на деньги; все, что имеет неэкономический интерес, вообще не переводится на деньги, а если иной раз ставится в некоторое соотношение с деньгами, то в самой общей, неточной форме"[2]). „Экономика имеет дело столько же с качеством, как и с количеством. Предмет ее—те мотивы, сила которых может быть измерена посредством денег... Область поведения, в которой человек действует под влиянием мотивов, измеряемых денежной ценою, и составляет область экономики"[3]).

При этом, возможность денежной оценки превращает явление из неэкономического в экономическое. „Вещи, которые сами по себе не суть товары, как например, совесть, честь и пр., могут для их владельцев стать способными к продаже за деньги, и через их цену получить форму товара"[4]).

Поскольку во всех этих случаях идет речь не об экономических отношениях, а о хозяйственных явлениях (мотивы поведения, товары) хотя бы и принявших экономическую форму, но осуществляющихся или находящихся в пределах единичного хозяйства, постольку мы можем сказать, что и вся область индивидуального хозяйствования, весь об'ем единичного хозяйства, заключающий в себе ценности в различных формах и их превращения, может быть количественно выражен в деньгах, как всеобщей эквивалентной форме ценностей. Да иначе и быть не может, если мы мыслим единичное хозяйство, как телеологическое единство, процессы которого определяются экономическим принципом. Лишь исключая последний из обязательных признаков хозяйственного поведения, мы могли бы исключить момент денежной оценки, момент соизмеримости, из числа конститутивных признаков, присущих хозяйственным явлениям, из совокупности которых состоит единичное хозяйство. Но тогда последние и не могли бы нами изучаться, ибо „одна из конечных целей познания состоит в том, чтобы в ряде комплексов установить сходное и различное"[5]). Указанные выше цели познания единичного хозяйства включают в себя как раз именное установление сходного и различного в том комплексе материальных и личных средств, которым является единичное хозяйство, с целью установления типичного и нормального для его статистики и динамики. В свою очередь, это типичное и нормальное может быть и должно быть установлено не только качественным соотношением, но и количествен-

---

1) К. Маркс. Капитал т. I пер. под ред. П. Струве 1918 г. стр. 41.
2) *Р. Орженицкий* „Учение об экономическом явлении", стр. 74.
3) A. Marshalle. „Principles of Economics." Цитируем по Р. Орженцкому.
4) K. Marx. Das kapital. 4 aufl. I-ste B., 67.
5) *Р. Орженцкий.* „Сводные признаки" Ярославль 1910 г. стр. 3.

ным соизмерением и сравнением. Сами по себе экономические блага, составляющие материальное содержание хозяйства, как известно, ни качественно ни количественно не сравнимы. Они допускают последнее, лишь становясь в условиях менового хозяйства товарами. Если можно сказать, что с ростом денежной формы меновых отношений „на место мышления имуществом становится мышление деньгами“, что при этом условии, „хозяйственная картина сводится исключительно к количественным отношениям без всякого касательства качества... и для хозяйственного взора настоящего горожанина случайно усмотренная корова представляет только отвлеченную ценность, и корова эта в любое время представляется могущею быть превращению в банкнот“[1]), то с еще большим основанием можно утверждать, что современное мышление является мышлением отвлеченным количественными категориями ценностей, при котором денежное их выражение является методом счета, дающим возможность количественного анализа.

Единичные явления единичного хозяйства отличаются множественностью и формальной изменчивостью; уловить в этой множественности и изменчивости сходное, позволяет лишь их количественная соизмеримость, выраженная денежной оценкой. При этом, так как в сфере единичного хозяйства, как и вообще в сфере социальных явлений, „господствует“ „связь свободная“—характеризуемая в условиях меновых отношений „множественностью причин и множественностью действий“[2]), то для установления этой связи взаимозависимости отдельных элементов и хозяйственных явлений методы логической индукции и дедукции, широко использовываемые в теоретической политической экономии, оказываются недостаточными. На место умозрительных связей и рядом с ними должны быть поставлены связи количества, выражаемые числом и экономическою мерою—деньгами. Явления единичного хозяйства для установления их причин и следствий должны быть количественно соизмерены, должны быть исчислены. И как в области социальных наук существует особая наука о методах их исчисления—статистика, так равно область явлений единичного хозяйства, а через него и явлений экономических вообще, требует выработки своих методов счета и учета. Эти вопросы и являются предметом познания той отрасли знания, которая носит не совсем точное наименование „Счетоведения“ и уже совсем не точное—„Бухгалтерии“ и которой мы должны будем дать более точное и отвечающее ее задачам, целям и значению наименование „Счетной Науки“.

Задачей Счетной Науки является установление методов учета выраженных в денежной оценке процессов единичного хозяйства, установление их нормальных и типичных форм, определение нормального и оптимального с точки зрения хозяйственного принципа строения единичного хозяйства.

Как при всяком изучении количеств, первоначальной формой изучения единичного хозяйства Счетной Наукой—является регистрация и подсчет по выработанным теорией методам фактического материала. Однако, один этот процесс даже и в соединении с теорией методов давал бы лишь основу для ознакомления с предметом исследования—процессами единичного хозяйства.

Последние познаются не как самоцель, ибо только сами по себе они не могут служить предметом научного знания, стремящегося прежде всего и исключительно к обобщению наблюдаемых единичных

[1]) *О. Шпенглер* „Деньги и машина“ Перевод с немец. под ред. проф Г. Геккеля 1922 г. стр. 36 и сл.

[2]) А. А. *Чупров* „Статистика и статистический метод“.

фактов и установлению на их основе общих для данного круга явлений законов. Эти факты и явления познаются прежде всего, как элементы образующейся из них совокупности—единичного хозяйства. Познание последнего составляет конечную цель Счетной Науки, как одной и, может быть, основной частной дисциплины из цикла дисциплины, об'единяемых общим наименованием „Учения о единичном хозяйстве".

Именно поэтому нами сказано выше о несоответствии наименования этой науки „Счетоведением" ее содержанию, далеко выходящему за пределы традиционного учения о счетах и запасах, впервые систематически изложенного Лукой Пачиоло в его „Summa".

Более соответствующим содержанию рассматриваемой науки является наименование „Счетная Наука" (Verechnungswissenschaft), задачи которой, по определению Л. Гомберга, заключаются „в причинном об'яснении развития единичного хозяйства. В качестве теоритической науки она подвергает процесс развития единичного хозяйства философскому рассмотрению, имеющему целью дать об'яснение и оценку его явлений, выявить их причины и следствия и определить отношения зависимости между ними".

В связи с этим возникает по отношению к Счетной Науке тот же вопрос, который стоит перед другой наукой о методах исчисления социальных явлений—статистикой и который разбивает ее представителей на два лагеря—вопрос о характере данной науки. Является ли Счетная Наука формальной наукой, методом исследования явлений единичного хозяйства, или же у нее есть свое материальное содержание.

В ответ на этот вопрос нельзя не привести указания О. Конта, что „метод не может быть изучаем отдельно от исследований, к которым он применяется; иначе получается наука мертвая, неспособная обогатить ум людей, над ней работающих". Если под методом исследования понимать „совокупность научно выработанных приемов и способов, при помощи которого случайное и единичное переводится в область общего математического познавания"[1]), то поставленный вопрос теряет свое значение. Ограничиваясь изучением технических приемов учета происходящих в хозяйстве процессов, как это большей частью имело место до настоящего времени, мы сводим рассматриваемую науку на роль простой технической дисциплины. Вводя в круг ее задач изучение наиболее рациональных, научно-обоснованных методов познания процессов единичного хозяйства, а равно и изучение внутреннего строения последнего, мы тем самым разрешаем вопрос и о формальном значении Счетной Науки и о ее материальном содержании.

Итак, двойственная природа хозяйственных явлений, как суб'ективно-обусловленных отношений человека к вещам и об'ективно обусловленных отношений его к другим хозяйствующим индивидуумам, вызывает необходимость выделения первых отношений в качестве об'екта познания самостоятельной научной дисциплины—„Учения о Единичном Хозяйстве". Познание единичного хозяйства требует исследования происходящих в нем процессов (динамика) и их следствий (статистика) с целью их качественного определения путем количественного их сравнения в единой социальной мере—денежной оценке. Методы количественного выражения динамики и статистики единичного хозяйства и качественного сопоставления их с целью причинного об'яснения развития этого хозяйства разрабатываются частной наукой—носящее наименование Счетной Науки. Следовательно, под *последней мы пони-*

---

[1]) *Г. Швиттау.* „Введение в экономическую статистику" 1910 г. стр. 21.

маем научную дисциплину, разрабатывающую теорию методов исследования процессов единичного хозяйства и теорию познания причинности в его развитии, имеющую в силу указанных задач, формальное и материальное содержание и относящуюся к группе наук экономических.

В. В. Якунін.

Рахунказнаўства на службе ў юрыспрудэнцыі.[1])

(Да пытаньня аб бухгальтарскіх экспэртызах у судовых працэсах).

Цэлы шэраг судовых працэсаў, як грамадзянскіх, так і крымінальных, за апошнія некалькі год—справа Краснашчокавых, справа Арэхава-Зуеўскага і іншых трэстаў, цэлы шэраг працэсаў па справах гаспадарчых, у сувязі з злачынствам па пасадзе, раскраданьнямі, падлогамі і г. д., па справах так званых эканамічнай контр-рэвалюцыі—нанова ставіць на чаргу пытаньне аб значэньні і ролі бухгальтарскай экспэртызы ў судовых працэсах, а ў сувязі з гэтым выклікае асаблівую цікавасьць да ролі і значэньня навукі рахунказнаўства.

У паказаных судовых працэсах, мінуўшых перад намі за апошні час, так ускалыхнуўшых і ўспалашыўшых нашу грамадзкую думку і так неспадзеўна прыўзьняўшых заслон пад патайным для вялізнай большасьці мірам справаздачы ў вялікіх галінах грамадзкай гаспадаркі (вярней гаспадараньня), з аднаго боку высьвятлілася брыдкае становішча бухгальтара ў цэлым шэрагу прадпрыемстваў, а з другога—высунула асабліва рэльефна і пуката значэньне і асобу бухгальтара экспэрта, лішні раз падкрэсьліўшы яго важную ролю ў судовым працэсе.

Бурнае красаваньне эканамічнага жыцьця на падставах капіталістычнае гаспадаркі ў пераходны момант сацыялістычнага будаўніцтва, у сувязі з новай эканамічнай палітыкай, прывяло пад уплывам аднаўленьня тэхнічных удасканальваньняў вытворчасьці, к утварэньню такіх вялізарных капіталаў, якіх ня ведала нядаўнае мінулае.

Ня малы ўплыў на ўтварэньне іх зрабілі і тыя разнастайныя формы эканамічных прадпрыемств, якімі характарызуецца наш час, а іменна: трэстаў, сіндыкатаў, прадпрыемств дзяржаўных, акцыянерных, каперацыйных і іншых.

Адносна малыя капіталы, якія заграмаджаюцца ў іх касах, утвараюць у агульнай масе такія вялізныя грашовыя сродкі, якімі абумоўліваецца шырокае разьвіцьцё прамысловасьці і гандлёвых дзеяньняў. Для выкананьня апошніх патрабуецца ўжываньне складанага рахункаводзтва, мэтазгоднае вядзеньне яго абумоўліваецца ўжываньнем спэцыяльных ведаў рахунказнаўства.

Аднак, гаспадарчая практыка нашых дзён з напэўнай відавочнасьцю сьведчыць, што па меры росту, разьвіцьця і ўскладненьня нашага гандлю і прамысловасьці, нажаль, прыходзіцца наглядаць, што парушэньне грамадзянскіх і крымінальных норм, сустракаецца ўсё часьцей і часьцей, а адначасова і разьмеры гэтых парушэньняў робяцца больш грандыёзнымі, а тэхніка іх больш удасканаленаю.

---

[1]) Гэты артыкул ёсьць частка дакладу, прачытанага ў Юрыдычнай Сэкцыі Навуковага Таварыства пры Беларускім Дзяржаўным Унівэрсытэце.

Падборка цэлых дакумэнтаў, складаньне падробленых актаў, чэкаў і інш. папяровых каштоўнасьцяў, як і многае іншае ў гэтым жа родзе, выяўляе з боку спэцыялістаў гэтае справы такую масу знародлівасьці, дасьціпнасьці, ізашчроннасьці і падрыхтоўкі і займае такое вялікае месца сярод спраў, падлягаючых судоваму дасьледваньню, што ад сьледчага часта патрабуецца вялікая дамысьлівасьць, умеласьць і спрактыкаванасьць для таго, каб разьбірацца ў доказках, што вядуць да выяўленьня абвінавачанага, а экспэртам па гэтых справах часта прыходзіцца іграць немалаважную ролю ў канчатковым разьвязваньні пытаньняў аб ступені вінаватасьці падвіноўнага.

Правідлова гаворыць С. Ф. Іваноў у спэцыяльнай працы, прысьвечанай гэтаму пытаньню „Бухгальтарская экспэртыза ў судовых працэсах“. „Экспэрт—гэта частка, адзіны ключ у руках правасудзьдзя к выяўленьню хітрасплеценага злачынства ў галіне ведаў аднаго з лепшых вынахадак чалавечага розуму“, экспэрт—гэта той „Сезам отворись“ нашых дзён, для якога ясны і зразумелы ўсе замаскаваныя хады нясумленных гэрояў супрацьграмадзкіх імкненьняў і спробаў у царстве „Дэбета і крэдыта“. І мы бачым, што калі ў мінулы час суд карыстаўся паслугамі экспэрта ў выключных выпадках, то цяпер гэта—звычайнае зьявішча.[1])

Добрую пастаноўку сьледчай справы на Захадзе трэба прыпісаць у значнай ступені практыкаваным ведаючым асобам з шырокай агульнай і прафэсыянальнай падрыхтоўкай. Аднак, многія выдатныя судовыя дзеячы (Вейнгарт, Гросс, Рэйсс і інш.) і вучоныя юрысты (Геберлейн, Гольцендорф і інш.) паказваюць на тое, што ўсе-ж экспэртыза на практыцы ўжываецца радзей, чымся гэта-б належала.

„Наш час высунуў ня мала сэр'ёзных праблем, якія адносяцца да галіны ведаў, як грамадзянскага, так і крымінальнага правасудзьдзя“, пісаў у свой час, засл. прафэсар Ваенна-Юрыдычнай Акадэміі Ул. К. Случэўскі ў сваім „Падручніку рускага крымінальнага працэсу“, у раду іх стаіць праблема аб падставах ацэнкі і ўмовах карыстаньня тымі крыніцамі, з якіх бярэ судзьдзя даныя для асьвятленьня свайго розуму і свайго сумленьня пры выяўленьні дакладнасьці справы, падлягаючай яго разгледжаньню. У час далёкай старажытнасьці, сьляды якой захоўваны для нас гісторыяй, лічыцца напэўным, што асабовых дзеяньняў судзьдзі незаўсёды хапае для вырашэньня задач, ускладзеных на яго заканадаўцаю і што часта ён прымушан зьвяртацца да дапамогі знаючых людзей, а іменна ўсякі раз, калі па сутнасьці паўстаўшых на судзе пытаньняў аб пэўнасьці і ступені даказацельнай сілы акалічнасьцяй, што высьвятляюцца на судзе трэба скарыстаць такія эмпірычныя ці навуковыя веды, якімі ўладаюць гэтыя знаючыя асобы і якіх ня мае сам судзьдзя. Значэньне ў працэсе гэтых знаючых людзей у наш час значна ўзрасло. Панаваньне мінулай веры ў добраякаснасьць суб'ектыўных крыніц ведаў значна парушана і сучасны судзьдзя ў аб'ектыўных крыніцах ведаў шукае падстаў, на якіх ён меў-бы апору пры пастаноўцы сваіх вырашэньняў і прысудаў. Асабліва сучасная экспірыментальная псіхалегія зрабіла за апошні час рашучы ўплыў на такі напрамак судовай работы. Яна між іншым, выяіла, што паказаньні сьведкаў, меўшыя заўсёды галоўнае, у шэрагу довадаў, значэньне на крымінальным судзе, не заслугоўваюць таго даверра, якім да гэтага часу яны карысталіся. Суб'ектывізм сьведкаў утварае такія вольныя і нявольныя ў іх паказаньнях памылкі і злачынствы, што бачыць ў іх каштоўную крыніцу ведаў для судзьдзі—небясьпечна. Адсюль імкненьне да матары-

[1]) С. Ф. Іваноў—Бухгальтарская экспэртыза ў судовым працэсе. СПБ 1913 г., ст. 4.

яльных прадметаў, маючых на сабе сьляды чалавечых дзеяньняў, ці зьяўляючыхся іх прадўктам, шукаць адзнакаў матарыяльнай па справе праўды пры дапамозе тых знаючых людзей, якія могуць адносна да ацэнкі гэтых матарыяльных прадметаў сыграць у вачах судзьдзі ролю павялічанага шкла. Вызначанае адсюль збліжэньне судовага дасьледваньня з дасьледваньнем вопытным ці навуковым атрымала асабліва выразнае выражэньне ў працах многіх відных прадстаўнікоў пазытыўнай школы крымінальнага права[1]).

Пад судовай экспэртызай наогул разумеецца—заключэньне спэцыялістаў вядомай галіны ці тэхнікі, аснованае на дасьледаваных імі фактах і даных іх спэцыяльнасьці, аб існаваньні ці неіснаваньні спрэчнага факту ці аб'ектыўнае дасьледваньне такіх зьявішч у судовым працэсе, якія могуць быць належным чынам высьветлены перад судом толькі экспэртамі альбо ведаючымі людзьмі, маючымі спэцыяльныя прафэсыянальныя веды.

На практыцы адрозьніваюць экспэртызы: тэхнічную, хімічную, мэдыцынскую, фотографічную, каліграфічную, бухгальтарскую. Экспэрты ці ведаючыя асобы могуць быць па пачыну ці просьбе зацікаўленых старон ці ўласным поглядам суда прыцягнуты для высьвятленьня і дачы заключэньня па такога рода пытаньнях і акалічнасьнях справы, вырашэньне якіх патрабуе асобных вучоных тэхнічных альбо гаспадарчых ведаў, калі для мэтазгоднага і правільнага разьвязваньня спрэчнай справы бязумоўна патрэбна высьвятленьне падобнага пытаньня тэхнічнага характару.

Судовая бухгальтарская экспэртыза мае на мэце дасьледваньне, праз асобна запрошаных судом асоб, ведаючых рахунказнаўства і практыкаваных у рахункаводзтве—бухгальтарскіх кніг, дакумантаў і справаздачных ведамасьцей і балянсаў для высьвятленьня патрэбных па ходу справы пытаньняў спэцыяльнага характару, якія могуць быць разьвязаны толькі гэтымі ведаючымі асобамі. Для таго, каб разабрацца ў цэлым моры цыфр, што спатыкаюцца у кнігах, справаздачах, рахунках і дакумантах тых ці іншых прадпрыемстваў, адбіваючых на сябе паасобныя моманты іх жыцьцёвасьці, трэба выразна разумець мову гэтых цыфр, а для гэтага спэцыяльныя веды па рахунказнаўству, якімі няўхільна павінны ўладаць і экспэрты, што выклікаюцца на суд, для папаўненьня дзейнасьці суда па гэтаму прадмету.

Па праўдзе кажучы, некаторыя нават вельмі сэр'ёзна адукаваныя людзі, шмат якія нашы судовыя дзеячы, а таксама і некаторыя рамесьнікі—бухгальтары выказваюць часамі скэптычныя адносіны да рахунказнаўства, як навукі да ролі экспэртаў у справах судовага дасьледваньня. Ёсьць яшчэ шмат малапрактыкаваных бухгальтароў, галоўным чынам з рахункаводаў—самаучак, не прайшоўшых сэр'ёзнай школы, якія дзякуючы ўласьціваму малакультурным людзям апломбу—дазваляюць сабе выказвацца ў тым сэнсе, што рахунказнаўства дасканальна не распрацаваная яшчэ навука, што заключэньні, даваемыя на судзе экспэртамі—бухгальтарамі, большаю часткаю ня маюць навуковай падставы, а зусім самавольны. Зразумела, рахунказнаўства, як усякая параўнальна маладая навука не павінна сароміцца падобнымі думкамі і водзывамі дылетантаў, не прысьвечаных ува-усе яе унутраныя асновы, ня вывучаўшых яе літаратуры, і знаёмых з прынцыпамі і мэтадамі яе толькі па чутках, а таму і маючых нахіл, дзякуючы сваёй непрактыкаванасьці, паддавацца разачараваньню і недаверру да яе дасягненьняў у цяперашнім і яе посьпехам у будучым.

[1]) Ул Случэўскі—„Учебник русского уголовного процесса" Спб 1913 (4 вып.) стар. 315, 341, 390 і апошн.

Аднак, гэтыя нападкі малакультурных бухгальтароў руцінераў не перашкаджаюць сэр'ёзным бухгальтарам, што інтэрэсуюцца рахунказнаўствам, як навукай, прадаўжаць навуковае дасьледваньне у далейшым напрамку і давесьці гэтую навуку да такога становішча, у якім яе навуковае і практычнае значэньне нават для дылетантаў, якія сумленна блудзяць—зьявіцца бяспрэчнымі.

Ужо ў сучасны момант маюцца досыць бяспрэчныя навуковыя асновы, якія адчыняюць пэрспэктывы будучага разьвіцьця гэтай навукі.

Яшчэ П'ер Жозеф Прудон, выдатны францускі мысьліцель і эканаміст—гаварыў: „рахункаводзтва—навука і яно цалкам заслугоўвае гэтай назвы“. А вялікі нямецкі паэт Гётэ колькі разоў указваў, што „бухгальтэрыя—адна з прыгожых вынаходак чалавечага розуму“. Але ў маю задачу зусім ня ўходзіць палемізаваць па гэтым пытаньні з кімнебудзь, альбо пераконваць тых, хто ня мае сталага погляду, але і рахунказнаўства, як навука, маёй абароны ў гэтым напрамку не патрабуе. Скажу дзеля данага моманту славамі К. Маркса, што „Рахункаводзтва, як спосаб кантролю, становіцца тым патрэбней, чым працэс вытворчасьці больш пашыраецца да грамадзкіх разьмераў“ і словамі Эміля Леотэ, што „Эканамічнае кола рушыцца ня толькі пры дапамозе працы і капіталу, але і пры дапамозе „рахунковага парадку“, без якога нямысьліма эвалюцыя ў лепшае будучае“. У практычных адносінах значэньне рахунказнаўства зводзіцца да задачы праз юрыдычна-эканамічнае дасьледваньне гаспадарчых зваротаў таго ці іншага прадпрыемства намячаць рацыянальны і навуковы мэтад вядзеньня рахункаводзтва, пры дапамозе якога заключэньне бухгальтара—экспэрта зможа зрабіць сапраўдную дапамогу правасудзьдзю.

Разглядаючы з гэтага боку ролю экспэртаў—бухгальтароў на судзе і патрабаваньні, якія могуць быць прад'яўлены да рахунказнаўства, як да навукі, нават дылетант павінен будзе прызнаць усю важнасьць разьвіцьця і папулярызацыі навукі рахунказнаўства ў інтарэсах ня толькі правасудзьдзя, але і росквіту прамысловасьці, гандлю і ўсяе грамадзкай гаспадаркі цалкам. Адсюль многія карыфеі рахунковай навукі прыходзяць да ўстанаўленьня таго палажэньня, якое знаходзіцца ў канстатаваньні факту, што часам ад экспэртаў патрабуюцца такія адказы, якіх яны, ня будучы даволі падрыхтаваны ў галіне ведаў юрыдычных і эканамічных навук, не змаглі-б даць.

Вось чаму асобы, вызнаваючыя бухгальтэрыю, як мастацтва ці рамяство, рэзка расходзяцца ў поглядах з рахункаведамі—экспэртамі на навуковае значэньне рахунказнаўства, адмаўляючы ёй у грамадзянска-праўным характары.

З прычыны гэтага ў судовай практыцы бывалі выпадкі, што запрошаныя выпадкова, у якасьці экспэртаў, бухгальтары практыкі, ня маючы навуковай падрыхтоўкі, выказвалі далёка не навукова абаснаваныя надта катэгарычныя зацьвярджэньні.

Калі мы прасочым гістарычнае разьвіцьцё іншых навуковых дысцыплін, напрыклад, судовай мэдыцыны, то нам прыдзецца канстатаваць факт, які асобе ня ведаючай гісторыі разьвіцьця навуковай думкі, павінен паказацца надзвычайна дзіўным. Выяўляецца, што гэта высокаразьвітая навука ў наш час стала ў сваіх суджэньнях больш нерашучай і асьцярожнай, чым яна была дзесяткі год таму назад. Асьцярожнасьць і абдуманасьць суджэньняў павялічваецца разам з ростам гэтай навуковай дысцыпліны—з прычыны таго, што па меры свайго разьвіцьця ёй прыходзіцца знаёміцца з усёбольшай і большай колькасьцю выключэньняў і робіцца ўсё болей і болей розмнабаковай у навуковым

сэнсе. Але разам з гэтым узрастае яе значэньне ў крымінальным працэсе.

Тое самае павінна быць і ў суджэньнях бухгальтароў—экспэртаў. Паменш катэгарычных суджэньняў, больш карысьці дзеля дасьледваньня праўды, чым рабіць шмат ня досыць навукова абаснаваных зацьвярджэньняў,—у кожным разе карысна заклікаць да асьцярожнасьці ў зацьвярджэньнях.

Сьмелыя заключэньні і дапушчэньні, зразумела, часта дапамагаюць знаходжаньню праўды, але яны павінны быць выстаўлены як магчымасьці, а не як довад, толькі пры гэтакіх умовах мы не рызыкуем заблудзіцца. Але, каб быць прыладаю пры шуканьні праўды, бухгалтарская экспэртыза і наогул рахунказнаўства павінна знаходзіцца не ў руках дылетэнта, а сапраўднага спэцыяліста, эканамічна і юрыдычна адукаванага.

Бухгальтар—экспэрт павінен быць асобаю, умеючай навукова мысьліць і здольна арыентавацца ў прычынных і выпадковых зьявішчах. Толькі тады ён будзе мець магчымасьць ня толькі аналізаваць лічбовыя даныя, але і аднаўляць перад цяжбеньнікамі сутнасьць цікавага для іх пытаньня.

І зусім праў С. Ф. Іваноў, калі ён гаворыць, што „прамыя абавязкі бухгальтара наогул, а бухгальтара-экспэрта ў асаблівасьці і заключацца ў тым, каб прымусіць гэты нямы язык лічбаў, мором заліваючы бухгальтарскія кнігі, язык сухі і нудны, роўна нічога ня кажучы для тых, хто запамятаваў, што пісьменнасьць і зьлічэньне нарадзіліся ў адзін час—у пачатку чалавечай культуры,—каб прымусіць гэтую мову лічбаў загаварыць для грамады, загаварыць красамоўна і праўдзіва.

У сваім ідэйным служэньні практыкаваны і чуткі экспэрт зможа дапамагчы правасудзьдзю зрываць маскі фальшывасьці з тых, што разьлічваюць на недабачлівасьць акружаючых, хто браніруецца буффонадай сваіх грамадзкіх заслуг і прац і хто лепшыя сродкі культуры зварочвае на яе-ж-а зруйнаваньне.

Пры сьвеце бесстароннасьці і ведаў усе цёмныя куткі, усе хадульныя вялікія ўчынкі, усе сумненныя каштоўнасьці, штучна ўздутыя да галавакружыцельнай вышыні, атрымаюць патрэбнае асьвятленьне і патрэбную ацэнку“[1]).

На жаль здарэньні апошніх гадоў і да і пасьля рэвалюцыі далі ня мала матарыялу для экспэртызы, пераважна толькі ў гэтым напрамку.

Цэлы шэраг працэсаў прайшоў-бы зусім бяз цьвету і бясплодна для правасудзьдзя, калі-б ня было экспэртаў.

Ва усякім выпадку бязьлітаснае адчыненьне балячак, эффэктна закрытых яскравымі латкамі, садзейнічае аздараўленьню грамадзкага арганізму, дае моц і упэўненасьць сумленным працаўнікам змагацца супроць бессаромлівага гаспадараньня рознага тыпу цёмных дзяльцоў.

Але гэта толькі магчыма, калі бухгальтарская экспэртыза будзе знахадзіцца ў надзейных руках.

Юрыдычна-эканамічнае дасьледваньне гаспадарчых зваротаў ёсьць альфа і амэга у посьпеху разьвіцьця навукі рахунказнаўства ці як Гомберг называе „экономологіі“.

Таму нам і прыходзіцца бачыць, што займацца ёю сталі ня толькі бухгальтары, але і прафэсары эканамічных і юрыдычных навук.

---

[1]) С. Ф. Іваноў—„Бухгальтарская экспэртыза ў судовым працэсе“ Спб 1913 г. стар. 64.

Памянёнае прыводзіць нас да палажэньня, якое само сабою разумеецца і відавочна. Яно заключаецца ў тым, што прадукцыйнасьць навукі рахунказнаўства знаходзіцца ў простай залежнасьці ад якасьці і падрыхтоўкі тых асоб, якія ёю займаюцца.

Гэтая навука на службе у юрыспрудэнцыіі тады толькі будзе на вышыні, калі карыстаецца павагаю, дзякуючы навуковым пазнаньням, сам бухгальтар экспэрт.

Між тым на практыцы наглядаецца вельмі часта такое зьявішча, што экспэртам па бухгальтэрыі выступае, як кажуць, „практык“, бо дапушчаецца, што асобы гэтыя стала маюць справу з пісанымі дакумантамі, а таму павінны „разумець у кнігах“.

Такое зьявішча, такі склад экспэртаў—рэч зусім недапусьцімая за граніцаю, але пераважае на жаль у нас усюды, за выключэньнем буйных цэнтраў, дзе суды маюць магчымасьць карыстацца ўслугамі рахункаведаў, маючымі літаратурныя працы па таму ці іншаму пытаньню ў сфэры іх дзейнасьці

Па нашай думцы зусім недапусьціма, каб на судзе мог выступаць у якасьці экспэрта бухгальтэрыі ўсякі жадаючы, без папярэдняга іспыту ў яго ведах па гэтай спэцыяльнасьці і без належным чынам устаноўленнага пасьведчаньня ў атрыманьні права на гэты стан—падобна таму, як гэта патрабуецца у тых выпадках, калі экспэртыза на судзе даручаецца судоваму ўрачу, хіміку, фізіку, мэханіку, архітэктару і г. д.

Усе яны маюць пасьведчанае, на падставе іспыту, права лічыцца спэцыялістамі кожны па сваей спэцыяльнасьці і гэтым самым апраўдваецца іх права на выкананьне абавязкаў экспэртаў.

Толькі для экспэртызы па бухгальтэрыі лічыцца магчымым дапускаць асоб нічым не давёўшых сваей компэтэнтнасьці ў гэтай галіне. Што-ж датычыцца выдачы некаторымі бухгальтарскімі ці рахунаводнымі прафэсыянальнымі таварыствамі сваім членам пасьведчаньня на праваназывацца: прысяжнымі рахунаводамі, бухгальтарамі экспэртамі, старшымі прысяжнымі бухгальтарамі і гэтак далей, то асобы, дапусьціўшыя, што пасьведчаньні выдаюцца членам гэтых таварыстваў уладаючым сапраўды навуковым цэнзам, будуць вельмі памыляцца.

Мы лічым, што трэба устанавіць пры вышэйшай школе спэцыяльныя іспытацельныя камісіі, у якіх павінны падпадаць абавязковым іспытам асобы, прэтэндуючыя на назву бухгальтароў-экспэртаў у судох.

Іспыты гэтыя, зразумела, могуць мець значэньне і сэнс толькі пры той умове, што галоўная ўвага будзе зьвернута не на элемэнтарныя правілы бухгальтара, а на самую сутнасьць навукі рахунказнаўства, на грунтоўнае знаёмства з яе мэтадамі, школамі і напрамкамі, знаёмства з гісторыяй і літаратурай, а таксама з практыкай судовай бухгальтэрыі.

Калі, па прызначэньню Карпанцье на Брусэльскім кангрэсе па рахунаводзтву, у 1910 г.—„рахунаводам лічыцца той, хто, будучы дасканальна пасьвечан у навуку рахунказнаўства, ўладае яшчэ цэлым шэрагам ведаў у галіне матэматыкі, права, фінансаў і палітычнай эканоміі“, то якія-ж патрабаваньні павінны быць прад'яўлены да бухгальтара экспэрта, выступаючага на служэньне правасудзьдзю ў справе выяўленьня праўды?

Запатрабаваньні, бязумоўна, павінны быць болей павышаны.

Нельга не згадзіцца з С. Ф. Івановым, што „бухгальтар—экспэрт павінен уладаць грунтоўнымі ведамі ў рахунказнаўстве, практыкаваным (стаж прафэсыянала) і вядомым унутранымі якасьцямі (навуковы судзьдзя фактаў)“.

Акрамя досыць добрай тэорэтычнай падрыхтоўкі, бухгальтар-экспэрт павінен абавязкова ўладаць рознабаковай практыкай (у Англіі службовы стаж для экспэртаў—абавязковы).

„Як навуковы судзьдзя фактаў, экспэрт павінен уладаць розумам гібкім і здольным да шырокіх абагульненьняў, параўнаньняў і анцітэзаў, уладаць сумленьнем, бесстароннасьцю і беспартыйнасьцю як у агульных, так і ў прафэсыянальных пытаньнях, характарам рашучым і сьмелым“.[1])

Але калі мы прад'яўляем такія павышаныя патрабаваньні рахункаведу, які ідзе на служэньне правасудзьдзю, ясна, што і юрыст павінен быць хаця-бы ў агульных рысах знаём з асновамі рахунказнаўства і я лічу вялікім прабелам у пастаноўцы выкладаньня на юрыдычных факультэтах, што там не адведзена хаця-бы сьціслага месца сярод шэрагу юрыдычных дысцыплін выкладаньню хаця-бы агульнага рахунказнаўства з практычнымі заняткамі па балянсазнаўству і судовай бухгальтэрыі.

Бо судовы сьледчы павінен ясна і точна вызначыць прадмет і задачу экспэртызы і умець разабрацца ў яе навуковай і практычнай каштоўнасьці для ходу працэса.

Як-жа ён гэта зробіць, калі ня здолее адрозьніць Д-та ад К-та, Актыва ад Пасыва. Калі ад эканамістаў, будучых гаспадарнікаў патрабуецца вывучэньне падстаў права, то і юрыст, па маёй думцы, павінен быць знаём з падставамі рахунказнаўства.

Рахунказнаўства як і судовая мэдыцына, аднолькова патрэбна для кожнага адукаванага юрыста.

У сучасны момант у Маскве і іншых буйных цэнтрах Саюзных Рэспублік, у тым ліку і ў Менску пры РСІ БССР, арганізаваны спэцыяльныя Інстытуты дзяржаўнай бухгальтарскай экспэрцізы. Мэтай арганізацыі памянёнага органу зьяўляецца кантрольная экспэртыза рахункавай дзейнасьці і у рэгуляваньні яе ў дзяржаўным маштабе.

Па свайму заданьню і аснаўному характару інстытут прадстаўляе вышэйшую ў дзяржаве ўстанову па рахункавай прафэсіі, якая мае ня толькі спэцыяльна прысвоеныя ей правы, але і адпаведныя падручныя апараты па падрыхтоўцы і адбору кадраў спэцыялістаў і кіруецца спэцыялістамі вышэйшай кваліфікацыі.

Членамі кіруючага Інстытутам калектыву могуць быць толькі спэцыялісты, асабісты аўторытэт якіх атрымаў прызнаньне, як з боку дзяржаўнай улады, так і з боку шырокіх грамадзкіх колаў, пры гэтым грунтоўнымі даннымі для прысваеньня назвы дзяржаўнага бухгальтара—экспэрта зьяўляюцца:

1) Вышэйшая эканамічная і бухгальтарская адукацыя.
2) Наяўнасьць у кандыдата навуковых прац.
3) Мінімальны пяцігадовы практычны стаж и 4) зусім бездакорная рэпутацыя.

У задачы Інстытуту ўваходзіць учыненьне тэхнічнай дапамогі па даручэньням, як вышэйшых дзяржаўных устаноў, так роўна і мясцовых дзяржаўных органаў, праз правядзеньне працы: а) па бухгальтарскай экспэртызе кніг, справаздач, балянсаў і паасобных катэгорый грашовых і матар'яльных дакумэнтаў; б) па абсьледваньню грашовых органаў для высьвятленьня правільнай і мэтазгоднай пастаноўкі вучоту і справаздачы; в) па распрацоўцы праектаў арганізацый новых і рэарганізацыі існуючых рахунковых органаў. Акрамя таго, у задачы Інстытуту уваходзяць яшчэ:

а) распрацоўка пытаньняў адукацыі кадраў спэцыялістаў праз тэорэтычную падрыхтоўку і якасны адбор;

---

[1]) С. Ф. Іваноў. „Бухгальтарская экспертыза“ стр. 12.

б) распрацоўка і паданьне на зацьвярджэньне заканадаўчых органаў рэгламанту праў і абавязкаў спэцыялістаў рахункаводаў розных катэгорый;

в) распрацоўка мэтадаў і спосабаў абароны гэтых праў а таксама дысцыплінарнага ўплыву на спэцыялістаў у выпадках парушэньня прафэсыянальных абавязкаў.

Зьявішча гэта напэўна трэба вітаць толькі ў тым выпадку, калі памянёныя інстытуты на мясцох сапраўды сэр'езна аднясуцца да ўзложаных на іх дзяржавай задач і асьцярожна будуць падыходзіць да асоб, прызначаных на сэр'езную і адказную ролю бухгальтара—экспэрта.

Падобныя інстытуты даўно маюць месца і існуюць на Захадзе. У Англіі існуе інстытут прысяжных бухгальтароў. Ні-адна гадавая справаздача акцыянэрнага прадпрыемства ня будзе апублікавана бяз візы прысяжных бухгальтароў, і нябожчык т. Красін, пазнаёмыўшыйся з інстытутам прысяжных бухгальтароў у Англіі, існуючым з 11 мая 1880 г., па заслугам васьпеў яму хвалебны гімн.

У Італіі мы спатыкаем Інстытут perito ragionire гэта значыць, сьвядомых рахункаводаў. У Гэрманіі—прысяжныя рэвізоры гандлёвых кніг Vereidete Bücherrevisoren.

У Францыі—Сіндыкальная палата рахуказнаўцаў з 1882 г. Чаму-ж у нас ня мець спэцыяльнага інстытуту дзяржаўных бухгальтароў—экспэртаў і консультантаў.

Пытаньне аб становішчы экспэртаў у судовым працэсе да гэтага часу ў сусьветнай літаратуры не атрымала зусім вызначанага і агульна прынятага выніку.

У працы памянёнага мною С. Ф. Іванова мы знаходзім цікавую зводку па гэтаму пытаньню. Усю пераважную за апошні час плынь магчыма зьвясьці з наступныя групы:

А. Экспэртыза ня ёсьць асобны від судовага доваду:

Па думцы адных дасьледчыкаў: а) экспэртыза—ёсьць від асабовага агляду (Бонье, Спасовіч, Цітманн, Фейербах);

б) экспэрт—памоцнік судзьдзі (Бонье, Геннер, часткова Фінк); экспэрт—толькі прылада ў руках суда;

в) экспэртыза—від сьведчага паказаньня (Баршаў, Пратабевер, Шнейдэр, ангельскае права).

Б. Экспэртыза—асобны самадзейны від судовага доваду (Духоўскі, Люблінскі, Міттэрмайер, Случэўскі, Фойніцкі).

В. Экспэртыза зусім ня довад; па думцы Бірнбаума, экспэрт Iudex facti, судзьдзя фактаў.[1])

Дзеля кур'ёзу прывяду цікавую клясыфікацыю экспэртаў і ведаючых асоб, прапанованую Сяргіевічам у яго працы „Мастацтва мовы на судзе".

Сяргіевіч дзеліць экспэртаў наогул на: а) ведаючых і сумленных; б) сумленных і няведаючых; в) ведаючых і нясумленных; г) нясумленных і няведаючых.

Сваю клясыфікацыю Сяргіевіч паясьняе такім чынам: да нясумленных экспэртаў ён адносіць ня толькі бясчэсных, якіх амаль ня бачыў на судзе, але і безкарысна бесстаронных, а таксама легкадумных, якіх бачыў шмат; да няведаючых—ня толькі круглых нявежд, але і людзей умеранных пазнаньняў, якіх таксама спатыкаў на кожным кроку.[2])

Гэтыя плыні літаратуры адбіліся на законадаўствах розных краін.

У паасобку нельга не адзначыць, напрыклад, featуre розностайнасьці ў праве адводу экспэртаў: у адных законадаўствах (рускае, француское, бэльгійскае)—ведаючыя людзі адводзяцца па тых самых прычынам,

[1]) С. Ф. Іваноў. „Бухгальтарская экспэртыза" стар. 8, 9

[2]) П. Сяргіевіч. „Мастацтва мовы на судзе" стар. 231.

што і сьведкі; у іншых (германскае) адхіляюцца па тых жа асновах, што і судзьдзі.

Многія прабелы існуючых законаў аб экспэртах (у нас напрыклад, аб праве допыту экспэртамі сьведак), выконваюцца праз растлумачэньні вышэйшых судовых устаноў краіны.

Ясна адно, што права экспэртаў пры пераглядах кодэксаў грамадзянскага і асабліва крымінальнага судаўніцтва кожны раз расшыраюцца, і праф. Файніцкі быў бязумоўна праў, калі зацьвярджаў, што „экспэртыза—гэта навейшы від судовых довадаў, якія зьяўляюцца значна пазьней усіх іншых і разьвіваюцца на нашых вачох“.

Дзеяўшы да рэвалюцыі статут грамадзянскага судаўніцтва гаварыў аб экспэртах у X разьдзеле II кнігі, у загалоўку „аб праверцы довадаў“; але ўжо сам законадаўца ў сваіх матывах прызнаваў, што прылічваньне заключэньня экспэртаў да довадаў ня зусім дакладна; паказаньні экспэрта даюць судзьдзі не суджэньне аб справе, як комплексе фактаў, а дапамагаюць складзьці сабе належнае яскравае паняцьце аб такіх рэчах, дзе гэта ня можа быць дасягнута судзьдзёй самастойна пры дапамозе яго адукацыі, здаровага сэнсу, лёгічнага разважаньня і жыцьцёвае практыкі. Экспэртыза ёсьць праверка довадаў у тым сэнсе, што разьвівае матарыяльнае пераконваньне судзьдзі да ступені пэўнасьці—гэта ёсьць разважаньне, лёгічны вывад ад вядомага да невядомага, ад акалічнасьцяў, непадлягаючых сумненьню, да таго, што яшчэ павінна быць даведзена. Па знадворнай сваёй форме экспэртыза праяўляецца ці ў відзе пісьмовага заключэньня вядомых асоб, ці, калі справа не асабліва складная ў форме слоўных паказаньняў на спосабе сьведчых, занасімых у пратакол пасяджэньня.

Але ў гэтай апошняй форме неабходна праводзіць рэзкую розьнасьць па юрыдычнай прыродзе між паказаньнямі сьведак і экспэртаў.

Законадаўчыя матывы так праводзяць гэту розьніцу: сьведка ёсьць гісторык, які павінен сказаць аб мінулым бяз усякіх вывадаў, экспэрт дасьледвае гэта палажэньне прадмета ці аб‘екту і робіць з яго свае вывады. Таму сьведка паказваецца сілаю рэчаў раней узьніканьня судаўніцтва, ня можа быць нікім заменен, таму што ён як раз бачыў дадзенае зьявішча; яго словы зьмяніць нельга, ім магчыма ці верыць, ці ня верыць.

Экспэрт ня мае ніякіх адносін да справы, выбіраецца пасьля пачатку спрэчкі толькі таму, што мае спэцыяльныя веды: яго можна замяніць другою такою-ж асобай, вывады яго могуць быць ня грунтоўнымі, нязгоднымі з навукай, не падыходзіць да прафэсыянальнай (тэхнічнай), ісьціны.

Для правядзеньня экспэртызы патрабуецца папярэдне асобная пастанова суда, вызначаюцца прадмет і межы дасьледваньня экспэртаў, а таксама і тэрмін для дачы імі свайго заключэньня.

Выбіраюцца экспэрты зацікаўленнымі бакамі, а пры незгаджэньні іх судом у колькасьці ад 1 да 3 чалавек. Толькі тыя асобы абавязаны прыняць на сябе гэту справу, хто па сваёй прафэсіі лічыцца маючым асобныя веды, але яны карыстаюцца правам вызваліцца па тым жа падставам, што і сьведкі. Адводы экспэртаў магчымы толькі ў тых выпадках, калі яны прызначаны судом і пры тым па тых жа прычынах, што і сьведкаў у 3-х дзённы тэрмін са дню абвесткі распараджэньня суда; тэрмін гэты ня мае значэньня, калі прычына адводу экспэрта вызначылася пазьней.

Значэньне і прыёмы экспэртызы рэзка адрозьніваюцца у крымінальным і грамадзянскім працэсах. Гэта розьніца строга абумоўлена самай прыродай таго і другога працэсу.

Ініцыятыва у грамадзянскім працэсе, зьбіраньне матарыялаў для довадаў і ўсё далейшае разьвіцьцё па сутнасьці належыць толькі старанам грамадзянска-судовага спору і апошні разьвязваецца судом толькі ў межах, паданых на разгледжаньне суда старанамі. Адсюль і роля экспэрта у грамадзянскім працэсе зусім абмяжована рамкамі пытаньняў, пастаўленых на вырашэньне экспэрта.

У крымінальным працэсе пачатак і ўсё далейшае разьвіцьцё яго цалкам залежыць ад суда, які ажыцьцяўляе права дзяржавы на кару за злачынства, парушаўшае дзяржаўны парадак.

Калі шырэй задачы суда—то шырэй права і абавязкі экспэрта, як бліжэйшага супрацоўніка суда.

У якой жа галіне судовай практыкі рахунказнаўства, у асобе яе прадстаўнікоў можа выявіць сваё служэньне правасудзьдзю?

Дзейнасьць рахункаведа—экспэрта ахапляе шырокую галіну і ў крымінальных і ў грамадзянскіх справах. Сюды адносяцца растраты, злачынствы, ашуканствы, машэнства, уцягненьня ў нявыгодную ўмову, падлогі, злоснае банкрутства, вымаганьне, хабарніцтва; справы конкурсныя, ліквідацыйныя па ўсякіх гандлёвых умовах і г. д.

Усе выпадкі бухгальтарскай экспэртызы па якасьці здабытага матарыялу для яе, можна падзяліць на дзьве катэгорыі: матарыяльныя довады, прад'яўляемыя бухгальтару-экспэрту: 1) могуць заключаць у сабе даныя зусім пэўныя і незаганныя, 2) могуць заключаць у сябе даныя, сумленныя, пазбаўленыя сілы довадаў бухгальтарскіх кніг як вынікі:
а) выпадковасьці, б) нядбаласьці, в) злога замеру.

Выпадкі першай катэгорыі параўнальна ня так складаны і цяжкі, бо бухгальтар—экспэрт мае справу з матарыялам зусім здавольняючым і можа даць сваё заключэньне не ўваходзячы да абмеркаваньня прыўваходзячых акалічнасьцях.

Зусім іншая па цяжкасьці справа, калі экспэрту прыходзіцца апэрыраваць над справамі другой катэгорыі (прычым на практыцы пераважаюць апошнія).

Абмяжуюся пералічэньнем найбольш тыповых пашыраных выпадкаў экспэртызы іменна гэтай другой катэгорыі: 1) Складаньне няверных дакумэнтаў, неадпавядаючых сапраўднасьці.

Гэтыя дзеяньні робяцца даволі часта распарадчыкамі па прыемцы і водпуску тавараў ці іншых каштоўнасьцяў і практыкуюцца звычайна па згодзе з другімі асобамі з прысваеньнем рознасьці ў сваю карысьць.

У карысных-жа мэтах адпаведныя даныя часьцей (талён, дублікат, копія) аднаго і таго-ж дакуманту наумысьля паказваюцца не ў аднальковых вялічынях.

Да складаньня заведама няправільных дакумантаў прыбягаюць і у мэтах схаваць магчыма далей той ці іншы недалік, растрату ці раскраданьне.

Падлог дакумантаў, які так часта спатыкаецца ў сучаснай судовай практыцы, мае вялікае гістарычнае мінулае.

Цікавую даведку дае Ф. Кольб у „Гісторыі людзкой культуры", што манахі займаліся больш старанна, чымся старажытнымі клясыкамі, складаньнем падложных актаў і сваімі рахункамі.

Насколькі падлогі ў кнігах і дакумантах былі вялікім і пашыраным злом, можна судзіць ужо па той акалічнасьці (адзначанай і ў гісторыі матэматыкі і ў гісторыі гаспадарчага быту), як цяжка ўвашлі ў ужытак арабскія цыфры, надта лёгкія для падробкі.

Так у рукапісу Вільфгана Швейкера, належачым да 1549 г., можна прачытаць такое навучаньне: „Стаў у канцы запісу заўсёды рым-

скія цыфры, іх ня так легка сфальшывіць, як звычайныя, дзе із 0 лёгка зрабіць 6 ці 9, і не выстаўляй манет у звычайных цыфрах".

Такі погляд на „арабскія" цыфры адбіўся і ў заканадаўчых актах таго часу.

Забарону ўжываць арабскія цыфры знаходзім і ў пастановах Падуанскага Унівэрсытэту ў 1348 г.

Фрэйбурскае гарадзкое ўлажэньне 1520 г. толькі тады лічыла доваднуюсілу даўгавых кніг, калі сумы адзначаліся ня цыфрамі, а цэлымі словамі.

На практыцы падлогі ўстанаўляюцца каліграфічнай, фатаграфічнай і хімічнай экспэртызай і толькі пры наяўнасьці многалікавых падлогаў бухгальтарскіх дакумантаў зварочваюцца да дапамогі бухгальтара—экспэрта.

У кнігах прад'яўляемых экспэртызе вельмі часта спаткаюцца: няправільны перанос даных з дакумантаў, няправільнае складаньне артыкулаў у асноўных і дапаможных кнігах; запіс несапраўдных выдаткаў; пропуск паступіўшых каштоўнасьцяў; няправільны падлік ітогаў і транспартаў і перанос іх на чарговыя старонкі; няправільны перанос астач; адчыненьне і вядзеньне фіктыўных рахункаў; няўзгодненасьць запісаў галоўнай кнігі з адпаведнымі данымі дапаможных кніг; скажэньне раней зробленых правільна запісаў у кнігах праз падчысткі і перапраўкі і інш.; самавольны перанос на неадпаведныя рахункі, а таксама самавольнае складаньне старніраваных (паправачных) артыкулаў; зьнішчэньне тых або іншых аркушаў бухгальтарскіх кніг і устаўка новых аркушаў з падложнымі запісямі.

Фабрыкаваньне дутых справаздач, няўзгодненьне з сапраўднасьцю значна болей пашырана, чым гэта дапускаюць у шырокіх грамадзянскіх колах.

Да жалю вельмі малы процэнт такіх спраў даходзіць да суда.

Каму з старых бухгальтараў не вядома, як пры вырашэньні пытаньня аб дывідэндзе падганяліся і адпаведным чынам камбінаваліся цыфравыя даныя, як у дырэктарскіх габінетах многіх банкаў дыктаваўся чарговы купон і як, выходзячы з загадзя намечанай нормы вынікаў справаздачы, складаліся заключныя артыкулы бухгальтарскіх кніг.

Многалікавыя банкаўскія працэсы мінулага часу маглі-б паслужыць наглядным прыкладам выяўленных экспэртызай мастацтваў—банкаўскіх дзяльцоў, рыцарэй легкай нажывы пусьціўшых па сьвеце не адну тысячу людзей.[1]) А цяпер? Калі выходзіць з абавешчанага лёзунгу „Сацыялізм—гэта вучот", то бяручы пад увагу справаздачы аб судовых працэсах нашых гаспадарнікаў, бяручы пад увагу вынікі ўсесаюзных з'ездаў бухгальтароў, пастаноўка справаздачы ў цэлым шэрагу нашых буйных дзяржаўных, гаспадарчых прадпрыемстваў, даючы багаты матарыял для бухгальтарскай экспэртызы, далёка і на доўга адсувае нас ад канцовага этапу імкненьня чалавечаства.

З дакладу аднаго з быўшых відных кіраўнікоў, нашай дзяржаўнай прамысловасьці т. Пятакова на адным з з'ездаў бухгальтароў відаць, што справаздачнасьць у вялізнай большасьці прадпрыемстваў далека не вядзецца ажурам (a jour), справаздачныя балянсы зацягваюцца прадстаўленьнем па 2-4-6 мес., а па некаторых прадпрыемствах не дастаўляюцца і зусім.

Многія прадстаўляемыя балянсы грэшаць супроць асноўных запатрабаваньняў бухгальтэрыі, яснасьці, праўдзівасьці і пэўнасьці.

---

[1]) С. Ф. Іваноў—„Бухгальтарская экспертыза стар. 28.

У цікавай працы Бейгеля „Theorie und Praxfis der Buchführungs und Balanz—Revision“, а таксама у грунтоўнай працы праф. Шэрра—„Бухгальтэрыя і балянс“ прыведзена шмат прыкладаў, якія маюць мейсца і у крымінальнай практыцы, вельмі добра ілюструюць, да якіх прыёмаў прыбягаюць цёмныя дзяльцы і закулісных спраў майстры дзеля таго, каб схаваць сьляды злачынства, ашукаўшы грамадзкае давер‘е.

Да якіх толькі ухішчрэньняў не прыбягаюць „спэцыялісты“ балянсавыя майстры, якія ставяць сабе задачай, зразумела, дзякуючы самых разнастойных матываў прадставіць у лепшым ці дрэнным выпадку палажэньне, стан і разьмеры маёмасьці і прыбытак прадпрыемства, схаваць дзелавыя факты, маёмаснае палажэньне ці абавязак прадпрыемства затушаваць іх, прыдаць ім няясны від, адным словам падаць балянс прадпрыемства у замаскаваным, або вэлюмінаваным відзе.

Пад вэлюмінаваньнем балянсу нямецкая судовая практыка разумее „такі спосаб выразу, які робіць няяснымі ці цяжка высьвятляемымі сапраўдныя факты і пры тым, такім чынам, што дзякуючы гэтаму утвараецца няправільнае суджэньне аб сапраўдным палажэньні рэчаў“.

Тут могуць мець месца наўмыснае схоўваньне ці замаскаваньне даных балянсу, ці проста падробка балянсу.

У злачынстве ўсе спосабы добрыя, тут карыстаюцца ўсім, але разабрацца ў такім аслаўленым матарыяле, знайсьці і высьветліць сьляды злачынства, задача надзвычайна складаная, марудная, патрабуючая вялікай напружанасьці розуму і волі, вялікае практыкі і ведаў

На жаль, складаньне няправільных балянсаў і фальшывых справаздач вялікае і даволі пашыранае зло сярод рахункаводаў. Зразумела, з шырокім разьвіцьцём адказнасьці перад законам і грамадою, з пашырэньнем праў бухгальтара, паменшыцца лік такіх спроб рана ці позна прыводзячых на лаўку падсудзімых.

Бязумоўна, у мэтах аб‘ектыўнасьці дзеяньняў рахункаводны апарат павінен быць зусім эмансіпаваны і вызвален ад магчымасьці ўплыву на яго тэхніку з боку адміністрыруючага органу, што кіруючы апаратам бухгальтар павінен быць матарыяльна незалежным ад гэтага органу і што дзейнасьць рахунковага апарату павінна быць ізалявана ад неналежачых яму апэрацыйных функцый, грашовых, матарыяльных і інш. Апроч таго павінна мець месца наліčча адпаведных знадворных аб‘ектыўных умоў у відзе гарантыі магчымасьці компетэнтнай кантрольнай экспэртызы і аўтарытэтнай ацэнкі іх спэцыяльных дзеяньняў, а з другога—гарантыю дысцыплінарнай і крымінальнай адказнасьці іх. Гэтыя дасягненьні магчымы пры наліччы спэцыяльнага дзяржаўнага органу для экспэртызы, які цяпер і ўтвораны пры РСІ.

Прыводзячы гэтыя, падмечаныя практыкай цэлага шэрагу бухгальтарскіх экспэртыз, выпадкі і магчымасьці фальсіфікацыі бухгальтарскай справаздачнасьці, я зусім ня маю на мэце кінуць якое небудзь абвінавачаньне па адрасу інстытуту бухгальтароў і на іх выключна ўскласьці адказнасьць за слабую, а часам і няправільную пастаноўку справаздачы ў шэрагу гаспадарчых устаноў, меўшых месца да гэтага часу.

Цэлы шэраг прайшоўшых перад намі судовых працэсаў з яскравай відавочнасьцю і рэльефнасьцю паказаў, што часта першай прычынай высьветленых злачынстваў зьяўляюцца не паасобныя бухгальтары, вядома, і „у сям‘і не бяз вырадку“, а іменна, тыя аб‘ектыўныя умовы безпраўя, уціску і самавольства, сярод якіх прыходзіцца часамі працаваць нашай арміі прыціснутых нярэдка доляй безкарысных працаўнікоў і сумленных, любяшчых сваю справу, і шчыра адданых ёй рахунковых працаўнікоў.

Справа ў тым, што для выкананьня абавязкаў бухгальтара у прадпрыемствах сучаснага тыпу і разьмераў, так розных як па тэхнічным асаблівасьцям і эканамічным пачаткам, так і па мэтам і спосабам іх дасягненьня, патрэбны асобы, уладаючыя вядомымі салiднымі прафэсыянальнымі ведамі і маральнаю трываласьцю ў выкананьні свайго службовага абавязку.

Але лік бухгальтароў, здавальняючых паказаным запатрабаваньням, пакуль што вельмі абмяжованы і разьлічваць на пашырэньне кантынгенту іх бадай немагчыма з прычыны скарачэньня сеткі вучэбных установ і курсаў прамыслова-эканамічнага тыпу, і старая армія рахунковых працаўнікоў выходзіць з радоў, а новая зьмена ня ідзе ей на вызваленьне, за адсутнасьцю падрыхтоўкі да вядзеньня такое адказнае работы.

У дадатак да гэтага заканадаўства прадстаўляе адпраўленьне гэтай важнай у грамадзкім жыцьці функцыі вольнаму ўгледжваньню ўсякага жадаючага без установы якога-небудзь адукацыйнага і маральнага цэнзу.

Апроч гэтага, поўная матарыяльная і службовая залежнасьць ад нічым ня сьціснутай у галіне справаздачы адміністрацыі, ці галавы прадпрыемства і адсутнічаньне паза прадпрыемствам падставы юрыдычнай, маральнай і матарыяльнай пазбаўляюць часта асоб рахунковай прафэсіі глебы для выяўленьня неабходнай трываласьці ў выкананьні свайго грамадзкага абавязку.

Ува ўсякім выпадку цэлы шэраг судовых працэсаў досыць пераканальна паказваюць нам, што злачынствы, якія рабіліся ў прыватных і грамадзкіх установах пад прыкрыцьцем болей чым няправільнай справаздачы, мелі месца, галоўным чынам, з прычыны неазначальнасьці праў і абавязкаў бухгальтара, неабмяжованай залежнасьці іх ад самавольства асоб, кіруючых прадпрыемствам.

Жыцьцё з кожным днём усе болей і болей падкрэсьлівае разьвіваючуюся сацыяльную ролю бухгальтара-рахункаведа. На Захадзе, ён займае ўжо значную ролю у грамадзкім будаўніцтве, трэба спадзявацца, што ў гэтых адносінах мы не адстанем ад захаду і у нас бухгальтар—рахункавед зойме належнае яму ганаровае месца у разьвіцьці гаспадарчай моцы Саюзных Рэспублік.

Наша гаспадарка зараз выбіраецца з таго бяздоньня, у якое яна была ўкінута пасьля імпэрыялістычнай і грамадзянскай вайны. Гаспадарка павольна крок за крокам, але цэпка і настойліва выбіраецца з таго бяздоньня, у якім яна знаходзілась у 19—20 г. г.

Адначасова з адраджэньнем гаспадаркі, адначасова з ростам вытворчых сіл краіны, вытворчых сіл нашай прамысловасьці, адраджаецца і рахунковы апарат у нашай гаспадарцы, але ў процілегласьць капіталістычным краінам мы маем справу з дзяржаўнай гаспадаркай, дзяржаўнай прамысловасьцю і гандлем і адсюль роля рахунковага працаўніка бухгальтара ў нас павінна быць і больш ганаровай і больш адказнай, чымся на захадзе.

У нас бухгальтар павінен быць ня ўдзельнік злачынстваў прадпрыймных дзяльцоў з якімі вядзе барацьбу правасудзьдзе, а сапраўдным вокам народным, якое сочыць за тым, у якім становішчы знаходзіцца народная маёмасьць, ці раскрадаецца яна ці павялічваецца, ці маем мы рост народнага багацьця, ці яго растачэньне.

У сучасны момант НК РСІ СССР улічваючы бяспраўнае палажэньне рахунковых працаўнікоў у нашых установах, распрацаваў Палажэньне аб правох і абавязках галоўных бухгальтараў. Згодна гэтаму Палажэньню галоўныя і старшыя бухгальтары нясуць адказнасьць як

і кіраўнікі ўстаноў, прадпрыемстваў і арганізацый. Пры чым нясуць адказнасьць ня толькі за правільнае вядзеньне падліку і справаздачнасьці, але і за агульную пастаноўку справаздачы ў аддзяленьнях і гаспадарчых адзінках, уваходзячых у склад данай установы альбо прадпрыемства.

На падставе гэтага Палажэньня кантрольныя органы (Фінкантроль, РСІ, ведомственная рэвізія, рэвізійныя камісіі) павінны прыняць усе крокі, каб бухгальтары гэту адпаведнасьць нясьлі на справе, не пакідаючы без пакараньня парушэньня ў галіне падліку і справаздачнасьці.

Трэба дабіцца, каб галоўныя бухгальтары пільна сачылі за дакладным выкананьнем усіх патрабаваньняў дзяржавы у галіне парадку выдаткаваньня сродкаў.

„Немагчыма цярпець, правідлова піша па гэтаму поваду т. А. В-аў у № 59 газ. „Рабочы“ за 9/II-1928 г., каб бухгальтар прынімаў такія апэрацыі, якія парушаюць элемэнтарныя правілы бюджэтнай дысцыпліны, устаноўленыя дзяржавай.

Нельга таксама прахадзіць міма такіх фактаў, калі бухгальтар, выходзячы з падхалімскіх меркаваньняў у сваёй безадказнасьці, баючыся за сваё „месца“ і палажэньне, прапускае выдаткі неправеранымі ці няпэўнымі дакумантамі. Трэба ўтварыць такое становішча, пры якім бухгальтар быў-бы абаронен ад бюрократычнага нажыму і праследваньня.“

Але дзеля гэтага трэба ня толькі палепшыць праўнае палажэньне бухгальтароў у нашых прадпрыемствах, але і ў тэрміновым парадку падрыхтаваць кадры добракваліфікаваных працаўнікоў рахунковай справы.

Хочацца верыць, што разьвіваючаяся гаспадарчае жыцьцё Саюзных Рэспублік прымусіць нас зьвярнуць увагу на тое, што прамыслова-эканамічная адукацыя ня толькі вышэйшая, але і сярэдняя, ня можа сьпыніцца, што яна патрэбна для народу—будаўніка гаспадарчай моцы і калі мы хочам падняць неаб'ятныя багацьці, што знаходзяцца у нас, то мы павінны ўтварыць сапраўдныя вогнішчы думкі, сьвету і ведаў.

Шырокія пэрспэктывы для рахунковых працаўнікоў зьяўляюцца больш шырокімі, ідэйнымі і адказнымі для бухгальтароў—экспэртаў.

У сваім адказным служэньні правасудзьдзю, у працы сьвядомай і ўзвышанай, у служэньні лепшым наказам права і ісьціны, рахункавед горда панясе свой сьцяг сілы і веды на служэньне юрыспрудэнцыі, грамадзе, на заваеву лепшага будучага.

Андрэй Бурдзейка.
Асьпірант пры Катэдры Гіст. Нар. Гаспад. Беларусі

Земляўласьнік і земляроб па Літоўскаму Статуту 1566 г.[1]

Палітычнае права земляўласьнікаў. Ва ўсіх пастановах Статуту, у якіх гаворыцца аб палітычным праве, не праводзіцца розьніцы паміж шляхтай-земляўласьнікамі і шляхтай неземляўласьнікамі. Тут Статут, пералічваючы розные катэгорыі шляхецтва, надае ўсім адны і тыя-ж правы, раўняе ўсю шляхту. Мы і будзем на аснове гэтага разглядаць тут усю шляхту, як адно цэлае.

З палітычных правоў на першым месцы трэба паставіць права шляхты прымаць удзел у сойме. Згодна артыкулу шостаму III разьдзелу соймы павінны склікацца ў меру патрэбы. Права прымаць удзел у сойме трэба лічыць вельмі каштоўным правам, бо ніякай новай уставы вялікі князь ня мог даваць без сойму,[2] без сойму няможна было сабраць войска,[3] сойм быў і вярхоўнай судовай установай.[4] Адным словам сойм кіраваў усім жыцьцём дзяржавы. Вялікі вальны сойм папярэджвалі павятовыя соймікі, на якіх абгаварваліся справы, пастаўленыя ў парадак дню сойму, выбіраліся дэлегаты на вялікі вальны сойм, выпрацоўваліся наказы ім і разглядваліся справы павету ці ваеводзтва.[5] Другім палітычным правам трэба лічыць права займаць дзяржаўныя пасады. Статут забараняе цэнтральнай уладзе прызначаць на дзяржаўныя пасады, як сьвецкія, так і духоўныя чужаземцаў, а захоўвае іх толькі за тубыльцамі.[6] Ня ўсе і тубыльцы мелі права на гэта. Гэта права мела толькі шляхта. Статут вельмі выразна кажа аб гэтым і прысьвечвае гэтаму пытаньню асобны артыкул.[7] „Урадаў простым людзям даваць ня маем“. Атрымаўшы тую ці другую пасаду шляхціч мог адчуваць сябе вельмі моцна на ёй, бо, згодна пастановы статута, цэнтральная ўлада не магла па сваім якім небудзь поглядам зьняць яго з яе. Статут дазваляе атабраць у шляхціча якую небудзь пасаду толькі па суду. Кароль абяцае, што ні ён сам ні наступнікі яго ня будуць адымаць пасад „заочна“. Калі-ж які небудзь ураднік будзе шкоднікам і аб гэтым будзе даведзена гаспадару, то ён пазваўшы гэтага

---

1) Глядзі Працы Белар. Дзярж. У-ту, № 14-15.
2) Разьдзел III арт. 12.
3) Разьдзел II арт. 1-2. Ува ўсім разьдзеле аб абароне земскай вельмі старанна праводзіцца імкненьне ня даць магчымасьці уладзе цэнтральнай карыстацца войскам без сойму. Войска фактычна павінна было быць, згодна Статуту, у руках сойму, а не вял. князя і паноў рады.
4) Разьдзел I арт. 3.
5) Разьдзел III артыкул 5.
6) Разьдзел III артыкул 9.
7) Разьдзел III артыкул 15.

УВАГА: У ўступе мною было адзначана, што ў Бел. Дзярж. бібліатэцы няма Статуту 1566 г. К часу друкаваньня працы бібліатэка Статут 1566 г. ужо набыла. За неправільны паказ прашу прабачэньня ў чытачоў і ў кіраўніцтва Бел. Дзярж. бібліатэкі.

урадніка і таго, хто на яго даводзіць, да сябе, тут разам с панамі— радаю і выслухаўшы адзін і другі бок вынясуць тую, ці другую пастанову. Заочы-ж ні у каго урад ня будзе адымацца[1]).

Такім чынам мы бачым, што шляхта карысталася вельмі шырокімі палітычнымі правамі. Нават можна сказаць больш, толькі яна і карысталася палітычнымі правамі; тут ёй перавага аддавалася надзвычайна вялікая. Усе другія групы насельніцтва былі абмяжованы ў сваіх правох на карысьць яе. Грамадзянінам ў поўным сэнсе гэтага слова можна лічыць толькі тубыльца шляхціча. Але адносна гэтых праў, зноў паўтараем, Статут ня робіць розьніцы паміж шляхцічам земляўласьнікам і шляхцічам няземляўласьнікам, як няма ніякіх правоў для няшляхціча земляўласьніка. У гэтым разьдзеле свой саслоўны характар Статут захаваў у поўнай меры. Расходжаньню паміж клясай і сасловіям тут Статут ня дае ніякай вагі. У якой меры гэта адпавядала жыцьцю і як жыцьцёва была такая мешаніна клясы і сасловія мы тут разглядаць ня будзем, аб гэтым Статут нам нічога ня скажа. Можна думаць, што ў тыя часы кляса і сасловіе вельмі шчыльна падыходзілі адно да другога, можна спадзявацца, што Статут адбівае досыць праўдзівую картыну тагочаснага жыцьця.

Права маёмасьці. Разьбіраючы пытаньне аб праве маёмасьці земляўласьнікаў трэба зрабіць некалькі папярэдніх заўваг. Перш за ўсё, гаворачы аб праве маёмасьці, мы павінны будзем часткаю закрануць і зямельнае права. Але паколькі мы гаварым аб земляўласьніках, то зямельнае права мае для нас асаблівую цікавасьць і аб ім мы будзем гаварыць яшчэ спэцыяльна. Тут-жа мы аб зямельным праве будзем гаварыць толькі тады, калі яно цесна злучана з агульным правам маёмасьці і яго нельга выключыць. Па другое, мы ня будзем тут адрозьніваць рухомай маёмасьці ад нерухомай, бо няма гэтай розьніцы і ў Статуце.[2]) Патым, правы маёмасьці Статут надае усей шляхце аднолькавые, а ў некаторых месцах гаворыць нават разам аб ўсіх вольных насельніках дзяржавы.

Праву маёмасьці шляхецтва Статут атдае вельмі многа ўвагі. На першым месцы трэба паставіць права ўладаць тым, хто што мае. Гаспадар абяцае, што ні іменьняў, ні людзей, ні грунтаў дадзеных ім, ці яго продкамі, ці якія будуць дадзены, а так сама і таго, што правам набыў хто небудзь, ні ён, ні яго наступнікі ня будуць адымаць.[3]) Замацаваўшы такім чынам за кожным шляхцічам яго маёмасьць Статут дае права вольна карыстацца і распараджацца сваёй маёмасьцью. У перавагу старым звычаям, цяпер ужо чалавек усякага стану мае права сваю маёмасьць „wszystka z doymem“ усю цалком, ці некаторую частку яе прадаць, заставіць, падарыць і так далей, як ён знайдзе лепш для сябе. Можа нават ня даць маёмасьці сваёй бацькаўшчыны дзецям, ці блізкім, а перадаць каму ён захоча.[4]) Нават іменьне, атрыманае ад гаспадара за службу мае права прадаць, запісаць і г. д., толькі з тэй розьніцай, што гэтая справа павінна адбыцца пры гаспадары, калі няма асобных прывілеяў, у якіх права вольнага распараджаньня спэцыяльна абгаворана.[5]) Ува ўсіх гэтых пастановах ня робіцца розьніцы паміж зямлёю і ўсякай другой маёмасьцю. З гэтых ужо пунктаў мы бачым, што права маёмасьці тлумачыцца Статутам вельмі шырока, пры

---

[1]) Разьдзел III артыкул 11.
[2]) Часамі Статут ужывае тэрмін—рухомая маёмасьць, але пры тлумачэньні правоў ён ня робіць розьніцы паміж рухомай і нярухомай маёмасьцю (Разьдз. IV арт. 34, стр. 104).
[3]) Разьдзел III арт. 2 (стр. 42; арт. 36 стр. 66).
[4]) Разьдзел III арт. 33; Разьдзел VII арт. 1; Разьдзел III арт. 35.
[5]) Разьдзел III арт. 34

чым Статут падкрэсьлівае, што права вольна распараджацца сваёй маёмасьцю датычыцца ўсіх станаў грамадзянства.[1]) Ці вытрымае гэты свой погляд Статут да канца, гэта мы ўбачым разглядзеўшы права маёмасьці земляробаў. Тут-жа цікава толькі падкрэсьліць, што думка аб наданьні права кожнаму вольна распараджацца сваёй маёмасьцю, права, так неабходнага для разьвіцьця поўнай грашовай гаспадаркі, яскрава выяўлена Статутам. Прынцып замацаваньня маёмасьці за пэўнай асобай падкрэсьліваецца і пастановамі Статуту адносна ўцяканьня каго небудзь за межы дзяржавы да ворагаў Літвы-Беларусі. Калі хто небудзь уцячэ за межы дзяржавы з злым умыслам, то траціць маёмасьць і дзеці атчызну трацяць, калі яны не аддзелены ад бацькі, і апроч таго, што дзеці самі набылі. Такім чынам бацька лічыцца поўным уласьнікам маёмасьці і яго праступак выклікае адабраньне гэтай маёмасьці. Калі-ж ужо адбыўся падзел маёмасьці, то поўным ўласьнікам становіцца кожнае дзіця над той часткай маёмасьці, якая яму папала пры падзеле.[2]) Дапушчае Статут і калектыўную ўласнасьць на маёмасьць, пры якой ўсе ўдзельнікі разам павінны станавіцца ў права.[3])

Калі для нас яшчэ можа быць падазронным правядзеньне гэтакіх поглядаў Статутам да канца і ў адносінах да не шляхцічаў, і асабліва земляробаў, то магчымасьць тлумачыць яго ў самам шырокім сэнсе для шляхты і асабліва шляхты—земляўласьнікаў не падлягае ніякаму сумленьню. Пастановы так ясна і так шырока тлумачаць права маёмасьці шляхты, што ня трэба ніякіх тлумачэньняў і большых праў даць нельга, тым больш, што і фармальнасьці, якія павінны адбыцца пры перадачы маёмасьці ад одной асобы да другой Статут імкнецца зрабіць як можна меньшымі і як можна лягчэйшымі для выконваньня.[4]) Замацаваўшы маёмасьць за пэўнай асобай і надаўшы права гэтай асобе вольна карыстацца ёю па сваім поглядам Статут 1566 г. не забыў распрацаваць аддзел і аб тым, што будзе, калі хто парушае права чужой маёмасьці.[5]) Трэба сказаць, што гэта частка пастаноў ў Статуце 1566 г. распрацована добра. Асноўная думка, праведзеная праз ўсе пастановы, ёсьць: зладзею ніякай міласьці. Статут зварочвае тут увагу толькі на тое, ці ёсьць поўная ўпэўненасьць у зладзействе, ці не. Тут Статут у першую чаргу зварочвае ўвагу на той выпадак, калі зладзей злоўлен „z licem“. Мера-ж пакараньня пры ясным даводзе „z licem“ залежыць ад коштоўнасьці гэтага „lica“. Калі яно каштуе больш палціны грошаў, то вінаваты горла траціць, а калі палціну, то вінаватага біць у слупа, а „lico“ і навязку (да ліца дадаць яшчэ каштоўнасьць гэтага ліца) аддаць пакрыўджанаму. Калі „lice“ каштуе больш паўкапы, або і капу, тады біць у слупа і з места выгнаць. Калі да 12 грошай каштоўнасьць „lica“ тады так сама біць у слупа. Аб навязках у апошніх двух выпадках няма ніякай гаворкі. Калі-ж хто ў другі раз будзе злоўлен, то, хоць бы „lice“ каштавала і меньш дзесяці грошай, усё роўна вінаваты горла траціць.[6]) Якім спосабам можна было давесьці віну

---

[1]) Разьдзел VII. Уступ да VII разьдзелу.
[2]) Разьдзел I артыкул 6 і 7.
[3]) Разьдзел IV артыкул 44; Разьдзел VII арт. 8.
[4]) Разьдзел VII артыкул 1.
[5]) Даннае пытаньне адносіцца да карнага права і я тут раблю толькі кароткіе занатоўкі, тым больш што па гэтаму пытаньню ёсьць і спэцыяльныя працы, якія, праўда гавораць ня толькі аб Статуце 1566 г. а і 1529 і 1588 г. г., але ўсё-ж яны даюць некаторае ураджэньне аб вырашэньні нашага пытаньня. Я разумею працы И. Малиновского— учение о преступлений по Лит. Стат. і Демченко—Наказание по Лит. Стат.—Киев 1894 г. на аснове гэтага я і не лічу патрэбным больш падрабязгова разьбіраць пытаньне аб карах за нарушэньне права маёмасьці.
[6]) Разьдзел XIV артыкул 4.

каго небудзь у тым разе, калі няма ліца, мы ўжо гаварылі трохі раней.[1]) Такім чынам пры пакараньні за парушэньне правоў маёмасьці прымаецца пад увагу каштоўнасьць маёмасьці з аднаго боку, а з другога—ці першы раз зрабіў гэта вінаваты, ці другі раз. Каб-жа ведаць аб гэтым, кожны высьведчаны злодзей заносіцца ў асобные чорныя кнігі.[2]) Хто ж зрабіў парушэньне—шляхціч, ці нешляхціч Статут ня робіць розьніцы, розьніца робіцца толькі ў довадзе зладзейства. Шляхціча цяжэй абвінаваціць, як мы гэта бачылі раней. Розьніца яшчэ робіцца і ў тым, у каго зроблена зладзейства. Калі абкрадзена клець шляхціча, то штрафу 12 рублёў грошай, а калі мужыцкая, то 3 рублі грошай.[3]) Дазваляецца так сама шляхціч̌у, баронячы свой дом, забіць гвалтаўніка.[4]) Але потым гэта павінна быць зазначана ў ўрадзе. Дазваляецца Статутам шукаць сваіх рэчаў і ў чужым доме, але толькі пры прадстаўніку ўлады і пры сьведках.[5]) Распрацаваны Статутом правілы звароту прысуджаных грошаў,[6]) аб пазыках,[7]) заставах.[8]) Дана каштоўнасьць быдлу, птахам, збожжу і нават псам.[9]) Ёсьць цэлы шэраг пастаноў, ў якіх высьветлена кара за пакражу особных рэчаў, як збожжа, каня, рыбы, раба;[10]) ці ў якіх прыняты пад увагу асобныя ўмовы пакражы, як пакража пры пажары.[11]) Коратка сказаць—гэта частка Статуту распрацована добра і аўтары Статуту шмат чаго прадубачывалі і імкнуліся зрабіць усё для таго, каб зьнішчыць парушэньне правоў маёмасьці. Другая рэч, ці магчыма гэта было зрабіць юрыдычным актам, тым больш так яскрава шляхецкім і наколькі можна было ажыцьцявіць пастановы Статуту, але гэтыя пытаньні ляжаць ужо па за межамі нашай тэмы. Мы-ж тут застановімся крыху на тых асаблівасьцях давядзеньня свайго права, якія датычацца выключна маёмасьці. Мы ня будзем тут казаць аб усіх формах судовага працэсу, аб пазываньню да права і г. д., а застановімся выключна на тым, якія зьмены, ці якія спэцыяльныя формы ўводзіць Статут у выпадку неабходнасьці давесьці шляхціч̌у свае правы на маёмасьць. Перш за ўсё, для таго каб быць упэўненым у той маёмасьці, якую атрымліваеш за грошы, ці якім небудзь другім чынам, трэба каб гэтая перадача маёмасьці была запісана ў ўрадавыя кнігі[12]) У другім месцы Статут ставіць спэцыяльны артыкул аб тым, што калі хто каму небудзь запісаў якую небудзь маёмасьць рухомую альбо грошы, то адабраць назад ня мае права, калі гэта было зроблена пад яго пячаткаю, і пячаткаю людзей добрых „podle obyczaiu prawa uczyniony".[13]) Тут, праўда, не адзначана, што гэта абавязкова павінна быць запісана ў ўрадавыя кнігі, але артыкул аб запісах ў ўрадавыя кнігі ня супярэчыць яму, а наадварот, тлумачыць выраз гэтага артыкулу „podle obyczaiu prawa uczyniony", які я разумею, як неабходнасьць запісаць справу ў урадавыя кнігі, Такім чынам перадача маёмасьці, каб яна была найбольш пэўнай. павінна быць запісана ў ўрадавыя кнігі. Усякі атрымаўшы па праву

---

[1]) Разьдзел XIV артыкул 7.
[2]) Разьдзел XIV артыкул 9.
[3]) Разьдзел XIV артыкул 11.
[4]) Разьдзел XI артыкул 6 і 7.
[5]) Разьдзел XIV артыкул 5 і 6.
[6]) Разьдзел IV артыкул 59.
[7]) Разьдзел VII артыкул 9 і 10.
[8]) Разьдзел VII артыкул 11, 12 і 24.
[9]) Разьдзел XIII артыкул 1, 2, 3, 8, 9, 10, 11, 12 і 13.
[10]) Разьдзел XIII артыкул 24-26 і 30, разьдзел III арт. 40.
[11]) Разьдзел XIII артыкул 27.
[12]) Разьдзел XIV артыкул III.
[13]) Разьдзел VII артыкул 7.

маёмасьць павінен узяць яе ў сваё карыстаньне, калі-ж ён на працягу дзесяці гадоў маўчаў і не браў таго, што яму належыць, то траціў права даходзіць потым гэтай сваёй маёмасьці. Такім чынам, Статут уводзіць даўнасьць, як ён яе называе, земскую, тэрмін для якой 10 гадоў.[1]) Недарослыя і знаходзячыяся за межамі дзяржавы ня трацяць свайго права, хоць бы яны і прапусьцілі земскую даўнасьць, гэта датычыцца толькі дарослых і знаходзячыхся ў межах літоўска-беларускай дзяржавы. Апроч земскай даўнасьці Статут 1566 г. уводзіць яшчэ даўнасьць і у тым выпадку, калі хто небудзь гвалтам парушыў права маёмасьці другога. У такім разе тэрмін больш кароткі, ўсяго тры гады, калі-ж пакрыўджаны маўчаў тры гады, не пазываў да права вінаватага, то „będzie winięn wiecznie milczec".[2]) Прад кім жа трэба даходзіць свайго права на маёмасьць, каму скардзіцца на парушальніка права? На гэта запытаньне ёсьць просты адказ у Статуце: павятовыя судзьдзі з падсудкам і пісарам па справам звычайным грамадзянскім і ваяводы, старасты і дзяржаўцы даюць права па карным справам[3]), а вышэйшай інстанцыяй зьяўляецца вялікі князь[4]), які за дачу права абяцае нічога ня браць[5]). Калі-ж хто небудзь якой небудзь маёмасьці дайшоў правам, то ўрад уводзіць яго ў права карыстаньня гэтай маёмасьцьцю. Каб-жа ня было перашкоды з боку таго, каму гэта маёмасьць раней належала, ўрад устанаўлівае заруку, якая павінна быць ня большай, як прысуджаная маёмасьць. У выпадку перашкод к карыстаньню маёмасьцьцю з боку ранейшага ўласьніка, вінаваты плаціць палову гэтай зарукі гаспадару, а другую палову пакрыўджанаму[6]). Калі-ж вінаваты ня хоча дабравольна выканаць пастанову земскага суду і ня хоча плаціць зарукі, то ўрад земскі зварочваецца да ўраду замковага, а апошні зьбірае шляхту ўсяго павету і з яе дапамогай павінен выканаць пастанову земскага суду і ўзяць заруку. Калі-ж хто небудзь і ў другі раз не паслухаецца ўраду гаспадарскага, то гаспадар абвяшчае па ўсёй дзяржаве, каб яго злавілі і пакаралі горлам[7]) За адказ зьявіцца на суд па справах, падлеглых суду ваяводы, старасты; дзяржаўцы, (разьдзел IV арт. 20), гаспадар абвешчае вінаватага вываланцам—г. е. адбірае права грамадзяніна, права аховы сябе і сваёй маёмасьці з боку дзяржаўнай ўлады. Апошнюю кару трэба разглядаць, як вышэйшую кару за адказ выканаць пастанову суду адносна маёмасьці і, зразумела, што яна высоўвалася ў тым разе, калі ўсе другія мерапрыемствы не давалі належных вынікаў. Мне здаецца, мы можам зусім згадзіцца з довадам Г. В. Демченки, які лічыць, што ўстанова вываланьня ёсьць адзнака таго, што ў ўрада фактычна ня было ніякіх сродкаў прымусіць таго ці іншага выканаць сваю пастанову. Сваю думку ён даводзіць тым, што часта гэтыя вываланцы заставаліся жыць на сваім старым месцы і ня відаць, штоб яны адчувалі сябе дрэнна і другое, што ўраду зачаста ўжо прыходзілася абвяшчаць тую ці іншую асобу вываланцам, што сьведчыць аб тым, што гэтая кара ня была такой ўжо страшнаю, як гэта здаецца з першага погляду[8]). Згадзіўшыся з гэтым поглядам

---

[1]) Разьдзел III артыкул 37-38.
[2]) Разьдзел XI артыкул 32.
[3]) Статут забараняе справу падлеглую павятоваму суду перадаваць суду замкаваму і наадварот. Так сама забараняецця справу належачую да аднаго павету перанасіць у другі павет Разьдзел IV арт. 25.
[4]) Разьдзел IV арт. 1, 2, 20 і 61.
[5]) Разьдзел I артыкул 39.
[6]) Разьдзел IV артыкул 49.
[7]) Разьдзел IV артыкул 67.
[8]) Г. В. Демченко—Наказание по Литовскому Статуту—Киев—1894 г. стр. 270.

Г. В. Демченки мы можам разумець усю ахову маёмасьці толькі як некаторую дапамогу з боку ўраду. У канцы-ж усяго земляўласьнік, як стары фэодал, сам ахоўвае сваю маёмасьць і маёмасьць сваіх людзей. Яны ня лічылі яшчэ для сябе неабходным адмовіцца ад некаторых сваіх правоў на карысьць цэнтральнай ўлады, каб мець магчымасьць ёй поўнасьцю перадаць ахову сваёй маёмасьці. Яны лічылі яшчэ карысным заставіць гэта ў сваіх руках, зрабіўшы толькі значны крок у бок перакладу абавязкаў аховы маёмасьці на плечы дзяржаўнага ўраду. Урэшце трэба адзначыць яшчэ адну асаблівасьць пры довадзе права на маёмасьць. Статут 1566 г. дазваляе ставіць у судзе замест сябе правазаступцу „prokuratora".[1]) Пры гаворцы аб тым, хто можа быць пракуратарам, Статут робіць розьніцу паміж справамі аб маёмасьці і справамі аб горле і чэсьці. Пры справах аб маемасьці можа быць пракуратарам толькі тубылец, аседлы вялікага князьства Літоўска-Беларускага; пры справах-жа аб горле і чэсьці можа быць пракуратарам і не аседлы і чужаземец[2]).

Такім чынам мы бачым з боку Статуту наданьне земляўласьнікам шырокай магчымасьці карыстаньня правам распараджаньня сваёй маёмасьцю, падрабязную распрацоўку аховы права маёмасьці і разам з гэтым ня зьнішчана магчымасьць карыстаньня сваей сілай, сілай сваіх людзей, пры абароне сваёй маёмасьці. Тут выяўляецца як бы злучэньне двух прынцыпаў: права пабудаванае на разьвітай грашовай гаспадарцы з правам пабудаваным на замкнутай гаспадарцы, з фэадальным правам. Імкненьне ў Статуце зрабіць перавагу ў бок права грашовай гаспадаркі. Не давядзеньне да канца гэтага прынцыпу можна разглядаць толькі як уступку земляўласьніцкім настроям, бо толькі для іх магло быць карысным гэта.

Зямельнае права. Пры разгледжаньні права маёмасьці мы сустракаліся там ужо і з зямельным правам. Права замацаваньня за кожным яго маёмасьці, права вольна распараджвацца сваёй маёмасьцю пашырваецца так сама і на зямлю. Усё тое, што гаварылася аб ахове маёмасьці і карах за парушэньне яе пашыраецца і на зямлю. Зямля ўваходзіць у склад агульнай маёмасьці і ўсё, што гаворыцца аб маёмасьці, гаворыцца і аб зямлі, як маёмасьці. Але апроч агульнага разгляду маёмасьці Статут адносна права на зямлю робіць некаторыя дадаткі. Так што ў папярэднім аддзеле мы разглядалі права маёмасьці наогул, куды ўваходзіць і зямля, а цяпер разгледзім тыя дадаткі, якія маюць значэньне выключна для зямельнага права.

Адносна зямлі Статут ня толькі адзначае, што зямля зьяўляецца уласнасьцю таго ці іншага чалавека і ён волен распараджвацца і карыстацца ёю, як хоча, але дэталізуе гэта пытаньне і імкнецца больш падрабязна выявіць у чым, апроч таго, што гаварылася наогул аб маёмасьці: прадаць, заставіць[3]), падарыць, можа яшчэ выявіцца распараджэньне зямлёю і ў чым можа быць карыстаньне зямлёю і правам на яе. Зразумела, што Статут імкнецца прадбачыць толькі тое, што можа выклікаць спрэчкі ў жыцьці, тое ж, што зусім ясна і аб чым ня можа быць двух гаворак, не зьяўляецца матар'ялам для Статуту. Зямля належыць таму ці іншаму ўласьніку: паўстае пытаньне, а каму належыць тое, што знаходзіцца на зямлі, як пушчы, вазёры, рэкі, бабровыя гоны і г. д.? Статут 1566 г. прысьвечвае гэтаму пытаньню некалькі

---

[1]) Аб праваабаронцах маецца праца С. Барисенок—Утверення професійноі адвокатури в Литовсько-Руській державі—Киёв 1927 г.

[2]) Разьдзел IV артыкул 34.

[3]) Застаўнае земляўладаньне, права заставы добра выяўлена праф. У. І. Пічэта „Зямельнае права ў Статутах 1529 і 1566 гадоў. Працы БДУ № 11 1926 г.

артыкулаў. З гэтых артыкулаў выяўляецца, што ўласнасьць на зямлю, яшчэ ня вызначае уласнасьць на тое, што знаходзіцца на зямлі. Так Статут зусім ясна гаворыць, што зямля можа належаць аднаму чалавеку, а бабровыя гоны на гэтай зямлі другому[1]). Тое-ж самае можа быць з борцямі[2]), сенажацямі і вазёрамі[3]). Статут у паказаных артыкулах досыць падрабязна распрацоўвае, як павінна існці карыстаньне гэтымі рэчамі, калі яны знаходзяцца на чужой зямлі. Імкнецца размяжаваць правы ўласьніка зямлі і правы ўласьніка гэтых сенажацяй, вазёр, бортных дрэў і г. д. Уласьнік зямлі ў такіх выпадках абмяжоўваецца ў сваіх правах карыстаньня тым, што яму належыць. Так распрацоўваючы сваю зямлю ён павінен рабіць гэта так, каб гэта ня шкодзіла бабровым гонам, знаходзячымся на яго зямлі, г. ё. не падорывацца блізка да гонаў, не выцярэбліваць кустоў каля гонаў, не падорывацца да дрэва бортнага, каб не пашкодзіць яму, даць вольны праход да гэтых гонаў, вазёр і сенажацяў. Уласьнікі-ж гэтых гонаў, вазёр, сенажацей і г. д. маюць права у некаторай меры карыстацца ня толькі гэтай сваёй уласнасьцю, але і ўласнасьцю таго на чыёй зямлі знаходзіцца гэтая іх уласнасьць, так уласьнік сенажаці мае права браць з пушчы, сярод якой ляжыць яго сенажаць, гальлё для стога, дрэва на агараду, бортнікі могуць браць дрэва на драбіну і другія неабходныя ім патрэбы, толькі ўсяго матар'ялу з пушчы яны могуць браць столькі, сколькі панясуць, а канём вазіць ня маюць права. Валаданьне ж ракою разглядаецца ў двух выпадках: рака, якой абодва берагі знаходзяцца на зямлі аднаго ўласьніка і рака, якая працекае на мяжы. У першым выпадку яна ўласнасьць уласьніка зямлі, а ў другім дзеліцца напал. Адна палова аднаму ўласьніку, а другая другому. Тут так сама распрацована, як можна карыстацца ракою, пры чым маецца на ўвазе каб гэта карыстаньне ня шкодзіла суседзям. Каб не затапляла сенажаці суседзяў, млына, які знаходзіцца вышэй і г. д.[4]). Зьверы, птушкі, рыбы ў вазёрах і рэках ёсьць уласнасьць таго, каму належыць рака, лес, возера. Біць, лавіць зьвяроў, птушак і рыбу ў чужым лесе, возеры, рацэ, забаронена. Статут устанаўлівае вартасьць асобных зьвяроў і птушак, па якой трэба плаціць пры парушэньні правоў ўласьніка іх[5]). Так сама прадугледжана вартасьць бортнаму дрэву, пчолам, хмелю і дрэву хмелеваму, садоваму дрэву і садавіне, простаму дрэву[6]). Пры гэтым тут прадугледжваецца ня толькі шкода, але і кара за злачынства. Кара гэта бывае розная, гледзячы на тое хто і каму зрабіў і не заўседы справа канчаецца грашмі. Так, калі лес парубіў шляхціч шляхціччу, то 12 рублёў грошай, а калі хлоп хлопу, то тры рублі грошай. А калі хто зладзейскім звычаем гэта зробіць і будзе злоўлен „z licem“, то павінен горла акупіць сваё[7]). Асабліва-ж сурова караецца вінаваты ў лясным пажары. Усё роўна ці зрабіў хто пажар наўмысьле, ці дзякуючы толькі сваёй нядбайнасьці, вінаваты караецца горлам, а шкода сваім парадкам павінна быць апраўлена з яго маёмасьці. Такім чынам, мы бачым, што тое, што знаходзіцца на зямлі, не заўсёды належыць уласьніку зямлі і з гэтага выцякае некаторая перашкода ў вольнасьці карыстаньня такою зямлёю. Усё знаходзячаеся на зямлі мае сваю асобную ахову. Статут гаворыць і аб тым, што можа быць выпадкова знойдзена ў зямлі, скажам, схованыя

---

1) Разьдзел X артыкул 9.
2) Разьдзел X артыкул 3 і 6.
3) Разьдзел X артыкул 3, 4 і 7.
4) Разьдзел IX артыкул 11-12.
5) Разьдзел X артыкул 2, 3, 4, 8, 11 і 12.
6) Разьдзел X артыкул 9, 10, 13, 14 і 15.
7) Разьдзел X артыкул 15.

раней кім небудзь невядомым грошы. Усе клады ёсьць уласнасьць таго, чыя зямля, калі ён сам знойдзе, а калі хто небудзь другі, то палавіна знайшоўшаму і палавіна ўласьніку зямлі. Разам з гэтым забараняецца назнарок шукаць якіх небудзь кладаў на чужой зямлі, так сама, як ня можна, прыцягнуць каго небудзь да адшуканьня клада калі ён гэтага ня хоча[1]). Аб другіх-жа багацьцях, якія могуць быць у зямлі, Статут ня кажа і можна думаць, што ўсе гэта бяз спрэчак належала таму, чыя зямля. Тут мы ўжо закранулі пытаньне аб карыстаньні правам на зямлю. Цяпер нам трэба зьвярнуць увагу яшчэ на адно права, якое так сама паходзіла з права на зямлю. Я разумею тут права браць мыта на дарозе, мосьце, грэблі, рацэ і ў мястэчку. Статут лічыцца з гэтым правам, як з фактам. Некаторыя земляўласьнікі маюць такое права і карыстаюцца ім і Статут ад іх гэтага права не адымае, але разам з гэтым забараняе ўводзіць новыя мыты. Забараняе браць мыта там, дзе раней яго ня бралі. Карай за парушэньне гэтай пастановы зьяўляецца канфіскацыя таго іменьня, ў якім будзе ўведзена новае мыта. Але катэгарычная забарона ўводзіць новыя мыты прыватнымі асобамі, як гэта гаворыцца ў пачатку артыкулу, не праведзена да канна і ў канцы робіцца крок назад і заяўляецца, што ў асобных выпадках, па асобным прычынам, з спэцыяльнага дазволу вялікага князя, могуць быць зроблены выключэньні і ўведзены новыя мыты[2]). Так што мы бачым тут толькі некаторае імкненьне забараніць уводзіць новыя мыты, ня больш. За тое зусім катэгарычна, без усякіх агаворак праводзіцца права шляхты правозіць і прадаваць без мыта тое, што дае яму зямля разам з тым, што знаходзіцца на яго зямлі і тым, якія жывуць на яго зямлі[3]). Разглядзяўшы гэты артыкул нам зусім ясна становіцца, чаму такі ня пэўны, хістаючыся характар мае папярэдні артыкул. Земляўласьнік—шляхціч, звольнены сам ад платы мыта, ня быў зацікаўлены, каб яму забаранялі самому браць з другіх мыта. Перайдзем цяпер да аховы права на зямлю, дзе так сама ёсьць некаторыя асаблівасьці. Па справах аб зямлі, як і наогул аб маёмасьці судзяць судзьдзя, падсукак і пісар земскі. Яны павінны ўсе разам, утраіх весьці і вырашаць справы. Ёсьць выпадкі пры справах аб зямлі, калі дапушчаецца выключэньне. Статут прадугледжвае такія выпадакі: прызначан судом выезд на месца для вырашэньня справы, а судзьдзя захварэў і ня можа ехаць, а так як тэрмін выезду ёсьць „rok zawity“ г. е., абавязкова аканчальны, то судзьдзя пасылае падсудка і пісара і яны вырашаюць удвох і суд іх мае такую-ж моц, як і суд траіх. Статут не гаворыць, што рабіць, калі падсудак, альбо пісар захварэе, але адзначыўшы, што можа існці суд без старэйшага, судзьдзі, гэтым самым вырашаецца пытаньне і аб адсутнічаньні падсудка ці пісара. Пры гэтым Статут прадугледжвае і абшары зямлі, аб якой ідуць спрэчкі. Калі зямлі больш чым на засеў 20 бочак збожжа, то суд павінен яшчэ мець пры сабе людзей добрых, з дапамогай якіх і вырашае справу[4]). Мы тут ужо адзначылі, што рок, вызначаны выезду на месца для вырашэньня справы аб зямлі, ёсьць „rok zawity“, пры чым, гэты тэрмін ня можа быць вызначан заочна[5]). Апроч гэтага тэрмін вызаву па справе аб мытах, аб шкодзе млынам, язам, грэблі, калі раку партовую псуюць так сама лічыцца „rok zawity“.[6]) У разьдзеле аб зямельным праве, мяжы

[1]) Разьдзел IX артыкул 20.
[2]) Разьдзел I артыкул 25.
[3]) Разьдзел I артыкул 26.
[4]) Разьдзел IX артыкул 2.
[5]) Разьдзел IX артыкул 7.
[6]) Разьдзел IV артыкул 22.

і знаках мяжовых[1]) дае Статут асобную падрабязную распрацоўку пытаньню аб сьведках. Тут вызначана, што па ўсім гэтым справам павінна быць выстаўлена 18 сьведак. Прысягаюць ня ўсе сьведкі, а толькі шэсьць і ўласьнік сёмы[2]). Сьведкамі могуць быць толькі хрысьціяне, ведаючыя малітвы, бываючыя ў споведзі і прычасьці, адносна гэтага пытаньня адзначана, праўда, што гэта належыць ня толькі зямлі, але і іншых спраў[3]). Мы зазначылі ўжо што з 18 сьведак прысягаюць толькі шэсьць. Гэтых шэсьць сьведак з 18 выбірае той, супроць каго яны накіраваны, а калі ён з 18 ня выбярэ шасьці, а ўсіх заганіць і, дзякуючы гэтаму, другому боку будзе пагражаць згубіць сваю справу прапусьціўшы тэрмін, то пакрыўджаны можа перад судом ачысьціць сваіх сьведак, і калі яму гэта ўдасца, то зганіўшы сьведак без усякай падставы, павінен узнаградзіць іх так, як бы ён іх параніў[4]). Калі абодва бакі адзін другому заганяць сьведак, то выстаўляюць нанова[5]). Калі патрэбна прысягаць на розных межах, то прысягнуўшыя на адной мяжы не маюць права прысягаць на другой, калі гэта мяжа знаходзіцца ад першай больш як на паўмілі, а калі бліжэй, то маюць права[6]). Адзначае Статут, што пры спрэчках аб зямлі паміж гаспадаром і прыватнай асобай справа вырашаецца на аснове таго самага права, як пры спрэчках паміж прыватнымі асобамі[7]), што ураднікі ня маюць права ставіць сьведак з людзей, падлягаючых іх прысуду[8]). Уводзіць Статут асобую кару за скасаваньне мяжы. Шляхціч шляхцічу за скасаваньне мяжы плаціць 12 р. грошай, а калі толькі пераараў мяжу, то тры рублі грошай, а хлоп хлопу за парушэньне мяжы плаціць рубель грошай[9]). Так што, тут трэба бачыць ня толькі ўзнагароду за шкоду, але і за крыўду. Апроч 10-ті гадовай земскай даўнасьці ўводзіць Статут яшчэ асаблівую даўнасьць на зямлю ў 3 гады. Даўнасьць у 3 гады не дае таго права, што агульная земская даўнасьць. Яна прызнае толькі фактычным уласьнікам таго, хто тры гады спакойна карыстаўся зямлёю і ніхто ня мае права перашкаджаць яму далей карыстацца гэтай зямлёю. Калі-ж юрыдычны ўласьнік гэтае зямлі хоча адабраць яе, то можна зрабіць гэта толькі праз суд і да вырашэньня справы ў судзе ён ня мае права перашкаджаць таму карыстацца зямлёю, ня мае права ўступаць у гэтую зямлю[10]). Спрэчная зямля можа быць перададзена да вырашэньня справы гаспадару, а апошні можа перадаць яе часова якому небудзь ўрадніку. Тады гэты ўраднік мае права толькі скаціну сваю трымаць на гэтай зямлі, а ўсе іменьне павінен захаваць такім, якім прыняў і ўсе звычайные прыбыткі з гэтага іменьня павінен перадаць таму, хто будзе вызначан, як уласьнік[11]).

Мы ўжо бачылі, што зямельные справы вырашаюцца звычайным земскім судом. Але апроч звычайнага земскага суду Статут вызначае яшчэ і спэцыяльны суд, выключна па зямельным справам, г. е., суд падкаморчага. Падкаморчы прызначаецца вялікім князём на кожны павет з аселай шляхты гэтага павету. Падкаморчы-ж сам выбірае сябе таксама з шляхты аселай гэтага павету памоцніка-каморніка,

---

1) Разьдзел IX
2) Разьдзел IX артыкул 1.
3) Разьдзел IX артыкул 3.
4) Разьдзел IX артыкул 4.
5) Разьдзел IX артыкул 5.
6) Разьдзел IX артыкул 6.
7) Разьдзел I артыкул 17.
8) Разьдзел IX артыкул 8.
9) Разьдзел IX артыкул 9
10) Разьдзел IX артыкул 14
11) Разьдзел IX артыкул 16

які па даручэньню падкаморчага мае такую-ж моц, як і сам падкаморчы. Спрэчкі аб зямлі і аб межах на суд падкаморчага перадаюцца земскім судом. Статут нічога не гаворыць ад чаго залежыць гэта перадача, які парадак яе, ён толькі зазначае, што справы перададзеныя на суд падкаморчага вырашаюцца апошнім на месцы па выслуханьні сьведак, належных довадаў і на аснове Статуту. Вырашыўшы справу падкаморчы ставіць капцы, праводзіць межы. За сваю працу ён атрымлівае грошы ад капца, а каб ён пагнаўшыся за грашмі ня ляпіў гэтых капцоў дзе трэба і дзе ня трэба, то вызначана на якой адлегласьці можа быць адзін капец ад другога. Апеляцыя на суд падкаморчага ідзе да гаспадара, а апошні даручае разглядзець зноў гэтую справу каштэляну, ці маршалку павятоваму, якія з другімі камісарамі, ўзяўшы справу ў падкаморчага, разглядаюць і выяўляюць правільна ці неправільна вырашыў яе падкаморчы. Калі яны прызнаюць, што падкаморчы вырашыў правільна, і той хто рабіў апэляцыю ня меў для гэтага ніякіх падстаў, то апеліраваўшы плаціць ураду падкаморчага дзьве капы грошай і таму, хто выйграў справу, шкоду, якую той пацярпеў ад гэтай апеляцыі[1]). Разглядзеўшы ўсе асаблівасьці зямельнага права мы можам тут падкрэсьліць некаторыя цікавыя бакі гэтага права. Перш за ўсё цікава замацаваньне Статутам факту, што права на зямлю яшчэ ня ёсьць права на ўсё знаходзячаеся на гэтай зямлі, гэтым даецца большая вольнасьць распараджваньня сваёй маёмасьцю. Можна прадаць, ці наогул адсунуць ад сябе ня толькі часьць, ці ўсю зямлю, а і толькі частку зямлі ці ўсю зямлю пакінуць сабе, а прадаць толькі возера, дрэва ці што другое, знаходзячаеся на гэтай зямлі. Праўда, перадача гэтых рэчаў у чужые рукі памяньшае вольнасьць карыстаньня зямлею, але гэта памяньшэньне вольнасьці залежыць ад самога ўласьніка. Разам-жа з гэтым Статут замацоўвае тыпічнае фэодальнае права, права на збор мыта, хоць і імкнецца абмяжаваць пашырэньне яго, і зусім зьнішчае ў адносінах да выплаты яго самімі земляўласьнікамі. Так што, ў адносінах да другіх станаў грамадзянства земляўласьнікі ў даным разе фэодалы, ў адносінах-жа да саміх сябе яны звычайныя буржуазныя памешчыкі. У адносінах-жа да ўраду яны прывілігаванае сасловіе тыпу саслоўнай манархіі не плацячае ніякіх падаткаў, нават і з гандлю. Да апошняга-ж тыпу належыць і ўся падрабязная распрацоўка аховы правоў на зямлю і таго што зьвязана з зямлёю.

Абавязкі. Да гэтага часу мы разглядалі толькі правы земляўласьніка, цяпер паглядзім, якія абавязкі ляжалі на ім. Ня вельмі многа тут прыдзецца чаго сказаць. На абавязкі земляўласьнікаў Статут скуп. У адным месцы Статут зацьверджвае такі прынцып, што шляхта нічога не павінна ні плаціць, ні рабіць: „Tesz ustawuięmy, uz chcęmy miec, aby wszyscy pospolici ludzie ciachle y wszyscy poddani xiązęcy, panow chorągrewnych, slachty, boiar y mieszczan tych ziem w. v. Lith. od kazdego placęna podatku y dani, sierepszczyn y tesz dziakla y od wszystkiech brzęmion powozowych, ktore podwodami zowio, od wozęnia kamięni, drewa abo drew ku paleniu cegly abo wapna ha zamki hasze y od koszenia siana y od wszelakiey strozy, lowow y od inszych robot wyięte byly y wymuięmy ich y wyzwalamy wiecznymi czasy....“ [2]) Але поўнае выкананьне гэтага прынцыпу да канца было-б ужо за надта многа, тым больш, што тут устаўлены і мяшчане, хоць артыкул і зьмешчан у разьдзеле аб вольносьцях шляхецкіх. Мы і знаходзім у канцы ўжо гэтага самага артыкулу выключэньні, згодна якім застаюцца старыя абавязкі даваць гаспадару, паслам і ганцам гаспадарскім стацыі па звычайных мясцох, г. ё. там,

---

[1]) Разьдзел IV артыкул 70-73
[2]) Разьдзел III артыкул 24.

гдзе раней давалі. Захоўваецца так сама абавязак правіць масты і замкі і новыя будаваць на старым месцы, згодна так сама старому звычаю. Зразумела, што ў жыцьці гэты прынцып так сама ня мог быць поўнасьцю выканан і павінны былі быць выключэньні. Знаходжаньне-ж сойму, які мог рабіць гэтыя выключэньні, ў руках шляхты дае магчымасьць нам думаць, што рабіліся гэтыя выключэньні адносна шляхты толькі ў самым крайнім выпадку, а адносна другіх станаў у залежнасьці ад настрояў шляхты. Складальнікі Статуту, відаць, вельмі добра разумелі вартасьць гаворкі ў гэтым артыкуле аб другіх станах, апроч шляхецтва, калі ўставілі яго не ў другі які небудзь разьдзел, а ў разьдзел аб вольнасьці шляхецкай.

З разгледжанага артыкулу мы бачым, што ня гледзячы на ўсё імкненьне, усё-ж ня было як шляхце скінуць зусім усякія абавязкі з сябе. Хоць у сэнсе выключэньня, але трэба было заставіць некаторыя абавязкі адносна гаспадара, дзяржаўнай улады і абароны дзяржавы. Абарона дзяржавы абавязак цяжкі, але такі, якога ніяк нельга было сьцінуць шляхце з сябе, бо яны ў першую-ж чаргу і былі зацікаўлены ў абароне дзяржавы, а другіе станы грамадзянства яшчэ ня былі так разьвіты, каб можна было з сваіх плечаў пералажыць абарону на іх плечы. Так што, вайсковая служба, абарона дзяржавы і зьяўляецца галоўным абавязкам шляхты-земляўласьнікаў. Служба па абароне— служба земская ідзе з зямлі, але разам з гэтым служыць не зямля, а асоба з зямлі, належнае асобы павінны самі, пэрсонамі сваімі служыць.[1]) Статут 1566 г. прадугледжвае ўсе тыя выпадкі, калі адна асоба можа замяніць другую на службе. Перш за ўсё недарослые і жанчыны пасылаюць замест сябе каго небудзь на службу, далей, калі адным іменьнем уладаюць некалькі братоў непадзеляных, то служыць з іх адзін дарослы гаднейшы.[2]) Сын можа падмяніць бацьку на службе ў час яго хваробы,[3]) ці і так калі сын дарослы і будзе прызнаны годным да службы.[4]) Аддаўшы сваю зямлю ў заставу можа быць заменен тым, хто ўзяў у заставу,[5]) духоўные асобы замест сабе павінны выправіць з сваіх іменьняў касьцельных, падараваных, купленых, ці бацькаўскіх, шляхціча добрага, вайне годнага;[6]) чалавек павінен ісьці на службу з іменьня сваёй жанчыны, калі ён сваёй зямлі ня мае.[7]) Усе валадаючыя зямлею, шляхта і нешляхта павінны несьці вайсковую службу. На службу яны павінны зьяўляцца ня толькі самі, але і выпраўляць належны лік людзей, узброенных і на канёх. Конь павінен каштаваць ня меньш васьмі коп грошай, а на чалавеку павінна быць сукня колерная, панцыр, прылбіца, меч, дрэва з праторцам (капьё з флажком) колерным і чым прывязываць каня. Лік людзей, які павінен быць выстаўлен, знаходзіцца ў залежнасьці ад абшараў зямлі. Колькі з таго, ці іншага вучастку зямлі павінна быць выстаўлена людзей, Статут не вызначае. Гэтыя суадносіны паміж абшарамі зямлі і лікам людзей могуць мяняцца і іх кожны раз асобна вызначае сойм у сваёй ухвале аб сабраньні войска земскага. Калі-ж хто ня можа вызначанага ліку людзей даць, ці зусім іх ня мае, то ідзе адзін сам, а калі і каня і ўзброеньня вызначанага ня мае, то ідзе пеша з рушніцаю.[8]) Той хто трымае ў заставе гаспадарскае іменьне не павінен выпраўляць людзей

---

[1]) Разьдзел II артыкул 1.
[2]) Разьдзел II артыкул 1.
[3]) Разьдзел II артыкул 11.
[4]) Разьдзел II артыкул 13.
[5]) Разьдзел II артыкул 4.
[6]) Разьдзел II артыкул 9.
[7]) Разьдзел V артыкул 26.
[8]) Разьдзел II артыкул 1.

на вайну з гэтага іменьня, адносна-ж яго самаго Статут нічога не гаворыць.[1]) Звальняюцца ад службы толькі тыя, каго ў гэты час гаспадар заставіць для службы сваёй і земскай, і то яны людзей сваіх— почат свой павінны выправляць у войска.[2]) Па асобным лістам гаспадара і паноў рады могуць застацца на месцы разам з сваім початам старосты і дзяржаўцы прымежных замкаў, а калі гэтых лістоў ім не будзе дадзена, то почат свой выправляюць, а самі застаюцца на замку.[3]) Кожны земляўласьнік, прыехаўшы ў войска павінен сам харчавацца, харчаваць людзей сваіх і коней, а калі ў яго чаго ня хопіць, то ён узяўшы прадстаўніка-віжа ад гэтмана едзе і купляе па вызначанай асобнымі лістамі цане.[4]) Такім чынам, земляўласьнікі павінны самі ехаць у вайсковую службу, выставіць людзей, пасадзіць іх на каней, узброіць і прахарчаваць у час знаходжаньня іх у войску. Войска магло быць сабрана ня толькі ў час вайны, але і для паверкі вайсковай сілы, для вучоту гэтай сілы,[5]) ці для дапамогі суду выканаць сваю пастанову, прымусіць тую ці іншую асобу прызнаць пастанову суду і выканаць яе. За кожнае парушэньне гэтых абавязкаў дэтальна вызначана кара. Галоўнай карай зьяўляецца адабраньне іменьня. Прымушаная прыняць на сябе вялікія і цяжкія абавязкі па абароне земскай, шляхта паклапацілася і аб тым, каб і гэтыя абавязкі яна выконвала толькі тады, калі сама знойдзе патрэбным, а дзеля гэтага права зьбіраць войска на вайну, вызначаць лік асоб, павінных быць выстаўленых з зямлі, права зьбіраць грошы на вайну заставіла за вальным соймам, г. ё. за сабой. Толькі ў выпадку неспадзяванага нападу непрыяцеля, ў выпадку ўвахода яго на тэрыторыю вялікага князьства можа быць сабрана войска земскае і без вальнага сойму, а па загаду гаспадара ці паноў рады і гэтмана.[6])

Урэшце нам трэба застанавіцца яшчэ на адных абавязках земляўласьнікаў. Земляўласьнік, які бярэ мыта на дарозе, грэблі, мосьце, і г. д., павінен клапаціцца, каб гэта рэч была ў належным парадку, бо калі хто ад дрэннага становішча маста, ці грэблі і г. д. панясе ўбытак, то земляўласьнік павінен будзе ўзнаградзіць яго.[7])

Вось і ўсе абавязкі земляўласьнікаў. У параўнаньні з правамі гэта ня так многа, тым больш, што цяжар іх вырашаўся самой-жа шляхтай і лішняй капейкі ці лішняга чалавека, бязумоўна, нельга было ад яе дачакацца.

РАЗЬДЗЕЛ II.

Зямляроб.

Правы зямляроба, як асобы. У ўступе мы ўжо адзначылі, што кляса зямляробаў не зьяўляецца адналітай масай. Яна разьбіваецца на людзей вольных, маючых права пераходу, людзей не маючых права пераходу ад аднаго пана да другога і людзей нявольных. Статут вельмі часта адзначае асобнае прававое становішча людзей нявольных. Адносна розьніцы паміж людзьмі пахожымі і непахожымі даецца вельмі мала матар'ялу. Статут толькі адзначае, што апошнія могуць звольніцца па сваёй волі ад залежнасьці ад пана толькі ў тым выпадку,

[1]) Разьдзел II артыкул 1.
[2]) Разьдзел II артыкул 3.
[3]) Разьдзел II артыкул 3.
[4]) Разьдзел II артыкул 21 і 22.
[5]) Разьдзел II артыкул 28.
[6]) Разьдзел II артыкул 2.
[7]) Разьлзел I артыкул 25.

калі пан ня верне іх да сябе ў працягу дзесяці гадоў і ў тым разе, калі яны, пасьля адыходу ад пана, будуць жыць не далей як на дзесяць міль. Калі-ж яны будуць у адлегласьці ад свайго пана далей як на 10 міль, то гэты 10-ці гадавы тэрмін ня мае моцы[1]). Ёсьць яшчэ пастанова забараняючая прымаць да сябе непахожага чалавека[2]). Адным словам, розьніца толькі тая, што адзін можа адысьці па сваёй волі ад пана, а другі не. Другой розьніцы паміж імі і людзьмі вольнымі пахожымі Статут не паказвае. З гэтай прычыны мы і злучаем абодзьве гэтыя катэгорыі земляробаў у адну групу—людзей вольных і будзем разглядаць іх разам. Мы і пачнем з выяўленьня правоў земляробаў вольных.

У першым артыкуле, І разьдзелу голасна кідаецца прыгожы выказ, што ўсе ад гэтага часу будуць судзіцца адным пісанным законам. Зразумела, што ні ў якім разе гэта абяцанка не разумелася як тое, што ўсе карыстаюцца аднымі правамі, што селянін—земляроб мае такія самыя правы, як і шляхціч—земляўласьнік. Даны артыкул можна разумець толькі ў тым сэнсе, што ўсе, як ніжэйшыя, так і вышэйшыя станы павінны судзіцца на аснове аднаго збору законаў—Статуту. Мы і папрабуем далей паглядзець паколькі абяцаньне, данае ў 1 артыкулу, І разьдзелу было выканана да канца.

Статут досыць рашуча праводзіць думку аб тым, што ніхто за віну другога не адказвае. Гэта датычыцца і земляробаў. Яны не адказваюць за свайго пана, пан не адказвае за іх[3]). Такім чынам ужо гэтай пастановай земляробы ставяцца як бы ў шэраг самастойнай юрыдычнай групы, якая сама адказвае за сябе. Гэта думка праведзена і далей. Калі які небудзь земляроб—слуга зробіць каму небудзь якую шкоду, то пакрыўджаны зварочваецца за правам да пана гэтага слугі. Пан павінен даць справядлівасьць. Справядлівасьць гэта разумеецца ў тым, што ён судзіць пакрыўджанага з сваім слугою і ўскладае нейкую віну на апошняга. Калі-ж слуга не выканае пастанову свайго пана, то пан не адказвае за гэта. Пан павінен толькі ці сам даць справядлівасьць, ці паставіць вінаватага на суд земскі, апошняе ён павінен зрабіць і ў тым разе, калі слуга не выканае яго пастановы і не здавольніць пакрыўджанага, але штраф які ўскладаецца ў такім разе плаціць не пан, а сам слуга[4]). Статут некалькі разоў кажа аб тым, што пан павінен даць справядлівасьць на сваіх людзей, ці паставіць іх на суд[5]), пры чым, пан ня можа адмовіцца тым, што вінаваты слуга ўцёк[6]). Але разам з гэтым ніхто ня мае права цягнуць у суд слугу панскага, не зьвярнуўшыся раней да пана[7]). Статут прадугледжвае выпадкі, калі пакрыўджаны можа непасрэдна зьвярнуцца ў земскі суд, ці другім спосабам здаволіць сябе. Гэта дапушчаецца ў тым выпадку, калі хто небудзь зловіць у сваім лесе чужога чалавека, які крадзе дрэва. У такім разе ён мае права паграбіць яго і не адказвае за гэта. Калі-ж гэта яго не здаволіць, то павінен весьці да пана і прад панам даходзіць сваёй шкоды[8]). Непасрэдны зварот да дзяржаўнага права можа быць і ў выпадку зробленага гвалту панскім чалавекам. Вінаваты трымаецца на замку і сам дае аб сабе знаць свайму пану. Суд утварыць, даць справядлівасьць і ў гэтым разе павінен пан. За нежа-

1) Разьдзел XII артыкул 8.
2) Разьдзел XII артыкул 9
3) Разьдзел I артыкул 14.
4) Разьдзел IV артыкул 29.
5) Разьдзел XIV артыкул 44; Разьдзел IV артыкул 19; Разьдзел XIV артыкул. 1.
6) Разьдзел XI артыкул 30
7) Разьдзел XIV артыкул 1; Разьдзел III артыкул 28.
8) Разьдзел X артыкул 5.

даньне даць справядлівасьць, пан адказвае перад урадам замкавым.[1]) Так сама можна зьвярнуцца непасрэдна да суда земскага тады, калі хто хоча шукаць у панскіх сялян сваіх пакрадзеных рэчаў. У такім разе пакрыўджаны бярэ возная земскага і з ім едзе ў сяло. Раней, чым пачнуць шукаць павінны паведаміць аб гэтым пана ці калі пана няма, то яго ўрадніка і прасіць іх прысутнічаць пры вобыску. Калі яны адмовяцца, то можна шукаць і бяз іх[2]). Так што і ў гэтых выпадках пан не адхіляецца ад суда над сваім чалавекам. Ён судзіць сваіх людзей, ён-жа і ставіць іх у суда земскага ці ўрадавага. Суд земскі ці ўрадавы толькі тагды бярэ на сябе вырашэньне справы, калі пан ці адмовіцца даць справядлівасьць, ці ня здолее зрабіць гэтага. Такім чынам, тут захоўваецца фэодальнае права: ўласьнік зямлі ёсьць і судзьдзя насельнікаў гэтай зямлі. Апэляцыя можа быць у земскі ці замкавы суд, але апэліраваць можа толькі пакрыўджаны земляробам і ні дзе не гаворыцца, што земляроб не здавольнены судом свайго пана можа апэліраваць у земскі ці ўрадавы суд. Разам з гэтым земляроб сам зьяўляецца юрыдычнай асобай. Ня к пану, а к яму прад'яўляюцца прэтэнзіі, не пан, а ён сам адпавядае за сваю віну. Статут падае і другія правы юрыдычнай асобы. Вольны земляроб можа ўтварыць юрыдычны акт, тэстамэнт[3]). Статут не забараняе яму быць сьведкай у судзе, калі справа не датычыцца яго пана. Супроць свайго пана, ці за пана слуга ня можа быць сьведкай[4]). Статут нігдзе ня кажа, што земляроб ня можа непасрэдна зьвярнуцца па сваёй якой небудзь справе да суда, нігдзе не гаворыцца, што гэта павінна рабіцца праз пана. У канцы артыкулу аб праве земляроба на зямлю зазначана забарона купляць чужога чалавека без волі пана яго[5]). Так як Статут называе чужым чалавекам, панскім чалавекам усякага слугу пана, нават і вольнага, то данае месца можна разглядаць, як забараняючае зусім земляробу распараджвацца сваёй асобай, але наступны артыкул[6]) дае трохі іншае тлумачэньне гэтаму выразу. Тут гаворыцца, што вольны чалавек наняўшыся на службу да якога небудзь пана, можа, адсядзеўшы вызначаны тэрмін пайсьці ад свайго пана, калі-ж ён пойдзе раней тэрміну, то той хто яго прыме да сябе павінен вярнуць яго назад і земляроб за кожны тыдзень, які ён не працаваў у пана плаціць шэсьць грошы. Калі-ж прыняўшы яго пан ня выдасьць, а земляроб і ад яго ўцячэ, то пан гэты сам плаціць за кожны тыдзень прапаўшай працы земляроба па 6 грошы. На аснове гэтага артыкулу ўжо выяўляецца, што земляроб вольны мог распараджвацца сваёй асобай, толькі павінен раней выканаць свае абавязкі. Статут зварочвае некаторую ўвагу на ахову гэтай асобы. Вызначаны галаўшчызны і навязкі. Вялічыня гэтых галаўшчызн і навязак ня роўная для ўсіх земляробаў, бо гэта і ня была адналітая маса. Так, бортніку галаўшчызны 20 коп. грошаў, а навязкі 2 рублі; цягламу чалавеку галаўшчызны таксама 20 коп., а навязкі толькі адзін рубель; парабку—10 кап. і навязкі 50 кап. грошаў. Жанчынам іх сума падвойваецца[7]). Праўда, ўся ахова на гэтых галаўшчызнах і навязках і спыняецца, калі абвінавачваецца шляхціч: „A za chłopa prostego więsięnia niepowinien cierpiec, tylco głowszczyznę płacie“[8]). У некалькі асобную групу адносна аховы асобы пастаўлены сяляне гаспадарскія.

[1]) Разьдзел IV артыкул 19.
[2]) Разьдзел XIV артыкул 5.
[3]) Разьдзел VIII артыкул 1.
[4]) Разьдзел IV артыкул 59.
[5]) Разьдзел IX артыкул 18.
[6]) Разьдзел IX артыкул 19.
[7]) Разьдзел XII артыкул 1.
[8]) Разьдзел XI артыкул 26.

Калі шляхціч зробіць крыўду мяшчанам альбо сялянам гаспадарскім, то пазываньне да права ёсьць рок завіты[1]).

Такім чынам, земляроб ёсьць пэўная юрыдычная асоба, правы якой абмяжованы галоўным чынам тым, што суд над ёю творыць яе пан, суд якога не падлягае апэляцыі. У такім разе, нават тым абмяжаваным правам, правам судзіцца адным пісаным законам, яна не магла карыстацца. Справа вырашалася безапэляцыйна панам і яго воля ці судзіць на аснове Статуту, ці па свайму ўласнаму разуменьню[2]). Суд у руках пана аддаваў фактычна землеробаў поўнасьцью ў рукі пана земляўласьніка.

Правы маёмасьці землеробаў. Земляроб можа мець і сваю маёмасьць. Статут прызнае гэта і адзначае розьніцу паміж маёмасьцю земляроба і маёмасьцю земляўласьніка—шляхціча. Розьніца гэта выяўляецца ў ахове маёмасьці. Так за пакражу клеці панскай—шляхецкай плаціцца 12 рублёў грошаў, а за „мужыцкую“ клець 3 рублі грошаў. Траты-ж ад пакражы аплачваюцца асобна на аснове прысягі пакрыўджанага. Навязкай-жа і ў адным і ў другім выпадку зьяўляецца трата горла[3]) Статут надае правы землеробу распараджвацца сваёй маёмасьцю. Земляроб можа тэстамэнтам адпісаць каму небудзь сваю рухомую маёмасьць, толькі ня ўсю, а адну трэць. Дзьве трэці павінны застацца ў доме, штоб было з чаго правіць службу пану. Гэтыя дзьве трэці так сама ёсьць ўласнасьць земляроба, бо дзеці яго, калі яны маюць права пераходу, могуць адыйсьці ад пана і забраць с сабой і гэтыя дзьве трэці. Яны павінны пакінуць пану толькі тое, што было ўзята пры пачатку службы, а так сама пасеяць жыта.[4]) Так што, гэтыя дзьве трэці ёсьць толькі забясьпека службы, уласнасьць жа гэта земляроба. Маючы сваю ўласнасьць земляроб можа рабіць і пазыкі. Статут не забараняе ні землеробу без дазволу пана пазычаць грошы, ці рэчы, так сама не забараняе нікому весьці падобныя справы непасрэдна з землеробам. Статут констатыруе факт, што гэта можа быць. Так ёсьць артыкул,[5]) па якому забараняецца мяшчанам грабіць на таргу панскіх сялян за даўгі іх. Калі сялянін не зварочвае сваёй пазыкі, то, на аснове агульнага права панскага суда над землеробамі, трэба зьвярнуцца за справядлівасьцю да пана. З сваёй жа ўласнасьці плаціць земляроб за ўсе свае праступкі. Такім чынам, Статут досыць яскрава вызначае, што ёсьць у земляроба свая ўласнасьць, толькі вельмі скупа гаворыцца аб праве распараджвацца ею. Нічога не гаворыцца ні аб праве прадажы, ні аб праве заставы, толькі адно права занатоўвае Статут, права вызначыць на каго спадзе яго ўласнасьць, пасьля сьмерці яго і то гэта права пашыраецца не на усю уласнасьць, і толькі на трэцюю частку яе.

---

[1]) Разьдзел IV артыкул 46.

[2]) Да чагс-ж даходзіла панскае разуменьне малюе нам у сваей працы Демченка на аснове працы Іванішава: „В 1573 году возный кременецкий Григорий Гуляльмицкий доносил ураду кременецкому: „был я у пана Ласка Секунскага вместе с слугою князя Николая Збаражскага, Лаврином Козулею. И Лаврин Козуля спрашивал пана Михаила Ласка: „для чего ты приказал безвинно повесить боярина Господского Евхима, который имел братьев и оседлость в Жолобе?“ И пан Михаил Ласко отвечал: кто безвинно велел умертвить боярина Евхима, тот за него хорошо заплатит: а велел я его повесить потому, что он был в то время моим крестьянином“. Потом спрашивал Лаврин у пана Михаила Ласка: „по какой причине ты приказал замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Седельника? Для чего забрал себе все их имущества?“ Пан Ласко признавался, что Воронок умер у него в тюрьме, а о Лавриновиче и Степане сказал: „Они получили плату по заслугам, и я никому не обязан давать в этом отчет, т.-к. они были крестьяне моих сел.“ Демченко—Наказание по Лит. статуту, см. 118.

[3]) Разьдзел XIV артыкул 11.

[4]) Разьдзел VIII артыкул 5.

[5]) Разьдзел III артыкул 28.

Зямельнае права земляроба. Статут называе часамі земляроба ўласьнікам зямлі і таго, што знаходзіцца на зямлі. Так Статут вызначае, што калі „хлоп хлопу“ мяжу пераарэ, то рубель штрафу, а шкоду сваю пакрыўджаны павінен даходзіць правам—судом[1]). Так сама калі „хлоп хлопу“ гай парубіць, то вінаваты плаціць тры капы грошаў[2]). Статут забараняе земляробу передаваць сваё бортнае дрэва каму небудзь, хто жыве за межамі яго пана. За гэту віну вызначана вельмі суровая кара—трата горла[3]). Але тут гаворыцца аб забароне перадаваць таму, хто жыве за межамі яго пана і нічога не сказана адносна таго, хто жыве на зямлі аднаго і таго-ж пана. Значыцца такому чалавеку земляроб можа перадаць сваё бортнае дрэва. Так што, бортнае дрэва ёсьць яго маёмасьць і ён можа распараджвацца гэтай сваёй уласнасьцю, хоць гэта права яго і вельмі абмяжована. Але ўсе гэтыя пастановы, якія як бы прызнаюць за земляробам права ўласнасьці на зямлю і тое, што расьце на ёй, якія як бы даюць яму нейкае права распараджвацца ёю і ахоўваюць яе ад парушэньня яго правоў, касуюцца аднэй пастановай, якая катэгарычна забараняе каму бы то ні было купляць зямлю ў чужога чалавека без дазволу яго пана[4]) Гэта пастанова вельмі рашуча падкрэсьлівае, што зямля ёсьць уласнасьць пана, а не земляроба, што земляроб ня мае сваёй зямлі. Гэта думка сьведчыцца яшчэ і тым, што Статут вызначаючы асобную кару за пераараньне адным земляробам другому мяжы яго, нідзе нічога не гаворыць, як быць у тым выпадку, калі шляхціч „хлопу“ мяжу пераарэ, ці гай парубіць, альбо наадварот. Такі выпадак Статут лічыць не магчымым і, зразумела чаму, ў такім выпадку шляхціч адказвае не перад земляробам, а перад праўдзівым уласьнікам зямлі—панам, а за пераараньне шляхцічам мяжы другому шляхцічу ёсьць спэцыяльная кара[5]). Такім чынам мы прыходзім да выніку, што земляроб ня меў права на зямлю. Зямля ёсьць уласнасьць яго пана.

Нявольнікі. Пытаньне аб нявольніках цікавіла, відаць, складальнікаў Статуту і яны зварочваюць на яго ня мала ўвагі. Згодна Статуту нявольнікамі могуць быць з наступных прычын: 1) па пахаджэньню з нявольніцкага стану, 2) забраныя ў палон і 3) з прычыны прадажы сябе ў няволю. Жаніўшыйся на нявольніцы робіцца нявольнікам, як і пашоўшая замуж за нявольніка сама становіцца нявольнай[6]). Статут прадугледжвае толькі два выпадкі, калі нявольнік можа стаць вольным. Першы выпадак, калі ў час голаду хто небудзь прагоніць ад сябе сваю чэлядзь нявольную, то яна становіцца вольнай[7]). Другі выпадак можа быць тады, калі пан сам пажадае зрабіць свайго нявольніка вольным[8]). Ёсьць яшчэ адзін выпадак, аб якім мы казалі трохі раней, гэта калі пан яўрэй ці татарын будзе прымушаць к нязвыклым работам і нявольнік з гэтай прычыны ўцячэ да пана—хрысьціяніна—шляхціча, то такі нявольнік становіцца вольным. Статут некалькі рэгуліруе прадажу ў нявольніцтва сябе, ці каго небудзь з сям'і сваёй. Статут лічыць незаконнай прадажу ў нявольніцтва ў час голаду. Пасьля голаду такая прадажа павінна быць ліквідавана такім чынам, што купіўшаму павінны быць зьвернуты грошы, а прадаты чалавек зноў становіцца

---

1) Разьдзел IX артыкул 9.
2) Разьдзел X артыкул 15.
3) Разьдзел X артыкул 6.
4) Разьдзел IX артыкул 18.
5) Разьдзел IX артыкул 9.
6) Разьдзел XII артыкул 13.
7) Разьдзел XII артыкул 12.
8) Разьдзел VIII артыкул 4.

вольным[1]) Дзесяцёхгадовая даўнасьць, пасьля якой айчысты чалавек мог стаць вольным, на нявольнікаў не пашыраецца, як ня можа іх ні ў якім разе звольніць ад няволі і уцяканьне ў горад. Такім чынам звальненьне ад няволі магло быць толькі па ініцыятыве пана. Ня можа нявольнік мець сваёй уласнасьці. Калі-б пан нават захацеў запісаць у тэстамэнце што небудзь свайму нявольніку, то ня мае права гэтага зрабіць не звольніўшы яго раней ад няволі[2]). Нявольнікі ня могуць быць сьведкамі ў судзе[3]). Забараняе Статут нявольнікам чыніць тэстамэнты[4]). Адным словам, нявольнік не мае ніякіх юрыдычных правоў— ні фармальна, ні фактычна. Гэта ёсьць поўная ўласнасьць земляўласьніка і дзякуючы таму, што гэта ўласнасьць—чалавек трэба было ў зборы правоў земляўласьнікаў (чым і зьяўляецца Статут) падкрэсьліць гэта асобна, што і зрабілі складальнікі Статуту. Яны выпрацавалі правілы звароту зьбегшых нявольнікаў[5]), асобна гавораць аб пераманьваньні ці пакражы іх[6]).

Абавязкі. Адносна абавязкаў можна казаць разам і аб нявольніках і вольных, бо абавязкі, як аднэй групы, так і другой зьяўляліся ў службе пану. Статут ні дзе ня робіць ніякай рэгуліроўкі гэтых абавязкаў, яны залежалі ад пана. Адносна дзяржаўных абавязкаў мы гаварылі ўжо пры пералічваньні абавязкаў земляўласьніка, бо і Статут не зварочваецца ні з якімі абавязкамі непасрэдна да землярабаў, а гаворыць толькі адносна земляуласьнікаў. Земляўласьнік-жа сам свае абавязкі раскладаў паміж сваімі землянробамі, як вольнымі так і нявольнымі. Тут трэба яшчэ адзначыць, што гаворачы аб суадносінах паміж землянробам і земляўласьнікам Статут не вызначае розьніцы паміж земляўласьнікам шляхцічам і нешляхцічам. Разглядзеўшы становішча земляўласьнікаў і землянробаў, як нам малюе Статут 1566 г., мы прыходзім да вываду: Статут ёсьць збор правоў шляхты, саслоўная афарбоўка адразу кідаецца ў вочы. Пры больш-жа дэтальным нагляданьні над Статутам мы бачым, што тут робіцца розьніца паміж шляхцічам—земляўласьнікам і шляхцічам наземляўласьнікам. Перавага заўсёды на баку земляўласьніка. З другога боку, мы бачым, што Статут часамі гаворыць наогул аб земляўласьніцкай клясе ня робячы розьніцы паміж земляўласьнікам шляхцічам і земляўласьнікам нешляхцічам. Адным словам Статут часамі замест саслоўнай афарбоўкі прымае афарбоўку клясавую і калі кляса разыходзіцца з сасловіям, то Статут становіцца на бок клясы, а не сасловія. Хістаючыся паміж клясай і сасловіям, Статут хістаецца і паміж правам фэодальным і правам разьвітай грашовай гаспадаркі. Права маёмасьці земляўласьнікаў пабудована на аснове грашовай гаспадаркі. Адносіны-ж паміж земляўласьнікам і землянробам—поўнасьцю на аснове права фэодальнага. Кляса землянробаў яшчэ не зьлілася ў адналітую масу. Тут захоўваецца яшчэ вельмі стары падзел: людзі вольныя, напалову вольныя і нявольнікі. Юрыдычна напалову вольныя бліжэй падыходзяць да вольных, фактычна-ж яны вельмі блізка стаяць к нявольнікам, бо як адзін так і другі ня могуць адыйсьці ад свайго пана і знаходзяцца ў поўнай волі яго. Права асобы, права маёмасьці ўсё гэта ёсьць пусты гук пры той залежнасьці ад пана, ў якой яны знаходзіліся.

---

1) Разьдзел XII артыкул 11.
2) Разьдзел VIII артыкул 4.
3) Разьдзел IV артыкул 53.
4) Разьдзел VIII артыкул 30.
5) Разьдзел XIII артыкул 5.
6) Разьдзел XVI артыкул 1.

А. Арцимович.

К вопросу о признаках ремесленного и кустарного предприятия, как единицы наблюдения в промышленной статистике.

Классифицирование промышленности по ея формам—одна из трудных задач, в основу решения которой должен быть положен анализ ряда довольно сложных моментов.

Величина производства, его методы, способ сочетания производственных факторов, руководящие стимулы, лежащие в основе организации хозяйства, степень его хозяйственной самостоятельности, характер междухозяйственных и внутрихозяйственных социальных отношений, характер рынка сбыта, характер территориального распределения предприятий,—эти и ряд других признаков, разбивающихся в свою очередь на более простые моменты, должны быть здесь приняты во внимание. Вместе с тем, анализ должен быть связан с историко-экономическим изучением порядка последовательного перехода одних форм промышленности в другие, в процессе экономического развития.

Классификация форм промышленности до сих пор не является вполне законченной.

В частности, существующие определения понятий ремесла и кустарной промышленности до сих пор не являются в достаточной степени установленными, в смысле общезначимости вкладываемого в них содержания. Разногласия относятся как к производственно-техническим признакам (величина производства и способ сочетания производственных факторов), так и к таким, как степень хозяйственной самостоятельности предприятия, характер рынка сбыта, и др.

Эти разногласия естественно получают свое отражение и при разработке данных статистической регистрации промышленных предприятий.

Статистические довоенные (главным образом земские) материалы, как отмечено *Рыбниковым*[1]), характеризуются весьма большой „произвольностью“ и „пестротой“ при установлении понятия кустарная промышленность.

При рассмотрении современных материалов, мы, наряду с неправильным, по нашему мнению, определением понятия кустарная промышленность (о чем далее), наблюдаем следующее характерное явление: современные результаты статистической разработки промышленных переписей, разработки, произведенной, как в общесоюзном масштабе[2]), так и в масштабе отдельных республик, при всей их детальности,

---

[1]) *А. А. Рыбников.* „Мелкая промышленность России“. Из-во Наркомзема „Новая Деревня“ Москва. 1923 г., стр. 9.

[2]) См. например, издания Ц. С. У. Союза: „Сборник статистических сведений по Союзу ССР“ 1918-1923. Москва 1924 г., где в большом отделе „промышленность“ (стр. 150-226) мы нигде не находим расчленения кустарной и ремесленной промышленности, а имеем только об'единенные данные по кустарно-ремесленной промышленности (стр. 212,213,218-221); „Народное хозяйство союза ССР в цифрах“. Москва 1924 г., стр. 136, и др. изд.

не дают все же даже элементарных итогов, которые относились бы отдельно—к кустарной и отдельно—к ремесленной промышленности. Несмотря на всю практическую важность такого разделения[1]), вместо него мы имеем только, хотя и характеризуемую более или менее детально, но об'единенную в общую нерасчлененную массу совокупность кустарно-ремесленных предприятий.

Такое состояние статистических материалов можно отнести отчасти на счет трудности, в ряде случаев статистической регистрации своеобразных переходных форм мелкой промышленности, достичь четкого их разграничения. Но главным образом, надо полагать, их следует отнести за счет вышеуказанных разногласий в экономической литературе.[2])

Подходя к разбору этих разногласий, отметим некоторые исходные пункты нашего критического анализа.

Под „производством", или производственной единицей, согласно *Зомбарту*, будем понимать „организацию, имеющую целью длительное выполнение работы", и признаком, отделяющим одну производственную единицу от другой, будем считать „единство производственной организации", а именно, единство в подготовлении процесса труда (прием, назначение на место, увольнение, распоряжение помещениями и средствами производства), в его распорядке (установление места и времени работы) и в его выполнении (единый руководящий и надзирающий орган)[3]). Под „хозяйством", или хозяйственной единицей, будем понимать „ту организацию, которую создает суб'ект хозяйства, чтобы достигнуть полезного эффекта, соответствующего его хозяйственному принципу"[4]).

Различие между понятиями „производства" (Betrieb) и „хозяйства" (Wirtschaft) заключается в том, что „производство" является „сообществом для работы", тогда как „хозяйство" есть „сообщество для реализации"[5]), или, как выражает ту же мысль *Варзар*, в этом втором случае идет речь об „экономической операции превращения ценностей".[6])

Вместе с тем, согласно с Зомбартом, мы считаем, что *способ сочетания производственных факторов* является достаточно целесообразным принципом классифицирования по формам производства, ибо он включает и величину производства и приемы труда[7]).

---

[1]) Для правильной ориентировки в касающихся той и другой формы промышленности вопросах планирования, налогового законодательства, а также в вопросах о степени благоприятствования той или другой форме, при обсуждении мер государственного содействия.

[2]) „Экономическая наука слишком мало внимания уделила еще систематике форм экономических явлений, и не вина хозяйственной статистики, что часто ей не на что опереться в установившихся экономических понятиях" *А. А. Рыбников*, там же, стр. 7.

[3]) *В. Зомбарт*. „Современный капитализм". Том 1, изд С. Скирмунта. Москва, стр. 30 и 32.

[4]) *В Зомбарт*. Там же, стр. 65.

[5]) *В. Зомбарт*. Там же, стр. 27.

[6]) *В. Е. Варзар* „очерки основ промышленной статистики". ГИЗ, 1926, ч. 1-ая, стр. 52.

[7]) Как указывает *В. Зомбарт* (см. там же, стр. 38—40), момент *величины* не является определенным: весьма трудно установить, размеры какого фактора взять за основу величины, количество ли рабочих, количество ли продукции, или же величину или число употребляемых машин, протяжение производства и т. д. В зависимости от выбора того или иного фактора одно и то же производство может попасть и в рубрику „крупного", и в рубрику „среднего" и в рубрику „мелкого". И даже, когда решен вопрос о факторе, остается неясной граница между „мелким", „средним" и „крупным". „Почему как раз от 5 до 10 лиц являются пределами определенной формы производства? Почему не от 10 до 30"? Помимо неопределенности, момент величины не дает представления о *приемах производства*.

Вместе с тем и *приемы* не дают представления о *величине*. Ибо, если взять за основу классификации приемы труда, т. е. его метод или организацию, то мы приходим к ряду парных альтерпатив (производства разделяющие и не разделяющие труд; соеди-

Принимая в основном данную Зомбартом классификацию промышленности по формам производства, мы, в отношении к формам промышленного хозяйства, считаем, что вопрос об их классификации, значительно более сложный, чем вопрос о классификации по формам производства[1]), является далеко не вполне решенным, и не можем здесь в целом принять ни классификации Зомбарта, которая не может, по нашему мнению, считаться законченной[2]), ни какой-либо иной классификации.

Здесь мы заимствуем, главным образом у Бюхера, только некоторые признаки, помогающие отличать ремесло и кустарную промышленность одно от другой и от близких к ним форм промышленного хозяйства.

В определение той или иной формы промышленности должны входить как те признаки (или степени их), которые присущи и ей и ряду других, так и, особенно, те, которыми данная форма отличается от других.

Так как, помимо классификаций более общего характера, мы имеем классификации—отдельно по формам производства, и по формам хозяйства, то в нашем обзоре мы рассмотрим сначала разногласия, относящиеся к формам производства, затем—к формам хозяйства, и, только после этого, постараемся окончательно произвести разграничение между ремеслом и кустарной промышленностью.

Сначала рассмотрим ремесло, как форму производства, остановившись здесь на таких моментах, как техника, величина и способ сочетания производственных факторов.

Ремесленная техника характеризуется господством эмпирических приемов производства, теснейшим образом связанных с личностью „мастера", с его опытом и уменьем, которые передаются от поколения к поколению. Увеличение технических знаний и умений, усовершенствование приемов происходит здесь медленно и по большей части случайно[3]). С этой точки зрения, ремесло, по нашему мнению, можно отнести к „эмпирически управляемым производствам", каковые

няющие материалы и не соединяющие их; употребляющие и не употребляющие машины и т. д.), каковые пары весьма трудно свести в общую систему, так как „ни одно из установленных нами различий по своей важности и значению не представляется преобладающим настолько, чтобы определить собою главную группировку, которой могли бы быть подчинены затем все остальные пары, как второстепенные деления".

[1]) Ибо формы производства, определяющиеся по преимуществу производственно-техническими моментами, значительно проще форм хозяйственных, отражающих, кроме того, социально-экономические отношения данной эпохи. „Несмотря на перемену социальных отношений, а также смену видов хозяйственного оборота", говорит *А. А. Рыбников* („Мелк. промышленность России", стр. 7)—„производство во всех этих формах остается одно и то же. Форма производства оказывается более устойчивым явлением, чем форма хозяйства, отображающая и междухозяйственные связи и социальные отношения.

Ушел скупщик—посреднические задачи берет земство, кооператив, государство. Ликвидирован капитализм в мануфактуре, на фабрике, но во главе дела становятся может быть те же, только что упомянутые, частно-правовые или публично-правовые учреждения".

[2]) Так, например, в данной Зомбартом классификации форм хозяйства нельзя сколько-нибудь точно определить место занимаемое здесь кустарной промышленностью.

[3]) *В. Зомбарт*. „Современный капитализм" т. 1, стр. 145—146 „Оставаясь впо не эмпирическими, говорит *А. Богданов и И. Степанов* („курс полит. экономии" том 1, Госиздат 1925 г., стр. 288)" приемы ремесленного труда не могут об'ективироваться, т. е. не допускают сведения в научную систему, в которой они существовали бы обособленно от личности ремесленника... Усвоение их достигается посредством „выучки", т. е. прямого копирования, непосредственного подражания. „Эта средневековая форма производства, тогда преобладавшая", говорит *В. Е. Варзар* (Цит. соч., стр. 79), и ныне, однако, является весьма распространенной, сохранившей свой прежний вид, охватывая такие отрасли промышленности, в которых ручной труд и индивидуальность производимых предметов (обувь, одежда, мебель, починка разного рода и т. д.) имеют главное значение".

Зомбарт, в одной из своих пяти парных альтернатив (полученных им при классифицировании производств по методу или организации труда) противопоставляет производствам „рационально управляемым"[1]).

С точки зрения *величины*, ремесло, по мнению большинства экономистов,—типичное мелкое производство. „Непосредственная связь ремесленника с потребителем его продуктов", говорит *Бюхер*, „обусловливает малые размеры производства. Если какой-нибудь промысел угрожает принять слишком большие размеры, то от него откалываются новые ремесла, к которым переходит часть его сферы производства"[2]).

Это мнение оспаривается *Зомбартом*. По его мнению, ремесло, каковому „более всего" соответствует индивидуальная форма производства (производство одиночки, семейное и помощью подмастерьев), т. е. форма мелкого производства[3]) может уживаться с формами переходными, а именно, со „средним" производством, или с „расширенным производством с помощниками", а в некоторых случаях совпадать даже с крупным, а именно, с „индивидуальным производством в крупных размерах". В дальнейшем *Зомбарт* высказывает еще более категорическое положение: ремесло, не требующее „по своему существу... необходимо какой-либо вполне определенной формы производства... вполне исключает только крупное общественное производство"[4]). Таким образом, сюда пришлось бы отнести еще и такую форму, как „общественное производство в мелких размерах".

Как мы постараемся показать далее, три последние формы (расширенное производство с помощниками, общественное производство в мелких размерах и индивидуальное производство в крупных размерах) отличаются от ремесла некоторыми существенными признаками.

Что касается производственных отличий, то их удобнее рассмотреть в связи с вопросом о способах сочетания производственных факторов, к которому мы и переходим.

Полагая, что „значительное разнообразие производственных форм вытекает из различного сочетания факторов производства в одном и том же производстве", для группировки этих способов сочетания *Зомбарт* избирает, в качестве единого принципа группировки, „отношение единичного рабочего к совокупному процессу труда и совокупному продукту, т. е. к производству в целом". С этой точки зрения все производства распадаются на следующие две основные группы: а) производства, при которых „работа и ея продукт принадлежат данному индивидууму, как таковому, представляют результат его и только его личной деятельности и таким образом сами оказываются индивидуальными и личными" и б) производства, при которых „работа и ея продукт суть общий, неразложимый на индивидуальные составные части результат деятельности многих, существуют лишь как совокупная работа и совокупный продукт и, следовательно, являются не личными, а коллективными, не индивидуальными, а общественными".

Первую группу, разбивающуюся на производство одиночки, производство семейное и производство помощью подмастерьев, *Зомбарт* называет „индивидуальным" производством и всецело относит ее к ***мелкому производству***. Вторую группу, разбивающуюся на мануфактуру и фабрику, называет общественным производством и относит ее к производству крупному. Наконец, образует группу „переходных" произ-

---

[1]) *В. Зомбарт*. Там же, стр. 38—39.

[2]) *К. Бюхер*. „Возникновение народного хозяйства" Вып. 1. Спб. 1907, стр. 156.

[3]) *В. Зомбарт*. „Политическая экономия промышленности" Спб. Книгоизд. „Просвещение", стр. 47.

[4]) *В. Зомбарт*. „Современный капитализм". Том 1, стр. 123—124.

водств, куда относит: 1) „расширенное производство с помощниками“, 2) „общественное производство в мелких размерах“ и 3) „индивидуальное производство в крупных размерах“. Первые две формы относятся им к „среднему“ производству, третья—к „крупному“[1]).

Разсмотрим прежде всего „общественное производство в мелких размерах“.

Характерным его примером является приводимая *Зомбартом* конфекционная портновская мастерская посредника[2]). Здесь мы встречаем: „закройщика, который кроит для всех рабочих, с помощью машины или без машины;... гладильщика, который ручным или машинным способом разглаживает все готовые штуки платья. В промежутке между этими двумя работами совершается процесс изготовления отдельных предметов одежды, при чем здесь находит себе место как горизонтальное, так и вертикальное разложение работы, как целого: мы видим рабочих—специалистов по сюртукам, брюкам, жилетам, а внутри этих категорий—рабочих, пришивающих застежки, пуговицы, обшивающих петли для пуговиц, сшивальщиков и т. д.“.

По нашему мнению, такие производства: а) принадлежат к производствам „рационально управляемым“, и противостоят „эмпирически управляемым“ производствам, т. е. в том числе и ремеслу, с его эмпирической техникой; б) построены на ином, чем в ремесле, принципе организации труда, ином способе сочетания производственных факторов. Здесь процесс труда построен на сложной кооперации, кооперации, связанной с разделением труда. Продукт труда здесь—результат работы не индивидуального, а коллективного рабочего.

Теперь разсмотрим „индивидуальное производство в крупных размерах“.

От предшествующих ему форм (одиночное, семейное, производство с помощниками и расширенное производство с помощниками) оно отличается тем, что „приобрело достаточно крупные размеры для того, чтобы одно лицо могло всецело отдаться *делу руководительства* (курсив наш А. А.), а от „общественного“ производства тем, что „индивидуальный труд здесь еще не претерпел никаких изменений“.

Оно может осуществляться или в виде „производства, соединяющего под единым руководством, в одном помещении многих рабочих, в процессе труда которых, сохраняющем индивидуальный характер, общественно потребляются только здания, освещение и отопление“, или в том случае, „когда одно и то же производство может распространяться на многие места производства, или другими словами, когда перед нами... производства, разсеянные в пространстве, или летучие производства“.

Приводимые здесь *Зомбартом* примеры разного рода об‘единений производителей[3]), могут, по нашему мнению, принадлежать к одному из следующих двух типов:

а) одна производственная единица;

б) „система“ отдельных мелких производственных единиц.

В первом типе—перед нами единая, а при том, как показывают примеры *Зомбарта*, достаточно крупная производственная организация (современное малярное дело в крупных городах, вспомогательные производства в строительном деле, и др.), в виде группы лиц, либо работающих у какого-либо предпринимателя, либо составляющих ту или иную производственную кооперацию.

---

[1]) *В. Зомбарт.* Там же, стр. 43—45.
[2]) *В. Зомбарт.* Там же, стр. 53—54.
[3]) *В. Зомбарт.* Там же, стр. 50—51.

Мы полагаем, что здесь не „индивидуальное“, а „общественное“ производство, естественно возникающее там, где в распоряжении данного производственного целого находится количество работников, достаточно бо́льшое „для того, чтобы одно лицо могло всецело отдаться делу руководительства“. И в примере *Зомбарта*,[1]) где работают сотни „маляров-подмастерьев“, при чем здесь „выполнение отдельных работ поручается определенным специальным рабочим“, результаты труда не могут быть сведены к результатам работы индивидуального рабочего.

Что касается второго типа, то здесь система отдельных производственных единиц представляет—либо об‘единение для совместного потребления зданий, освещения и отопления, либо—для совместного потребления зданий и орудий (сюда войдут приводимые *Зомбартом* средневековые цеховые гранильни, красильни и т. д.). В этих случаях мы не будем иметь единого производственного целого, в смысле „единого управления производством и единого управления самым процессом труда“. Здесь мы будем иметь не „единство“, не одно крупное производство, а „систему“[2]) мелких изолированных производств, а стало быть примеры, относящиеся ко второму типу, не подкрепляют того положения, что ремесло может быть совместимо с крупным размером производства.

Под „расширенным производством с помощниками“ *Зомбарт*[3]) понимает такое, которое „возникает благодаря простому увеличению рабочих сил, которые в производстве с помощниками действуют группами или по одиночке.“ Примеры: „кузнечная мастерская более чем с одним горном, столярная мастерская с несколькими верстаками, слесарная со многим тисками, токарная с различными токарными станками, пекарня с несколькими печами и т. п.“ В противоположность представленному тремя предшествующими ему формами (одиночным, семейным и производством с помощниками) „мелкому производству“, где „вся работа по существу группируется около одного центра, каковым служит руководитель производства, с его работой, имеющей характер главной работы“, здесь—впервые оставлен... этот в высшей степени личный, концентрический строй производства; здесь „обнаруживается стремление перенести центр тяжести со средоточия, с личности главного рабочего, на личности разных помощников;... с этого момента глава производства посвящает часть своей деятельности контролю за своими помощниками.“ Как можно видеть из этой характеристики, в общем, и расширенное производство с помощниками только с большой натяжкой может быть отнесено к „индивидуальному“ производству.

---

[1]) „Здесь сотни маляров—подмастерьев. Изо дня в день назначается работа для них и место работы; в определенные сроки они должны выполнять точно определенныя работы и все время подчиняются контролю „мастера“, или, если производство достигло очень крупных размеров, контролю особых надсмотрщиков. Но дальше этого об‘единение различных работ не идет: оне выполняются теми же орудиями, и техника остается та же, как и в карликовом производстве, у которого не много мест производства, а только одно. Тот факт, что в крупных производствах выполнение отдельных работ поручается определенным специальным рабочим, не вносит никаких изменений: выполнение их все же сохраняет совершенно индивидуальный характер“. В. *Зомбарт там же*, стр. 51.

[2]) Термин „система“ заимствуем у *П. Б. Струве*. См. в его „хозяйство и цена“ часть 1. Спб. 1913, стр. 35-37, деление всякого рода совокупностей на три типа: а) простая совокупность единиц; б) система (такое соединение элементов, в котором предполагается взаимодействие между этими элементами), и в) высший вид целого—целое-единство. Как указывает *Струве*, „как всякая система есть в то же время совокупность, но не наоборот, так всякое единство есть система, но не наоборот“.

[3]) В. *Зомбарт*. Там же, стр. 49-50.

Кроме того, как эта, так и две другие формы (общественное производство в мелких размерах и индивидуальное производство в крупных размерах), не могут быть относимы к ремеслу в силу приводимых далее соображений, относящихся к ремеслу как форме хозяйства.

Переходя к вопросу о ремесле как форме хозяйства, остановимся здесь на таких моментах, как: а) основные виды ремесла; б) место, занимаемое ремеслом в исторической смене форм промышленного хозяйства; в) степень его хозяйственной самостоятельности (междухозяйственные отношения); г) внутрихозяйственные отношения, и д) степень капитализации.

Вопрос о классификации ремесла, как формы хозяйства, по основным ея видам тесно связан, как увидим ниже, с вопросом о смене хозяйственных форм и месте занимаемом в ней ремесленной формой хозяйства.

Согласно *Зомбарту, Туган-Барановскому* и ряду других экономистов, по основным своим видам ремесло различается следующим образом: это или—ремесленники, *отчуждающие продукт* (Preishandwerker), по терминологии *Туган-Барановского, продажное ремесло,* при котором „ремесленник обрабатывает сырой материал, принадлежащий ему самому, добытый в его собственном хозяйстве, или купленный им за свой счет", или же это—ремесленники *отчуждающие свой труд* (Lohnhandwerker), по *Туган-Барановскому—наемное ремесло,* при котором „ремесленник обрабатывает по заказу потребителя сырой материал, принадлежащий потребителю же"[1]). В свою очередь *наемное* ремесло может быть или *отхожим* или *домашним* (по терминологии *Зомбарта*, „странствующие ремесленники" и „ремесленники оседлые"). В первом случае ремесленники („странствующие") работают, передвигаясь с места на место, выполняя работу в помещениях заказчиков (шерстобиты, плотники, шубники и т. п.), тип возможный для тех условий, при которых орудия просты и удобопереносимы; во втором-они („оседлые") работают, оставаясь на месте постоянного жительства (ткачество, кузнечный промысел и т. д.). Кроме того, мы имеем здесь и ряд промежуточных форм.[2])

Это деление, по нашему мнению, не может быть принято, в том смысле, что в нем, под названием „наемного ремесла", под понятие ремесла подводятся формы, достаточно явственно от него отличающиеся, как по размерам, так и, особенно, по отношению к рынку и по степени хозяйственной самостоятельности производителя. Вместе с тем, такое об'единение разнообразных, исторически возникавших одна за другой хозяйственных форм, в едином понятии ремесла грешит схематичностью и недостаточным учетом процесса экономического развития, главным же образом, такого решающего фактора, каким является развитие рынка, ведущее к росту разделения труда между отдельными хозяйствами и росту производительных сил. Этим делением, вместе с тем, дается, по нашему мнению, неправильный, упрощенный ответ о месте занимаемом ремеслом в исторической схеме хозяйственных форм. Здесь нам представляется более правильным принять взгляд *Бюхера*, который так называемое „наемное ремесло" выделяет из ремесла, как ступень ему предшествующую. Этой форме он в своей классификации дает название „работы на заказ". Производитель здесь уже порвал или порывает свою связь с земледелием. „Но он владеет лишь своими простыми инструментами, у него нет оборотного капитала. Вследствие

---

[1]) См. *В. Зомбарт* „Политическая экономия промышленности", стр. 49 и *М. И. Туган-Барановский.* „Основы политической экономии" Петроград. 1915, стр. 158.

[2]) *М. И. Туган-Барановский.* Цит. соч., стр. 162.

этого, он всегда применяет свое искусство к чужому сырому материалу, который ему доставляет производитель этого сырья, являющийся вместе с тем потребителем готовых продуктов". Двумя разновидностями этой формы являются: а) отход и б) работа на дому. В первом случае „работающего на заказ берут временно на дом, дают ему харчи и, если он не живет в той же местности, и квартиру, а также поденную плату,—и он остается только до тех пор, пока не удовлетворены, потребности потребителя"; во втором случае „работающий на заказ имеет при своей квартире собственную мастерскую и ему выдается сырье. За обработку сырья он получает поштучную плату".[1])

Таким образом, существенную экономическую черту этой формы составляет отсутствие оборотного капитала. „Ни сырье, ни готовый продукт не являются средством извлечения дохода для их производителя. Способ и размеры производства все еще определяет землевладелец, производящий сырье: под его же руководством находится весь процесс производства."[2])

Основываясь на вышеизложенных соображениях *Бюхера*, совершенно правильно отделяющего от ремесла довольно отличающуюся от него форму, т. е. „работу на заказ", мы уже теперь отчасти можем ответить на вопрос о месте, занимаемом ремеслом в последовательной смене хозяйственных форм: ремесло—промежуточная ступень; ей предшествуют две формы: а) „домашнее производство", или так называемое „производство для домашних потребностей"[3]) и б) следующая за „домашним производством" форма—„работа на заказ" или так называемое „наемное ремесло". В процессе дальнейшего экономического развития ремесло, как увидим ниже, переходит либо в форму мелкого капиталистического предприятия, либо в форму предприятия кустарного.

С точки зрения отношений междухозяйственных, ремесло, по общепринятому в экономической литературе мнению, представляет форму, при которой „мелкий производитель работает... на постороннего потребителя, без каких бы то ни было торговых посредников".[4]) „Все существенные особенности ремесла", говорит *Бюхер*,[5]) „находят свое выражение в определении: непосредственное производство на потребителя. Именно этот способ сбыта отличает эту форму производства от всех позднейших". Ремесленник работает либо на определенных заказчиков, либо одновременно—на заказчика и на рынок, достигая в этом последнем случае максимума хозяйственной самостоятельности.[6]) При этом, работа на рынок носит узкий характер—удовлетворения местного спроса, сбыт здесь ограничен пределами ближайшего рынка, рамками ближайшего базара или ярмарки.

Эти характерные черты ремесла оспариваются *Зомбартом*, ко-

---

[1]) *К. Бюхер.* „Возникновение народного хозяйства". Вып. I, гл. IV, стр. 147-148 СПБ. 1907.

[2]) *Х. Бюхер* Там же стр. 151.

[3]) То есть такая форма, при которой „промышленный труд еще не обособился в самостоятельную отрасль производства,—где, следовательно он образует лишь подчиненную часть более крупной хозяйственной ячейки, в которой производство покрывает всю совокупность хозяйственных нужд и, в особенности, удовлетворяет потребность в сырье и средствах пропитания... Предпосылкой существования ремесленной организации служит то обстоятельство, что промышленная деятельность становится исключительным содержанием особого производственного хозяйства, что при господстве ремесленной организации, следовательно, появляются хозяйства, посвящающие себя исключительно промышленной деятельности". См. *В. Зомбарт.* „Политич. экономия промышленности" стр. 40, 43-44.

[4]) *М. И. Туган-Барановский* „Основы полит. экономии", стр. 158.

[5]) *Х. Бюхер.* Там же, стр. 155.

[6]) Как указывает для этого случая К. *Бюхер* (см. там же, стр. 155), „работа на заказ и работа для рынка должны друг друга дополнять, во избежание „мертвого сезона",

торый рядом фактов, относящихся к средневековью, старается доказать частую возможность таких случаев, где „формой хозяйства является ремесло в самом чистом виде“, но продукты сбываются не „заказчикам“, а всевозможным „посредникам“, и не на месте, а на обширный рынок“.[1]) Но, как правильно указывает *Туган-Барановский*, отнесение к ремеслу таких хозяйств об‘ясняется только неполнотой даваемого *Зомбартом* определения ремесла, упускающаго из виду такую характерную особенность ремесла, как специфические условия его сбыта[2]). Примеры *Зомбарта* говорят лишь о том, что указываемые им производители, работавшие на торговцев, не были ремесленниками[3]).

Внутрихозяйственные отношения в ремесле характеризуются, в общем, следующими чертами: хозяин ремесленного предприятия является не только его организатором, но и исполнителем всех производственных и торговых функций, осуществляемых им либо исключительно собственными силами (одиночка), или же с помощью членов семьи (семейное производство) или подмастерьев (производство с помощниками). „Он—главный директор, мастер и чернорабочий в одном лице, он же и купец“, как образно рисует его фигуру *Зомбарт*.[4]) Таким образом, даже на высшей стадии развития ремесла—еще нет полного отделения функции руководительства от функции исполнения (такое отделение—черта, характеризующая как всякую форму капиталистического предприятия, так и всякую форму „общественного производства“). Характер междухозяйственных отношений, выражающийся в непосредственной связи ремесленника с потребителем, в его хозяйственной самостоятельности, строго определенные и весьма узкие размеры сбыта, ограниченные рамками ближайшего местного спроса, мелкий размер производства, индивидуальный его характер, эмпирическая техника производства, характер внутрихозяйственных отношений,—все эти моменты в весьма большой степени обусловливают собой экономическую природу ремесла.

Здесь можно согласиться с противопоставлением *Зомбарта*, согласно которому в капиталистическом предприятии имущество используется „в пелях воспроизводства благ с прибылью для собственника“, т.-е., (как скажем мы), путем эксплоатации рабочей силы, тогда как у ремесленника имущество пока еще не служит целям эксплоатации, им, как говорит *Зомбарт*,—у ремесленника еще не произошла дифференциация личного и вещнего имущества... вещное имущество ремесленника не приобрело еще свойства капитала“[5]).

---

[1]) *В. Зомбарт* „Современный капитализм“ т. I стр. 103, 108-120.

[2]) Согласно *Зомбарту*, ремесло „это та форма хозяйства, которая определяется стремлением трудящегося в области промышленности так использовать свои, занимающие среднее место между искусством и обыкновенным ручным трудом, навыки и уменье обрабатывать и производить промышленные изделия, чтобы добыть себе, путем обмена своего труда и произведений на соответственные эквиваленты, средства к жизни“ *В. Зомбарт* „Полит. экон. промышленности“, стр. 43; см. также его же „Соврем. капитализм“, стр. 88.

[3]) „Цеховые суконщики, работавшие на суконных торговцев, хотя и были членами цеха, но экономически не были ремесленниками,—также суконное производство было не ремеслом, а кустарной промышленностью. Достаточно торговому капиталу стать между ремесленником и потребителем, чтобы ремесло изменило свою природу, перестало быть самостоятельным производством и приблизилось к капиталистической промышленности“ *М. И. Туган Барановский*. Там же, стр. 159-160.

[4]) *В. Зомбарт*. „Политическая экономия промышленности“, стр. 45.

[5]) *В. Зомбарт*. „Политич. экономия промышленности“, стр. 45. „С точки зрения *экономической*, говорит *В. Е. Варзар* (Цит. соч стр. 89-90), крупные заведения, т. е. фабрики и заводы, всегда носят определенно выраженный характер капиталистических предприятий;... требуемые... значительные капиталы, в виде вещного имущества... а также оборотных денежных средств на материалы, заработную плату и так далее, имеют целью, путем обращения этих капиталов, предоставить владельцу предприятия, все

При рассмотрении ремесла, как формы производства, мы уже отмечали неправильность отнесения к нему *Зомбартом* (помимо „общественного производства в мелких размерах“) такого производства, как „индивидуальное производство“ в крупных размерах“ и сомнительность отнесения к нему „расширенного производства с помощниками“.

Такие черты ремесла, как—хозяйственная самостоятельность ремесленника и отсутствие хоть сколько нибудь значительной капитализации имущества даже на высших стадиях ремесла, еще более, по нашему мнению, оттеняют неправильность отнесения к нему, как—таких предприятий, где значительная масса мнимых „ремесленников“ (пример с сотнями „маляров-подмастерьев“) работает под постоянным контролем либо „мастера“, либо его надсмотрщиков, т. е. фактически работает на хозяина крупного капиталистического предприятия, так и таких предприятий, как „расширенное производство с помощниками“, где мы видим несомненную эксплуатацию хозяином довольно значительного числа работников и весьма заметное отделение здесь руководительства предприятием от исполнительной работы, т.-е. черты капиталистического предприятия.

Итак, понятие ремесла можно, в общих чертах, определить следующим образом: как форма производства оно характеризуется мелкими размерами, эмпирической техникой и таким сочетанием производственных факторов, при котором продукты его являются результатами труда не коллективного, а единичного рабочего; как форма хозяйства—непосредственной связью с потребителем, исключающей каких бы то ни было торговых посредников, строго определенными и узкими рамками местного сбыта, сосредоточением в личности мастера не только организаторских и торговых, но и главнейшей части производственных функций и отсутствием сколько-нибудь значительной капитализации имущества. С точки зрения историко-экономической, ремесло представляет ступень, следующую за двумя предшествующими ему и следующими одна за другой формами, а именно, за „домашним производством“ и „работой на заказ“.

Переходя к определениям кустарной промышленности, прежде всего проведем границу между следующими двумя их категориями: в основу первой, в качестве критерия для разграничения положен принцип отраслей хозяйства, и общей их чертой является то, что они считают неот'емлемым признаком кустарной промышленности связь ее с сельским хозяйством. В основу второй,—к которой принадлежит и наше определение, положена степень хозяйственной самостоятельности производителя. С точки зрения такого понимания кустарной промышленности (Бюхер, Зомбарт, Туган-Барановский, Рыбников) связь ее с сельским хозяйством обязательной не является, и может, стало быть, существовать, как сельская, так и городская кустарная промышленность.

Первая категория характеризуется весьма большим разнообразием определений. К числу самых широких здесь можно причислить такое, которое охватывает, за исключением ремесленных промыслов, „все виды мелкой сельской промышленности, начиная от домашней формы производства, когда крестьянская семья выделывает своими силами

равно будь то частное лицо, фирма, компания, общественное учреждение или государство—ожидаемую прибыль. Все эти условия иначе складываются для мелких, ремесленно-кустарных заведений, мастерских и тому подобных хозяйственно-промышленных единиц; здесь обыкновенно не требуется предварительных затрат крупных капиталов и роль их (помещение, ручное оборудование и текущие издержки производства) незначительна, а цель деятельности подобных заведений—не столько доходность, сколько получение средств существования для мелких предпринимателей“.

разного рода изделия, необходимыя в домашнем быту и продает эти изделия только при случае, и оканчивая коллективной формой производства, которая переходит уже в фабрично-заводскую промышленность".[1])

Существует кроме того целый ряд определений, отличающихся либо более широкой, либо более узкой трактовкой вопроса, есть даже такие, которые охватывают, кроме домашнего производства для собственного потребления, еще и ремесло, есть исключающие домашнюю форму крупной промышленности, и т. д.[2]). Переходя во второй категории определений, остановимся прежде всего на анализе *Бюхера*.

В его классификации форм промышленности, в каковой отсутствует понятие мануфактуры, сливающееся с понятием фабрики, кустарная промышленность или Verlagssystem (система работы на скупщика) занимает промежуточное положение между ремеслом и „фабрикой" (в понимании Бюхера). Как кустарная промышленность, так и „фабрика" причисляется *Бюхером* к новой системе производства, основанной уже не на местном, а на национальном и международном рынке[3]). Обе оне имеют одинаковую задачу—снабжение обширного рынка промышленными изделиями. И та и другая нуждаются в значительном количестве рабочих. Отличие—только в способе решения этой общей задачи и в способе организации рабочих. Существенной чертой кустарной промышленности является та, что „продукт, раньше чем он переходит к потребителю, является капиталом, т. е. средством наживы для одного или нескольких посредников—купцов... Скупщик—это предприниматель—коммерсант, который постоянно дает работу значительному числу рабочих вне своего собственного промышленного заведения, самим рабочим на дом".[4])

Капитал в кустарной промышленности, согласно Бюхеру, оставляет нетронутым прежний способ производства, овладевая лишь организацией сбыта. На „фабрике" же он охватывает весь процесс производства.[5]) Итак по *Бюхеру* кустарная промышленность от ремесла отличается: значительно более широким районом сбыта (рынок не только местный, но и народный и даже мировой), способом сбыта (через посредников) и зависимостью от посредника.

Эта зависимость, по нашему мнению, создает на этой стадии развития, из совокупности мелких хозяйств—„систему" мелких хозяйств, об'единенных по линии сбыта тому или иному посреднику, капиталисту, либо государственному, кооперативному или общественному учреждению. Признаком, отличающим „фабрику" в понимании *Бюхера* (т. е. мануфактуру и фабрику в нашем понимании) от подобного рода „систем"—является об'единение работающих „в одном и том же при-

---

[1]) *Отчет Генерального Комиссара выставки Х. В. Николаевского о Всеросс. Куст.-Пром. выставке в Петербурге, в 1902 г.* Г. У. З. и З. *Отд. сел. экон. и сельско-хоз. статистики. Отчеты и изследования по куст. пром. в России.* Том *VIII. Спб. 1907, стр. 285.* Приводя это определение, как такое, которое „принято" прилагать к кустарной промышленности, *Николаевский* указывает на то, что „промыслами для своих потребностей занимается, как известно, почти вся крестьянская Россия; промыслами же коллективными заняты только отдельные группы кустарей, нередко имеющие слабую связь с земледелием", и полагает, что „срединой между этими двумя крайними формами... т. е. между „домашней" и „коллективной", переходящей в фабрично-заводскую, надо считать массовое производство кустарных изделий на рынок кустарями крестьянами, у которых коре ное занятие лежит в земледелии и побочное в кустарничестве".

[2]) См. об этом разнообразии определений у *А. А. Рыбникова* Цит. соч., стр. 9.

[3]) *Х. Бюхер.* Там же, стр. 156

[4]) *Х. Бюхер.* Там же, стр. 157—158.

[5]) *Х. Бюхер.* Там же, стр. 158.

надлежащем предпринимателю заведении“, что влечет за собою сплочение „разнородных рабочих... в одно организованное и дисциплинированное целое“, снабжение их „сложным аппаратом механических средств производства“ и „в сильнейшей степени усиливает их производительность“[1]).

Таким образом, к кустарной промышленности отходит у *Бюхера* и вся область так называемой „домашней формы крупной промышленности“, каковая, как увидим далее, отличается существенными чертами от вышеуказанной „системы“ мелких хозяйств, т. е. от об'единения мелких хозяйств только по линии сбыта.

Определение *Туган-Барановского*, в общем, сходно с определением *Бюхера*. И тот и другой специфической чертой кустарной промышленности считают зависимость последней от посредника, и тот и другой отметают форму домашнего производства для собственного потребления, т. е. слабо дифференцированные формы мелкого производства, при которых продажа промышленных изделий носит случайный характер. Наконец, и *Туган-Барановский*, также как и *Бюхер*, причисляет к кустарной промышленности всю область „домашней формы крупной промышленности“. Согласно классификации *Туган-Барановского*, наиболее свободная форма кустарной промышленности наблюдается тогда, когда кустарь „или сам добывает сырой материал, или покупает его на стороне, а выработанный продукт продает торговцу по своему выбору“; следующей, переходной к „зависимой“ форме является та, „при которой кустарь покупает за свой счет сырые материалы на стороне, но поставляет свой товар всегда одному и тому же капиталисту“. При дальнейшей, еще более зависимой форме, кустарь покупает сырой материал у того же торговца, которому он продает свои продукты („продажный вид зависимой формы“), и, наконец, последней формой является та, при которой „кустарь получает от капиталиста-заказчика сырой материал и обрабатывает его за сдельную плату‘ („наемный вид зависимой формы“)[2]).

Приведенное выше разсмотрение отдельных определений кустарной промышленности указывает, насколько неопределенным и неудовлетворительным с научной и практической точки зрения является термин „кустарная промышленность“.

Даже в определении *Туган-Барановского*, разделяемом многими экономистами, этим термином охватываются и мелкие хозяйства, об'единенные лишь по линии сбыта какому-либо посреднику, и так называемые „кустари“, работающие, либо у себя дома, либо в особых „светелках“, на крупного предпринимателя промышленника. В других же определениях, как мы указывали ранее, под понятие кустарной промышленности подводятся кроме того не оторвавшиеся от сельского хозяйства слабо дифференцированные формы мелкого производства, носящие подсобный к сельскому хозяйству характер и случайный характер продажи, и даже в некоторых случаях под него подводится и ремесло. В результате мы получаем, как указывает *Н. Ленин*, „абсолютно непригодное для научного исследования понятие под которое подводят обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой в очень крупных мануфактурах“[3]).

Из всего сказанного выше, по нашему мнению, вытекает, для

---

[1]) *К. Бюхер.* Там же, стр. 158.
[2]) *М. И. Туган-Барановский* Цит. Соч., стр. 164—166.
[3]) *Н. Ленин.* (*В. Ульянов*). Собрание сочинений, Т. III, стр. 168. Госиздат, Москва 1924 г.

будущих статистических исследований, совершенная необходимость радикального пересмотра понятия „кустарная промышленность“ и возможно большего его уточнения.

Мы полагаем, что в решении этого вопроса можно идти одним из следующих двух путей: а) точно очертить границы понятия, связанного с прежним словоупотреблением, произведя детальное выделение из его области ряда форм промысловых занятий, или б) совершенно упразднить самый термин „кустарная промышленность“, заменив его рядом отдельных определений, отнесенных соответственно к тем формам промышленности, которые были под этим термином об‘единены.

Идя первым из этих путей, попытаемся теперь, на основании вышеизложенного анализа, установить основные вехи.

С точки зрения производственной, кустарная промышленность не отличается от ремесла. Это—типичное мелкое производство, с эмпирической техникой и с таким сочетанием производственных факторов, при котором продукты его являются результатом труда не коллективного, а единичного рабочего.

Как форма хозяйства, имеющая своей основой крупный,—народный, а иногда и мировой рынок, она характеризуется исключающей непосредственную связь с потребителем хозяйственной зависимостью от того или иного посредника по сбыту своих изделий, будь-то частного скупщика—торговца, или же какого либо государственного, кооперативного или общественного учреждения.

Характер междухозяйственных связей, т. е. зависимость от того или иного скупщика, создающая об‘единение, территориально изолированных хозяйств по линии сбыта, управляемого тем или иным посредником, не влияет на форму кустарного производства, на размеры и технику изолированных кустарных производств.

Но, как только об‘единение охватило и сферу производства, как только состоялось такое об‘единение, при котором управление процессом труда стало единым, мы получим уже не совокупность отдельных кустарных производств, не их „систему“, а „единство“, *одно* производство, и при том уже не кустарного типа.

Хотя бы пространственно эти „кустарные“ производства и были изолированными, но как только управление процессом труда для них стало единым, они составят уже только одну производственную единицу и при том не мелкую, а крупную и принадлежащую не к „индивидуальной“, а к „общественной“ форме производства.

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что так называемая „домашняя форма крупной промышленности“ не должна быть относима к кустарной промышленности, каковая представляет типичное мелкое производство, с эмпирической техникой, индивидуальным характером производства и отсутствием хоть сколько-нибудь значительной капитализации имущества. При „домашней форме крупной промышленности“ мы имеем уже *одно* производство, производство крупное, в каковом неизбежны—рационализация техники и разделение труда. Здесь мы уже имеем завершившееся исчезновение отдельных мелких кустарных производств и отдельных мелких кустарных предприятий, поглощение их крупным производством и превращение кустарей в рабочих и в служащий персонал крупного предприятия (хозяева „светелок“, „мастерки“ и т. д.). С точки зрения историко-экономической, кустарная промышленность представляет ту ступень, которой предшествует либо ремесло, либо—непосредственно форма производства для домашних потребностей, и которая в процессе развития, переходит в „домашнюю форму крупной промышленности“,

каковая, в свою очередь, переходит в форму мануфактуры или фабрики. Вкратце, различия между ремесленным и кустарным предприятием, этими двумя формами мелкой промышленности,[1]) сводятся к следующему:

а) у ремесленника рынок крайне мал. Это—соседи заказчики и потребители ближайшего рыночного пункта. У кустарной промышленности—рынок народный или даже мировой;

б) в противовес разсеянности по стране отдельных ремесленных предприятий, кустарные предприятия явственно обнаруживают территориальную концентрацию, вызываемую территориальной специализацией по определенным отраслям кустарного производства. Мы здесь наблюдаем образование, в зависимости от тех или иных местных естественно-исторических и экономических особенностей (близость районов добычи сырья, близость распределительных пунктов, слабое развитие земледелия и т. д.), особых кустарных гнезд, кустарных районов—районов металлических (Павловский, Тульский, Уральский, Кузнецкий, Ярославский, Череповецкий и др.) лесохимических центров (Северный, Казанский, Ветлужский и др.), районов деревообделочных, кружевных и т. д.;[2])

в) ремесленник отличается весьма большой степенью своей хозяйственной самостоятельности, он непосредственно связан с потребителем, тогда как между кустарем и потребителем всегда стоит разделяющий их посредник. Зависимость кустаря от посредника может принимать разнообразные формы, начиная от такой, при которой он, или сам добывая сырой материал или покупая его на стороне, выработанный продукт продает торговцу по своему выбору, и кончая такой, при которой кустарь покупает сырой материал у того же торговца, которому он продает свои продукты;

г) кустарная промышленность—форма более близкая к крупной индустрии, чем ремесло. Ремесло переходит либо в кустарную, либо в мелко капиталистическую промышленность. Кустарная же промышленность—ступень, непосредственно переходящая в форму „домашней формы крупной промышленности". И кустарная и крупная промышленность имеют одинаковые источники происхождения, кустарная промышленность во многих случаях предтеча крупной индустрии, необходимое предварительное условие ея возникновения.

Как говорит *Подгуг*,[3]) индустриализация „происходит между прочим путем кустарной экспансии и врастания ее в индустрию. Своих основных путей кустарная промышленность ищет не вне крупной индустрии, а внутри ее и рядом с ней, на той же территории и в тех же экономических условиях".

---

[1]) *Мелкая промышленность* обнимает собою не только ремесло и кустарную промышленность, но и форму „общественного производства в мелких размерах" (тип мелких фабричек или заводиков), форму мелких государственных и кооперативных предприятий, а также мелких частных капиталистических предприятий. Здесь руководство уже вполне отделено от исполнения.

[2]) См. об этом *А. А. Рыбников* „Мелкая промышленность и ея роль в возстановлении русского народного хозяйства" Москва, 1922.

[3]) *Н. Подгуг*. „Государство и кустарная промышленность". „Социалистич. хозяйство", кн. IV, 1925 г., стр. 161.

Проф. В. Н. Перцев.

Дантонисты в брюмере и фримере II года.

(К вопросу о причинах зарождения дантонистской фракции).

Дантон, как и *Робеспьер*, принадлежит к числу деятелей, вокруг которых до сих пор ломаются литературные копья. Политическая и даже личная физиономия его до сих пор не может считаться выясненной. У него есть свои горячие апологеты и свои не менее горячие обвинители. При этом апологетов у него, пожалуй, больше чем обвинителей. По крайней мере среди них мы найдем наиболее крупные имена в историографии французской революции. Его восхвалял *Мишле*, называя „политической головой, готовой принять все разумное" и „трогательно стремившейся к примирению партий". Его необычайно высоко ставил *Кине*, находя, что из всех деятелей революции он один стоял на реальной почве, между тем как другие витали в области иллюзий и фантазий (не исключая, по мнению Кине, и Робеспьера). За тот же самый реализм хвалил *Дантона* и *Сорель*, говоря, что „в его предложениях не было ничего абстрактного и химерического" и что „они были совершенно практичны, совершенно реалистичны". Из более новых историков с нескрываемой, хотя и осторожной симпатией относится к Дантону *Олар*, который[1]) прослеживает все политическое поведение Дантона шаг за шагом. Олар называет самые колебания Дантона в вопросе о республике „колебаниями мудреца и государственного человека", хвалит его за то, что он не хотел войны при реакционном министерстве и стал высказываться за войну с тех пор, как министрами стали жирондисты, ибо он держался мнения, что война должна вестись в пользу нации, а не в пользу короля. Олар считает Дантона настоящим организатором 10-го августа, хотя и признает, что перед самым переворотом Дантон удалился из Парижа, находит совершенно недоказанными и клеветническими все слухи о подкупности Дантона и о его намерениях возвести на престол Орлеанскую династию и оправдывает его от всякого соучастия в событиях 2-го сентября, доказывая, что Дантон всеми мерами стремился ограничить сентябрьские убийства и ввести их в рамки хотя бы некоторой законности.

Высоко ставит Дантона также и *Жорес*, особенно в первый период его деятельности, до того времени, когда он перешел в оппозицию Робеспьеру. Жорес хвалит его „революционный смысл" во время бурных событий лета 1792 г. и находит, что только благодаря ему, благодаря его кипучей энергии, Франция сравнительно безболезненно

---

[1]) В „Очерках и лекциях по Истории Французской революции", но не в своем большом труде („Политическая история революции").

пережила это бурное время. Он называет его „удивительным примером революционной смелости", „отважным легистом", считая одной из его главнейших заслуг умение сочетать революционную энергию с творчеством новых законных норм. Подобно Олару Жорес обеляет Дантона от обвинений за сентябрьские дни, возлагая ответственность за них на Марата и отчасти на Робеспьера. Однако, Жорес порицает дантонистов за их оппозицию Робеспьеру в последний период их существования, находя, однако, что сам Робеспьер в то время не знал, куда ему нужно было вести Францию.

В сравнении с этими высокоавторитетными голосами апологетов Дантона—доводы его порицателей звучали, казалось, не особенно доказательно. Они исходили, по большей части, из лагеря врагов якобинизма вообще, которые не делали большого различия между отдельными якобинскими фракциями и свои упреки, направленные против всех якобинцев, обращали и на Дантона (Тьер, Тен, Лоренц Штейн и друг.). Только самое последнее время, когда более внимательно были рассмотрены с самых разнообразных точек зрения документы, касающихся деятельности Дантона, голоса обвинителей стали звучать более авторитетно. Из историков последнего времени более всего внимания уделил Дантону известный профессор дижонского университета *Матьез* (Mathiez). Спорных вопросов о Дантоне и дантонистах он касается как в ряде статей, помещенных в его журнале Annales historiques de la Rev. francaise[1]), так и в сборнике Autour de Danton (Raris, 1926 г.). Дантон выставляется Матьезом в очень неблагоприятном свете. „Это был ненасытный искатель наслаждений", говорит он в упомянутом сборнике, „который обогащался, ловя рыбу в мутной воде, искусный революционер, который получал деньги от двора через посредство Талона, признавшегося в этом под присягой перед судом эпохи консульства... Дантон пытался вытянуть два миллиона у Питта, чтобы спасти Людовика XVI. Он имел постоянные сношения с эмиграцией, через своего секретного агента медика *Шевеле* и бывшего депутата Теодора де-Ламета, нарочно приехавшего из Лондона для переговоров с ним. Он покровительствовал и шантажировал всех по очереди поставщиков и банкиров, он также заставлял платить себе двор и эмиграцию".[2]) Дантон, по мнению Матьеза, был в курсе и переговоров Дюмурье с австрийцами, и потому его обвинения в связях с жирондистами приобретают большую доказательность. Жирондисты потому согласились на назначение Дантона министром юстиции в Исполнительном Совете, что надеялись с его помощью спасти короля. Он не брезгал самыми нечестными способами для личного обогащения. После того как французские войска вступили в Бельгию, Дантон устроил так, что для него было послано белье, принадлежавшее правительнице Нидерландов и стоившее 300 тыс. франков. Вопреки Олару Матьез поддерживает высказывавшееся и раньше мнение, что Дантон выдвигал кандидатуру Орлеанской династии на престол и говорил будущему королю французскому Луи-Филиппу (22 или 23 сент. 1793 г.), что „те, которые сражались под трехцветным знаменем, имеют большие шансы, чтобы царствовать". Особенно невысокого мнения Матьез о политической роли Дантона в эпоху фракционной вражды среди якобинцев. „Он группировал кругом себя всех недовольных:—роялистов, обещая им возвращение эмигрантов и реставрацию,—федералистов, обещая им амнистию,—коммерсантов и промышленников и во-

---

[1]) Особенно важны статьи: Le comité de salut public et le complot de l'etranger (Juil.—août, 1926) Etudes sur la Terreur (cept.—oct. и nov.—dec. 1926 и mars—avril 1927.

[2]) Autour de Danton, Paris, 1926, p. 8

обще собственников, обещаясь разрушить максимум, торговые регламентации и революционные законы,—всех подозрительных, привлекая их перспективой открытия тюрем (en faisant miroiter devant leurs yeux l'ouverture des prisons)[1]). Он начал атаку на революционное правительство в самый опасный для него момент—момент вандейского восстания и тулонского мятежа. Многое вообще, говорит Матиез „указывает на сомнительные происки человека, который пользовался своим революционным прошлым, чтобы подготовить мир и возвращение монархии“[2]).

В нашу задачу не входит здесь более или менее подробное рассмотрение всех этих многочисленных обвинений, возводимых Матьезом на Дантона. Мы указали на общее мнение Матьеза о Дантоне лишь затем, чтобы выяснить тот общий фон, на котором Матьез рассматривает некоторые более частные стороны деятельности Дантона и дантонистов. Именно, нас интересует в настоящей статье, каково было то социальное окружение, среди которого действовал Дантон и возглавляемая им группа, ибо указанные статьи и книга Матьеза для разрешения этого вопроса дают отчасти новый, отчасти трактуемый с новых точек зрения, хотя уже известный и прежде материал. Вопрос о том, к какой социальной группе принадлежало окружение Дантона, вопрос чрезвычайно важный, ибо он помогает разобраться в трудной проблеме о классовой природе дантонизма. Этого вопроса, однако, кроме Матьеза, до сих пор почти никто не касался. Лишь Генрих Кунов в своей интересной книге, озаглавленной в русском переводе „Борьба классов и партий в великой французской революции“[3]) попытался определить социальную природу дантонизма. Но он сделал это исключительно на основании журнального и газетного материала, а потому и выводы его оказались односторонними и недостаточно обоснованными. К дантонистам Кунов относит представителей „беднейшей академической интеллигенции“ и „так называемых либеральных профессий“, т. е. „громадную часть молодых адвокатов и врачей, литераторов, художников и т. д., академических преподавателей, за исключением университетских светил“ и т. п.[4]) Это мнение Кунова едва ли может быть признано правильным. Во первых, к его обоснованию Кунов не привлек достаточно полно и хорошо подобранного материала; во вторых, едва ли правильно рассматривать среднюю интеллигенцию, как самостоятельный класс. По своим общественным и политическим симпатиям она сама разбивалась на несколько групп, связанных с теми или иными слоями тогдашнего общества. Если некоторая часть „представителей либеральных профессий“ действительно поддерживала Дантона (что Куновым не доказано), то делала она это лишь потому, что политика Дантона удовлетворяла требованиям тех общественных кругов, которые были связаны по своему социальному и экономическому положению с этой средней интеллигенцией. Между тем Кунов дает очень мало данных для определения экономических желаний этих кругов. Он доказывает, что „дантонисты были добрыми почитателями буржуазной собственности“, что по их взглядам „равенство имуществ невозможно и безсмысленно“, что они „выдвигали на первый план обеспечение доходов и промысловой свободы“;[5]) но кто

---

1) Ibidem, p. 9.

2) Ibidem, p. 9.

3) В подлиннике в первом издании книга озаглавлена „Революционная журналистика во Франции в 1789-94 г. г.“, а во втором—„Партии Вел. Французской Революции и их пресса“.

4) *Кунов*. Борьба классов и партии, стр. 276, Москва, Госиздат, 1923.

5) Ibidem, стр. 283.

из якобинцев в это время не был защитником частной собственности и не считал безсмыслицей экономическое равенство? Того же довода, что дантонисты были противниками сурового долгового права и что они, в противоположность жирондистам, не стояли на страже интересов „делового капитала“[1]) (это тоже только утверждается, но не доказывается Куновым),—еще слишком мало, для того, чтобы относить дантонистов к какому нибудь определенному общественному классу.

Совершенно иначе подходит к вопросу о социальной природе дантонизма Матьез. Он не задается с самого начала никакими широкими обещающими целями и не пытается об‘яснить поведение дантонистов одной формулой. Но он собирает—скропулезно и тщательно детальный материал, касающийся личной и общественной деятельности отдельных деятелей, близко стоявших к Дантону, выбирая свои данные из самых разнообразных источников, и на основании этих данных вырисовывается картина, которая позволяет в конце концов сделать некоторые обобщающие заключения.

Матьез обращает особенное внимание на то, что Дантон был постоянно окружен спекулянтами, подрядчиками, биржевиками и вообще темными дельцами. Его друзьями и сотрудниками были очень подозрительные в смысле личной честности и замешенные во взятках люди. Особенно большое значение Матьез придает делу Ост-Индской компании. Это дело—с первого взгляда незначительное, имело однако, по мнению Матьеза, колоссальные последствия и, по своим конечным результатам, послужило причиной разделения Горы на отдельные фракции.

Еще в июле и в августе 1793 г., когда цены на все продукты быстро росли и в стране назревал голод, группа депутатов, которые позднее почти все вошли в ряды т. н. „снисходительных“ (т. е. дантонистов) и еще позднее разделили с Дантоном его участь на эшафоте,—Делоне, Фабр-д'Эглантин, Жульен из Тулузы, Шабо, Базир и нек. др.—, предприняли поход против ряда финансовых обществ того времени (общество страхования жизни, страхования от огня и др.), обвиняя их в том, что они уклонялись от платежа налогов, содействовали уплыву французских денег во вражеские страны и т. п. Поход этот носил явно недобросовестный характер, потому что, нападая на эти компании, означенная группа в то же время играла на бирже на понижение их бумаг. Между прочим компаниями нападениям подверглась и богатая Индийская компания, на дела которой были наложены печати. Ее обвиняли, между прочим, и в том, что она финансировала казненного короля. Характерно при этом то, что вся эта группа депутатов была в сущности лишь игрушкой в руках некоего барона *Баца*, замечательного по своей смелости и наглости биржевого и коммерческого дельца того времени. Счастливыми спекуляциями ему удалось составить себе состояние еще до войны. Он ворочал деньгами нескольких финансовых компаний (общества парижских вод, общества страхования жизни), обладая большей частью их акций. Он был депутатом Конституанты и в качестве такового проник в Комитет ликвидации пенсий, выслуженных при старом режиме, причем будучи монархистом до корней волос, он воспользовался своим служебным положением, чтобы задержать эту ликвидацию. Скоро, однако, он принужден был эмигрировать. Но после событий 20-го июня 1792 г. он вернулся во Францию, чтобы предложить королю свои услуги, за что получил от него 512 тысяч ливров. В момент 10-го августа он принужден был

[1]) Ibidem, ст. 283.

эмигрировать, несмотря на то, что пользовался большим доверием нового жирондистского министра Клавиера; но в январе 1793 г. он вернулся обратно и пытался освободить короля в самый день его казни. Он ускользал от всяких преследований, потому что имел покровителей и в Коммуне, и в полиции, и в парижском департаментском управлении. Его конфидентом был Бенуа, старый агент Дантона и интимный друг Делоне. Этим Бенуа Дантон пользовался для своих переговоров с Лондоном и с герцогом Брауншвейгским; он же, Бенуа, „был главной пружиной шантажа, применяемого против финансовых компаний и биржевых операций, простор для которых открывал этот шантаж“[1]). Около середины августа 1793 г. за столом у него встретились видные дантонисты—Шабо, Делоне, Жульен, Бенуа, литератор Лагарп и др., причем Матьез высказывает предположение (il est probable)[2]), что речь шла о спасении жирондистов и королевы. По крайней мере позднее Шабо сообщал, что Бац предлагал 1 миллион ливров тем, кто осмелится спасти королеву. По доносу слесаря Zingrilet (сделанному им 9 апр. полицейскому комиссару секции Люксембург), который случайно подслушал разговор между Бацом и его другом маркизом de la Guiche, Бац в доме этого маркиза заявил, что он пожертвует всем своим состоянием на поддержку федералистического движения в департаментах, на спасение жирондистов и на разрушение „козней“ монтарьяров, а одна из его соучастниц (некая Fontanges) выражала надежду, что „если Бац станет во главе наших проэктов, то мы спасем Францию“. Обыск, произведенный у Баца по этому доносу не дал никаких результатов, после чего он продолжал видеться со всеми своими соучастниками—депутатами Конвента. Вся эта история с бароном Бацем очень характерна, как показание того, в каком обществе вращались Дантонисты.

Что касается до дела Индийской Компании, то и здесь окружавшие Дантона его друзья и сотрудники вели себя совершенно скандальным образом, заявив себя в качестве шантажистов, взяточников и спекулянтов. По требованию указанной группы депутатов (Шабо, Базир, Жульен, Делоне и друг.) дела Индийской компании было предписано ликвидировать, но эти лица, игравшие раньше на бирже на понижение ее бумаг, теперь стали спасать ее, и Делоне представил довольно льготный проэкт ее самоликвидации, а Фабр-д'Эглантин (давнейший друг Дантона, бывший в 1792 г. при нем, как при министре юстиции, первым секретарем), который сначала настаивал на суровых условиях ее ликвидации через посредство государственной власти, внезапно изменил фронт за взятку. По его настоянию декрет о ликвидации дел компании был принят в суровой форме, но это было сделано только затем, чтобы демонстрировать влияние и значение Фабра. Когда же Конвент передал свой декрет для окончательной редакции в комиссию, членами которой был сам Фабр-д'Эглантин и Делоне, то последние под видом редакции конвентского декрета совершенно изменили его текст в пользу компании,—именно ликвидация через посредство органов государственной власти была заменена самоликвидацией на льготных условиях, как это первоначально предлагал Делоне, а штрафы и налоги, падавшие на компанию, были сняты. Из данных этого дела и из признаний, сделанных впоследствии Шабо, выяснилось, что Базир, Шабо и Жульен вытянули от Индийской компании за такой оборот дела 500 тысяч ливров, при чем, изменчивое поведение Фабра об'ясняется тем, что он сначала не был допущен к

[1]) Mathiez. Le Comité de salut public et le complot de l'etranger, An. hist., juil-août, 1926, 317.

[2]) Ibidem, 317.

участию во всех этих комбинациях, а затем Делоне согласился уделить ему часть из взятки в 500 тысяч ливров.

Дело, однако, грозило вскрыться, так как Эбер и его друзья хотели вывести всю эту компанию мошенников (fripons) на чистую воду. Сам Дантон стал подвергаться нападкам со стороны эбертистов. Тогда Фабр-д'-Эглантин совершил новое предательство. Чтобы застраховать себя от нападок со стороны эбертистов, он сам перешел против них в наступление и донес одновременно и на тех, которые в то время считались сторонниками крайней политики (среди них было несколько богатых иностранцев, близких друзей Анахарсиса Клоотца—Proli, Desfieux, Dubuisson и др.), и на своих недавних друзей—Шабо, Жульена, и др.,—обвиняя одних в том, что они были агентами враждебных правительств, а других в связях с банкирами и подкупности. Этим доносом Фабру удалось выпутаться, ибо в то время (октябрь 1793 г.) Робеспьер и Сен-Жюст сами искали поводов для того, чтобы перейти в наступление против крайних, и донос Фабра на эбертистов пришелся как нельзя более кстати. Его пример соблазнил Шабо, который решил пойти по его пути, и, расчитывая спасти себя, донес на барона Баца, обвиняя его с одной стороны в организации подкупов с помощью Делоне, Бенуа и Жульена, а с другой—в стремлении дискредитировать республику, подталкивая крайних (т. е. эбертистов) проводить ряд мер,—революционных по виду, но по существу приводящих Францию к экономическому расстройству (строгое проведение закона о максимуме, реквизиции и т. п.). Донос Шабо поддержал и Базир, кроме той части его, которая касалась эбертистов. Таким образом, эта группа бесчестных деятелей, живших шантажами и доносами, дискредитировала себя устами лиц, вышедших из ее собственной среды, и это подтвердило правильность направленных против нее эбертистами обвинений.

Во время этой склоки оказались серьезно затронутыми и эбертисты. Они были обвинены в связях с иностранцами, и среди этих иностранцев были действительно очень подозрительные люди, как бельгийский банкир Proli, его друг Desfieux и др. Эбертисты обратились за защитой к Робеспьеру, и Робеспьер их защитил, но, защищая, он не преминул (в речах, произнесенных в фримере II-го года) выяснить многие слабые стороны их политики. Здесь мы не имеем места более подробно говорить об этой защите. Отметим только, что эта защита по существу носила характер унижения для эбертистов, ибо она была пересыпана обвинениями их в возбуждении народа против революции путем неудачной дехристианизаторской политики. В этом отношении политика Робеспьера по отношению к эбертистам в фримере была продолжением его брюмерской[1]) политики, которая ни в коем случае не свидетельствовала о добрых отношениях между робеспьеровцами и крайними.

Из всего этого Матьез делает вывод, что дело Индийской компании и связанные с ним доносы Фабра-д'Эглантина, Шабо и Базира положили начало разделению Горы на партии. Оно поссорило группу нечестных депутатов Конвента,—личных и политических друзей Дан-

[1]) Очень интересен разговор, который вели 17 брюмера (7 ноября) Ан. Клоотц и Робеспьер, после того как Клоотц с друзьями добился отречения парижского епископа Гобеля. Робеспьер упрекал Клоотца в том что он отталкивал своими гонениями на христиан бельгийцев, а между тем он сам же настаивал на необходимости вступления французских войск в Бельгию. „Почему, говорил Робеспьер, Вы отталкиваете бельгийцев, оскорбляя предрассудки, к которым они так привязаны". „Но дело уже сделано,—отвечал Ан. Клоотц, нас уже тысячи раз называли нечестивцами". „Да,—возразил Робеспьер, но до сих пор не было фактов"... (Annales historiques, juil.—août, p. 313).

тона—с эбертистами и принудило последних искать поддержки у центра, т. е. у Робеспьера, но поддержка была оказана в такой унизительной форме, что эбертисты обиделись и затаили злобу против робеспьеровцев.

Нам кажется, что Матьез придает несколько преувеличенное значение делу Индийской компании. Оно было не более, как поводом, заставившим отдельные группы Горы вспомнить о более глубоких и основных причинах вражды между ними. Но для нас важно в данном случае то окружение, среди которого действовала группа Дантона и на котором Матьез останавливается гораздо более внимательно, чем делали это его предшественники по изучению великой французской революции. Это—окружение спекулянтов, шантажистов и прямых мошенников. Было ли это случайностью? Едва-ли. Спекулянты, скупщики и подрядчики, вообще новая крупная буржуазия, расцветавшая в условиях революционного времени, наживавшаяся на крупных подрядах для армии, на незаконной скупке товаров, не брезговавшая и шантажем, стремившаяся задушить старые коммерческие и финансовые фирмы (вроде Индийской компании и страховых обществ), более беззастенчивая в своих действиях, чем старая буржуазия,—искали для себя опоры в соответствующих политических деятелях и стремились направить в нужную для себя сторону линию революционной политики. Для них нужна была свобода действий, стеснявшаяся революционными законами, и в соответствии с этим группа дантонистов и теперь—в начале фракционного расхождения (октябрь—ноябрь 1793 г.)—и позднее выступает противницей режима диктатуры и террора. Матьез избегает широких обобщающих картин, но те многочисленные и на первый взгляд мелочные факты, которыми он в изобилии насыщает свои статьи, очевидно имеют целью представить политику, проводимую Дантоном, как политику, благоприятствующую спекуляции и всякого рода наживам, в которых незаконное перепутывали с законным, и выплывали наружу и преуспевали беззастенчивые дельцы вроде барона Баца и нечестные политики вроде Фабра д'Эглантина. Так, когда в конце брюмера II года один из честных умеренных—Филиппо-предложил, чтобы Конвент обязал всех своих членов сделать заявку о размерах их состояния, то Базир, Шабо и друг. выступили с резким протестом. „Патриоты, заявил Базир,[1]) не должны подвергаться судебным придиркам и преследованиям. Нет ни одного франта (muscadin), который бы не радовался, видя, как всходят на эшафот те, которые начали революцию, которые первые заложили фундамент свободы.[2]) Благодаря протестам этой группы предложение Филиппо было отклонено. Приблизительно в это же время Шабо, подвергавшийся резким нападкам в Конвенте[3]), сам перешел в наступление и стал обвинять оба

[1]) О Базире у Матьеза есть интересная статья в сборнике Autour de Danton (Paris 1926 г., 11-66). Его отец был самым богатым суконщиком г. Дижона, мать также принадлежала к богатой фамилии (Michelet). Его брат унаследовал отцовское состояние и вел удачные спекуляции с покупкой и перепродажей земель, составив себе довольно большое состояние в эпоху распродажи национальных имуществ. Сам Клод Базир (член Конвента) был, однако, расточителем, кутилой и вообще человеком довольно безпорядочного образа жизни, за что его состояние было у него отнято в пользу его жены по постановлению семейного совета, утвержденному позднее судом дистрикта. Это не помешало, однако, Базиру потом, когда он вошел в силу и стал членом Комитета Общественной Безопасности, вести довольно широкий образ жизни. Он даже дал своей жене 7 тысяч ливров, откуда-то добытых им. Дело Индийской компании и друг. финансовых обществ бросает свет на то, откуда у Базира могли взяться деньги.

[2]) Mathiez, Le comité de salut public etc., p. 324.

[3]) Он был женат на сестре богатого банкира де Шенфельда и получил от него 200 тысяч ливров в приданное. Он содействовал отпуску на свободу роялистов и был сильно замешен в деле Индийской компании.

Комитета (т. е. Комитет Общественного Спасения и Комитет Общественной Безопасности) в диктаторских наклонностях. И Базир, и Шабо требовали, чтобы к депутатам относились с осторожностью и не арестовывали их по ничтожным поводам. По настояниям Шабо, 18 брюмера (8 ноября 1793 г.) было вынесено общее постановление, что ни один депутат Конвента не может быть послан в Революционный Трибунал, не будучи предварительно выслушан в собрании. Скоро, однако, это постановление по настоянию эбертистов было отменено.

Нужно иметь в виду, что все эти выступления Базира, Шабо и их друзей в пользу свободы были слишком неискренни, слишком явно носили характер самозащиты для того, чтобы внушить к себе серьезные симпатии. Как людям очень состоятельным, и Базиру и Шабо, и их ближайшим друзьям предложение Филиппо делать заявки о размерах состояния было опасно; как людям, имевшим основания бояться судебных и политических преследований, им было важно добиться депутатской неприкосновенности. Незадолго до этого и Базир, и Шабо, подвергались преследованию за покровительство аристократам и биржевикам. 14 сентября 1793 г. оба они были исключены из числа членов Ком. Общ. Безоп., в котором они состояли с 17 окт. 1792 г. Через месяц после этого оба они подверглись временному аресту за дело Индийской Компании. Нужно при этом заметить, что в предшествовавшее время Базир не отличался большой мягкостью по отношению к своим врагам. Еще в 1789 г., состоя в штабе национальной гвардии и военной полиции г. Дижона, он настаивал на задержании представителей аристократии, а позже, в мае 1792 г., он, выставляя себя крайним патриотом, писал дижонским якобинцам: „не следует рассчитывать на Национальное (Законодательное) Собрание; патриоты имеют поддержку только в провинциальных друзьях конституции“[1]). Под влиянием этого письма в Дижоне было арестовано до 50 „аристократов“. В апреле 1793 г., проезжая через Дижон по дороге в Лион, куда он был послан с миссией, он в местном клубе сообщал в резких выражениях о „кознях“ федералистов и жирондистов и требовал решительных мер против них. Неудивительно, поэтому, что искренность протестов Базира и Шабо против тирании вызывала большие сомнения, тем более, что не только они, но и многие другие из тех, кто выдавал себя за „снисходительных“ (indulgents), были известны жесткостью по отношению к своим врагам, как мы это увидим несколько ниже.

Для выяснения социально-экономических взглядов дантонистов в этот период очень характерны заявления, сделанные в это время самим Дантоном. Он вернулся в Париж 30 брюмера (20 ноября 1793 г.) из Arcis-sur-Aube, где он до этого времени отдыхал. Он вернулся с целой программой, главный принцип которой заключался в „снисхождении“ к врагам якобинского правительства. О намерениях и мыслях Дантона в это время очень интересные сведения сообщает Гара, преемник Дантона в качестве министра юстиции в Исполнительном Совете (позднее с 22 янв. по 20 авг. 1793 г. министр внутренних дел). По словам Гара, Дантон имел в виду восстановить „господство законов и справедливости для всех, милосердие для врагов,—возвратить в лоно Конвента всех тех его членов, которые были из него изгнаны, примирившись с ними и даровав им амнистию, подвергнуть самому глубокому рассмотрению со стороны представителей Франции, со стороны самой Франции и Европы конституцию 1793 г., сочиненную

---

[1]) Mathiez. Autour de Danton, p. 51—52.

5-ю или 6-ю молодыми людьми в 5 или 6 дней....., предложить мир державам Европы, продолжая с ними сражаться, *восстановить торговлю и промышленность из их развалин путем предоставления им неограниченной свободы* (курсив мой, В. П.), поднять искусства и науки из их обломков путем великолепных поощрений, уничтожить все преграды, которые разделяют отдельные департаменты, ликвидировать все преследования со стороны тех, которые ищут в портфелях и на карточках доказательств цинизма,[1]) забывая, что цинизм может быть действительным только в душах свободных от преследования,— считать единственной хартией безопасности республики добрые законы, доброе правительство, наши армии, наши победы."[2]) Далее Дантон имел в виду „открыть общение и понимание между левой стороной и теми членами правой стороны Конвента, которые уцелели, чтобы уничтожить разделение, предоставлявшее их деспотизму обоих комитетов"[3]).

Таким образом, Дантон принял теперь участие в той Компании в пользу более либеральной политики, которую раньше его открыли Шабо, Базир и друг. и взял их персонально под свою защиту. Только эту либеральную политику Дантон вел более искусно, чем его друзья: он старался привлечь на свою сторону Робеспьера, поддерживая его борьбу с эбертистами и требуя прекращения гонения на католиков. Но это было только тактическим приемом. По существу же, взяв под свое покровительство всех депутатов-дельцов, всех замешенных в разного рода коммерческих и финансовых операциях, Дантон вел свою собственную политику. В речи произнесенной II фримера (1 декабря 1793 г.) в Конвенте, он стал нападать на предписания некоторых комиссаров Конвента, требовавших сдачи золота в обмен на ассигнации. „Представители народа, восклицал он, издали законы о смерти из-за денег... Теперь, когда федерализм разбит, революционные меры должны быть необходимым следствием наших позитивных законов... С этого момента всякий, кто выдает себя за ультра-революционера, придет к результатам столь же опасным, как и вполне определенный контр-революционер. Об'явим, что никто не имеет права произвольно применять законы к гражданину".[4])

Речь Дантона имела успех, и исполнение указанных предписаний комиссаров было на время приостановлено. В дальнейшем дантонисты стремились к тому же ослаблению режима диктатуры, развязывающему руки частной инициативе, требуя освобождения заключенных из тюрем, ослабления системы террора и устранения из обоих Комитетов террористических элементов. Здесь в мою задачу не входит рассмотрение политики дантонистов вообще, равно, как перепитий борьбы дантонистов с робеспьеровцами и эбертистами. Я имел в виду только указать на некоторые факты, собранные в различных статьях Матьеза и выясняющие ту социально-политическую обстановку, среди которой дантонисты выделились из общей массы якобинского Общества в отдельную фракцию и зародилась их идеология. Моя работа поэтому касается только начальных моментов фракционного расхождения якобинцев, т. е. брюмера и фримера II года (ноября-декабря 1793 г.). При этом я имел в виду лишь в самых общих чертах указать на связь между основными чертами экономических взглядов дантонистов и

[1]) Удостоверения цинизма (свидетельства о политической благонадежности) писалось на отдельных карточках.
[2]) Mathiez. Les ihdulgents, An. hist., sep.-oct., 1926, p. 419.
[3]) Ibidem, p. 420.
[4]) Ibidem, 421.

основами их политической идеологии, не задаваясь целью подвергать последнюю сколько-нибудь обстоятельному рассмотрению[1]). Я имел в виду выяснить, что режим свободы в области экономических отношений, которого добывались дантонисты в угоду нарождавшейся новой буржуазии, был тесно связан с соответствующим либеральным политическим аксессуаром, и потому защита свободы торговли и индустрии приводила Дантона и к борьбе против системы террора и диктатуры. Но связав свою апологию свободы и свою проповедь примирения защитой явно безчестных людей вроде Фабра, Базира и Шабо, Дантон скомпрометировал в глазах своих современников самую идею милосердия, требуя ее применения к недостойным. Еще более скомпрометировали эту идею многие из дантонистов, которые будучи посланы с миссиями в провинцию, вели себя там с необычайной жестокостью. Так депутаты Барра и Фрерон, будучи посланы с миссиями в Тулон подвергли туземцев самым кровавым репрессиям. Также действовали они в начале плювиоза (т. е. в конце января 1794 г.) в Марсели, осудив сотни местных жителей на гильотину и освобождая за деньги посаженных в тюрьму ими самими местных купцов, что вызвало протест местных патриотов. За все эти действия Комитет Общественного Спасения вызвал их для оправдания в Париж, где они сумели представить себя жертвами ультра-революционеров и увеличили собой ряды „снисходительных", несмотря на свои далеко не „снисходительные" действия в Марсели и Тулоне.[2]) Вообще, в конце 1793 и начале— 1794 г. г., когда страна кипела страстями, когда повсюду, не исключая и самых глухих углов Франции, шла ожесточенная борьба между „крайними" („ultra") и „умеренными" („citra") флаг модерантизма и снисходительности был часто лишь прикрытием для того, чтобы с наибольшей жестокостью расправиться с побежденными „крайними" и ни в коем случае не свидетельствовал о действительной мягкости тех, которые поднимали этот флаг.[3])

Все это приводит к выводу, что идею мира и милосердия дантонисты выдвигали далеко не из принципиальных соображений, а только тогда, когда ее применение было выгодно им по соображениям фракционной тактики. В других же случаях многие из них оказывались более жестокими, чем принципиальные защитники террора.

---

[1]) Потому же я не касаюсь и тех сторон политической идеологии дантонистов, которые были так ярко развиты К. Демуленом в его „Старом Кордельере", тем более, что они были и раньше изучены, и Матьез, подвергая политическую идеологию дантонистов в одном из номеров своих Annales historiques довольно тонкому анализу, дает, однако, довольно мало нового.

[2]) См. о поведении дантонистов в провинции, статьи Mathiez'a „Les citra et les ultra", sept.—oct. 1926, отчасти La chutte des factions, mars-avr., 1927, Annal. historique.

[3]) См. упомянутые ст. Матьеза Les indulgents, les citra et les ultra и la chutte de factions.

М. Гольман.

К вопросу о законе неравномерного экономического развития и о формах его проявления.

(По Марксу и Ленину).

СОДЕРЖАНИЕ:

1. К постановке проблемы.

Проблема теоретического анализа закона неравномерного развития капитализма и исследования в свете этого закона конкретных особенностей экономической эволюции отдельных отраслей и целых стран в капиталистическом мировом хозяйстве—совсем еще недавно поставлена в современной марксистской литературе. Именно поэтому обширный круг главнейших вопросов, охватываемых этой проблемой, не успел еще быть в сколько-нибудь значительной мере исчерпанным. Из немногочисленных работ, посвященных интересующей нас теме, заслуживают быть отмеченными только две: 1) Книжка Бессонова „к вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме“, 2) Статья Айхенвальда и Борилина в № 2 „Под знаменем марксизма“—„о неравномерности экономического развития при капитализме“. Если автор первой книжки делает интересные попытки теоретического анализа, вскрывая скачкообразность технического прогресса, условий его замедления и приостановки его при капитализме, в свете марксовой теории воспроизводства, то авторы второй статьи ограничиваются эмпирическими задачами несколько поверхностного описания структурных неравномерностей мирового капиталистического хозяйства. Последние два автора почти не пытаются проникнуть во *внутреннюю закономерность* развития этих структурных неравномерностей и постигнуть действительный ход мыслей Маркса и Ленина по этому вопросу (ни одна из этих

мыслей Маркса, между прочим, не была вовсе приведена этими авторами). Между тем, сколько-нибудь углубленному изучению конкретного материала о неравномерности развития отдельных частей мирового или национального капитализма должно предшествовать ясное представление о том, *как и когда и в какую эпоху народного хозяйства возник закон неравномерного экономического развития,* в чем его *техническое содержание и экономическая форма,* каким модификациям это содержание и форма его проявления подвергаются при различных уровнях производительных сил и разных способах производства и в какой, наконец, связи находится этот закон с основным законом товарно-капиталистического хозяйства—законом стоимости. И после того, как опираясь прежде всего на гениальные мысли Маркса и Ленина в этом вопросе, можно будет уяснить его *сущность* и условия его *изменяемости,* только лишь тогда нетрудно будет обнаружить в том и другом комплексе конкретных неравномерностей отдельных отраслей мирового капитализма *определенную* закономерность и реальную форму проявления закона неравномерного экономического развития. Такого рода методологические предпосылки должны определять основной маршрут исследования о законе неравномерного развития. Но исходя именно из этих предпосылок, заранее приходится констатировать всю обширность исследуемого вопроса, а потому и ограничить содержание предлагаемого краткого очерка лишь теоретической постановкой рассматриваемой проблемы с привлечением некоторого иллюстративного материала. В полном соответствии с подобным самоограничением и был избран автором вышеприведенный заголовок настоящего теоретического этюда.

2. Закон стоимости и естественные условия, как основа неравенства экономических уровней в эпоху простого товарного хозяйства.

По мере того, как товарный способ производства вытеснял натуральные формы хозяйства, сознательное общественное регулирование производства и распределения продуктов в об'единенной общине уступало место стихийным законам, регулирующим производственные и социальные отношения между раз'единенными товаропроизводителями. Всестороннее общественное разделение труда в товарном хозяйстве пришло на смену незначительной специализации в натуральном производстве. Развитие общественного разделения труда в свою очередь усиливало элементы несоответствия между разными отраслями товарного хозяйства, связанными между собою только через рынок и регулируемыми законом стоимости, внешне проявляющимся в движении рыночных цен. Поэтому-то *неравномерность развития товарного хозяйства представляет собою, повидимому, обычную диспропорциональность отдельных отраслей товарного производства, подверженных всем превратностям рыночной стихии.* Но подобное определение годилось бы только для товарного хозяйства одной страны, где имеются данные естественные условия или для ряда стран с однородной географической средой,—(климат, почва, береговые линии и т. д.) Неравномерность же, или точнее, *неравенство экономического уровня* ряда стран в эпоху товарного хозяйства не может быть выведено только из закона стоимости, так как страны с умеренным климатом, более плодородной почвой и богатыми запасами ископаемых (металла, угля и проч.) затрачивают различное необходимое и прибавочное рабочее время, создавая, при прочих равных условиях, больший прибавочный продукт, а следовательно и более ускоренный темп раз-

вития. Маркс следующим образом определил условия подобного неравенства экономических уровней отдельных стран: „различие естественных условий труда приводит к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах не одинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным". (Капитал т. I стр. 494 ГИЗ 1925 г.)

Таково значение естественных условий. Но экономическое развитие древней Греции было более высоким по уровню, чем современные ей Египет и Персия, не только благодаря различиям естественных условий, но и в силу разницы тех общественных условий, при наличии которых величина прибавочного продукта Греции была относительно большей по отношению ко всей массе производимого годового продукта, чем в Египте или в Персии. Однако, так как в развитии технического базиса простого товарного хозяйства не могло быть резких качественных скачков до изобретения машин, а сам технический базис товарного производства во всех отраслях находился на достаточно низком и приблизительно одинаковом уровне[1]), то, несмотря на определенные различия естественных и социальных условий в отдельных странах, неравенство их экономических уровней в рассматриваемую эпоху простого товарного хозяйства не могло быть особенно значительным.

Стало-быть, неравенство экономических уровней отдельных стран в эпоху простого товарного производства определялась:

1) разнообразием естественных условий,

2) законом стоимости,

3) воздействием общественной надстройки, могущей задержать *временно* или стимулировать развитие производительных сил. Но с тех пор, как товарная форма стала всеобщей формой производства, рабочая сила—товаром, рынок быстро перерастает национальные границы, охватывая весь земной шар. Производство и реализация прибавочной стоимости становится *единственным* стимулом расширенного капиталистического воспроизводства для всемирного рынка, а неравномерность экономического развития в эту эпоху подвергается таким своеобразным модификациям, что отождествлять ее с обычной диспропорциональностью в товарном хозяйстве было бы уже совершенно недостаточно.

Правда, естественные условия все еще продолжают играть значительную роль в неравномерности и капиталистического развития. Маркс по этому поводу писал: „Раз дано капиталистическое производство, то при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда, и, между прочим, от плодородия почвы". („Капитал" т. I стр. 474 изд. 1909 г.).

В этом смысле характерным примером неравномерного развития является гигантско-быстрый рост производительных сил в С.-А. С. Ш., в значительной мере вследствие больших, чем в какой-бы то ни было другой стране, рессурсов ископаемых всех видов:

---

[1]) Напомним, что различия в производительности труда определялись в первую очередь продолжительностью рабочего времени, степенью интенсивности и умения в навыках ручного труда и в уровне технического разделения труда. (Ср. ремесленное производство).

Мировые рессурсы ископаемых[1])
(в миллиардах тонн):

Страны	В переводе на условное топливо.						В %%-ах к мировому итогу.					
	Нефть	Уголь	Дерево	Торф	Жел. руда	Вода	Нефть	Уголь	Дерево	Вода	Торф	Жел. руда
Весь мир	12,16	7575	52,4	0,208	32,5	1,29	100	100	100	100	100	100
САСШ	0,909	2800	3,5	0,004	6,35	0,15	7,3	47,2	6,7	11,4	2,1	19,
СССР	4,31	394	17,0	0,162	0,62	0,05	35,3	6,6	32,3	3,8	78	[2])1,9
Китай	0,31	930	—	—	0,4	0,05	2,6	15,6	—	3,8	—	1,2

Таким образом, 47,2% мировых запасов угля, 19,5% железа, 7,3% нефти, 11,4% водной энергии и 6,7% древесины—оказались на территории С. А. С. Ш., составляющей 1/20 земной поверхности с 6% мирового населения. Такие естественные условия, при отсутствии задерживающих экономическое развитие феодальных пережитков, сохранившихся в XIX в. в Западной Европе, сыграли не последнюю роль в *быстроте* развития капитализма С.-А. С. Ш. в XIX веке. Поэтому об'яснять неравномерность технического прогресса *только* анархией производства и конкуренцией (как это делают т. т. Борилин и Айхенвальд), было бы неправильно.

Маркс писал: „Так как развитие производительных сил труда происходит *очень неравномерно* в различных отраслях промышленности, при *противоположном* направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (прибавочная стоимость) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительных сил в наиболее передовых отраслях промышленности. Если развитие производительной силы труда в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, то это вытекает *не только* из анархии, конкуренции и из своеобразия буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с *естественными* условиями, которые часто становятся менее выгодными параллельно повышению производительности труда, поскольку последняя зависит от *общественных* условий.

Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других *(Маркс „Капитал“ т. III стр. 241*, Курсив мой М. Г.*)*.

Из этой цитаты также ясно, что *не всегда* естественные условия влияют на неравномерность, а лишь при определенных *общественных* условиях. В не менее благоприятных, чем С.-А. С. Ш., естественных условиях находились Россия и Китай. Однако, на примере с Китаем можно нащупать уже определенный предел влияния естественных условий на неравномерное развитие производительных сил при капитализме.

В самом деле, естественные рессурсы и естественные географи-

---

[1]) (По данным, приведенным в хрестоматии Н. Морозова и Юньева: „Экономическая география“. 1926 г. стр. 185, 190, 193, 197, 200, 220, 231. Составлено на основании английских и американских источников).

[2]) Без Курской аномалии.

ческие условия Китая были не менее благоприятны, чем С.-А. С. Ш., тем не менее в Китае к концу XIX века капитализм не вышел из эмбриональной стадии развития в то время, как японские острова, лишенные всех естественных преимуществ, представляли уже в этот период хозяйственную территорию для стремительно и неравномерно развивающегося капитализма, совершившего свой исторический пробег быстрее ближайших европейских собратьев, благодаря более или менее *своевременному* переходу к буржуазным общественным реформам.

Социальная оболочка полуразрушенного феодализма, поддерживаемая западно-европейским финансовым капиталом, сковывала капиталистическое развитие производительных сил в Китае и тормозила его темп настолько, что благоприятные естественные условия не могли быть как следует использованы и нисколько не помешали задерживающему влиянию иностранного империализма и туземного феодализма на экономическое развитие Китая.

Следовательно, в то время как *естественные условия* играли *доминирующую* роль в неравенстве экономических уровней разных стран при товарном хозяйстве, в капиталистическом хозяйстве роль естественных условий хотя и не устраняется, но *уменьшается* по сравнению с возрастающим для неравномерного развития значением общественной надстройки. Это положение станет очевидным, если мы остановимся на основных факторах неравномерного развития при капитализме—на скачкообразности технического прогресса и особенностях расширения рынков.

3. Скачкообразность технического прогресса и расширения рынка, как основа неравного развития капитализма.

С расширением внутренних и внешних рынков, началом технических изобретений, введением машин и проникновением их во все отрасли производства,—развитие отдельных отраслей народного хозяйства в эпоху капитализма принимает *качественно* отличный характер от эпохи простого товарного хозяйства: оно *становится скачкообразным*. Отдельные отрасли развиваются скачкообразно в силу расширения старых и захвата новых рынков и применения всякого нового технического усовершенствования. Например, после введения прядильных машин Аркрайта в Англии,—бумаго-прядильное производство за десять с лишним лет увеличило свою продукцию в несколько раз в то время, как другие отрасли развивались более равномерно, плавно и медленно.

В основе *усиления* (по сравнению с простым товарным хозяйством) *неравномерности* развития отдельных отраслей капиталистического хозяйства лежит *скачкообразность* роста технического базиса этих отраслей, при чем эта скачкообразность, (обусловливаемая не только анархией и конкуренцией, но и естественными условиями),—находится в свою очередь в сложном взаимодействии с процессом *толчкообразного расширения внутреннего и внешнего рынка*.

Лучше всего это взаимодействие скачкообразности развития техники и рынка можно проиллюстрировать данными о жел. дор. строительстве. (Ср. замечания Ленина о неравномерности роста ж. д. в „Империализме"). Колоссальный рост ж. д., как известно, явился следствием применения паровой машины для сухопутного транспорта и усовершенствования паровоза, а, с другой стороны, этот рост ж. д. стал одним из условий *расширения* для промышленности внутреннего и внешнего рынка, емкость которого могла быть охвачена полностью сбытом продукции капиталистической индустрии только лишь при помощи развитой сети железных дорог.

Длина железной дороги во всем мире

(в километрах):

(По данным Кальвера „Мировое хозяйство накануне XX века“).

Годы	Километры	Годы	Километры
1830	352	1870	220.000
1840	8.641	1880	370.000
1850	40.000	1890	610.000
1860	110.000	1902	900.000

В том числе: В Америке — 450.000
В Европе — 300.000

Неравномерное развитие железнодорожного строительства, совершая скачки по 100—200—300 %% за десятилетие, одновременно свидетельствует о взаимодействии скачкообразного роста мирового рынка, быстрого *расширения* поля капиталистического производства и применения более усовершенствованных орудий производства в рассматриваемый период[1]) в тех отраслях индустрии, которые снабжают жел. дор. всеми необходимыми материалами и орудиями.

Рассмотрим теперь отдельно вопрос о причинах скачкообразности расширения внутреннего и внешнего рынков.

Скачкообразность роста внутреннего и внешнего рынка проистекает из того, что капитализм не повторяет одни и те же процессы производства в прежних размерах, при *неизменных условиях* (как это было в до капиталистическом хозяйстве), а бесповоротно развивает производство, перерастающее старые, узкие рамки хозяйственных единиц.

„При свойственной капитализму неравномерности развития— писал Ленин *(Развитие капитализма в России стр. 147)*—еще в конце 90-х г.г. прошлого столетия—одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений... Возьмем, например, текстильную индустрию в начале пореформенной эпохи. Будучи довольно высоко развитой в капиталистическом отношении, она вполне овладела рынком центральной России. Но крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетворяться прежними размерами рынка, они стали искать себе рынка дальше среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, Заволжье, Северный Кавказ и Сибирь...“

Это не значит, что прежние районы рынка потеряли возможность расширяться. Разложение крестьянства и рост торгового земледелия продолжали расширять внутренний рынок старых районов. Но это расширение задерживается сохранением феодальных социальных отношений, между тем как—

„фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок ста-

[1]) Ср. список технических усовершенствований (с 1830 г. до 1879 г.) в железной промышленности у Вейца „Производ. силы мир. хоз. 1927 г.“ Стр. 216. Важнейшие из них: бессемирование (1856) мартенирование (1864) и томасирование (1879).

рого района, то они будут искать его в другом районе, в других странах, или в колониях старой страны.“ (Там-же).

Именно в этом смысле Маркс впервые и сформулировал закон неравномерного развития капитализма:

„Но так как капиталистическое производство может развиваться только в известных сферах, при определенных условиях, то вообще невозможно было бы капиталистическое производство, если бы оно должно было бы *одновременно и равномерно* развиваться во всех сферах“. *(„Теории прибавочной стоимости“ т. II, ч. 2 стр. 197).*

Формулировку этого закона неравномерного развития отдельных отраслей капиталистического производства дал Ленин еще в 1897 году в общеизвестных спорах с русскими представителями экономического романтизма:

„В развитии этих двух отделов (производства средств производства и производства предметов потребления—М. Г.) капиталистической продукции не только не *необязательна,* следовательно, равномерность, а, напротив, *неизбежна неравномерность.* Известно, что закон развития капитала состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т. е. все большая и большая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготовляет средства производства. Следовательно этот отдел необходимо растет быстрее того отдела, который изготовляет средства потребления“.

Таким образом, самый обычный тип неравномерного развития капитализма—это неравномерность в развитии отдельных отраслей капиталистической индустрии—это более быстрый темп роста производства средств производства, чем предметов потребления. Но в силу возрастания органического строения капитала этой отрасли, норма прибыли, регулирующая переливание капиталов в различных частях капиталистического хозяйства, все более и более понижается, это обстоятельство повело бы к отливу капиталов из промышленности, изготовляющей средства производства, если бы понижение нормы прибыли не компенсировалось бы увеличением ее массы, и если бы не было других причин, рассмотренных Марксом (в III-м томе „Капитала“ в ч. I), противодействующих закону падения нормы прибыли. Однако, тенденция к снижению нормы прибыли влечет за собою еще *более быстрый и неравномерный рост отдельных отраслей индустрии со стремительным поиском новых рынков,* темп расширения которых все замедляется, что приводит к коллизии между размерами бесконечно расширяющегося производства и менее энергично расширяющимся рынком и выражается, как известно, в кризисах.

„Для того, чтобы при уменьшающейся норме прибыли масса прибыли оставалась неизменной, множитель, показывающий возрастание всего капитала, должен быть равен делителю, показывающему понижение нормы прибыли.

Если норма прибыли понижается с 40 до 20, то для того, чтобы результат оставался прежним, весь капитал должен, наоборот, возрасти в отношении 20:40. Если бы норма прибыли понизилась с 40 до 8, то капитал должен был бы возрасти в отношении 8:40, т. е. в пять раз.“ *(„Капитал“ т. III ч. I стр. 202.)*

Стало быть, чем более основательным становится прогресс техники в промышленности, тем более скачкообразным становится расширение производства вследствие закона тенденции нормы прибыли к понижению.

4. Экстенсивное и интенсивное развитие капитализма и их взаимодействие.

Неравномерность развития капиталистической индустрии складывается по линии: 1) толчкообразного расширения рынков—(экстенсивное развитие); 2) скачкообразной технической реконструкции—(интенсивное развитие); 3) противоречивое взаимодействие обоих путей.

Напомним, что, по Марксу, расширенное воспроизводство в каждой стране совершается в увеличенных размерах—

„увеличенных экстенсивно, если расширяется поле производства; увеличенных интенсивно,—если применяются более действительные средства производства". *(Маркс „Капитал" т. II стр. 143).*

Образчиком экстенсивного расширения поля капиталистического производства является экспорт товаров и капиталов на внешние рынки—колонии. Такое развитие имеет своим пределом мировой рынок с его противоречивым и скачкообразным расширением до границ предельной емкости. Скачкообразность первоначального расширения мирового рынка можно до некоторой степени проиллюстрировать следующими общими данными о развитии мировой торговли *(Кальвер „Мировое хозяйство к началу XX века" стр. 46)*:

Годы	Миллиард. марок	Годы	Миллиард. марок
1860 . .	29	1893 . . .	68
1867-68 . .	44	1894 . . .	68
1869-70 . .	46	1895 . . .	71
1880 . .	63	1896 . . .	74
1890 . .	71	1897 . . .	76
1891 . .	73	1901 . . .	91
1892 . .	69	1902 . . .	94

Первые два десятилетия мировой обмен совершил в своем развитии скачок на 60-80 % в десять лет, а всего более, чем на 100%. Зато в последующие два десятилетия и к концу XIX в. процесс развития мирового рынка чрезвычайно замедляется или почти совсем приостанавливается (1892-1895). Лишь с конца 90-х г. г. с эпохой империализма, характеризуемой окончательным разделом рынков и преобладанием экспорта капиталов на внешние рынки, поощряющим экспорт товаров, дальнейшим ростом монополий, введением электродвигательной силы, удешевляющей издержки производства,—развитие мирового рынка опять совершает некоторый скачок на 30% за довольно короткий промежуток времени (1896-1902).

Первоначальную скачкообразность развития мирового капитализма можно было бы отчасти проиллюстрировать нижеследующей таблицей экспорта капиталов: (Ленин—„Империализм" стр. 63)—(до войны).

Капиталы, помещенные за-границей.
(в милл. франк.)

Годы	Англия	В $^0/_0{}^0/_0$	Франция	В $^0/_0{}^0/_0$	Германия	В $^0/_0{}^0/_0$
1862 .	3,6		—	—	—	—
1872 .	15		1869-10	—	—	—
1882 .	22	100	1880-15	100	—	—
1893 .	42	190	1890-20	133	—	—
1902 .	62	280	27-37	166	12,5	100
1914 .	75-100	452	60	500	44	452

Начиная, примерно, с середины 80-х г. г. и позже (эпоха империализма) неравномерность экспорта капиталов, а, следовательно—экстенсивное развитие,—совершает скачки на 90%, 150% и даже—350% (Германия). Это расширение поля капиталистического производства вызывает, понятно, усиление темпа капиталистического развития той страны, куда эти капиталы ввозятся, а, следовательно, неравномерность развития отдельных секторов мирового хозяйства усиливается.

Неравномерность развития акционерного капитала в промышленных предприятиях России:
(по данным Ischchanian'a стр. 237)

Годы	Основной капитал	В $^0/_0{}^0/_0$
1893 . . .	—	—
1894 . . .	546	100
1895 . . .	638,6	116
1896 . . .	814,3	149
1897 . . .	1001,8	183
1898 . . .	1237,9	226
1899 . . .	1579,3	290

Из этих цифр видно, что в годы капиталистической индустриализации России (1893-1899 г. г.) годовой прирост основных капиталов в русской промышленности выражался в 16%, а за 1897-98 г. г.—43%. Такого рода неравномерность промышленной революции России в эти годы, чем позже, тем значительнее, и совершает, наконец, в 1899 г. скачок в 64% в год. Однако, как известно, дальнейший темп промышленного развития России после кризиса 1900 г., и после окончания семилетнего застоя, не превышал 10-12% прироста капиталов в год, что, как это мы увидим потом, свидетель-

ствует уже: 1) о задерживающем влиянии империализма на темп индустриального развития стран находящихся в „переходной“ стадии зависимости от З.-Европейского финансового капитала и 2) замедлении роста внутренних рынков, в связи с монополистической структурой промышленности.

Так обстоит дело с неравномерностью развития отдельных отраслей хозяйства отдельных стран при экстенсивном развитии производства (расширение рынков).

Основной вывод о характере экстенсивного неравномерного развития состоит в том, что, в результате окончательного раздела рынков, в монополистическую эпоху мирового хозяйства, возможность внезапного *толчкообразного* расширения рынков оказывается исчерпаной и путь *скачкообразного* экстенсивного развития оказывается уже почти закрытым для капитализма. Такую возможность в свое время предвидел еще Маркс, которому и принадлежит следующая известная формулировка противоречия между способностью индустрии к безграничному расширению и все замедляющимся расширением рынков:

„Если нам ответят, что постоянно расширяющееся производство расширяется *быстрее*, нежели рынок, то этим дано лишь другое выражение явлению, которое должно быть об‘яснено: мы здесь имеем вместо абстрактной формы его реальную форму. Рынок расширяется медленнее, нежели производство... Если бы расширение рынка шло нога в ногу с расширением производства, то не было бы переполнения рынка, не было бы перепроизводства... Рынок имеет географические границы... Внутренний рынок ограничен в сравнении с рынком, который является внутренним и внешним; последний опять таки ограничен в сравнении с мировым рынком, который опять-таки в каждый данный момент бывает ограничен, хотя сам по себе он и способен к расширению“ *(Маркс „Теории прибавочной стоимости“ т. II ч. 2 стр. 191).* (Курсив мой М. Г.).

Аналогичные формулировки даны Марксом и в других местах „Теорий прибавочной стоимости“: т. II ч. 2 стр. 166, 199.

Таким образом, коллизия между темпом расширения рынков и темпом развития производительных сил будет обостряться до тех пор, пока не приведет к разрушению капиталистического способа производства:

„Способность расширения рынков, экстенсивного и интенсивного, подчиняется совершенно другим, гораздо менее энергично действующим законам. Коллизия становится неизбежной, так как она не может привести ни к какой развязке до тех пор, *пока не разрушит капиталистический способ производства* то она становится периодической“. *(Энгельс „Анти-Дюринг“ отд. III).*

В свою очередь замедление расширения рынка оказывает задерживающее влияние и на быстроту интенсивного развития производительных сил.

В связи с этим важно было бы напомнить нижеследующие гениальные предсказания Энгельса по этому вопросу („Английский десятичасовый билль“):

„Промышленность неизбежно должна прогрессировать, чтобы не оставаться позади и не клониться к упадку, а для этого она должна завоевать новые рынки, постоянно расширяться путем устройства новых предприятий. Но так как с тех пор, как Китай доступен мировой торговле, *нет новых рынков,* которые можно было бы завоевать, а нужно увеличивать использование старых, благодаря чему, рост промышленности в будущем по необходи-

мости должен быть *более медленным*, то в будущем Англия, еще в меньшей степени, чем теперь, будет склонна выносить конкуренцию промышленности другой страны.“ (Курсив мой М. Г.)

И тогда заключает Энгельс, борьба между английской и германской промышленностью может иметь один конец—раззорение слабейшего конкурента, а следовательно и социальный переворот.

Как видно будет ниже, подобное замедление расширения рынков в эпоху монополий приведет в конце концов к хроническому перепроизводству и застою промышленности, о каковой перспективе писал Энгельс (см. „Капитал“, т. III, ч. I, 423 стр., т. III, ч. II, стр. 28, примечание), а также шла речь в марксистских кругах в начале 1900-х г. г.

„Очевидно, что капиталистический способ производства станет невозможным с того исторического момента, когда окажется, что рынок не может дальше расширяться, в той же мере, как и производство, т. е. как только перепроизводство станет *хроническим*“ (Каутский „Анти-Бернштейн“ стр. 140)

Или:

„Должно настать время, и оно вероятно уже близко (1902 г.), когда станет невозможным, чтобы мировой рынок хотя бы временами расширялся более быстро, чем общественное производство и когда перепроизводство станет *для всех индустриальных наций* хроническим явлением“. *(К. Каутский. „К теории кризисов“* стр. 65-66).

Итак, скачкообразность расширения мирового рынка в эпоху монополии в конце-концов приостанавливается и совершенно исчезает, вследствии отсутствия новых рынков и переполнения старых. Но это обстоятельство в свою очередь влияет, как указал Энгельс, на замедление интенсивного развития производства (техники), и либо приводит к промышленному застою, и техническому загниванию в одних странах (Англия), либо побуждает к совершению новых и новых технических переворотов (С.-А. С. Ш.) для „использования“ старых рынков, так как „чем труднее найти новые или расширить старые рынки, то тем чаще будут применяться более действительные средства производства для понижения издержек производства“.

Послевоенное же сужение мирового рынка, вызванное разрушением производительных сил и непомерным ростом faux frais и, военных платежей, долгов, налогов и т. д., в конечном счете уменьшающих платежеспособный спрос трудящегося населения, и без того, обедневшего и раззоренного,—окончательно ставит крест над возможностью скачкообразного развития мирового рынка. *Скачкообразность развития мирового рынка в период монополистического капитализма превращается в свою собственную диалектическую противоположность —в рыночный застой, в бег на месте с небольшим цикл.* колебаниями оживления, что, как известно, подтверждается *„малярийной кривой“* кон‘юнктурных колебаний мирового рынка, едва ли достигшего в 1927 г. довоенной емкости.

На первый взгляд могло бы показаться, что с исчезновением скачкообразности расширения мирового рынка и с возможностью в связи с этим приостановки технического прогресса в некоторых странах, сам закон неравномерного развития как бы отмирает в эту позднейшую империалистическую эпоху капиталистического мирового хозяйства. Но в действительности дело обстоит как раз наоборот. Приостановка технического прогресса и медленное индустриальное развитие одной страны (например, Англии) вследствии приостановки расширения мирового рынка, не исключает, а наоборот обусловливает, как

это указывалось выше, скачкообразное развитие техники с быстрым темпом индустриального развития молодых, позднее пришедших к капитализму стран (например, С.-А. С. Ш.), в целях использования недостаточных старых рынков. Это обстоятельство, как будет видно ниже, в свою очередь не ослабляет, а *усиливает различия в быстроте роста отдельных частей* капиталистического мирового хозяйства в позднейшую эпоху империализма.

5. Влияние технического загнивания в эпоху империализма на усиление неравномерности развития отдельных частей мирового хозяйства.

Вернемся к интенсивному развитию производства, т. е. повышению технического и органического состава капитала и, прежде всего, напомним, что здесь неравномерность развития отдельных отраслей имеет место вследствие скачкообразности технического прогресса, которая (скачкообразность) в свою очередь обуславливается не только анархией и конкуренцией, но и естественными условиями.

Приведенные в начале главы мысли Маркса о *естественных* условиях неравномерности технического прогресса, имеют ввиду, главным образом, железо-рудные и энергетические рессурсы (каменный уголь, железо, нефть) в земной коре и времена года, влияющие на количестве сырья, истребление лесов и проч. В силу этого, при известных общественных условиях и наблюдается

„противоположный характер движения в этих различных сферах, прогресс в одних и регресс в других“. (Маркс „Капитал“ т. III ч. 1 стр. 241).[1])

Это различие по степени и даже по противоположности развития техники в разных сферах производства *усиливает неравномерность* технического прогресса в отдельных отраслях промышленности в целом, способствуя в то же время снижению нормы прибыли, этого основного стимула капиталистического производства.

„Так как развитие производительной силы труда происходит

---

[1]) „Общим местом“ представляются нижеследующие рассуждения авторов указанной статьи (Айхенвальда и Борилина), пытающихся найти причины неравномерности капиталистического развития только в анархической организации капиталистического хозяйства:

„На самом деле последствия анархической организации капиталистического хозяйства, особенности капиталистического типа развития производительных сил не исчерпываются одними только кон'юктурными колебаниями, характерными для промышленных циклов. Они (т.-е. последствия анархии—М Г.) находят свое отображение в самой структуре капиталистического хозяйства, они создают не только кон'юнктурные, но и структурные неравномерности“.

Основной недостаток приведенной аргументации в этой цитате состоит в том, что фигурирующая здесь ссылка на анархию производства, как на причину капиталистических неравномерностей, годна для всех эпох товарного и товарно-капиталистического хозяйства. В самом деле, в товарном хозяйстве существовала такого же рода анархия производства, тем не менее из нее не вытекало все своеобразие неравномерности развития товарного хозяйства. Если анархия производства является причиной неравномерности в эпоху и товарного и капиталистического хозяйства, то чем же определяются *специфические* черты неравномерности развития, присущие собственно-капиталистическому мировому хозяйству? Нечего уж и говорить о том, что от внимания цитированных авторов ускользнули и естественные условия, и особенности расширения рынка, и эволюция техники в эпоху капитализма, и их взаимодействия на основе закона тенденции нормы прибыли к понижению, и их влияние на модификацию закона неравномерности экономического развития в эпоху капитализма. Вот почему вульгарными являются представления этих авторов о причинах структурных неравномерностей мирового капитализма, как последствий анархической организации хозяйства. Такое определение ничего не определяет, кроме самоочевидного отказа авторов от более глубоких поисков действительных причин, вызывающих все *своеобразие* капиталистических неравномерностей.

очень *неравномерно* в различных отраслях промышленности, при том оно не только не одинаково по степени, но часто совершается в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (=приб. стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительных сил в наиболее передовых отраслях производства". *(Маркс. „Капитал" т. III, ч. I, стр. 241).*

Закон понижения нормы прибыли делает часто невыгодной всякую техническую реконструкцию одной отрасли производства, так как в одной сфере производства она влечет за собою смену старых машин, на новые более усовершенствованные, только в том случае, если стоимость машины меньше стоимости замещаемой ею рабочей силы.

„Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением. Однако, для капитала эта граница очерчивается более узко, так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машин целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы". *(К. Маркс „Капитал" т. I стр. 356).*

В другой же отрасли этот процесс в свою очередь связан *с преждевременным* обесцениванием вложенного основного капитала до истечения обычной продолжительности его жизни. Поэтому обыкновенно новые машины в других отраслях промышленности вводятся постепенно, что увеличивает неравномерность развития отдельных отраслей, так как является помехой быстрому и повсеместному распространению орудий труда:

„То обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известную среднюю продолжительность жизни, служит причиной того, что новые машины вводятся лишь постепенно и потому являются помехой повсеместному и быстрому введению усовершенствованных орудий труда" (*„Капитал" т. II стр. 147*[1]).

Таким образом, задерживающее влияние старых вложений основного капитала на интенсивное развитие производительных сил еще более усиливает неравномерность между отдельными отраслями и странами. Поэтому, более молодые страны, не связанные старыми вложениями, имеют больше возможностей для интенсивного развития производительных сил по сравнению со старыми, так как их индустриализация совершается быстрее и основательнее:

„Громадным преимуществом для нас—писал Энгельс Бебелю о Германии—является то обстоятельство, что наша промышленная революция пока еще в полном ходу в то время, как во Франции и Англии она уже в сущности закончилась, так что теперь изменения происходят там лишь медленно... и как раз природа нашей промышленности, появляющаяся на свет *так поздно*, делает революцию более основательной". *(Письма Маркса и Энгельса. 1923 г. стр. 263).*

Однако, промышленная революция в Германии не могла бы так быстро совершаться только на основе внутренних рессурсов и при наличии феодальных пережитков подобно тому, как это имело место в России в 90-х г. г. Вот почему:—

[1]) См. также „Капитал" т. I стр. 356 и т. III ч. I стр. 245.

„Наша промышленная революция (т. е. германская—М. Г.), которую двинула революция 1848 года со своими буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были), была сильно ускорена: 1) устранением внутренних препятствий в 1866—1870 г. г. (раздробленность страны—М. Г.); 2) французскими миллиардами, которые в конце концов были применены капиталистически“ (речь идет о пяти миллиардах контрибуции, заплоченной Францией Германии—М. Г.).

На этом примере, между прочим, обнаруживается и роль социальных условий в неравномерности развития капитализма, помимо того значения, которое приобретает факт отсутствия старых вложений.

Далее технический застой в таких отраслях и странах как Англия, с ее старыми вложениями, сказывается с особенной силой, как упомянуто было выше, в эпоху окончательного раздела старых рынков и отсутствия новых, т. е. в эпоху монополии. Этот технический застой принимает форму так называемого загнивания промышленности, так как: 1) сама по себе монополия тормозит технический прогресс, который в условиях монополии ведет неизбежно к снижению нормы прибыли[1]); 2) старые вложения задерживают развитие техники; 3) прежний путь быстрого экстенсивного развития производительных сил по линии дальнейшего толчкообразного расширения рынков оказывается почти совершенно закрытым. Вследствие этого, дальнейшее экономическое развитие как стран с отсталой техникой, так и более молодых стран с передовой техникой, упирается в необходимость *передела* старых, монопольно поделенных рынков.

Но подобная задержка технического прогресса, или так называемое загнивание, в эпоху империализма в странах со старыми вложениями и приостановка расширения рынков нисколько не исключает того, что в молодых капиталистических странах, не обремененных займами и военными долгами, и не связанных старыми вложениями (С.-А. С. Ш., Япония),—может в известной степени происходить на основе интенсивного развития производительных сил более или менее беспрепятственно процесс скачкообразной индустриализации, пробивающий себе путь к отвоеванию старых рынков у стран загнивающих (Англия). Этим отчасти об'ясняется тот общеизвестный факт, что С.-А. С. Ш., а особенно Германия, а затем Италия и Япония, вступившие на путь развития капитализма *позже* Англии и Франции сумели в сравнительно короткий срок (25-30 лет) не только завершить процесс капиталистической индустриализации и нагнать старые страны, но и перегнать их; не только перегнать, но и выступить к 1900 году (к началу эры империализма) и позже в качестве могущественных претендентов на монопольное обладание главнейшими мировыми рынками и территориями, поделенными к тому времени между старыми капиталистическими странами.

Это *усиление* неравномерности роста разных секторов мирового капиталистического хозяйства в эпоху империализма дает об'яснение тому факту, что неравномерность развития капиталистических стран в эту эпоху имеет *катастрофический характер* для ближайших судеб

---

[1]) Этот вывод был гениально предвосхищен в наиболее общей форме еще Марксом: „Норма прибыли, т. е. относительное возрастание капитала имеет важное значение, главным образом, для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы создание новых капиталов стало совершаться исключительно *при некоторых немногих* и без того уже *крупных* капиталах, для которых масса прибыли уравновешивает норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. *Оно погрузилось бы в сон.* (Маркс. „Капитал“ т. III ч. I, стр. 241 Курсив мой—М. Г.)

капитализма вообще, так как неизбежно ведет к необходимости передела старых рынков *путем военной силы.*

Образчиком скачкообразной индустриализации на повышенной технической основе после мировой войны является индустриализация Франции 1920-24 г. г., совершившаяся с небывалой в истории быстротой за четыре года, что, правда, отчасти об'ясняется уничтожением во время войны в северных районах старых промышленных предприятий, а, следовательно, естественностью быстрого темпа восстановительного процесса и затем индустриализации на *повышенной* технической основе.

Однако подобное *усиление скачкообразности индустриального развития молодых стран и загнивание старых,* в свою очередь, оказывает задерживающее влияние на развитие производительных сил в колониях в эпоху империализма (например в Китае), так как финансовый капитал сохраняет этим путем для себя туземное накопление в колониях, а, следовательно и экономическую гегемонию в этих колониях. Этот процесс задерживающего влияния сказывается в том, что данная страна включается в сферу раздела между империалистами—гегемонами и попадает в экономическую зависимость в непосредственной или переходной форме от стран с более высокой капиталистической структурой. Эта зависимость выражается в овладении и подчинении внутреннего денежного рынка иностранному финансовому капиталу (см. Ленин т. XII „Империализм") в установлении „дочерней" зависимости туземной промышленности[1]) и банков от иностранного финансового капитала, путем системы участия в основных капиталах или контроля над большинством акций, и, наконец, путем системы внешних займов и долговых платежей. Такого рода зависимость, если она не сопровождается политической аннексией, была названа Лениным „переходной" формой зависимости. (*Ленин, т. XIII стр. 355 т. XIX стр. 169).* Таким образом, *неравномерность капиталистического развития в эпоху империализма, как отдельных отраслей, так и отдельных стран еще более усиливается: 1) в силу сужения мирового рынка; 2) в силу того, что увеличиваются различия в быстроте роста между загнивающими старыми странами и „молодыми" с их продолжающимся техническим прогрессом; 3) по причине задерживающего влияния империализма на развитие производительных сил колоний, в*

---

[1]) В „Правде" от 4/XII-1927 г. было напечатано:

„Международный капитал в Литве".

„Шведский концерн скупил все литовские спичечные фабрики,—сообщает телеграмма ТАСС.—Все они будут приостановлены, и в ход будет пущена фабрика, построенная концерном".

„Шведский концерн" некая „Всеобщая Спичечная Компания", зарегистрировавшаяся, как французское ак ионерное общество с капиталом в 20 млн. франков, пожелала взять в аренду, как государственные спичечные фабрики во Франции, так и монопольное право продажи спичек.

„Всеобщая Спичечная Компания" оказалась филиалом огромного „Международного спичечного треста", создавшегося после слияния двух крупнейших мировых спичечных фирм—„Акционерного Общества шведских спичек" и „Американской международной спичечной корпорации". Международный спичечный трест контролирует производство и продажу спичек больше, нежели на половине земного шара. Трест имеет свои фабрики в 34 странах. Ему принадлежит монопольное право на производство и продажу спичек в Швеции, Соединенных Штатах, Чехо-Словакии, Польше, Латвии, Китае, Перу, Греции, Португалии и на Филиппинских островах.

Он имеет преобладающее значение на спичечных рынках Бельгии, Италии, Индии, Японии, Германии, Новергии, Швейцарии и Португалии. За трестом стоит группа американских банков, в которых играют руководящую роль капиталы Рокфеллера.

В руки этого финансового гиганта фактически перешла теперь вся спичечная промышленность Литвы.

технической отсталости которых империализм непосредственно заинтересован, дабы не иметь в их лице новых жизнеспособных конкурентов, что увеличивает еще больше различия в росте колоний и метрополий, несмотря на то, что в колониях капитализм растет быстрее, чем в старых странах.

Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, между отдельными монополизированными отраслями капитализма воспроизводятся в эпоху империализма во все более и более расширенном масштабе, в силу возрастающего сужения мировых рынков, что усиливает конкуренцию и борьбу между картелями и трестами за сохранение и расширение старых рынков, а это обстоятельство, таким образом, еще более усиливает неравномерность развития отдельных отраслей мирового хозяйства. В силу всех этих вышеперечисленных причин, неравномерность развития капитализма, в эпоху империализма колоссально возрастает. Поэтому, Ленин, ссылаясь на закон неравномерного развития капитализма писал в своей книге „Империализм“ о новой форме проявления этого закона в эпоху империализма:

„финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают *различия между быстротой роста разных частей мирового хозяйства*“. *(Ленин, т. XIII стр. 312).*

6. Неравномерность развития современного всеобщего кризиса капитализма.

Вышеупомянутое послевоенное застойное развитие рынка (экстенсивное развитие), в конечном счете, как известно, приводит к известному замедлению роста промышленности и технического прогресса (интенсивного развития) в старо-капиталистических странах.

Замедление роста современной мировой промышленности, в силу рассмотренных причин, может быть проиллюстрировано на следующем факте. В течение последних 50-ти лет, до мировой войны, по приблизительным подсчетам т. Варга (журнал „Мир. хоз. и мир. пол.“—№ 1 —1928 г.) рост размеров мирового производства, национального дохода, национального богатства,—исчислялся в среднем в 3% в год. Если не исключать периода войны (1914-1918 г. г.), то мировое производство должно было бы возрасти за истекшие 14 лет по крайней мере на 50% по сравнению с 1914 годом. На самом же деле в 1927 году уровень мирового производства достиг только 118% (цифра взята из „Кон'юнктуры мирового хозяйства“ № 16 изд. Госплана)—довоенного уровня, т. е. 1,2% в год, а если считать с 1918 года по 1927 г.—по 2% в год *в среднем.*

Если же воспользоваться сводными данными, опубликованными в том же номере „Мирового хозяйства“ т. Варгой, то не трудно будет оценить достигнутый уровень стабилизации.

Вот почему, как бы велики ни были социал-демократические и буржуазные иллюзии насчет успехов капиталистической стабилизации в 1923-27 г. г.—все же не может быть и речи о возможности *повсеместного* введения новой повышенной технической основы для капиталистической промышленности в Западной Европе.

Частичная стабилизация капитализма представляет собою лишь иную форму выражения определенной фазы (ослабленной замедленной) послевоенного *хронического всеобщего кризиса капитализма*, развитие которого европейская буржуазия отчасти может и пытается *затормозить* мерами *социально-экономического* давления, как например, *снижением зарплаты, удлинением рабочего дня, увеличением интенсивности труда,* некоторыми техническими или организационными нововведениями конвеер, некоторым перераспределением мировых кредит-

ных рессурсов с помощью притекающего капитала, из С.-А. С. Ш. (план Дауэса), а также посредством усиления процесса трестификации, снижающими издержки производства. Все это увеличивает норму прибыли, при невозможности увеличения ее массы. Иначе говоря, сохранение нормы прибыли $\frac{m}{c+v} = p$ посредством технической и организационной рационализации, при невозможности прежнего расширения производства (увеличение массы прибыли), выражается в следующей формуле $\frac{m+m^1}{(c+c^1)+(v-v^1)} = p$, т. е. технический прогресс сопровождается неизбежно увеличением нормы эксплоатации $\frac{m}{v}$

Все эти попытки социально-экономического давления на пролетариат могут на первое время даже и увеличить продукцию промышленности (что и имело место на самом деле). Но это обстоятельство еще больше обостряет противоречие между ростом продукции промышленности и замедлением расширения емкости мирового рынка, не говоря уже о том, что сам по себе социально-экономический нажым вызывает со стороны пролетариата нарастание социально-политического отпора (Англия, Австрия, Германия). Иллюстрируем эту мысль общеизвестными статистическими данными:

МИРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО; 1913=100.

в 1925-27

Таблица составлена по данным: 1) „Мир. Хоз. 1919-1925 г." изд. 1926, сборн. материалов; 2) „Мир. хоз. 1913-1925 г." изд. 1925, стат. сб. 3) В. Вейц „Производительные силы мирового хозяйства" 1927; 4) „Бюллетень мир. хоз." № 1-3 изд. Ин-та мир. хоз.; 5) „Кон'юнктура мир. хоз." № 1-2, 1 изд. Госплана; 6) „Плановое хозяйство" № 1-3 1928.

Годы	Англия			Германия			Франция			С.-А С. Ш.			Весь мир		
	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун
1925	84,2	96,5	60,8	93,6	103,5	93,2	150	99,6	88	103	141,2	118,8	96	111,7	92,6
1926	43,6	46,3	23,8	103	106,3	88,4	111	120	103	116	147	127	95,2	133	97
1927	86	120	69	109	86,5	120	114	121	103	105	134	115	102	131	106

Из приведенных цифр ясно, что период частичной стабилизации представляет собою лишь *некоторое оживление промышленности*, а вовсе не бурный расцвет, который обычно наступает после длительной депрессии при чередовании фаз нормального промышленного цикла. Достигнутое превышение довоенного уровня могло сложиться лишь в результате сложного взаимодействия нижеследующих двух факторов:

1) уменьшения заработной платы, увеличения рабочего дня, увеличение интенсивности труда, при сохранении и частичном обновлении старого основного капитала;

2) экономии на элементах основного капитала и других способов рационализации (технической), которые в самой общей форме рассмотрены были Марксом (в III-м т. „Капитала" ч. 1 гл. 14).

Однако, это *оживление мировой промышленности складывается как противоречивое единство двух противоположных тенденций застоя и загнивания стран старого капитализма (Англия), промышленного под'ема в С.-А. С. Ш. и в Германии.*

Необычайный рост *выработки стали* в главных странах может быть об'яснен теми же обстоятельствами, как и прирост стальной продукции накануне депрессии 1913 года, т. е. увеличением специфически военного спроса в условиях замедленно расширяющейся емкости рынка. Стремительный *рост* С.-А. С. Ш. и Германии при *застое или упадке* старых стран Западной Европы никак не может превратить

существующее мировое промышленное оживление в обычный промышленый под'ем, особенно если иметь ввиду, помимо послевоенного сужения мирового рынка, также и возрастающий социально-политический отпор мирового пролетариата.

Особое положение С.-А. С. Ш. и Японии в мировой продукции еще раз подчеркивает факт *деевропеизации* мирового хозяйства и перемещение центра мировых производительных сил в С.-А. С. Ш. Последние располагают *материальной* возможностью вытеснить из мировых давно уже поделенных рынков старо-европейские страны методом дешевых цен. Но так как новых рынков нет и не будет, а емкость старых расширяется медленнее, чем до войны, то неизбежен острый кризис, и метод дешевых цен для С.-А. С. Ш. скоро окажется уже недействительным. Тогда для С.-А. С. Ш., а может быть и для Японии, потребуется *новый передел* мировых рынков методом силы, т. е. войной, почти такой-же ход событий имел место после мировой экономической депрессии 1913 г., из которой конкурирующие германский, французский и английский империализмы пытались выйти также путем военного передела рынков. Такая перспектива и теперь весьма вероятна, о чем свидетельствуют уже более или менее заметные и *политические* симптомы.

Итак, *некоторое оживление* мирового производства, достигнутое путем главным образом социально-экономического нажима на рабочий класс, при продолжающемся застойном развитии мирового рынка, при загнивании ряда старых капиталистических стран и экономическом росте в новых странах, при возрастающем социально-политическом отпоре мирового пролетариата,—противоречивое единство всех этих элементов и составляет *социально-экономическое содержание так называемой частичной стабилизации.* Продолжительность такой стабилизации теоретически вполне уместно попытаться установить исходя из соображений Энгельса, высказанных им в 1850 г. по поводу природы будущего всеобщего кризиса капитализма в известной статье „Английский десятичасовый билль".

> „Английские промышленники, средства производства которых расширяются несравненно быстрее чем рынки, идут быстрыми шагами к тому моменту, когда их средства помощи будут исчерпаны, когда периоды процветания, разделяющия один кризис от другого, совершенно исчезнут под давлением производительных сил, достигших чрезмерного развития, когда кризисы будут *отделены друг от друга короткими периодами вялой,* едва оживляющейся промышленной деятельности, когда промышленность, торговля и все современное общество подверглись бы опасности погибнуть от избытка неиспользованных жизненных сил с одной стороны, и полного истощения населения с другой, если бы это самое ненормальное положение не заключало бы в себе средства исцеления, если бы промышленное развитие не создавало бы класса, к которому естественно должно перейти руководство обществом—пролетариату. *Социальный переворот тогда неизбежен, и победа пролетариата несомненна.*". (Курсив мой-М. Г.)

В первой половине приведенной цитаты из Энгельса, в двух кратких и выразительных фразах дана яркая и гениальная характеристика *всеобщего кризиса капитализма,* при неравномерности развитии которого (кризиса) совсем исчезают обычные для капиталистических циклов периоды процветания между двумя периодическими кризисами, а следовательно тем самым, подвергаются *качественному* изменению периодические кризисы, или вернее, последние вследствие этого пере-

растают в *хронический кризис перепроизводства с небольшими циклическими колебаниями.* В самом процессе развития этого хронического или всеобщего кризиса капитализма, характерной чертой является повторяющаяся смена только двух *специфических* фаз его развития: кризисной и вялой кон'юнктуры, со все *уменьшающимися* между ними промежутками времени, что обозначает, понятно *усиление* неравномерности развития всеобщего кризиса капитализма. Однако, если бы могли бы быть возражения, что приведенная цитата из Энгельса относится к первой половине XIX века, то двух мнений уже быть не может на счет этой же мысли, выраженной Энгельсом гораздо позднее в 1884 году:

„С тех пор, как монополия Англии на всемирном рынке все более и более разрушается выступлением на него Франции, Германии и главным образом Америки, устанавливается повидимому новая форма приведения к равновесию. Предшествующий кризису период всеобщего процветания слишком долго заставляет себя ждать. Если его вовсе не окажется, *то хронический застой с небольшими колебаниями обратится в нормальное состояние современной промышленности*". (Предисловие к „Нищете Философии" Примечания стр. 12 изд. 1906 г. перев. Засулич, курсив мой—М. Г.)

Эта же мысль была в третий раз повторена Энгельсом в 1894 в третьем томе „Капитала" в примечаниях к тексту Маркса (*т. III, ч. I, стр. 423 и т. III, ч. II, стр. 28*).

Если же теперь исходить из этих теоретических предпосылок, сформулированных Энгельсом, то кризисную кон'юнктуру всеобщего кризиса капитализма можно было бы отнести к промежутку времени между 1919 и 1921 г. г. со всеми его социально-экономическими и политическими последствиями (хозяйственный хаос, инфляция, всеобщее обнищание масс, непосредственная революционная ситуация).

Вялая же кон'юнктура в Западной Европе начинается в Европе примерно с 1922-23 г. г. и известна под названием частичной стабилизации. При чем, промежуток времени между исходным и конечным пунктом нынешней фазы всеобщего кризиса капитализма (т. е. вялой кон'юнктуры) должен быть по мысли Энгельса более коротким, чем между двумя последними периодическими кризисами, т. е. около 6-7 лет. (Последние довоенные кризисы имели место: в 1900, в 1907, в 1913 г. г.)

Но если иметь ввиду сужение географических границ капиталистического мирового хозяйства, т. е. выпадение из его сферы такого обширного рынка как СССР, то вялая кон'юнктура должна продолжаться еще менее 6-7 лет. Таким образом, конечный пункт вялой кон'юнктуры или стабилизации выпадает по всей вероятности на последнюю четверть 1928 или на начало 1929 г., когда и можно ожидать новой кризисной фазы всеобщего кризиса капитализма.[1])

---

[1]) Эти строки были уже написаны, когда в печати появилось пространное официальное сообщение агентства Вольф („Правда" от 6-го декабря 1927 г.) об угрожающей приостановке крупной железоделательной промышленности в Германии и о предстоящем локауте 300,000 металлистов. Само собою разумеется, что закрытие 30—40% германских металло-предприятий, как правильно отмечается в депеше ТАСС обозначало бы почти немедленное закрытие стольких же процентов большинства предприятий и других отраслей, т. е. представляло бы собою наиболее острую форму кризиса в Германии. Вероятнее всего, что кризис и начнется именно с Германии, потому что здесь был наибольший взлет кривой промышленного под'ема за истекший период.

Отсюда, он лавинообразно будет распространяться на те страны, экономика которых давно уже находиться в „дочерних" связях с Германией, т. е. в Австрии, Венгрии и Чехо-Словакии. Впрочем, не исключена возможность, что кризис начнется еще ранее с другого конца, с С.-А. С. Ш., но в таком случае кризис С.-А. С. Ш., который должен был наступить в 1927 г., вследствие истечения обычного семилетнего цикла, после кри-

Итак, приостановка или вернее замедление экстенсивного развития (расширение рынков) со всей силой сказавшееся после империалистической войны, влечет за собою все более возрастающее учащение мировых кризисов, и замедляюще воздействует на интенсивное развитие капиталистического производства в ряде стран, как единство загнивания капитализма в старых странах и роста техники в новых странах. При чем этот процесс задержки экстенсивного и замедления интенсивного развития с возрастающим учащением мировых кризисов перерастает в конце концов в состояние безысходного экономического кризиса, циклическое развитие которого становится все более и более неравномерным, совершаясь то более быстрым, темпом, то более замедленным темпом, то в острой, то в вялой фазе, до тех пор, пока не приведет, наконец, к крайнему обострению противоречий между национальными группами мировой буржуазии (империалистическая война), и между эксплоататорами и эксплоатируемыми,—противоречий—перерастающих в мировую социальную революцию.

7. Судьба закона неравномерного развития в переходном и социалистическом хозяйстве.

Закон неравномерного экономического развития имел различные формы проявления. В эпоху простого товарного хозяйства он проявлялся в неравенстве экономических уровней, представляя собою лишь иное выражение обычной диспропорциональности отдельных отраслей народного хозяйства одной страны (закон стоимости) и различие естественных условий ряда стран. В эпоху расцвета капитализма этот закон проявлялся:

1) в скачкообразности развития технического базиса отдельных отраслей производства (интенсивное развитие);

2) в толчкообразном расширении мирового рынка (экстенсивное развитие);

3) в усилении обычного несоответствия в развитии отдельных отраслей народного хозяйства (промышленность и сельское хозяйство) и несоответствие отдельных отраслей промышленности, вследствии задерживающего влияния на технический прогресс старых капитальных вложений (закон падения нормы прибыли);

4) в различии быстроты темпа экономического развития отдельных стран, в силу не только вышеизложенных, но также и естественных и социальных условий.

В эпоху *умирающего* капитализма, или империализма, этот закон проявляется:

1) в *усилении* скачкообразности индустриального развития молодых стран (С.-А. С. Ш., Германия, Япония), с одновременным загниванием стран со старыми капитальными вложениями, вследствии приостановки расширения старых рынков и отсутствия новых, вследствии известного влияния монополий на задержку технического прогресса, при одновременном росте техники других стран;

зиса 1921 г., еще более разрушительно отозвался бы на народном хозяйстве Германии по линии кровеносных сосудов системы плана Дауэса и экспорта капиталов, увязавших экономику Германии с финансовым капиталом С.-А. С. Ш. Из С.-А. С. Ш. кризис понятно перекинулся бы в Японию и в полуколониальные страны. Вообще, бесспорно является тот факт, что кризис в С.-А. С. Ш. и в Германии, в этих двух решающих странах мирового хозяйства, превратился бы в мировой экономический кризис большой разрушительной силы. Выход из этого приближающегося кризиса неизбежно сложился бы по линии военного передела рынков, либо между Англией и С.-А. С. Ш., либо по линии совместного с Англией насильственного открытия для капитализма рынка СССР. Какой из этих вариантов является более вероятным,—гадать сейчас трудно.

2) в *задерживающем* влиянии империализма на индустриальное развитие колониальных и полуколониальных стран, в целях сохранения их экономической зависимости (в непосредственной или переходной форме) от империализма;

3) в *усилении* обычной диспропорции между отдельными монополизированными отраслями мирового хозяйства и между промышленностью и сельским хозяйством.

Что касается переходного периода, то, так как основные законы капиталистического способа производства модифицируются или частично отмирают в переходном обществе, то этим самым, казалось-бы, закон неравномерного экономического развития отдельных стран и отдельных отраслей мирового хозяйства могут сохранить свою силу лишь по отношению к процессу взаимодействия хозяйства СССР с капиталистическим окружением. Диспропорциональность между отдельными отраслями хозяйства СССР уменьшается в противоположность капиталистическому хозяйству, и возможность скачкообразного технического прогресса всего советского хозяйственного комплекса в целом (например, непосредственный переход к электрофикации в товарном и натуральном секторах народного хозяйства), усиливаются вследствие:

1) возможности для СССР перейти к новейшему последнему *пределу* технического развития, минуя все предшествующие стадии (см. вышеприведенную цитату из Энгельса);

2) не связанности со старыми капитальными вложениями, так как ни норма ни масса прибыли не являются стимулом производства в обществленном секторе СССР;

3) доступности устранения плановым путем до известной степени прежнего несоответствия между промышленностью и сельским хозяйством;

4) возможности максимального производительного применения внутренних рессурсов и накопления во всех секторах народного хозяйства и целесообразного перераспределения национального дохода;

5) наличие благоприятных естественных условий по сравнению с другими странами;

6) наличия всех прочих преимуществ общественной формы собственности на средства производства, по сравнению с частной собственностью. Поэтому скачкообразность технического развития, а следовательно и скачкообразность индустриализации СССР, может быть гораздо более стремительной, чем в любой капиталистической стране. Но эта возможность еще более усиливает неравномерность развития отдельных секторов мирового хозяйства в переходную эпоху, не говоря уже о том, что в данном случае сам закон неравномерного экономического развития, как показал вышеприведенный пример с СССР, обращается лицом к социализму и против самого капиталистического способа производства.

Что касается *мирового социалистического хозяйства*, то с исчезновением при социализме всех законов и категорий капиталистического производства и рынка, скачкообразность *технического* развития, хотя и будет иметь место, но она станет охватывать всю данную отрасль мирового хозяйства, к которой относится, а следовательно повлечет за собою аналогичное ускорение технического прогресса и в остальных отраслях мирового хозяйства в силу их взаимной плановой связанности. Иначе говоря, *скачкообразность технического прогресса останется,* но она не будет находить свое внешнее выражение в стихийной неравномерности *экономического* развития отдельных отраслей мирового хозяйства, так как общественное производство и распреде-

ление будет организовано по плану, а различие естественных условий не будет находиться в монопольном использовании отдельных стран. Скачкообразность технического развития всего мирового хозяйства в целом в эпоху социализма будет зависеть не от рынков, не от массы и нормы прибыли, а только от научно-технических открытий и благоприятных естественно-географических условий, достижения которых сразу будут применены во всех отраслях мирового социалистического хозяйства для более полного удовлетворения возрастающих общественных потребностей, которые не будут уже выражаться в иррациональной форме платежеспособного спроса.

Таким образом, скачкообразный технический прогресс перестанет быть средством социального порабощения и экономического антагонизма в обще-человеческом коллективе, планомерно стремящемся в эту эпоху своей сознательно-творимой истории свести процесс человеческого труда воспроизводства материальных благ к поголовному участию всех в простейшем регулировании сложнейших комплексов усовершенствованных орудий. Иначе говоря, технический прогресс будет иметь своей обратной стороной уничтожение холопского разделения умственного и физического труда и уменьшение рабочего дня для всего трудящегося человечества.

Т. І. Забелы.

Асьпірант пры катэдры Гіст. Нар. Гаспад. Беларусі.

Земляўласьнік і земляроб па Статуту Літоўскаму 1588 г.

Статут 1588 г., які адбіў у сабе праўныя узаемаадносіны паміж літоўска-беларускім земляўласьнікам з аднаго боку і земляробам з другога, быў зацьверджан каралем Сыгізмундам III і ўвайшоў у сілу, як дзейнае права, у тую пору, калі ўсьлед за Люблінскай вуніяй, беларуска-літоўскай шляхце прышлося па ўсяму фронту абараняць пазыцыі, якія яна займала, як кіруючая кляса ў дзяржаве, ад прэтэнзыяў на падзел кіраўніцтва з боку „братняга народу“ шляхты польскай.

Статут 1588 г. поўнасьцю абгаворваў у сабе ўвесь той рад прывілеяў і пераваг, якімі карысталася беларуска-літоўская шляхта, і таму яна і старалася захаваць яго ў сіле блізка аж да канца існаваньня Рэчы Паспалітай Польскай, як палітычна самастойнай дзяржавы.

У гістарычнай літаратуры падымалася ужо пытаньне аб тым, ці зьяўляўся статут 1588 году крыніцай жывога дзейнага права для Літвы—Беларусі і пасьля Люблінскай вуніі, ці гэтае права заменьвалася калі ня поўнасьцю, то часткова соймавымі канстытуцыямі, якія мелі сілу абавязанасьці для Літвы—Беларусі, паколькі прымаліся на супольных для абодвых народаў соймах.

Аўтар работы на тэму „Обязательность для Великого княжества Литовского конституций вальных сеймов бывшей Речи Посполитой в связи о выморочности (кадуках) по Польско-Литовскому законодатеству“ (С. П. Б. 1897 г. Ольшамовский Б. Г.) імкнецца давесьці, што ўсе пастановы вальных соймаў былі абавязковымі для абедзьвіх дзяржаў. Ён гаворыць, што яшчэ задоўга да Люблінскай вуніі выявілася імкненьне да зближэньня Літвы—Беларусі з Польшай. Для даказаньня гэтага аўтар пасылаецца на тыя мясцы прывілеяў 1403, 1413, 1432, 1434, 1447 гадоў, у якіх гаворыцца, што паны, бароны і іншая шляхта маюць карыстацца сваім правам так сама, як ім карыстаюцца паны каралеўства Польскага. Аднак Ольшамоўскі ня правы робячы гэткі вывад з паданага палажэньня. З імкненьня літоўска-беларускай шляхты карыстацца сваім правам так поўна, як ім карыстаецца у сваёй дзяржаве суседні польскі шляхціч, ня вынікае зусім жаданьня зблізіцца з апошнім, як роўным сабе па клясавай прыналежнасьці.

Другім аргументам за абавязковасьць для Літвы—Беларусі канстытуцыяў, прынятых на вальных соймах, у аўтара памянутай вышэй працы зьяўляецца і тое, што ў канстытуцыях гэтых няма зазначэньня аб неабавязковасьці іх для Літвы—Беларусі: значыць яны зьяўляліся абавязковымы.

Вырашаючы гэтак важнае пытаньне аўтар, нажаль, і абмяжаваўся толькі паказанымі довадамі не паверыўшы на тагочасных судовых выраках, ці ужываліся гэтыя канстытуцыі на практыцы у Літве-Беларусі, ці не?

Дзякуючы гэтаму і довады яго не зьяўляюцца упэўніваючымі.

Адваротнае Альшамоўскаму стараецца давесьці ў сваёй працы „Литовский статут и польская конституция“ С. А. Бершадзкі (С. П. Б. 1893 г.).

Аўтар, маючы замер высьветліць пытаньне аб тым ці засталіся ў сіле непарушна усе праўныя нормы Статуту 1588 г., ня будучы замененымі соймавымі констытуцыямі, зварочваецца да тагочаснай судовай практыкі і толькі, як дадатковы матар'ял уводзіць тагочасныя адносіны паміж магнацтвам абедзьвіх дзяржаў, аб якіх ён гаворыць, што „в противоположность долго существовавшему мнению о добровольном братском характере Люблинской унии, современныя воззрения на этот акт, основанныя на изучении дневников этого сейма, представляют нам унию в таком виде, что едва ли после нея могло проявиться у литовцев стремление к полному слиянию юридического быта Польши с Литвою, как ошибочно утверждают писатели, знакомые с историческими событиями по сочинениям школы Нарушевича, Лелевеля и т. д.“ (стр. 31)

Бяручы паасобныя факты з судовай практыкі, аўтар прыходзіць да пракананьня, што „подобно тому, как адвокаты защищали перед судом принцип существования Литовского права, так шляхта разных воеводств в течение двух веков оберегала свои права, определенныя Литовским статутом и соответствующими сеймовыми конституциями“ (ст. 90).

Нават у тых выпадках, калі статут ня мог даць адказу пры вырашэньні таго ці іншага пытаньня, то і тагды зварочваньне да іназемнага права, згодна статуту, дапушчалася толькі ў канечным разе. „Литовский статут 1588 г., гаворыць Бершадзкі, подобно двум прежним статутам, признавая единственным источником права для всех лиц, находящихся на территории Вл. Кн. Лит., только те определения, которыя были внесены на его страницы, стоя следовательно, на почве признания территориального действия закона, не мог конечно не предвидеть, что определения его могут оказаться со временем недостаточными и что в законах окажутся пробелы. На этот случай Литовский статут постановляет, что судья обязан руководиться: во 1-х, обычным правом, во 2-х, определениями прежних статутов, в 3-х, общим смыслом законов и в 4-х, применением аналогических положений иностранного права.

Поэтому утверждать, что в „случае сомнения“ Литовский судья должен обращаться тотчас-же к польским конституциям, неправильно так, как судья должен был, в случае отсутствия, неполноты и неясности закона, идти порядком, предписанным в статуте“ (стр. 49).

Так на працягу ўсяе работы Бершадзкі цэлым радам вынятак з тагочаснае судовае практыкі і, так сама, фактамі змаганьня Беларуска-Літоўскага панства за самастойнасьць свайго права ў часе ад выхаду Статуту 1588 г. аж да апошніх гадоў існаваньня Рэчы Пасталітай, даводзіць тое, што Статут на працягу ўсяго гэтага часу зьяўляўся праваздейным, паасобных нават пунктаў якога не заменьвалі сабою соймавыя канстытуцыі.

І. Ў. Лапа у працы „Люблинская уния и третий Литовский статут“ (С. П. Б. 1897 г.) стараецца давесьці, што і пасьля Люблінскай вуніі Літва-Беларусь захавала сваё самаіснаваньне. Ужо выяўленьнем гэтага самаіснаваньня зьяўляюцца двайныя урады для Польшчы і Літвы —Беларусі. Пастанова аб недаваньні чужаземцам ураду у Літоўска-Беларускай дзяржаве застаецца ў сіле.

Даказаньнем гэтага зьяўляецца недапушчэньне на Віленскую Каталіцкую Біскупскую пасаду паляка Мацееўскага ў 1592-1600 г. г. Тое-ж самае адбылося і ў 1752 г., пры спробе прызначыць на гэтае біскуп-

ства паляка Вадзінскага, калі Віленская капітула зьвярнулася з просьбай аб падтрыманьні да павятовага сойміку і даказвала, што урады у В. К. Літоўскам маюць права займаць толькі „Літвіны“, бо Люблінская вунія „не отняла от обоих народов их имени и старых прав“.

Аб захаваньні самастойнасьці В. Кн. Літоўска-Беларускім і пасьля Люблінскай вуніі гаворыць і В. Д. Дружчыц у сваёй працы „Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі“ (працы Б. Д. У., 1925 г., № 67). У гэтай працы аўтар паміж іншым гаворыць, што „акт Любліискай вуніі, катораму прыдавалі да апошніх часоў значэньне акту, аб‘яднаўшага дзьве дзяржавы і аканчальна вырашаўшага палажэньне Літоўска-Беларускае дзяржавы ў складзе Рэчы Паспалітай, не зьяўляецца канчатковым. Грунтавацца на адных пастановах Люблінскага сойму ў вырашэньні пытаньня аб становішчы Літоўска-Беларускага княжаства пасьля 1569 г., ня прыходзіцца. Барацьба паміж княжаствам і Польшай вядзецца і пасьля Люблінскай вуніі. Вынікам гэтай барацьбы паяўляюцца новыя акты, якія корэктуюць, або ліквідуюць пастановы Люблінскага сойму. Важнейшым з такіх актаў яўляецца Трэці Літоўскі Статут 1588 г., палажыўшы асновы для дзяржаўнай незалежнасьці Літоўска-Беларускага княжаства і стаўшы грунтам і апорай княжаства ў яго барацьбе з Польшчай за сваю самастойнасьць“ (стр. 250). Такім чынам і В. Д. Дружчыц вызнае Статут 1588 за жывое дзейнае права, да якога прыбегала судовая практыка у Літоўска-Беларускай дзяржаве.

Гэтак Бершадзкі, Лапа і Дружчыц даводзяць, што Статут 1588 зьяўляўся кодэксам дзейнага права, пры чым Першадзкі вызначае, што нават констытуцыі вальных соймаў абодвых народаў, выданыя у часы існаваньня Статуту, не пашырваліся на Літву-Беларусь. Лапа гэтага пытаньня не закранае зусім. Дружчыц-жа адводзячы, як вышэй гаварылася, Статуту 1588 г. належнае месца разам з тым гаворыць, што „другімі актамі, дапаўняючымі Статут, зьяўляюцца соймавыя канстытуцыі. Але іх правільнае разуменьне магчыма толькі з дэтальным вывучэньнем дзейнасьці вялікіх вальных соймаў, соймавых дзеньнікаў, галоўных зьездаў В. Княжаства і павятовых Літоўска-Беларускіх соймікаў“ (стр. 250).

Да і Альшамоўскі, гаворачы аб абавязковасьці канстытуцыяў вальных сэймаў для Літвы-Беларусі, не гаворыць аб статуце 1588 г.

Ні адзін жа з вышэй паданых гісторыкаў ня выказаўся аб тым, што пазьнейшыя соймавыя констытуцыі адменьвалі паасобныя артыкулы статуту 1588 г. Пераважная-ж большасьць (Бершадзкі, Лапа і Дружчыц) вызнаюць Статут за жывое дзейнае права, на аснове якога вырашаліся судовыя справы.

У данам разе пытаньнем, якое будзе падлягаць нашаму разгляду, зьяўляюцца праўныя ўзаемаадносіны паміж земляўласьнікам і земляробам, як яны вызначаны ў Статуце 1588 г. і якія выніклі на грунце узаемаадносін эканамічных.

Права ўласнасьці на зямлю ў Беларуска-Літоўскай дзяржаве складае у першую чаргу прыналежнасьць прыроджанцаў яе. Гэтае права не пашырваецца на чужаземцаў. Артыкул 12 трэцяга разьдзелу вызначвае гэта выразна, дакляруючы не даваць чужаземцам дзяржаньняў, іначай кажучы, земляў у часовае карыстаньне і „вечностей жадных“—зямлі ва ўласнасьць, але „тое всё“ дакляруецца даваць толькі „литве, руси, жомоити родичом старожытным и уроженцом в. кн. Литовского и земель тому в. кн. належачых“. У самім княжастве, такім чынам, Статут ня робіць абмяжаваньняў на права ўладаць зямлёю па нацыянальным адзнакам. Падданыя усіх нацыянальнасьцяў, і літоўскай,

і жмудзкай, і земляў, якія існуюць пад назвай Русі, усе маюць аднальковае права мець ва ўласнасьці землю. Тыя-ж з чужаземцаў, якія „з ласкі гаспадарскае“ атрымаюць на ўласнасьць якую небудзь маёмасьць у гаспадарстве, для захаваньня апошняе ў сваім уладаньні маюць прыняць падданства. Такім чынам у дзяржаве ўладаньне зямлёю, ці на праве дзяржаньня, ці на праве уласнасьці было зьвязана з прыналежнасьцю даліку падданых апошняе.

Цікава паглядзець у чым выяўляецца па Статуту 1588 году гэтае права ўласнасьці. Якія яно мае адзнакі? Права ўласнасьці на маёмасьць дае магчымасьць вольнага распараджаньня ею па жаданьню ўласьніка. Гэтае права выяўляецца ў магчымасьці прадаць, памяняць, аддаць каму хочучы, адпісаць на патомкаў і інш. Гэтыя усе правы Статут 1588 г. забясьпечвае за земляўласьнікамі, нягледзячы на тыя спосабы, якімі землі ў свой час прыбіраліся да рук паасобнымі падданымі. Усе „якім кольвек обычаем“ набытыя у ранейшыя часы двары і падданыя уласьнікі трымаць могуць „сами с потомки и близкими своімі“ як цяпер, гэтак і „вечне“[1]). Гэтае палажэньне аб праве маёмасьці, як відаць вельмі цікавіла групу земляўласьніка таму, што аб гэтым гаворыцца аж ў двух мясцох Статуту. І калі вышэй паданы артыкул толькі зазначвае права уласнасьці на зямлю, „якім кольвек обычаем“ набытую, то другі гаворыць ужо аб гэтым дэтальней, пералічваючы часткай спосабы, якімі зямля набыта[2]). Сярод іх у першую чаргу пастаўлены двары, што атрыманы ў спадчыну—отчызныя і мацярыстыя, а за тым ідуць двары выслужаныя, і да апошняе групы належаць ужо „маёнткі“ „яким же кольвек обычаем и способом набытые“. Уся гэтая маёмасьць, што знаходзіцца ва ўладаньні прыватных асоб, ня гледзячы на спосаб яе набыцьця, замацоўваецца за дзяржальнікамі яе на „вечность“, як уласнасьць.

Гэтае права ўласнасьці артыкулы Статуту вызначаюць у магчымасьці аддаць, прадаць, дараваць, памяняць і на касьцёл запісаць, запісаць за доўг[3]). Гэтае права пашырваецца на маёмасьць, як купленую, гэтак выслужаную і спадчыную. Права вольнага распараджаньня пашырваецца на ўсю маёмасьць поўнасьцю:—„Уставуем іж волно каждому именьня свои отчизные матерыстые выслужаные, купленые, и яким кольвек обычаем набытые и названые несмотречы третье и двух частей, але вси вздой мом хто іх што маеть... водле воли и мысли сваее, отдати, продати, даровати, записати, заставити, от детей и близких отдалити, подле баченья своего тым шафовати“[4])... Права одпісу кожны ўласьнік мае, як вышэй гаварылася, як паасобным людзям, гэтак і організацыям. Да ліку гэткіх організацыяў адносіцца касьцёл. Гэтае права одпісу на касьцёл Статут абгаварвае асобным артыкулам зазначаючы, што „хтобы кольвек с подданых нашых хотел именье свое набытое на костел хрестиянский записати, тогды вольно будеть то ему учинити“[5])... Паколькі артыкул зазначвае касьцёл „хрестиянский“ не называючы яго рымскім альбо каталіцкім, то тут трэба разумець ня толькі каталіцкі касьцёл, але і праваслаўную царкву, якая зьяўляецца таксама, калі выказвацца мовай статуту, „касьцёлам хрестиянским“. Відно, што царква атрымлівала маёмасьць прыватных асоб па одпісу ў значным ліку, калі гэтае права уласьнікаў адпісваць і царквы атрымліваць прышлося зазначваць нават у асобным артыкуле Статуту.

Сярод прыватных асоб, якім вольна адпісваць маемась, вызна-

---

1) Разьдзел III артыкул 2.
2) Разьдзел III артыкул 41.
3) Разьдзел III артыкул 41.
4) Разьдзел VII артыкул 2.
5) Разьдзел VIII артыкул 3.

чана таксама асобным артыкулам і вольнасьць одпісу на самога гаспадара, якому могуць пераходзіць гэткім способам „маетности лежачие и рухомые“.[1])

У адносінах одпісу аднак робіцца некаторае і абмяжаваньне. Як талкаваньне артыкулу 1, разьдз. VII, які дазваляе вольна „шафовати“ усякім способам набытай маёмасьцю. Артыкул 2 VIII-га разьдзелу дазваляе вольнасьць распараджаньня толькі ў адносінах тае маёмасьці, якая набыта самою асобаю і ні ў якім разе гэтая вольнасьць „шафаваньня“ не пашыраецца на маёмасьць атчызную і мяцярыстую: „...вольно ему будеть речи свои, маетность рухомую так же и именья через него самого набытые, однак же не отчизные, а ни материстые именья кому хотечы подлуг доброе воли своее, так духовным асобам яко теж и светским записати.“ Магло здарыцца, што род вымірае і на спадчыну не аказвалася прэтэндэнтаў-кроўных. У такіх выпадках наступнікам спадчыны зьяўлялася дзяржава ў асобе гаспадара в. князя. „Которые без потомков близких щадков и наследков своих зомруть, ни на кого права своего прырожоного, выслужоного и набытого не влившы и не записавшы, бо по тых и таким обычаем именье спадком на реч посполитую, и на нас господаря великого князя и потомков нашых великих князей литовских приходять и приходити будуть“.[2]) Такім чынам права ўласнасьці на маёмасьць складалася з магчымасьцяў прадаваць яе, аддаваць, мяняць і наогул распараджвацца ею па свайму жаданьню.

Гэткаю маёмасьцю у аснове зьўяляецца зямля. Соцыяльнаю групаю земляўласьнікаў, на якую пашыраюцца ўсе гэтыя правы, што вытворваюць сабою адно права ўласнасьці была шляхта.

Уладаньне зямлёю можна разумець па рознаму. Можна уладаць толькі паверхняй зямлі без права карыстаньня тым, што знаходзіцца ў яе нетрах. З уладаньня могуць быць выняты вадзяныя прасторы, лясы з усім зьверам, які жыве ў іх. Паасобныя артыкулы, гаворачы аб шляхецкім земляўладаньні, абгаворваюць усе гэтыя пытаньні. Адпаведны артыкул, гаворачы аб гэтым, зазначвае, што права ўласьнасьці пашыраецца на грунт „зо всими пожитками, которые бы кольвек на их кгрунтех показовали, теж и крушцы всякие и окна сольные заставати мають“.[3]) Зразумела, што гэткімі пажыткамі зьўяляліся вадзяныя і лясныя прасторы з усім тым, што ў іх знаходзіцца, а таксама і нетрамі ў якіх могуць быць „крушцы“—мэталы, або соль—„окна сольные“. Такім парадкам шляхецкае права уласнасьці пашырвалася ня толькі на самую землю, але на ўсе тыя багацьці лясныя, вадзяныя, якія знаходзіліся на прыналежным асобе кавалку зямлі і на усе тыя мінэралы, што знаходзіліся ў нетрах зямляных зазначанага кавалку зямлі. Нават калі на прыналежнам каму абшары зямлі быў скарб, то ў разе вынайходжаньня яго ўласьнікам зямлі, скарб поўнасьцю прыналежаў уласьніку. Калі-ж хто знаходзіў скарб на чужой зямлі, то атрымліваў толькі палавіну яго, другую-ж палавіну атрымліваў ўласьнік зямлі, на якой знайдзены скарб:—„Уставуем колибы и трафило кому знайти в земли яки скарб: гроши, серебро, золото, або што иншое яко се притрафляет находити, тогды если на своем кгрунте найдет, маеть тому скарб быти чый кгрунт, а еслибы на чыем иншом знашол, тогды половину мает тому дати на чией земли знашол, а половину собе взяти“.[4])

---

[1]) Разьдзел III артыкул 42.
[2]) Разьдзел III артыкул 17.
[3]) Разьдзел III артыкул 217.
[4]) Разьдзел IX артыкул 30.

Тое-ж самае адносіцца і да тых выпадкаў калі скарб знаходзіўся на застаўнай зямлі. І ў такіх выпадках клад павінен дзяліцца напал. Прынцып права ўласнасьці праглядае тут у тым, што ўласьніку зямлі прыналежаць нетры зямлі, а значыць і ўсё тое, што ў іх. Калі ня ён, а нехта пабочны вынаходзіў у іх багацьце, то атрымліваў за гэта палавіну апошняга, другая-ж палавіна належыць уласьніку зямлі. Яшчэ адной адзнакай права ўласнасьці па Статуту 1588 году зьяўляецца неабмежаванасьць гэтага права часам, якое вызначана на вечныя часы: „Перакажаць им не маем часы вечными вольного уживаньня“. Гэтае „неперакажаньне вольнага ужываньня“ таксама пашырваецца на грунты, набытыя рознымі спосабамі.[1]) Права ўласнасьці з усімі магчымасьцямі, якія з апошняго выцекаюць, пашырваецца ня толькі на зямлю з яе нетрамі, але таксама на рухомую маёмасьць і на людзей.

Той жа артыкул, які дакляруе не перакажаць права ўласнасьці вечнымі часамі, выразна зазначвае, што гэтае права пашырваецца на „именья, людей и кгрунты“. У працэсе вытварэньня ўласнасьці, як юрыдычнага інстытуту, калі на практыцы адбывалася прысвойваньне зямлі аддзельнымі асобамі парадкам падараваньняў з боку гаспадара, або парадкам даўгачаснага трыманьня родам зямельнага надзелу на ўмовах вайсковае службы ці іншымі якімі спосабамі, якіх Статут ня вызначае, стварылася пэўная перамешанасьць зямельных уладаньняў. Зямельныя угодзьдзі аднаго знаходзіліся ў абкружэньні угодзьдзяў другога так, што доступ туды быў зьвязаны з прахаджэньнем праз чужую тэрыторыю. Як відно к часу выданьня Статуту 1588 году зьявішча гэтае было масавым і артыкулы закону стараюцца урэгуляваць усе спрэчкі, якія могуць узьнікнуць на грунце гэтай перамешанасьці ўладаньняў. Пры чым Статут стаіць на грунце строгай абароны права ўласнасьці абедзьвіх старон. Гэткай уласнасьцю на чужой зямлі маглі быць бортныя дрэвы, сенажаці, вазёры. Статут дазваляе тым, хто маюць борці, сенажаці, вазёры „в пущы нашой господарской, або теж княжской паньской и земяньской“, права уваходу туды праз ўладаньні чужыя „Хто маеть борти свои, або озера або сеножати, або пры сеножатех лазни у чыей пущи, тогды к озеру з неводом ехати волно а собаки ему не брати, а ни рогатины, а ни жадное стрельбы, чым бы мел в зверу шкоду учинити“. Бортнікі маюць права несьці пры сабе толькі сакеру і пешню (вялікае долата), якім яны выдоўбваюць борці у дрэве. Бортнікам жа вольна драць з ліпаў луб на лажбяни—пасуду з ліпавай кары, куды яны складаюць нагледжаны ў сваіх пчол мед, вольна браць лыкі і на „лазіва“—трэба лічыць лыкавыя вяроўкі, пры дапамозе якіх можна было падлазіць да борці. Бортнік мае права надзіраць гэтага лыка столькі „Иле им патреба будеть взяти; што можеть на себе занести, а не возом вывести“. У разе, калі дрэва з борцю паваліцца, то ўласьнік борці мае права выразаць тую частку камля, у якой знаходзіцца борць з пчоламі, і забраць яе сабе, верхавіна-ж і частка камля, якія застануцца, належаць ўласьніку пушчы. Уласьнік пушчы ня мае права чыніць шкоды бортнаму дрэву і ў тым выпадку каліб ён пушчу сваю захацеў расьцярэбліваць. Забараняе Статут падчырваць, або апальваць бортныя дрэвы тым, хто будзе разрабляць ніву, ня мае права ёй і падорваць сахою гэткага дрэва бортнага, што стаіць на яго ніве, араты павінен абыходзіць яго так, „якоі бы от сохи осном дерева досегнуты не мог“. У разе, калі дрэва усыхала, внаватыя ў утварэньні яму шкоды павінны за апошнюю плаціць.

Тыя, што маюць вазёры ў чужых пушчах, маюць права у часе

---

[1]) Разьдзел III артыкул 1.

зімніх ловаў рыбы браць дровы з пушчы для раскладаньня агню і карыты рабіць на рыбу. Не забараняецца тым, што маюць сенажаці ў чужой пушчы, браць лес на адонкі—памосты, на якіх скідаюцца сьцірты сена. Аднак, гэткія ўласьнікі ня маюць права пашырваць свае сенажаці шляхам расьцярэбваньня за кошт чужое пушчы.

Такім чынам, застаўляючы вольнасьць уваходу у чужую пушчу да сваіх угодзьдзяў, Статут аховывае правы ўласьніка пушчы; разам з тым ён робіць гэта і ў адносінах да стараны другое, паказваючы межы, да якіх можа пашырвацца карыстаньне чужою ўласнасьцю пры эксплёатацыі свае. Маючы на увазе гэткую ахову уласнасьці Статут забараняе уводжваньне з сабою ў чужую пушчу сабак, якія-б маглі пашкодзіць зьверу; забараняе браць з сабаю стрэльбу, рагаціну. Забараняе, таксама, тым, што маюць гэткае права уваходу ў чужую пушчу, вывозіць адтуль будаўлянае дрэва, дровы.[1])

Стоячы на абароне прыватнай уласнасьці ад замеру з боку другіх людзей зрабіць ей ушчэрбак, Статут 1588 г. цэлым радам пасобных артыкулаў вызначвае грашовыя накараньні за утварэньне гэтага ушчэрбку. За парубаньне гвалтам дрэва шляхціцам у пушчы другога шляхціца Статут прызначвае, як кару для парубшчыка, 12 рублёў гвалту.[2]) Столькі-ж гвалту прызначвае ён за „звалачэньне“—лавеньне рыбы у чужым ставе ці возеры, за парубаньне гаці, еза, за перакапаньне грэблі. Хто спаліць чужы млін, павінен пабудаваць новы, альбо зьвярнуць вартасьць яго грашмі, апроч таго выплаціць грошмі за прастой млiна.[3]) За псаваньне хмяльніка з дрэвам прызначаецца выплата з боку таго, хто зрабіў гэтую шкоду, 20 рублёў. Каліж дрэва застанецца не папсаваным, а толькі папсаваным будзе адзін хмель, то выплата зьніжваецца да 3 рублёў.[4]) У 12 рублёў прызначваецца таксама гвалт за лавеньне рыбы з чужога возера ў сваёй пушчы, (у першам выпадку вызначвалася лавеньне у чужым ставе ці возеры наогул) за пакошу чужое сенажаці штраф такіж самы, а за пабраньне сена з яе—плаціць яшчэ з навязкай.[5])

Зьвер, які жыў у пушчы таго ці іншага земляўласьнік а, лічыўся ўласнасьцю апошняга і лавеньне яго другім чалавекам лічыцца Статутам за парушэньне права ўласнасьці і утварэньне поўнага матар'яльнага ушчэрбку: „Уставуем, хто бы чые ловы кгвалтам половил, тогды тому в чьей пущи будеть половил маеть кгвалту заплатити дванадцать рублей грошей, а вверу колько будет уловил ценою як нижей описано маеть платити“. Калі-ж пан пашле стральца свайго ў чужую пушчу, „а сли бы стрельца поймано над зверам, убитым в пущи“, і гэта было-б даведзена судовым парадкам, то гэткі стралец мае заплаціць за забітага зьвера удвайне „савита“ і апроч таго „..за вину, же ў чужую пущу стреляти ходил, маеть седети в вязенью в замку альбо в дворе нашом, шесть недель“ і наогул ня мае быць выпушчаным да тога часу пакуль ня выплаціць грошы за забітага зьвера. Нават у тым выпадку, калі зьвер будзе ранены на сваёй зямлі і пярэйдзе на чужую тэрыторыю, то і ў такіх выпадках ніхто ня мае права хадзіць за раненым зьверам у чужое ўладаньне; калі-ж гэткі пераход граніцы адбудзецца і зьвер будзе дабіты на чужой зямлі, то вінаваты мае плаціць гвалт грашовы ў такім жа разьмеры, як і за забойства зьвера на чужой зямлі. Можна-ж ехаць і на чужую зямлю толькі за воўкам

[1]) Разьдзел X артыкул 3.
[2]) Разьдзел X артыкул 15.
[3]) Разьдзел X артыкул 7.
[4]) Разьдзел X артыкул 10.
[5]) Разьдзел X артыкул 4.

і лісам з сабакамі, пры умове не рабіць шкоды засеву збожжа.[1])

Асобным пунктам аховываюцца бабровыя гоны, да якіх ніхто ня мае права даорвацца, бліжэй чым на адлегласьць „яко бы от зеремины мог кием докинути". На гэткай жа адлегласьці ад бабровага гону мае канчацца і пакоша сенажаці і церабеньне лазы на апошняй. А хто гэтае правіла парушыць і баброў выганіць, той мае плаціць 12 р. Столькі-ж сама плаціць і той, хто баброў чужых паб'е, або пакрадзе, а апрача таго яшчэ і за баброў заплаціць павінен. Бабры, выгнаныя са свайго жыльля, могуць сыйці у чужы обруб і тагды права лову іх належыць таму на чыёй зямлі яны паселяцца.[2]) Лес, што знаходзіцца на зямлі ўладальніка, зьяўляецца яго ўласнасьцю. Апошні складае сабою ня толькі вартасьць лясного матар'ялу, але цана яго павялічваецца і бортным дрэвам, якое там знаходзіцца разам з пчоламі, зьвярамі і птушкамі, якія насельваюць лес і могуць складаць даход для ўласьніка. Той хто падпальвае намеранна чужы лес, робіць шкоду гаспадару лесу ня толькі як ўладальніку апошняга, але так сама, як ўладальніку усіх тых зьвяроў і птушак, што у лесе маюцца. Вінаваты ў падпальваньні лесу мае плаціць з свае маёмасьці за ўсю гэтую шкоду. Падпальшчык вызваляецца ад выплаты гэткай шкоды толькі ў тым выпадку, калі зробіць гэта бяз умыслу, што і павінен падцьвердзіць прысягаю.[3]).

Поўнае права эксплёатацыі зямлі мае толькі ўласьнік яе і ніхто іншы. Эксплёатацыя ўгодзьдзяў староннім чалавекам можа адбывацца толькі з дазволу ўласьніка іх. Таму Статут і забараняе каму-б то ні было засеў пашні на чужым полі без дазволу на гэткі засеў уласьніка —„штож оный противник его тое збоже будеть посеял на его властной земли, тогды маеть ему быти яко земля, так и тое збоже, и к тому гвалту двадцать рублёў грошей сказано..."[4]) Такім чынам вінаваты у засеве ня толькі траціць дарэмна працу, насеньне і ураджай, але выплачвае яшчэ і штраф у ліку 20 рублёў. Забараняецца едучы дарогай ня толькі жаць чужы засеў, але і наогул рабіць яму які небудзь ушчэрбак, як напрыклад, таптаць, выпасваць, за што Статут пагражае штрафам у тры рублі, апроч выплаты двайное цаны зьнішчанага. Да ліку-ж учынкаў, якія могуць нанесьці ушчэрбак чужой маёмасьці, адносіцца і паляваньне на чужой зямлі, якое не павінна рабіцца без дазволу уласьніка. За паляваньне без дазволу вінаваты мае плаціць 3 капы грошы віны і вярнуць усе шкоды—„так теж хтобы на чией дедизне кром позволенья его ку шкоде мысливства уживал, полюючи жито и ярину коньмі потоптал, таковый за окупованьем шкоды за узнаньем через возного, або через трех шляхтичов, веры годных, повинен будеть, за припозваньем до суду земского, мысливец заплатити укривжоному, вины три копы грошей, и шкоду на чом будет довод уделан." Артыкул гэты пашырваецца ня толькі на самых паноў, але і на слуг панскіх—„о то се мает розумети о мысливцах, яко о самих панох, так и о слугах паньских, которые сами без панов полюють." Так сама ніхто ня мае рабіць другому гэткай шкоды, калі прыяжджае на зьезд галоўнага суду, або на соймик і наогул на кожны зьезд.[5])

Аховываючы засеў ад чужых, Статут папярэджвае тыя выпадкі калі-б хто пажаў пасеянае другім, або пабраў пажатае, або пабіў ці патаптаў, пасек борану, калёсы, забраў сашнікі, чым прывёў бы, зразумела, у нягоднасьць для работы на полі саху. Такі мае вярнуць шкоду „з навескою" „коня конём, а вола волом навезати, а за соху

[1]) Разьдзел X артыкул 1.
[2]) Разьдзел X артыкул 9.
[3]) Разьдзел X артыкул 17.
[4]) Разьдзел IX артыкул 22.
[5]) Разьдзел III артыкул 47.

десет грошей, а за нароги дванадцат грошей, за колёса дванадцать грошей, за борону шесть грошей заплатити.“ Гэткі захват альбо псаваньне інвентару ці пашні можа адбывацца і парадкам насільства, прычым, напаўшы „вдарил самого (гаспадара), або чловека его, або которого кольвек стану“; у такіх выпадках вінаваты апроч звароту шкоды мае плаціць яшчэ гвалту 12 рублёў грошы.

Зразумела, што гэткія выпадкі забіраньня з поля пашні ці псаваньня чужога інвентару маглі узьнікаць як рэзультат спору за зямлю. Зазначаныя спрэчкі, згодна Статуту, павінны разьбірацца судом.[1]) У мэтах жа аховы палеткаў ад шкоды, якая можа наносіцца ім паляўнічымі у той час, калі яны укрыты рознаю збажыною, Статут забараняе паляваньне на чужых грунтах ад сьвята „семое суботы“, трэба лічыць ад тройцы, які тэрмін прыпадае сярэднім на канец траўня, альбо пачатак чэрвеня аж да „забранья с поль всякого збожья“, і начай кажучы, прыблізна да сярэдзіны верасьня. Вінаваты ў праступленьні гэтага артыкулу мае вярнуць шкоду, якую ён мог учыніць палюючы другому і апроч таго „ушкожоному вины тры копы грошей заплатити.“[2]) Статут перадубачвае выпадкі „патресенья“ альбо „пощыпанья“ чужога „вощового“ саду пры двары шляхціча парадкам гвалту. За гэта, калі-б „на него бы тот гвалт слушне был переведен“, мае заплаціць 12 руб. грошы. Пры пакражы-ж саду, пры довадзе гэткай пакражы, вінаваты мае заплаціць шэсьць коп грошы. З чужога саду могуць быць узяты ня толькі фрукты, але так сама пасечана і самае фруктовае дрэва ці зусім выкапана шчэпа. Зазначанае забіраньне можа адбывацца і праз гвалт і парадкам крадзяжу. Не адрозьніваючы спосабаў забраньня Статут вызначае за гэткі праступак выплату гвалту ў ліку 12 рублёў грошы, а за пасечанае або выкапанае дрэва 3 рублі грошы. За пашчыпаны ці патрэсены на чыім грунце ў полі „овоц який в загороде“ вінаваты павінен заплаціць віны тры рублі грошы.[3])

Перадубачвае Статут і тыя выпадкі, калі у часе паходу удзельнікі апошняга робяць наезды на чужую маёмасьць і грабяць яе. Статут падзяляе гэткія выпадкі на дзьве катэгорыі: 1)—калі наезд і аграбаваньне адбылося без забойства і гвалтаў „над белымі“ галавамі—жанкамі і 2)—калі гэткія гвалты з боку наехаўшых утвораны. У першам выпадку, калі-б той хто зрабіў наезд „не забил а ни ранил и бою збытку жадного не вделал, только што взял, або шкоду якую учинил“, павінен гвалт і шкоду „за доводом слушным „совито“—удвайне плаціць. Калі-ж гэткі наезд суправаджваўся забойствамі і гвалтамі над жанкамі, то такі „за слушным доводом“ мае быць караны горлам[4]). Пры наезьдзе можа здарыцца, што „господарь домовый так теж и гость, который в том дому або в господе стоить“ гэткага гвалтаўніка самога або яго памочнікоў могуць параніць або і забіць бароначы маёмасьці і ня будуць у адказе за гэта перад уладай у тым выпадку, калі гэта давядуць перед уладай фармальным, апісаным у Статуце, спосабам.[5]) Статут вызначвае строгія меры пакараньня для тых, хто адважыўся-б запаліць дом княжаскі, панскі або шляхецкі. „А в том бы тому запалячу меновите от ушкожоного вина была дана, або бы его за разом на том учинку поймано“, тагды вінаваты „за доводом слушным правным“... „маеть быти сам огнем спален“, а за маёмасьць, зьнішчаную агнём павінен быць выплачаны пацярпеўшаму ўшчэрбак з маёмасьці таго, хто падпальваў.[6])

[1]) Разьдзел IX артыкул 23.
[2]) Разьдзел X артыкул 18.
[3]) Разьдзел X артыкул 16.
[4]) Разьдзел II артыкул 18.
[5]) Разьдзел XI артыкул 19.
[6]) Разьдзел XI артыкул 19.

Пры „лежаньні“ войска на адным месцы вайсковыя павінны, у разе недахвату харчоў для саміх альбо для коней, браць апошнія ад насельніцтва за плату ў прысутнасьці гэтманскага віжа па таксе, якая будзе на гэты час устаноўлена. Бясплатна дазваляецца браць толькі дровы. У часе гэткага „ляжаньня“ забараняецца так сама разьбіраць дамы, паліць платы, ставы і сажалкі валачыць, альбо зусім спушчаць, наўмысна выпасваць і таптаць засеў. Забараняецца станавіцца з абозам наумысна на чужым засеве, браць харчы у насельніцтва нават і фармальным спосабам пры існаваньні прадуктаў у абозе таго, хто гэткі пабор у насельніцтва робіць. За ўсякую гэткую шкоду Статут пагражае двайною выплатай шкоды.[1])

Распараджваючыся сваею маёмасьцю у межах найбольшае для сябе выгады, уласьнік не павінен, аднак, рабіць гэтым шкоды другому. Гэткая шкода асабліва здараецца і тагды, калі земляўласьнік, жадаючы зрабіць на сваёй зямлі вадзяны млын, сыпле грэблю і задзержвае воду і гэтым самым „суседние вышние млыны... затопил так иж бы у вышних млынах за падвышэньнем воды в нижнем ставе мливо быти не могло, або если бы сеножати затопил без воли того пана, чие сеножати суть, а он бы за то отмены взяти не хотел“. Земляўласьнік, маючы на сваёй тэрыторыі толькі адзін бераг рэчкі, пачынае сыпаць грэблю да другога, чужога берагу і тым самым затапляе чужую сенажаць або грунт. Такі свавольнік на аснове судовага вырашэньня мае вярнуць усе учыненыя ім шкоды, а ў дадатак выплаціць гвалту 12 рублёў грошы. Грэблі-ж, якія зроблены, маюць быць раскіданы, каб „воду опустити и знижити, так якобы и мливу верхнего ставу ничого не шкодило и кгрунтов, сеножатей чужих незаливало и шкодливе не подмочивало“... Грэбля й млын застаюцца цэлымі ў тым разе, калі-б той, на шкоду якому гэта зроблена, не заяўляў аб гэтым на працягу дзесяці гадоў[2]).

Вызначаюць вялічыню плошчы зямельнай маёмасьці межы і межавыя знакі на іх, якія і аддзельваюць яе ад маёмасьці другой асобы. Пільнаваньне межаў ёсьць адна з адзнак паважаньня непарушнасьці чужое маёмасьці. Статут, які строга стаіць на грунце захаваньня прыватнай уласнасьці наогул, а шляхецкай у першую чаргу, забараняе „скажаць“ мяжу пад пагрозай выплаты 12 рублёў на карысьць старaны пакрыўджанай і падкамораму (урадаваму чыноўніку па межавым справам) капу грошы, а за кожны папсаваны капец 3 капы грошы.—„Коли-бы шляхтич шляхтичу границу сказил або огнём выжог, або вырубал кгвалтовне, або яко кольвек, инак выказил, або копцы раскопал або межу сказил, або бы привлащаючы хто собе больш кгрунту, а границы и знаки новые по чужой земли кгвалтоўне а безправне починил, а было бы то на него правом переведено, тогды таковы мает заплатити ображеному дванадцать рублев грошей а подкоморому копу грошей, а за каждый копец скажоный три копы грошей“. За простае перааранье мяжы шляхцічам другому шляхцічу вінаваты павінен заплаціць старане пакрыўджанай 3 рублі грошы і падкамораму паўкапы грошы. Калі-ж гэткі ушчэрбак шляхцічу паносіў чалавек простага не шляхецкага стану, то павінен выплаціць шляхцічу 3 рублі грошы і паправіць мяжу—„...а естли бы простого стану человек шляхтичу границу порубал, выжог, сказил, або межу переорал, и значне запсовал, тогды такий винен будет тому шляхтичу вины три рубли грошей заплатити а границу и межу по первому направити“... За перакажэньне-ж меж простага стану чалавеку чалавекам такога-ж стану, вінаватая старана выплачвае пастрадаўшай 1 рубель грошы.

[1]) Разьдзел II артыкул 19.
[2]) Разьдзел IX артыкул 21.

Наогул-жа Статут уводзіць за абавязак для людзей усякага стану рабіць панаўленьне альбо папраўку межаў толькі фармальным спосабам „от подкоморого коморніка взявшы и сторону через возного обвестившы с ким границу тую маеть“... Паноўленыя знакі маюць быць запісаны „до книг подкоморого“. Такім чынам Статут, уводзячы гэты артыкул, імкнецца да законнага умеркаваньня межавых пытаньняў, у якіх мэтах зацікаўленыя і павінны адзін другога „правом спирати а не гвалтом“[1]). Мяжою паміж уладаньнямі можа зьяўляцца рака і тагды кожная з мяжуючых старон мае яе „з берега свойго ее до половицы уживати“. Той парадак „забиванья езов, закотов або сеж“, які існуе здаўна мае існаваць і надалей. У разе калі-б рака памежная „на чий берег, песок незначне сыплючи, прыбавок чинила“, то прыбавак гэты належыць таму пану чый бераг. У разе калі рэчка абярэ сабе іншы ход, то „старое речыща“ застаецца быць мяжою, якое кожны з свайго берагу да палавіны мае права ўжываць. Аднак, строга забараняецца наўмысна адводзіць ход ракі на сваю зямлю пад пагрозай 12 рублёў гвалту на карысьць стараны, якая панясла ушчэрбак і з абавязкам для вінаватага „абы за се реку по старому загамовал“[2]).

Перадубачвае Статут і такія выпадкі, калі лес знаходзіцца ў сумеснам уладаньні, „а который участник вхочет такий лес на пашню або на сеножать пропробливати“, то мае церабіць яго толькі ў такой меры, якая часьць па вялічыне яму прыпадае, пры гэтым дзяленьне на часткі лесу павінна адбывацца і з прыняцьцем пад увагу якасьці грунтаў, на якіх знаходзіцца лес. У разе нежаданьня супольнікаў выдзеліць частку агульнага лесу асобе, якая жадае свой лес высекчы, зацікаўлены мае дабівацца свайго права судом. За лішне высечаны лес вінаваты адказвае перад стараной, панёсшай праз яго страты, гэткімжа лікам лесу з свае маёмасьці, а калі ў яго такое ня будзе, то грашовай выплатай па вызначанай Статутам цане[3]).

Статут 1588 году прымаўся, як кодэкс законаў дзяржавы ў той час, калі на тэрыторыі гаспадарства праводзілася ў жыцьцё валочная памера. Пры правядзеньні яе ураду прыходзілася, ў мэтах упарадкаваньня скарбовых двароў, забіраць пад іх шляхецкія землі даючы апошнім адмену ў іншым месцы зямлёю-ж. З гэтай прычыны Статутам ўведзены артыкул „о отменах кгрунты нашим з кгрунты шляхетскими“. Артыкул поўнасьцю абгаворвае парадак утварэньня адмены з удзелам прадстаўнікоў, як ураду, гэтак і ад зацікаўленага шляхціца. Робіцца гэта з мэтай „ижбы неуближелосе ничим, яко добрам, столу нашому належачых, также и шляхетским“[4]).

Гэтак у статуце 1588 г. шляхта цэлым радам паасобных артыкулаў забясьпечвае за собою права ўласнасьці на зямлю, якая складала сабою матар‘яльную базу на якой грунтавалася палітычная моцнасьць шляхты. Гэтае права маёмасьці дасягае згодна Статуту к канцу 16 веку ўжо поўнага свайго разьвіцьця даючы уладальніку права распараджаньня зямлёю з усім багацьцямі прыроднымі, якія знаходзяцца на ёй (лесам, вадою, зьверам, рыбаю і інш.) і якія знаходзяцца ў яе нетрах (мэталы й мінералы). Тэрмін гэткай уласнасьці не абмежаваны часам. Зямля можа пераходзіць ад бацькі к сыну ў якасьці спадчыны. Уласьнік зямлі мае права сваю землю прадаць, каму хоча, адпісаць, пры умове, што землю гэтую ён набыў ва ўласнасьць сам, а не атрымаў яе ў спадчыну ад бацькі або кроўных. Зямля знаходзіцца ў поўнай уласнасьці

---

[1]) Разьдзел IX артыкул 18.
[2]) Разьдзел IX артыкул 20.
[3]) Разьдзел IX артыкул 19.
[4]) Разьдзел III артыкул 50.

фамілії да тога чаму пакуль хоць хто небудзь з яе членаў існуе ў ліку жывых і толькі ўжо ў выпадку поўнага выміраньня фаміліі спадае на гаспадара. К часу выданьня Статуту 1588 году ужо ўсе землі купленыя, выслужаныя і наогул набытыя ўсякім способам ў ранейшыя часы разглядаюцца, як уласнасьць нічым не абмежаваная ў руках шляхецкага стану.

Замацоўваючы прынцып уласнасьці Статут імкнецца устанавіць парадак праўных узаемаадносін паміж асобнымі земляўласьнікамі, якія могуць узьнікнуць у сувязі з земляўладаньнем. Гэтыя узаемаадносіны зводзяцца агулам да кругу пытаньняў, якія паўстаюць у зьвязку з разьмежаваньнем земляў, з карыстаньнем сваёю маёмасьцю, якая знаходзіцца ў абкружэньні чужое уласнасьці, і маёмасьцю, якая не знаходзіцца у гэткам абкружэньні. Карыстаньне сваёю маёмасьцю не павінна цягнуць за сабою ўшчэрбку уласнасьці другое асобы.

Статут, пералічаючы тыя соцыяльныя групаваньні, якія маюць служыць земскую вайсковую службу зазначае, што яе павінны несьці „вси станы духовные и светские, княжата, панята и врядники земские, дворные, дворане, земяне, шляхта хоруговная и вдовы и теж татарове, и мещане мест наших маючи именья земские“[1]). Такое-ж права мець землю пашырваецца і на яўрэяў, што вынікае з наступнага месца Статуту: „...А если было которому татарыну або жыду або которому басурмянину двор наш або именье з людьми дали маеть се таковые жыдове и басурмяне на выслугах своих против христьянских людей яко путных так и тяглых заховати абы их ку подачкам и службам незвыклым не проневоляли. Вед же тые подданые татарские которые здавна на именях седять тые за отчины и у них яко у иншых обывателов великого князства розумены быти мають“[2]). Аднак, Статут у адносінах гэтых групаў нічога не гаворыць аб праве іх набываць землю праз купоўлю і такім чынам гэтае пытаньне ў Статуце застаецца зусім ня высьветленым параўнальна з пытаньнем земляўладаньня шляхецкага.

Грунтуючыся на даных вышэй палажэньнях Статуту нельга сказаць, што мяшчане, татары і яўрэі зьяўляліся роўнымі з шляхтай у праве набываньня ва уласнасьць зямлі усімі способамі, якія вызнаюцца у Статуце за праўныя, іначай кажучы, способам выслугі, дараваньня і куплі. Яшчэ меньш гаворыць Статут і аб праве распараджаньня сваёю маёмасьцю гэтымі групамі упамінаючы толькі аб мяшчанах у адным артыкулу. Згодна яго мяшчанскае права, і наогул права простых людзей, на адпісаньне свае маёмасьці зьяўляецца значна павужаным параўнальна з шляхецкім і то толькі ў адносінах да маёмасьці рухомай: „уставуем иж каждый с таковых людей волен тестамент о речи свое рухомые чынити и отписати третью часть всее маетности своее кому похочеть“[3])... Такім чынам права распараджаньня маёмасьцю нярухомаю мяшчанаў, татар і яўрэяў у Статуце не абгаворана зусім.

Так трэба лічыць, што адзінай соцыяльнай групай у дзяржаве, якая мела поўныя правы ўладаньня зямлёю на аснове ўласнасьці была шляхта. Што належыць да земляўладаньня мяшчанскага татарскага і яўрэйскага, то апошняе з праўнага боку ў Статуце засталося не абфармаваным. Паасобныя артыкулы Статуту даюць толькі паказаньні на тое, што такое земляўладаньне на тэрыторыі гаспадарства ў часы дзеяньня Статуту існавала.

Уладаньне зямлёю цягнула за сабою пэўныя павіннасьці перад

[1]) Разьдзел II артыкул 1.
[2]) Разьдзел XII артыкул 9.
[3]) Разьдзел VIII артыкул 9.

дзяржавай. Асноўнай з іх зьяўлялася вайсковая служба, якую Статут называе службай земскай. Службу гэтую нясуць усе земляўласьнікі „от вышшого до низшого стану, никого невыймуючы, лета зуполные маючи“... У лік гэтых вышэйшых і ніжэйшых станаў Статут уключвае усіх духоўных і сьвецкіх княжат, паноў, ураднікаў земскіх і дворных, дваран, зямян, шляхту харуговую удоў (шляхецкіх), татараў, мяшчан, якія маюць зямлю. Такім чынам Статут падрабязна пералічае ўсе пасобныя групаваньні шляхты, ня мінае татар і мяшчан, нічога не гаворыць аб абавязку вайсковай службы для яўрэяў—земляўласьнікаў. Паколькі служба ідзе з зямлі то Статут і пералічае усе віды зямельнай маёмасьці з боку парадку, якім яны прышлі ва ўладаньні іх сучасных дзяржальнікаў. Гэтак служба маеці „зыменей, яко отчизных, материстых, так выслужоных, и купленых и яко кольвек набытых“... Выступленьні гэтыя на вайну маюць адбывацца „водле уфалы земское з соймов вальных яко на он час будет потреба указывати“.[1]) Службу вайсковую земляўласьнік павінен адбываць на сваіх харчох. Гэта вынікае ўжо з таго пункту, які забараняе (шляхцічу) у часе паходу забіраць парадкам рэквізіцыі харчы ў суседняга насельніцтва і асабліва тагды калі яны маюцца яшчэ у абозе вайсковага. Статут загадвае ўсім, падлягаючым вайсковай службе, зьяўляцца на апошнюю пэрсанальна—„сами особами своими“.

Ад вайсковае службы ніхто не мае быць звольнены нават самім гаспадаром в. князем. „Теж уставуем иж мы (в. князь) не маем жадного з войны от службы земское, так словным росказаньем, яко и через листы нашы вызволяти и з войска отпущати“. Ня мае права рабіць гэтага і гэтман.[2]) Статут строга забараняе рабіць гэткія звальненьні ні харуговым, якія ведалі зборам павятовай шляхты на вайсковую службу—„...приказуем абы хоружые наши не смели жаден з них земянина и кождого стану человека войне належачого дома от войны вызваляти и з дороги або з войска отпущати“... За наўмыснае звальненьне ад службы харуговы траціць свой урад.[3])

Аднак, прызначаючы ў самай катагарычнай форме зьяўленьне для кожнага, падлягаючага вайсковай службе, на апошнюю пэрсональна, Статут робіць і выключэньні для некаторых катэгорыяў асоб. Гэтак не зьяўляюцца на вайну тыя, што будуць пакінуты для службы в. князю альбо земскай.[4]) Могуць не зьяўляцца самі, але высылаць замест сябе людзей, годных для вайсковай службы, асобы духоўныя, якія адбываюць нараўна са сьвецкімі земляўласьнікамі службу з сваіх двароў сьвецкіх, касьцёльных і наданых, з якіх служба земская вайсковая ішла, да наданьня іх царкве, так сама із двароў сваіх атчызных, купленых і закупленых.[5]) Вызваляюцца ад пэрсанальнага зьяўленьня і тыя, якія-б на час мобілізацыі аказаліся хворымі „обложною хоробою, за которого на службу нашу ехати не мог“.[6]) Гэткія, калі ня маюць дарослых сыноў, могуць так сама выставіць за сябе „чоловека доброго и годного на войну“. Перадубачваецца і гэткі выпадак калі-б зямельнай маёмасьцю ўладалі некалькі братоў неразьдзельна, то тагды маюць высылаць ад сябе аднаго, „лет дорослого выбравши и послати, который з именья недельнаго маеть войну служити тым же обычаем яко вышей описано“. Удовы, сіраты і недарослыя („лет зуполных не маю-

---

[1]) Разьдзел II артыкул 1.
[2]) Разьдзел II артыкул 3.
[3]) Разьдзел II артыкул 17
[4]) Разьдзел II артыкул 3.
[5]) Разьдзел II артыкул 9.
[6]) Разьдзел II артыкул 11.

чие“) так сама маюць права выпраўляць замест сябе на вайну іншага чалавека, прыдатнага для вайсковай службы.

Права на замену сябе дарослым сынам мае бацька нават „будучи сам здароў“ пры той умове, што сыну, які яго заменьвае будзе ня меней 18 гадоў. Гэткі сын можа адбываць службу з „почтом“ бацькі свайго ня гледзячы на тое жыве ён разам з бацькам нявыдзелена, ці ужо выдзелены.[1])

Паколькі служба вайсковая ідзе з зямлі, то для ўлады ўсё адно на якім праве суб‘ект ёю карыстаецца. Гэтак, адным з артыкулаў Статут вырашае пытаньне хто павінен адбываць вайсковую службу з земляў застаўных і прызначвае абавязак службы асобе, якая „закупить и в держанью будеть (мець) службу земскую с того заступовати маеть и повинен будеть“.[2]) Шляхціч, які мае зямельную маёмасьць у розных паветах, павінен у часе мобілізацыі станавіцца пад харугву тога павету дзе знаходзіцца галоўны маёнтак[3]). Гэтым статут хоча ліквідаваць для шматзямельнай шляхты магчымасьць ухіляцца ад службы няведаньнем тога пад харугву якога павету станавіцца і ўносіць у гэтае пытаньне яснасьць.

Маючы абавязак адбываць вайсковую службу на сваім кані, шляхта павінна зьяўляцца на полі гэтмана, дзе рээстравалася вайсковаабавязаная шляхта і давалася ацэнка коням і зброі з боку прыдачлівасьці апошніх да бою. Статут устаўляе, каб кожны „подданый пописавши се,“, з тым жа канём і зброяй, з каторымі паказваўся перад гэтаманам у часе попісу, і на вайну выпраўляўся. Для якое мэты ў часе попісу „маеть кождого коня гетмань наш казати, у шерсть написати, и петно, которое на кони будеть, на реестре намалевати“.

Забараняецца пад пагрозай страты на карысьць дзяржавы каня і зброю пазычаць другому шляхцічу на час гэтманскага перагляду.[4])

Абгаворваючы магчымасьці, дзякуючы якім, вайсковаабавязаны шляхціц можа ухіляцца ад абавязку службы, Статут разам з тым вызначае і пакараньні, якім падлягаюць вінаватыя ва ўхіленьні ад службы. Тут перадубачваецца выпадак, калі вайсковы апозьніцца на попіс—паверку, якая адбываецца перад выступленьнем у паход, і не пакажа прычыны свайго апазьненьня...—„хтобы замешкал року на попіс через листы наши положоного и до войска не поспешилсе и на року нас и у гетмана нашого Великого Князства Литовского не постановил без слушное причины“...[5]) Гэткія упісваюцца ў асобны рээстр з зазначэньнем тога на колькі дзён зазначаны вайсковы апазніўся і такіх, гаворыцца ў артыкуле, „маем... послати на границы або там где того потреба речи посполитой окажеть, а они водвое так много, яко замешкали там заслуговати будут повинин“. Асабліва суровае пакараньне Статут вызначае тым, хтоб уцёк з бітвы. За гэткі праступак вінаваты, „за слушным доводом от гетмана, через вырок наш господарский, именье и честь тратить“.[6])

Такім чынам, галоўным абавязкам земляўласьніка, як гэта вызначалася ўжо раней, зьяўляецца вайсковая служба, ад якое абавязаны ні ў якім выпадку ня можа ўнікнуць за выключэньнем паважных з пункту гледжаньня Статуту прычын, якія апошні і пералічае. За адмаўленьне ад гэтай павіннасьці, вінаваты караецца вельмі цяжка:—аж да адабраньня зямлі і нават шляхецкай чэсьці.

[1]) Разьдзел II артыкул 1, арт. 12.
[2]) Разьдзел II артыкул 4.
[3]) Разьдзел II артыкул 8.
[4]) Разьдзел II артыкул 10, арт. 15.
[5]) Разьдзел II артыкул 13.
[6]) Разьдзел II артыкул 14.

Апроч шляхты падлягаюць вайсковай службе, згодна раней казанага, татары і мяшчане земляўласьнікі. Адносна вайсковай службы мяшчанаў Статут прызначвае нават асобны артыкул гаворачы, што мяшчане выходзяць на вайну толькі ў час „навальное потребы з иншыми людьми нашыми войну служити, або з дозволеньем нашим на войну выправовали, водлуг постановенья соймового“[1]). Статут мае на ўвазе тут мяшчанаў ня толькі тых, якія маюць пад сабою „именья земские“, але наогул усіх мяшчанаў, якія падходзяць пад вызначэньне „всі подданные наши мешчане.“ Праўда, што яны выходзяць на службу толькі ў выключных выпадках, з дазволу гаспадара, таму, што скарб зацікаўлены ў непарушнасьці экономічнага стану мест, якія даюць значны прыбытак дзяржаве. Службе-ж татар—земляўласьнікаў Статут асобнага артыкулу не прызначае.

Так Статут 1588 году ў вышэй пералічаных артыкулах вызначае групу насельніцтва дзяржавы, якая мае пераважнае права на ўладаньне зямлёю і ўсе зьвязаныя з ёю прывілеі, праўда, група гэтая мае свой падзел на асобныя катэгорыі, якія адрозьніваюцца паміж сабою ў правох, зьвязаных з уладаньнем зямлёю. Уся паўната гэткіх праў належыць выключна шляхце. Гэтую групу можна падвесьці пад агульную назву земляўласьнікаў.

На землях апошніх сядзелі масы насельніцтва, якія былі залежнымі ад земляўласьнікаў экономічна паколькі дзяржалі ад апошніх землю. З залежнасьці экономічнай выцекала ўжо і залежнасьць юрыдычная. Гэткія групы насельніцтва, якія жылі на землях буйных паноў і былі ў экономічнай і поўнай залежнасьці ад апошніх, мы назавем земляробамі. Гэтая земляробская маса ў сваю чаргу падзяляецца на некалькі катэгорыяў па іх станавай прыналежнасьці. Статут называе гэткіх залежных людзей часта „слугамі“[2]) Такімі слугамі могуць быць шляхцічы[3]), баяры панцырныя і путныя і людзі простага стану,[4]) т. е. катэгорыяў ніжэйшых чым толькі што вызначаныя, да якіх трэба аднесьці сялян і чэлядзь дворную. Да ліку гэткіх залежных земляробаў трэба аднесьці і мяшчанаў мест неупрывільеваных, ня маючых майдэборскага права, якія сядзелі на панскіх землях[5]).

Уся гэтая маса залежнага насельніцтва вяла дробную гаспадарку на панскіх землях і з боку экономічнай сваё заможнасьці спушчалася аж да чэлядзі дворнай, якая і складала самы ніжэйшы социяльны слой.

Ня ўсе групы земляўласьнікаў мелі роўнае права на заселеньне сваіх земляў гэткімі залежнымі ад сябе людзьмі. Статут робіць забарону яўрэям і татарам земляўласьнікам мець пад сабою ў няволі хрысьціян. Аднак для вядзеньня гаспадаркі на гэткіх землях і для наогул работы на ёй патрэбны працоўныя рукі і Статут, разумеючы гэта, дазваляе земляўласьнікам нехрысьціянам мець халопаў, аднак ня поўных, але толькі часовых. Для гэтага Статут і выказваецца, што за вялікую суму грошы закуп і закупка за семь гадоў адрабіць павінны, невялікую-ж суму маюць пагашаць работай, лічачы за кожны год халопу рубель грошы, а халопцы капа грошы апрача адзежы і корму, што абаім земляўласьнік даваць павінен:—„Апакли бы хлопа або жонку закупил, тогды маеть прийти перед вряд и в чом закупить або теж з суда в заплате якой будет выдан до книг записати и будет ли сума

1) Разьдзел II артыкул 1.
2) Разьдзел IV артыкул 102 і інш.
3) Разьдзел XII артыкул 23.
4) Разьдзел IX атрыкул 28.
5) Разьдзел XII артыкул 9.

великая, тогды тот закуп и закупка за сем лет с тых пенезей выра-битися маеть а где бы сума невеликая, што с тых пенезей на кождый год выпуску маеть быти, хлопу рубль грошей а жонце копу грошей акром одежи и корму, што обое он же давати маеть“. Палоньнікі—хрысьціяне, якія пападуць да нехрысьціян—земляўласьнікаў павінны асаджвацца на зямлі з наданьнем ім надзелу. Гэткія палоньнікі разглядаюцца ўжо Статутам як отчычы. Наогул-жа Статут забараняе гэтай групе земляўласьнікаў прымушаць да лішняе работы людзей, як путных гэтак і цяглых, іначай кажучы—баяр і сялянаў. „...Мають се таковые жыдове и бесурмяне на выслугах своих против християнских людей яко путных так и тяглых заховати абы их ку падачкам и службам незвыклым не приневоляли. Вед же тые подданые татарские, которые здавна на именях седять, тые за отчины и у них яко у иншых обывателов великого князства разумены быти мають“[1]).

Пяройдзем цяпер да разгляду праўнага палажэньня гэтых залежных групаваньняў, якіх мы будзем называць земляробамі, паколькі яго высьвятляюць паасобныя артыкулы Статуту, прызначаныя гэтаму пытаньню.

Гаворачы аб залежных людзях, Статут не гаворыць аб тых соцыяльна-эканамічных умовах у мінулым, дзякуючы якім той ці іншы інстытут залежнасьці вырас, але проста гаворыць аб гэтых залежных катэгорыях паколькі яны ужо існуюць. Трэба зазначычь, аднак, што к часу зьяўленьня Статуту—другой палавіне 16 веку пераход вольных людзей у нявольныя яшчэ не спыніўся і Статут гэтага не абходзіць маўчаньнем, але вызначае гэткі парадак пераходу.

Адной з крыніц, якая давала новыя контынгэнты чэлядзі нявольнай альбо, як загадвае называць яе Статут асобнай прыпіскай у канцы кнігі, чэлядзі дворнай зьяўляецца вайна і зьвязаны з ею палон „Невольники вперед не мают быти з иншых причин одно полоненики, а иншая челядь невольная и теж дети потомки поланеников мають быти осаживаны на землях и розумены быти за отчичов“.[2]) Другою значна меньшай крыніцай, якая давала кадры „отчычаў“, была засядзеласьць на зямлі пана чалавека вольнага, па свайму пахаджэньню „простого“, да якога адносіцца „боярин, або тяглый будучы вольным похожим, а не отчичом чиим“ на працягу 10 гадоў, Да гэтага-ж вольны чалавек мог узяць ад пана грашовае ці ў натуры „запоможенье“ Пажадаўшы адыйсьці ад пана па выхадзе 10 гадоў павінен выплаціць узятае „за положенье“ звыш тога адкупіцца ад службы 10 капамі грошы.

У выпадку-ж самавольнага уцяканьня па выхадзе дзесяцёхгадовае даўнасьці пан мае права шукаць іх на працягу-ж 10 гадоў і ў разе вынаходжаньня, гэткі зьбеглы абарачаецца на отчыча гэтага пана.[3]) У даным выпадку для нас важна першая частка артыкулу, якая гаворыць аб забраньні пазыкі вольным пахожым чалавекам у пана. Трэба лічыць, што гэткія пазыкі, а да іх яшчэ выкуп у 10 коп грошы пры выхадзе ад пана на волю, рабілі пахожую сямь‘ю неаплатным даўжнікам у пана і гэта дзяржала іх на панскай зямлі, а з цягам часу вытворвала з іх отчычаў. Як відно практыка жыцьця выклікала неабходнасьць упісаньня ў Статут гэтага артыкулу. Другі артыкул паказвае, што іншы раз для гэткага замацаваньня на сваіх землях панамі вольных пахожых сем‘яў здараліся вельмі спрыяючыя моманты. Гэткімі момантамі былі выпадкі няўраджаю і, ў зьвязку з гэтым, голаду. У гэткія моманты пахожыя сем‘і і прадавалі сябе ў няволю буйным

1) Разьдзел XII артыкул 9.
2) Разьдзел XII артыкул 21.
3) Разьдзел XII артыкул 13.

земляўласьнікам. Статут аб гэтым гаворыць так: „хто бы в голод сам себе з жоною або сына, дочку в неволю продал и лист на то дал, таковый лист не мает быти держан, але яко голод минет, а он пенези добудеть, маеть ему пенези отдати“...[1]). Зразумела, што сям'і, заняпалай у часе голаду трудна было зьвярнуць узятыя пенезі і тагды для яе адкрывалася беспасредная дарога ў отчычы. Паданы артыкул у сваім працягу прызначвае гэткаму віннаму „выслуговатися“. Апошні процес замацаваньня на зямлі вольных пахожых людзей ужо носіць больш зацяжны характар, чым першы, калі палонны прыводзіцца ў маёнтак пана ў якасьці нявольнага чалавека.

Групы земляробаў, якія сядзелі на панскай зямлі, мелі права толькі на карыстаньне, а не на распараджаньне апошняю. Нават ня ўсе спосабы карыстаньня былі для іх дазволены. Статут забараняе закупваць і браць на кароткі час у арэнду зямлю у баяр і людзей простых, што сядзяць на панскіх і зямянскіх землях, без дазволу пана.—„Уставуем иж в бояр и в людей простых княжских паньских и земяньских нихто земли закуповати, а ни на лето ку пахань наймовати немаеть без воли пана его“... Статут пагражае тым, хто бяз волі пана закупіць або найме ці пасее на гэткай зямлі, стратай грошы або сеянага,—„...а если-ж бы хто в чужого чоловека землю без воли пана его закупил або менял, и што на ней посеял, тогды тое сеянье и пенези тратит“[2]). Паколькі земляўласьнік зацікаўлены ў тым, каб земляробская гаспадарка, якая асаджана на яго зямлі, не засталася зруйнаванай пасьля адыходу, альбо выміраньня земляробскай сям'і, якая на ей да часу гэткага адыходу сядзела, пастолькі Статут у панскіх інтарэсах і уводзіць артыкул, які дазваляе у духоўнай распараджвацца земляробу—слузе путнаму ці іначай баярыну альбо дробнаму шляхціцу, мешчаніну з места, што ня мае майдэборскага права, і так сама чалавеку простаму (пад гэтым статут разумее селяніна) рухомай маёмасьцю толькі у ліку $^1/_3$ яе часьці, а $^2/_3$ маёмасьці спадаюць абавязкова на дзяцей для належнага адбываньня імі службы з зямлі. „Уставуем, иж каждый с таковых людей волен тестамент о речы свое рухомые чынити и отписати третью часть всее маетности своее кому похочеть, а две части тых же рухомых речей маеть заставити в дому своем детем для службы тое земли на которой сидит“.

У разе сьмерці бяздзетнага земляроба гэтыя $^2/_3$ рухомай маёмасьці спадаюць беспасрэдна на земляўласніка пана. Калі-ж дзеці, якія засталіся па сьмерці бацькі, будуць вольнымі не цяглымі людзьмі і захочуць выйці зусім з зямлі, на якой сядзелі з бацькам, то могуць гэта зрабіць і забраць з сабою і гэтыя $^2/_3$ ч. рухомай маёмасьці заставіўшы толькі пану забудаваньне і зямлю пасеяную жытам—з усім тым з чым зямлю сям'я атрымала пры асяданьні на ёй.—„...А если бы дети будучи волни а хотели проч пойти тогды и тые две части маетности вземши мают пойти проч только землю пану своему подати з жытом засеяным и с хоромами и с тым зо всим с чым хто будеть тую землю пана своего на службе взял“.[3])

Больш артыкулаў у Статуце, якія-б гаварылі аб праве земляроба на зямлю, на якой ён сядзіць, няма, але і на аснове паказаных можна зрабіць вывад, што дзяржальнік панскай зямлі ня мог распараджвацца апошняй без дазволу пана, поўнай уласнасьцю якога зямля зьяўлялася.

Апошнімі ў групе залежных земляробаў былі чэлядзь дворная і

[1]) Разьдзел XII артыкул 19.
[2]) Разьдзел IX артыкул 27.
[3]) Разьдзел VIII артыкул 9.

палонныя; апошнюю Статут з праўнага боку і прыроўнівае да чэлядзі дворнай. Гэтыя дзьве катэгорыі ня маюць права на атрыманьне спадчыны нават ад сваіх паноў да таго часу, пакуль тыя-ж паны ня ўчыняць іх вольнымі: „...кождый якого колвек стану челедину домовому, а ни полоненику своему, невчынившы его наперед вольным, ничого тестаментом записати не может, аж бы его первей волным учынил.“[1]) З артыкулу ня вынікае аднак тога, ці меў права чэлядзін альбо палонны на уладаньне рухомай маёмасьцю і ці мог адпісваць яе другой асобе?

Правадзейнасьць залежных земляробскіх групаў, за выключэньнем чэлядзі і палонных, у юрыдычных угодах з іншымі асобамі не павінна перавышваць сумы ў 4 капы грошы. На угоды, якія перавышаюць гэтую суму павінен быць пісьмовы дазвол іхных паноў: „Уставуем, иж бояре панцерные путные и люди простого стану не мают без ведомости и дозволенья листовного панов своих никому по речах великих ручити одное волно им будеть хотяж без ведомости панов своих ручити в речах ровных, то ест надалей до чотырех коп грошей и хотя бы один човловек и по розных людех ручати хотел перед се так мает ручити якобы чотырох коп грошей неперевышало.“[2])

Статут асобным артыкулам ахоўвае асобу пана ад пасяганьняў на яе здароўе, а нават і жыцьцё з боку падданых, пагражаючы за гэткі учынак пакараньнем сьмерцю праз чацьвертаваньне, а за замер на забойства-адсячэньнем рукі: „Теж уставуем естли бы который слуга вземши перед себе злый умысл пана своего забил або ранил, таковый маеть срок го горлом каран быти яко здрадца четвертованьем. А естли бы не забил а ни ранил одно брони против пану своему добыл, таковый руку тратить.“[3]) Слугі павінны несупярэчна, па загаду свайго пана даганяць і лавіць злодзея, або якога злачынца без адмоваў. Зразумела, што з гэткім лавеньнем зьвязана іншы раз і рызыка страціць здароўе, або нават і жыцьцё. Таму слугі не заўсёды маглі актыўна ў поўнай меры брацца за гэтую работу. Закон пагражае гэткім непаслухмяным, якія-б не хоцелі „злодея и иншых злочынцов паньских имати и гонити“ ссылоючыся на тое, „иж сами панове не гонили“, слугам—шляхце 6 нядельным сядзеньнем на замку, інакш кажучы, ў турме, а не шляхце „водлуг важности выступку пану карати волно.“[4])

Гэтымі артыкуламі, аб якіх гаварылася, зразумела, Статут ня мог выявіць усіх тых пытаньняў праўнага характару, якія маглі узьнікнуць паміж земляўласьнікам—панам і земляробамі розных катэгорыяў пачынаючы ад дробнага—служылага шляхціча і канчаючы чэлядзьдзю дворнаю. Але нават і з іх можна выявіць наколькі разам з залежнасьцю ад пана эканамічнай земляроб абмяжовываецца ў правах распараджаньня сваёю рухомаю маёмасьцю, з чаго выцекае і абмяжаваньне рабіць угоды грашовага характару.

Захаваньне сваіх інтарэсаў як відаць, выклікала ня раз сутычкі паміж горадам з майдаборскім правам і горадам без гэтага права з аднаго боку і земляўласьнікам з другога за людзей цяглых і чэлядзі, якія туды ўцякалі ад сваіх паноў. Статут імкнецца вырашэньне гэткіх выпадкаў увесьці ў рамкі закону і гаворыць, што „войтове бурмистры и райцы“, інакш кажучы гарадзкая адміністрацыя, мест майдаборскіх павінна, „выслухавши слушного доводу от панов их (зьбеглых) чим будуть або за іх властным признаньнем“ выдаваць іх панам назад су-

[1]) Разьдзел VIII артыкул 8.
[2]) Разьдзел IX артыкул 28.
[3]) Разьдзел XI артыкул 9.
[4]) Разьдзел XII артыкул 23.

дзячы земскім судом. Выключэньне складаюць выпадкі, калі гэткія зьбеглыя пражывуць у горадзе 10 гадоў, такіх людзей „з мест наших войтове и врядники наши выдавати не мають“, але апошнія маюць выкупіцца, даючы за кожную душу выплату „водлуг стану своего“, трэба лічыць, матар‘яльнага. Статут аднак не перадубачвае тут таго выпадку калі гэткі зьбеглы выкупу даваць не захоча? Ці павінен тагды ён вярнуцца да пана? Ці урад, прадаўшы яго маёмасьць, робіць пану гэткую выплату? Прадстаўнікі ураду, якія-б гэткіх зьбеглых „за слушным доводом кому выдати не хотели“ на падставе вырашэньня гаспадарскага „з розсудку и сказанья нашого“ павінны выплаціць таму чыіх слуг не хацелі выдаць віны 20 кап. грошы і зьбеглага павярнуць.[1])

Атчызны чалавек, „будь боярин, панцырный, путный або тяглый чоловек, отчыч прироженый або купленый выслуженый и яко кольвек набытый“, мог адыйсьці ад свайго пана самавольна не далей як на 5 або 6 міль і асеўшы на месцы, „домом, а не по наймам ходечы“, залажыцца за другога пана. Першы-ж пан, ведаючы аб месцы існаваньня гэткага отчыча маўчаў-бы не выяўляючы на яго свайго права на працягу 10 гадоў. Тагды вже о того чоловека маеть вечне молчать“ У разе-ж адыходу атчызнага чалавека на „десет або в колко десять миль“ пры веданьні пана, як і ў першам выпадку, аб месцы знаходжаньня отчыча, тэрмін даўнасьці павышваецца да 20 гадоў. Гэтая даўнасьць не мае служыць отчычу у тым выпадку калі-б пан ня ведаў аб ім, „а тот чоловек мешкавши далеко и хотя давность тую двадцать годов там заседевши або не заседевши за ее ближей ку именью пана своего пришол и перемешкивал поблизу“, то і ў гэткіх выпадках пан можа гэткага отчыча „правом доходити“ пры умове, каб ён „давности земское не змешкал от того часу як (отчыч) біжей прыдеть“. У данам разе за тэрмін гэткай земскай даўнасьці трэба лічыць 10 гадоў, хаця артыкул гэтага і ня выяўляе. Гэты закон не пашырваецца на чэлядзь, якую паны могуць паварачаць назад ня лічачыся, ні з земскай даўнасьцю, ні з адлегласьцю. Прычым, паварот гэты паны могуць рабіць ня толькі ў адносіцах да чэлядзінцаў—бацькоў, але і іх дзяцей[2]).

Запісы, якія могуць даваць атчызныя людзі панам будучы самі зьбеглымі ня маюць сілы нават пры фармальным стварэньні апошніх[3]).

Статут агаворвае выпадкі калі і чэлядзь становіцца вольнаю. Гэткім выпадкам зьяўляецца выгнаньне панам чэлядзі з двара у часе голаду, якая павінна карміцца сама праз сябе. І калі-б „тая челядь сама себе у голод перекормила, таковые вжо не мають быти невольные але вольными“.[4]) Другі выпадак—вызваленьне панам.

Так, Статут 1588 году, ідучы на сустрэньне пану—земляўласьніку, замацоўвае за ім усе тыя правы у адносінах да земляробаў, а імі, па сутнасьці сваёй, зьяўлялася усё дробна служылае насельніцтва пачынаючы ад незаможнай шляхты і канчаючы чэлідзьдзю дворнай. Правы гэтыя земляўласьнік набыў ужо фактычна к канцу 16 веку. Гэтывек на Беларусі зьяўляецца часам разьвіцьця сельскай гаспадаркі. Апошняму спрыяла пранікнаваньне і узмацненьне дзейнасьці гандлёвага капіталу, якая пачалася асабліва павялічвацца ў 16 веку. Разьвіцьцё гаспадаркі у панскіх дварох магло існці пасьпяхова толькі пры дастатным ліку рабочых рук у дворнай гаспадарцы. Статут 1588 г. і ўзаконьвае усе тыя мерапрыемствы, якімі пан—земляўласьнік прымацоўвае да свае гаспадаркі масы насельніцтв, якое часткай у 16 веку было яшчэ вольным, пахожым,

---

[1]) Разьдзел III артыкул 38.
[2]) Разьдзел XII артыкул 12.
[3]) Разьдзел VII артыкул 8.
[4]) Разьдзел XII артыкул 20.

абарачаючы яго на цяглае. З другога боку і нявольных людзей Статут пераводзіць на палажэньне людзей цяглых. Такім чынам, Статут 1588 г. адбівае ў сабе той сацыяльна-экономічны працэс, які адбываўся ў нас у пору зьяўленьня Статуту і закончыўся аканчальным утварэньнем формаў прыгоннага права 17 і першай палавіны 18 веку.

Проф. В. И. Пичета.

Французские дипломаты о торговле России с Францией в первые годы царствования Екатерины II.

11 Января 1757 г. Россия присоединилась к австро-французскому соглашению, заключенному в Версале 1 Мая 1756 г. Согласно подписанному соглашению, между Россией—с одной стороны и Францией—с другой заключался оборонительный союз, в условия которого были внесены некоторые и притом весьма существенные ограничения. Традиционная поддержка Порты Францией нашла отражение в статье, освобождавшей Францию от помощи России в ее борьбе с Турцией. С другой стороны, и Россия имела право не оказывать помощи Франции против Англии. Впрочем, в секретной декларации были присоединены добавления, существенным образом изменявшие содержание всей конвенции 11 Января 1757 г. Россия обязывалась помогать Франции против Англии, если Англия нападет на Францию. С своей стороны, правительство Людовика XV обещало русскому правительству денежную помощь в случае нападения на Россию Турции.[1]) Версальский двор, получив текст, подписанной в Петербурге конвенции вместе с секретными статьями, пришел в состояние крайнего раздражения и волнения, заявив своему уполномоченному в Петербурге Дугласу, что в таком виде договор не может быть ратификован. Людовик XV, стремясь уничтожить договор с неприятными для Версальского правительства статьями, обратился к Елизавете Петровне с личным письмом, с просьбой об уничтожении уже подписанного соглашения. Императрица, польщенная собственноручным письмом Людовика XV, сочла возможным исполнить просьбу французского короля, и руководители внешней политики России, Бестужев и Воронцов, разорвали в присутствии французского поверенного неприятный текст с секретными статьями. После этого договор был ратификован обеими сторонами. Французский поверенный при русском дворе Дуглас был очень доволен таким исходом дела, из за которого на его голову посыпалось столько упреков, и в сообщении Терсье от 8 марта 1857 г. о ликвидации столь неприятного для Франции инцидента, не без некоторого самодовольства, мог сделать следующую любопытнейшую приписку: „Вы не можете более упрекать меня в раболепии перед распутницей, безнравственной, бесстыдной, не пристойной.“[2])

Присоединение России к австро-французскому соглашению повлекло за собой перемену в организации дипломатического представительства при обоих дворах. Поверенные в делах Бахметьев и Дуглас были отозваны своими правительствами, а для поддержания дружествен-

[1]) Мартенс. Сборник трактатов и конвенции. Т. I., Стр. 188—201.
[2]) *Валишевский.* „Дочь Петра“. М. 1912, стр. 558.

ных отношений между Россией и Францией, посланником русского правительства назначался брат канцлера Михаил Бестужев, а маркиз Лопиталь—посланником французского правительства при русском дворе. Лопиталь около полугода ехал в Петербург, куда прибыл только тогда, когда семилетняя война была в полном разгаре. С какими поручениями ехал маркиз Лопиталь в Россию, какой линии он должен был держаться в Петербурге, действительно ли Франция Людовика XV желала и стремилась к установлению прочных дружественных отношений—на все эти недоуменные вопросы дают ясный ответ королевские инструкции. Маркизу Лопиталю предписывалось следить за переменой мыслей императрицы, дабы впоследствии использовать тех лиц, которые в тот или другой момент могут оказать влияние на болезненную государыню. Кроме того, посланнику рекомендовалось „ухаживать за цесаревной Екатериной Алексеевной и всячески располагать ее в пользу франко-русского союза, не упускать из виду и наследника престола Петра и стараться польстить ему".

Франко-русский союз Версальское правительство стремилось использовать в своих односторонних целях. По мнению французского министра иностранных дел Берни, Россия была нужна Франции, как внешняя сила, причем русская армия должна была действовать несамостоятельно, „отдельными диверсиями, угрожая Пруссии, взимая с нее контрибуции, отвлекая армию прусского короля, но не вступая с нею в сражение, которое может ослабить их и принести ему новые выгоды".[1]) Такая военная тактика должна была продолжаться до тех пор, пока прусская армия не будет поставлена в затруднение австрийской армией, „дабы избежать сражения с прусским королем до тех пор, пока не будут расчитывать на верный успех."[2]) Таким образом, участие России в возникшей войне определялось довольно узко. Русская армия рассматривалась, как вспомогательная армия австрийской, не имеющая права предпринимать какие бы то ни было самостоятельные действия. Разумеется, такой взгляд не соответствовал настроению русского правительства, которое, по мере развития военных успехов в восточной Пруссии, проводило свою собственную военную политику и стало разговаривать с Лопиталем „смелым, чтобы не сказать дерзким тоном".[3]) Министр Финансов, стоявший на реальной почве об'ективных фактов и отношений, признавал, что в виду значительного расстояния, отделяющего Францию от России, между обеими державами не может образоваться тесного союза, так как они не могут поддерживать друг друга. Кроме того, Франции придется выступать с протестом от имени короля, если русское правительство пожелает расширить свои владения на счет союзных с Францией Польши или Швеции.[4]) И это обстоятельство отнюдь не могло способствовать укреплению политического союза между обоими государствами. Трезво смотревший на сущность русско-французских отношений, министр финансов допускал возможность развития оживленной торговли между обеими сторонами, и Лопиталю предписывается собрать подробные сведения о русской внешней торговле.[5]) Министр Финансов не скрывал от себя превосходства английской торговли над французской. Процветание английской торговли об'яснялось двумя мотивами: 1) английские товары доброкачественнее французских, 2) англичане могут про-

[1]) Безобразов. О сношениях России с Францией. М. 1892, стр. 222.
[2]) Безобразов. Op. cit, стр. 230.
[3]) Ibidem. стр. 230.
[4]) Ibidem стр. 222
[5]) Ibidem стр. 222

давать дешевле, чем французы. При таких условиях вытеснение Англии с русского рынка может быть результатом сравнительно продолжительного времени. Необходимо для этого познакомиться с организацией торговли Англии в России: исследовать, какие ветви торговли наиболее выгодны англичанам, каково качество и каковы цены английских товаров, какие пошлины они платят... Только после собрания такого рода сведений, думает министр финансов, можем мы, доставляя те же товары русским, выдержать конкуренцию с англичанами.[1]) Посольство Лопиталя должно было увенчаться заключением выгодного для Франции торгового договора, который бы „сделал ему столько же чести, сколько самые блестящие подвиги".[2]) Торговый договор, по мнению министра финансов, имеет большее значение, чем самые блестящие результаты войны, которые „сводятся часто к проходящему благу, между тем, как от удачного торгового трактата государство в течение многих лет богатеет и усиливается".[3])

Королевские и министерские инструкции весьма характерные показатели настроения французского правительства по отношению к России. Для Людовика XV Россия—орудие в руках союзников, действующее по их указаниям и ради их собственных целей, так как собственными средствами они осуществить их не могут. Для Франции был необходим разгром Англии в целях возвращения отнятых ею колоний. Для Австрии разгром Пруссии и расширение ее владений были источником ее империалистических устремлений. Осуществление того и другого было возможно с помощью России, при условии, что она не потребует за это для себя никакой компенсации. С помощью России предполагалось ослабить английскую торговлю, если удастся Англию вытеснить с русского рынка. Экономическое ослабление Англии повлечет за собой и политическое ее падение. Французские дипломаты совершенно отчетливо представляли себе эту связь между расцветом английской торговли и политическим значением Англии. Так Россия становилась в центре борьбы Англии и Франции, борьбы чреватой последствиями, и в которой обе стороны не желали считаться с интересами и выгодами самой России.

Внешние действия не благоприятствовали постановке вопроса о торговом договоре России с Францией в условиях наиболее выгодных для последней. Все внимание французского правительства было сосредоточено на внешней политике русского правительства, на недопустимости с его стороны каких бы то ни было самостоятельных действий, а тем более осуществления планов территориального расширения и усиления России, либо за счет Пруссии, либо Польши. Эта фальшивая, притом близорукая, завистливая политика французского правительства, конечно, шла в разрез с настроениями России, но в то же время она способствовала усилению Англии, так как русское правительство, по понятным вполне соображениям, стремилось держаться подальше от Франции, не вступая с нею ни в какие торговые договорные отношения. Достаточно указать, как держала себя Франция в вопросе о предположенных Россией компенсациях в Восточной Пруссии, как стремилось французское правительство, разбитое и англичанами и пруссаками, захватить все нити дипломатических переговоров в свои руки, отделив свои интересы от интересов России и Австрии, чтобы понять то чувство недовольства, которое питало русское правительство к Франции, видя в последней главного своего

1) Ibidem стр. 222—223
2) Ibidem стр. 223
3) Ibidem стр. 223

противника в достижении поставленных им целей. Эта политика Франции по отношению к России оставалась без изменения и тогда, когда в 1759 г. руководителем внешней политики, министром иностранных дел, стал герцог Шуазель, в этом отношении вполне разделявший понятия и взгляды Людовика XV. Недаром Шуазель предлагал России принять участие в предполагавшейся экспедиции в Англию, которая, если бы только была приведена в исполнение, нанесла бы непоправимый ущерб русской торговле.

Требование русского правительства о присоединении к России Восточной Пруссии, при условии, если Франция при заключении мира потребует себе часть Нидерланд, а Австрия—Силезию, ставило перед французской дипломатией новые затруднения, обойти которые было необходимо, хотя и трудно. От французского представителя в России требовалась быстрота действий, ловкость и сообразительность, привычка к интриге, качества необходимые для дипломата того времени, но которыми малоподвижный, старый, прямой и больной подагрой маркиз Лопиталь ни в какой мере не обладал. Необходимо было заменить маркиза Лопиталя другим лицом, более молодым и отвечавшим требованиям текущего момента, могущего быть чреватым неожиданными малоприятными последствиями для Франции. В силу этих соображений маркиз Лопиталь был заменен бароном де-Бретелем, пользовавшимся полным доверием со стороны Людовика XV. Последний поддерживал с бароном де-Бретелем тайную дипломатическую переписку, которая была начата Людовиком XV еще в бытность Лопиталя посланником при русском дворе. Благодаря этому Бретель вел двойную дипломатическую переписку—оффициальную с министром иностранных дел Шуазелем и тайную с королем Людовиком XV, лично или через посредство главного королевского агента герцога де-Бройли и Терсье. Тайная и оффициальная дипломатические переписки, указаниям которых должен был следовать Бретель, часто противоречили одна другой, и французскому посланнику при русском дворе приходилось так определять линию своего поведения, чтобы последняя не противоречила ни оффициальным указаниям самого министра, ни тайным указаниям короля. В своих секретных инструкциях Людовик XV поручал молодому дипломату стремиться к тому, чтобы от русской политики не пострадали, с одной стороны—интересы Польши, а с другой—, чтобы Россия непременно отказалась от требования Восточной Пруссии в виде компенсации за участие в семилетней войне. Кроме того, необходимо было убедить русское правительство в необходимости скорейшего заключения мира, и вместе предложить русскому правительству вести переговоры о мире при посредничестве короля.[1]) Вся королевская инструкция проникнута боязнью политического усиления России, и в то же время она отличается довольно значительной близорукостью, так как обнаруживает полное непонимание тех принципов, которыми руководилось русское правительство во внешней политике, вообще, и, в частности, по отношению к Польше. Россия была нужна Франции, как союзная сила в борьбе австро-французского союза с Пруссией, но отнюдь не как видный фактор в международной политике. Отсюда тенденция правительства Людовика XV всячески стремится к тому, чтобы Россия политически не усилилась. Такая политика ставила французского дипломатического представителя в более, чем затруднительное положение, так как она не могла расположить русское правительство к упрочению франко-русских сердеч-

---

[1]) Безобразов. Op. cit. стр. 241.

ных отношений. Кроме того, французское правительство обратилось ко всем союзным дворам с декларацией, в которой „христианнейший" король, тронутый несчастиями, приносимыми войной Европе и почти всему известному миру, считает долгом об'явить своим союзникам и, главным образом, русской императрице, что его человеколюбие и внимание, с которым он относится к счастию управляемых им народов, заставляет его желать, чтобы все союзники способствовали восстановлению общего мира.[1]) По мнению французского правительства, выраженному в декларации, дальнейшее продолжение войны становится безцельным, так как „могущество прусского короля настолько ослаблено, что, если бы не поддерживала его Англия, он не мог бы уклониться от вознаграждения, которое можно от него потребовать за его несправедливое нападение."[2]) Ослабленный прусский король становится уже не опасным, поэтому отнюдь не следует опасаться, что, по заключении мира, прусский король новым нападением осмелится нарушить покой и равновесие Европы.[3]) Вместе с тем, декларация уверенно делала заявление, что „король польский и австрийская императрица—единственные державы, которые потребуют себе вознаграждения, как жертвы прусского нашествия".[4]) Такая декларация, в которой оффициально было заявлено только о двух державах, требующих себе компенсации, хотя правительству Людовика XV было известно о требовании Россией Восточной Пруссии в виде вознаграждения, не могла способствовать установлению и укреплению основанных на доверии отношений между Россией и Францией, так как проводимая „христианнейшим королем" политика явно противоречила интересам русского правительства.

Секретные инструкции и декларация сняли завесу с французской политики, и правительство Елизаветы Петровны прекрасно оценивало всю первостепенную важность этой столь враждебной России оффициальной политики.

Секретные инструкции, данные Бретелю, и королевская декларация ставили молодого дипломата в более, чем затруднительное положение, так как добиваться от русского правительства согласия на те или другие предложения французского правительства, при двойственности политики французского правительства, было фактически невозможно. Между тем, на Бретеля было возложено поручение первостепенной важности, которое для Франции, благодаря политической и экономической конкуренции ее с Англией, имело громадное значение, а именно, заключение торгового договора с Россией на условиях наиболее благоприятных для Франции, причем и со стороны русского правительства замечалось ясно выраженное намерение итти в вопросе о торговом договоре навстречу Франции. Удачному исходу франко-русских переговоров о торговом договоре в значительной степени помешала близорукая политика Людовика XV. Боязнь усиления России и желание сохранить Польшу вне сферы влияния России побуждали Людовика XV больше думать о хитроумных политических комбинациях текущего момента, чем об удовлетворении насущнейших нужд Франции, которые, при известных условиях, могли бы иметь и первостепенное политическое значение. Неудивительно, что переговоры о заключении франко-русского торгового договора кончились полной неудачей, хотя необходимость последнего, как одного из способов

---

[1]) Безобразов. Op. cit, стр. 248
[2]) Ibidem, стр. 248
[3]) Ibidem, стр. 248
[4]) Ibidem, стр. 248

борьбы Франции с Англией, вполне отчетливо сознавалась правительством Людовика XV.

Скоропостижная смерть Елизаветы Петровны в декабре 1761 г., и вступление на престол Петра III сразу разрушили политические мечты французского правительства. Встревоженное французское правительство, хорошо зная прусские симпатии вступившего на престол Петра III, предлагало своему дипломатическому представителю стремиться „поддерживать существующую систему и союз с обоими императорскими дворами. Но если они вступят на противоположный с нами путь, нам надо решительно настаивать на принятых ими обязательствах, не позволяющим им договариваться о мире без нашего согласия. Это не потому, что бы мы не желали мира, но потому, что мир не может быть нам выгоден, если будет заключен при посредничестве России.“[1]) Все эти предположения были разрушены Петром III, который вопреки даже предположениям самого Фридриха, 8 июня 1762 г. заключил мир с Пруссией с возвращением Прусскому королю всех земель, занятых русскими войсками, и притом без всякого вознаграждения. Французская своекорыстная политика потерпела полное крушение, и французский представитель при русском дворе был поставлен в весьма затруднительное положение, так как ни Бретель, ни Петр III не скрывали взаимного нерасположения одного по отношению к другому. При таких условиях, когда хитросплетенная политика потерпела полную неудачу, и обе стороны выражали взаимное нерасположение, положение Бретеля было очень тяжелым, прямо-таки невыносимым. Он стремился вырваться из создавшейся тяжелой атмосферы и просил французское правительство о своем отозвании. Такое разрешение было дано. Бретель выехал в Варшаву, а потом в Вену, куда прибыл за несколько дней до государственного переворота 29 июня 1762 г.

Екатерина Алексеевна, готовясь к государственному перевороту, учла создавшиеся недружелюбные отношения между французским дипломатическим представителем и двором Петра III. Не располагая средствами для оплаты расходов по предполагавшемуся дворцовому перевороту, Екатерина Алексеевна обратилась за поддержкой материального характера к французскому послу накануне его от‘езда заграницу. Для переговоров с Бретелем будущая императрица воспользовалась французом Одаром, явившимся к Бретелю с предложением следующего характера: „Императрица, сказал он, поручила мне доверить вам, что, побуждаемая самыми верными своими поданными и доведенная до отчаяния обращением с ней супруга, она решилась на все, чтобы положить этому конец. Не зная, когда ей удастся исполнить свое мужественное решение и какие затруднения представятся ей на пути, она спрашивает Вас, может ли король помочь ей 40 тысячами рублей, есть ли у вас кредит в Петербурге, и не можете ли вручить эту сумму лицу, которое передаст ее императрице в обмен на расписку“. Посланец Екатерины Алексеевны был известен Бретелю, как человек весьма расположенный к Франции, но послу показалось задуманное предприятие не достаточно серьезным, чтобы оно заслуживало полного доверия и внимания. Поэтому, французский посол решил ограничиться ответом, который, хотя по существу и был отрицательным, но был дан в такой осторожной форме с тем, чтобы самолюбие искавшей поддержки Екатерины не было задето. Посол ответил посланцу Екатерины Одару, что, хотя ему известны те чувства, которые король питает к императрице, но, что его величество держится принципа никогда не вмешиваться во внутренние

[1]) Безобразов. Op. cit, стр. 259

дела. Желая смягчить свой категорический отказ, Бретель сейчас же добавил, что, „если его величество, несмотря на денежные затруднения, будет в состоянии помочь императрице, он сделает это с удовольствием, не спрашивая, на какой предмет необходима просимая сумма". Заявив о своем полном доверии к Одару, Бретель прежде, чем сообщить о сделанном ему предложении королевскому двору, потребовал пред'явления какого-нибудь оправдывающего документа. Таким, по мнению Бретеля, может служить собственноручная записка Екатерины такого содержания: „Я поручила подателю сей записки пожелать вам хорошего пути (faire mes adieux) и просить вас сделать несколько маленьких закупок, которые прошу вас прислать как можно скорее."[1]) Бретель сообщил своему секретарю Беранжё копию записки и, считая всю эту затею, не имеющей никакого реального значения, уехал на следующий день. Беранже поручалось принять Одара, и в случае получения соответствующей записки, немедленно сообщить об этом Бретелю с тем, чтобы последний получил возможность сообщить об этом правительству Людовика XV.[2]) Свидание Беранже с Одаром действительно состоялось. Одар вручил Беранже записку, но с несколько иным содержанием. В записке Екатерина писала следующее: „покупка, которую мы хотели сделать, будет несомненно сделана, но гораздо дешевле, нет более надобности в других деньгах."[3]) Такой ответ екатерины повлек за собою прекращение всяких дальнейших отношений с французским дипломатическим представительством.

Переворот 29 июня 1762 г. состоялся, но без всякого участия французского представительства. Предложение Екатерины, сделанное французскому представителю, в случае его принятия, открыло бы французскому правительству блестящие дипломатические перспективы— поставить Россию в орбиту французской внешней политики и заключить с Россией выгодный торговый договор, к которому так настоятельно стремилась Франция. Нельзя, разумеется, не признать поведения Бретеля во всей этой истории крайне тактичным и осторожным, но в то же время и достаточно близоруким, обнаруживавшим полное отсутствие у Бретеля понимания всей создавшейся политической обстановки. Дипломатические промахи Бретеля были правильно учтены руководителями французской внешней политики. Герцог Шуазель, получив от Бретеля из Варшавы донесение о его переговорах с Екатериной, уже после состоявшегося переворота, в письме от 9 августа, после того, как Бертель был вынужден немедленно вернуться в Петербург, от имени короля и своего имени, высказал ряд горьких упреков по поводу поведения Бретеля в его переговорах с Одаром. Король остался недоволен тем, что Бретель не предоставил Екатерине требуемой суммы денег и не остался в столь ответственный момент в Петербурге.[4]) С своей стороны, и Шуазель писал Бретелю, упрекая его в недостаточной дальновидности поведения, а также в том, что он, зная о готовящейся революции, уехал из Петербурга и ничего не сообщил об этом французскому правительству. Шуазель считает, что Бретель должен был немедленно вернуться в Петербург, как только он получит в Варшаве сообщение о состоявшейся дворцовой революции. Шуазель поручал Бретелю откровенно заявить вступившей на престол Екатерине об искреннем сожалении французского короля по поводу того, что поведение в этом деле королевского министра не отвечало планам и

[1]) Сбор. Ист. Общ. т. 140, стр. 23
[2]) Сбор. Ист. Общ. т. 140, стр. 24
[3]) Безобразов. Op. cit стр. 265
[4]) Сборник 140, стр. 38

видам короля, и что король был лишен возможности проявить доказательство своей дружбы к Екатерине.[1]) Как бы то ни было, ошибочный дипломатический шаг был сделан французским представителем, и ему же приходилось с большим опозданием исправлять почти неисправимые ошибки. Герцог Шуазель предполагал, что такая дипломатическая откровенность со стороны дипломатического представителя Франции должна будет „произвести благоприятное впечатление на сердце императрицы, и что такое поведение явится источником приобретения ее доверия".[2])

Эта видимая искренность французского правительства отнюдь не являлась показателем настоящего расположения французского правительства по отношению к России. По существу французская политика оставалась той же, а приобретение искренности и доверия императрицы нужно было лишь для более успешного и удачного выполнения французских планов. С этой точки зрения, неудачное поведение Бретеля в момент подготовлявшейся революции в Петербурге служило темой, к которой не раз возвращался герцог. Брольи в своей переписке с Бретелем, указывая последнему, что, если бы „король был своевременно информирован о всех тех обстоятельствах, которые можно было предвидеть и которые вскроются после смерти императрицы Елизаветы, а также о революции, низвергнувшей царя, то он одобрил бы, наверное, подготовку совершившегося переворота".[3]) Герцог Брольи высказывал сожаление, что Бретель не остался в Петербурге и не воспользовался первым моментами царствования императрицы, чтобы заручиться таким ее доверием, чтобы мы могли использовать его по собственному усмотре-нию (qu'il nous serait utile de vous y voir[4]).

Действительно, с вступлением на престол Екатерины II принципы французской политики по отношению к России остались без всякого изменения. Франция по прежнему стремилась использовать Россию в своих собственных целях, отнюдь не допуская мысли о возможности политического усиления России. Новая инструкция, данная Людовиком XV Бретелю, подтверждает все вышесказанное. В инструкции Людовик XV писал: „уверяют, русские вельможи желают сделать из России республику или, по крайней мере, ограничить власть монарха. Я чувствую, что это не может случиться скоро. Но так как от этого во всяком случае произойдет ослабление русского государства, я думаю, вы серьезно займетесь исследованием расположения нации к императрице, к князю Ивану, и стремления ее к свободе. Все, что может погрузить русский народ в хаос и в прежнюю тьму выгодно для наших интересов. Единственный предмет моей политики по отношению к России—это удалять ее, насколько возможно, от европейских дел".[5]) Откровенность Людовика XV достойна внимания, но при создавшейся политической кон'юнктуре, едва ли принципы подобной политики можно было назвать отвечавшими интересам самой Франции в виду предполагавшегося возобновления переговоров по вопросу о заключении франко-русского торгового договора. Герцог Брольи, с своей стороны, давая указания Бретелю, как он должен себя держать при новом правительстве, писал следующее: „к депеше короля могу прибавить только то, что вы можете быть очень полезны в России, не стремясь сделать из нее союзницу Франции. Таковой Россия никогда не может

---

[1]) Сборник т. 140, стр. 38
[2]) Сборник т. 140, стр. 38
[3]) Сборник т. 140, стр. 44
[4]) Сборник т. 140, стр. 45
[5]) Безобразов, Op. cit, стр 266

быть. Все ваши способности должны быть направлены к тому, чтобы воспрепятствовать России принимать участие во внешней политике, стремясь в то же время создать всевозможные затруднения внутри государства".[1]) Письмо герцога Брольи дополняет оффициальную инструкцию Людовика XV. То, о чем было сказано в общей форме в оффициальной инструкции, получило отчетливое выявление в частном письме Брольи, как лица, через руки которого проходила вся секретная дипломатическая переписка Людовика XV. К этим высказанным положениям Людовик XV возвращался неоднократно, словно боясь, что барон Бретель уклонится в сторону от указанных принципов, и характер политики Бретеля будет совсем иной. Рекомендуя внимательное наблюдение за поведением Екатерины, Людовик XV подчеркивал необходимость „искать повод для уверений в дружбе, с тем, чтобы мероприятия правительства России были благоприятны для интересов самого Людовика XV".[2])

Неоффициальная политика французского правительства не стремилась к установлению между Францией и Россией действительно дружественных отношений, развитие которых было бы в интересах обоих государств. Между тем, политическая борьба Англии и Франции, временно приостановившаяся вследствие заключенного с французами сепаратного соглашения, прекратившего между ними военные действия, еще отчетливее выдвигала существовавшее между обоими государствами экономическое соперничество. Ослабление экономического могущества Англии должно было повлечь за собой усиление политической мощи Франции. Ослабление Англии могло быть осуществлено только при содействии России и при наличии благоприятной обстановки для развития торговли Франции с Россией. Это прекрасно сознавали представители французской реальной политики. Эта же мысль становилась не чуждой и правительству Людовика XV, на которое оказывали влияние представители торговой Франции. Но увлечение принципами, выраженными в инструкции Бретелю, помешало Франции воспользоваться общей политической кон'юнктурой и заключить выгодное для Франции торговое соглашение. В конечном итоге, подобная политика влекла за собой экономическое и политическое усиление Англии при параллельном ослаблении Франции, на что руководители французской внешней политики не могли или не сочли нужным обратить свое внимание. Увлечение сложной дипломатической игрой отвлекло французских дипломатов в сторону от реальной политики. Бретель и Беранже сообщали своему правительству о предполагаемом торговом договоре России с Англией, не отдавая себе отчета о значении такого договора для Франции и не стремясь поставить отношения России и Франции на более деловые и прочные основания, на почву развития франко-русских торговых отношений. Такая недальновидная политика, бывшая сплошным экономическим проигрышем для Франции, не могла не встретить осторожного осуждения со стороны тех общественных элементов, которые были заинтересованы в развитии торговых сношений России с Францией и которые стремились политику Людовика XV по отношению к России сделать более реальной. В этом отношении очень интересен мемуар Sauveur'a, представленный Бретелю 26 сентября 1762 г. и сообщенный последним Шуазелю. Мемуар составлен лицом, прекрасно осведомленным о состоянии торговли в России, и вместе с тем отчетливо представлявшим себе те перспективы, которые должны будут открыться перед французской буржуазией в случае заключения благо-

[1]) Сборник т. 140, стр. 45
[2]) Сборник т. 140, стр. 58

приятного для Франции торгового договора и установления нормальных прямых торговых отношений России с Францией.[1]) Составитель мемуара о торговле указывал, что с давнего времени на обязанности королевских министров и консулов, аккредитованных в Петербурге, лежало информирование французского правительства обо всем том, что имеет отношение до торговли России с Францией. Эта проблема достаточно разработана во всех ранее писавшихся мемуарах и возвращаться к ней было бы скучно и бесполезно. Нет ничего лучшего, как напомнить об этих мемуарах. Составитель обращает внимание на то, что 1) французские торговые дома имеют небольшое значение в России, 2) Англия пользуется в России большим кредитом благодаря тому, что ее экспорт из России в два раза больше импорта. Вся вывозная торговля сосредоточена в руках англичан, так как по сравнению с другими странами, три четверти всей внешней торговли приходится на долю англичан. Главной причиной, способствовавшей развитию внешней английской торговле, является то обстоятельство, что англичане ведут не только собственно английскую торговлю, но что в их руках находится торговля Италии, Франции, Испании. Благодаря этому Франция попадает в полную финансово-экономическую зависимость от Англии. Если правительство короля будет поставлено в необходимость переводить кредиты в Россию, то последние переводятся на английские торговые дома. Снабжение королевского флота необходимыми материалами производится английскими торговыми домами. Французские купцы, имеющие торговые связи с Россией, вынуждены производить свои торговые сделки с помощью английских торговых домов. Мало того, французские торговые дома были очень оскорблены тем, что в мирное время французские корабли направляются на адрес англичан, и были снабжены для них за счет Франции. О таковом положении дел Sauveur еще 9 декабря 1760 г. представил мемуар другу Шуазеля г. Праслину, который принципиально отнесся с большим сочувствием к высказанным в мемуаре мыслям о необходимости принять надлежащие меры, но внешние обстоятельства не благоприятствовали этому, и приходилось ожидать, что только после заключения мира возможны перемены. Французское правительство в его целом, с своей стороны, было готово принять все от него зависящие меры, лишь бы вернуть французским домам прежнее значение le courage abattu. Для практического осуществления намеченной торговой политики было решено принять во внимание два следующих правила в качестве руководства для восстановления самостоятельной французской торговли: 1) всякий корабль, снаряженный в России каким бы то ни было французским торговым домом, должен пользоваться в портах льготами по уплате разного рода пошлин (d'un benefice dans les entrées ou d'une gratifications par tonneau), 2) флот короля будет предоставляться предпочтительно тем из негоциантов, которые направляют свои товары непосредственно по адресу французских торговых домов. Все ожидали только заключения мира с тем, чтобы воспользоваться всеми этими привилегиями, предоставленными французским торговым домам в России. Сами же англичане уже обнаруживали тенденцию удержать в своих руках все поручения французских негоциантов. Может быть по мнению Sauveur'а англичане получили соответствующие инструкции на этот счет и льстили себя надеждой видеть корабль под французским флагом, отправленным на адрес англичан. Несмотря на эти маневры англичан, было всегда в интересах французов из'ять свою собственную торговлю от англичан. При этом Франция выигрывает настолько, насколько потеряет

[1]) Сборник т. 140, стр. 72—76

Англия. Таким образом, по мнению Sauveur'a, наступил вполне благоприятный момент для захвата французами своей торговли в свои руки и вытеснения англичан с русского рынка. Программа эта, думает Sauveur, вполне осуществима, даже несмотря на то, что французская торговая колония маломощна по сравнению с английской. Такое положение об'ясняется исключительно тем, что всякий негоциант работает только из-за прибыли. Если предоставить французам соответствующие таможенные выгоды, то, несомненно, количество торговых домов не только в Петербурге, но и в Риге, и в Архангельске и везде, где для этого представятся благоприятные условия, увеличится. Несомненно, что торговые предприятия, располагающие большими капиталами, не перенесут своей деятельности в Россию (ne viendraient pas se transplanter en Russie). Зато они пошлют много мелких комиссионеров.

Записка Sauveur'a по своему содержанию ничего собою нового не представляла. Она лишний раз подчеркивала, что французская торговая политика по отношению к России убыточна для Франции и совершенно невыгодна для французского купечества. Подача мемуара имела лишь целью напомнить французскому правительству о текущих потребностях в области торговли, а также и о том, чтобы, пока англичане не возобновили торговых сношений с Россией, воспользоваться новой экономико-политической кон'юнктурой, изменить торговую политику России по отношении к Франции и из пассивной сделать ее более актуальной, действенной.

Через два дня тот же Sauveur подал новую записку,[1]) в которой общие разсуждения о характере французской торговли в России уже не имели места, уступив место реальному обсуждению о выгоде для Франции непосредственной торговли с Россией. Импортная торговля Англии из России по сравнении с остальными нациями превышает в три раза. Английский экспорт из России предназначался также для Франции, Испании и Италии. Для большей ясности и убедительности в том, что перемена французской торговой политики несомненно будет очень выгодна для Франции, Sauveur выражает характер английской экспортной торговли в следующем уравнении с одним неизвестным. Если вывоз из России в Англию определить в виде буквы—A, во Францию—B, в Испанию—C, Италию—D, а весь экспорт через—X, английская экспортная торговля выразится в формуле: $X=A+B+C+D$, следовательно, собственно английская торговля будет выражена формулой $A=X-B-C-D$. Необходимость отнятия у англичан посреднической торговли становится совершенно очевидной. Если даже, думает Sauveur, Франции не удастся отнять у Англии всю посредническую экспортную торговлю, то тем не менее необходимо стремиться к тому, чтобы возобновить свою самостоятельную торговлю до пределов возможного. Реальные выгоды, которые Франция может извлечь из непосредственных франко-русских торговых связей, представляются Sauveur'y в следующем виде: 1) Франция приобретает у русского правительства столько же доверия, сколько потеряла Англия, 2) вся прибыль (provisions), которую Франция в действительности переплачивает англичанам во своих торговых сделках, останется во Франции. Все эти предположения вполне выполнимы. Единственным препятствием к осуществлению намеченной программы экономического ослабления Англии может служить неправильное представление о реальных средствах, которыми располагают англичане в России. По мнению Sauveur'a необходимо отказаться от предубеждения в том, что англичане в России располагают большими капиталами. На самом деле, в Петер-

[1]) Сборник т. 140, стр. 75—76

бурге нет ни одного английского торгового дома, который имел бы основной капитал, превышающий 20.000 рублей. Самый характер торговли англичан в России не нуждается в больших капиталах, так как англичане во всех своих торговых сделках выступают только, как комиссионеры, исполняющие поручения иностранных и английских купцов за счет кредита, переведенного на Амстердам. Таким образом, все торговые операции англичан отличаются простотой: они получают поручения, торгуют, продают, вывозят за счет своих корреспондентов. На всех этих сделках они получают известную прибыль, которая является источником их обогащения. Благодаря такому характеру английской торговли становится совершенно очевидным, что все эти торговые операции могут проделать и французы, и что нет никакого основания отдавать предпочтение англичанам. Если в данный момент имеется такое предпочтение, то последнее зависит от той торговой политики, которой держалось французское правительство, не предоставляя кораблям, приходящим из России в порты Франции, тех или других выгод, когда они снаряжены французскими торговыми домами, и снабжены визой французского консула. Sauveur заканчивает свою вторую записку глубоким убеждением, что, при ряде благоприятных условий, французы могут или совсем отнять у англичан или разделить с ними торговлю кожей, которую они имеют в Италии, ввозя эти товары через Ливорно.

Вторая записка совершенно верно анализирует общие условия, в которых развивалась английская торговля в России, но оптимизм автора относительно возможного успеха, при вытеснении Англии, весь обоснован на ряде предположительных заключений, могущих и не оправдаться. Наконец, автор записки совершенно не касается вопроса о том, смогут ли французы вступить в непосредственные торговые сделки с представителями русских торговых домов, которые уже привыкли иметь сделки с английскими торговыми домами на началах взаимного доверия и кредита.

II.

Французские дипломаты при русском дворе в первые месяцы правления новой государыни не подымали в своих донесениях вопроса о торговле. Но, когда этот вопрос, правда, в очень общей форме, поставил граф Панин, который в своей беседе указал Бретелю, что для скорейшего восстановления России необходимо развитие торговли, и что торговля с Францией может иметь место, и что оба государства будут пользоваться от нее взаимными выгодами,[1]) то Бретель, с своей стороны, воспользовавшись темой разговора с Паниным, стремился познакомить Панина с некоторыми деталями вопроса о характере русско-французских торговых отношений, пытаясь в то же время уничтожить существующее предубеждение, будто только Англия является единственной державой, с которой может торговать Россия. Вместе с тем Бретель подчеркнул, что торговля Англии с Россией базируется на некоторых предоставленных ей правах и преимуществах согласно торговому договору, и что только полное равенство в вопросах торговли может создать конкуренцию.

Торговля для нации не может быть полезной, если при покупке продуктов имеется наличие привилегий одной нации перед другой, а также и условий, препятствующих развитию взаимной конкуренции. Панин согласился, по словам Бретеля, с его положениями, но одновременно возразил против утверждения французского дипломата, будто торговля России была невыгодна для нее самой. Сообщая свой раз-

[1]) Сборник т. 140, стр. 87

говор с Паниным, Бретель отмечает, что „Панин определенно нас не любит, и что он доволен вообще создавшимися препятствиями, но что он стремится к благу страны, в основе которого лежит развитие торговли“. Разговор с граф. Паниным Бретель считает в общем благоприятным для Франции, позволяющим надеяться на успех в переговорах в этом направлении.[1])

Беседа с графом Паниным не могла быть не отмечена французским правительством. Она показала необходимость серьезного отношения к вопросу о торговле, так как с русской стороны имелась тенденция построить торговлю на началах, наиболее выгодных для России. Вот почему французским дипломатам придется все чаще и чаще затрагивать в своих донесениях вопросы, касавшиеся торговли, одновременно внимательно следя за действиями и переговорами с русским правительством своих конкурентов-англичан. Впрочем, французский дипломат, имея в виду организацию торговли Франции с Россией в условиях, более благоприятных по сравнению с предыдущим временем, в то же время не предполагал в своей действительной политике отступить от тех начал, которых Людовик XV предлагал ему держаться в отношениях к России. В донесении от 5/16 декабря 1762 г., отправленном Брольи, барон де Бретель еще раз отметил ту линию поведения, которой он придерживается по отношению к России. „Я также убежден, как и Вы, что ничто так не подходит к системе Франции, как заключение союза с Россией. Мои заботы и моя работа не идут в этом направлении. Я рассматриваю Россию только с точки зрения торговли, которую для нас было бы полезно отнять у англичан или разделить выгоду от нее совместно с англичанами. За исключением этого, все мои тенденции направлены к разрушению этого чудовищного могущества. Я глубоко убежден в том, что необходимо в интересах нашего дорогого отечества стремиться к тому, чтобы давать ему побольше хлопот внутри.“[2]) Разумеется, Людовик XV был доволен тем, что его представитель при русском дворе так точно придерживался данных ему инструкций, но такая настойчивость в достижении поставленной себе цели отвлекала внимание Бретеля от русско-французского торгового договора и от развития торговых связей с Россией, имевших столь существенное значение в экономической и политической борьбе Франции с Англией, и указывала только на близорукость дипломата, остававшегося в полном убеждении, что основная линия его поведения по отношению к России остается неизвестной правительству последней.

К вопросу о русско-французской торговле Бретель снова вернулся в письме к Шуазелю от 9/20 декабря 1762 г. Указывая на то, что граф Панин весьма озабочен тем, чтобы русская торговля находилась в цветущем состоянии, Бретель предполагал, что для постановки французской торговли в России наступает подходящий момент. „Если мы, пишет Бретель, будем действовать быстро, то мы можем добиться тех льгот, которых мы не имели возможности получить в течение 6 последних месяцев, так как в ближайшем будущем либо влияние Панина станет менее значительным, либо англичане увеличат свой кредит в России.[3]) Настаивая на необходимости заключения франко-русского торгового договора, и указывая на те затруднения, которые англичане испытывают в своих переговорах о заключении русско-английского торгового договора вследствие требования уничтожения

[1]) Сборник 140, стр. 88
[2]) Сборник 140, стр. 132
[3]) Сборник 140, стр. 136

старых статей и добавления новых, Бретель высказал предположение, что эти затруднения, по возможным планам русского министра, могут заставить и нас быть более снисходительными при заключении торгового договора, так как мы не будем настаивать на получении тех преимуществ, которыми до сих пор сами не пользовались.[1]) При этих условиях, не было ли предпочтительней для Франции, ставит вопрос Бретель, предоставить англичанам спорить относительно всех условий по договору, в которых мы впоследствии будем информированы. Однако, такая позиция, думает Бретель, была бы весьма ошибочной: 1) не зная всех деталей англо-русского торгового договора, мы будем не в состоянии использовать их в наших интересах; нам же необходимо руководиться прежними англо-русскими договорами, 2) англичане, пользуясь без договора всеми выгодами торговли, могут подумать, что мы не собираемся заключать торгового договора и что мы ожидаем только конца их переговоров, могут замедлить с заключением договора для того, чтобы в первые годы мира использовать исключительно для себя огромное количество того снабжения, которое мы, естественно, пожелали бы иметь в виду необходимости быстрого возрождения нашего флота.[2])

Вопрос о заключении франко-русского торгового договора был таким образом тесно связан с переговорами англичан о заключении такого же трактата, переговоры о котором уже велись в Петербурге. Бретель и его преемники прекрасно понимали значение для французской торговли англо-русского торгового договора и в своих донесениях официальному руководителю внешней политики сообщали все те слухи и сведения, которыми они располагали, как относительно хода переговоров, так и относительно тех или иных финансовых предложениях России со стороны Англии.[3]) Несмотря на благоприятную политико-экономическую ситуацию, Бретель мало подвинул вперед вопрос о франко-русском торговом договоре. Политические задания Людовика XV оставляли в тени торговый трактат, и Бретель, в осуществление тайных мыслей и планов короля, был занят больше дипломатической интригой, чем заботами о заключении действительно выгодного для Франции торгового договора. Интриги Бретеля, о которых Екатерина II была хорошо осведомлена, только усиливали позицию Англии в вопросе о торговом договоре.[4]) В конечном итоге, вся политика Бретеля, состоявшая из дипломатических хитросплетений и интриг, потерпела полное крушение, и Бретелю пришлось просить свое правительство об отозвании. Эта просьба была удовлетворена, и в мае 1763 г. Бретель, создав между русским и французским правительствами далеко не дружественные отношения, оставил северную столицу. Заместителем барона Бретеля был назначен маркиз де Боссе. Его назначение состоялось в сентябре 1763 г. Политические соображения и личные дела задержали приезд его в Петербург, куда он прибыл только в мае 1765 г. Представителем Франции впредь до прибытия нового посла оставался советник посольства Беранже.

III

Маркиз де Боссе, прежде, чем отправиться в Петербург, познакомился с дипломатической перепиской официального характера своих предшественников. Уже 4 октября 1763 г. новый посол представил

---

[1]) Сборник 140, стр. 136
[2]) Сборник 140, стр. 137
[3]) Сборник 140, стр. 145
[4]) Сборник 57, № 1102, 1144.

герцогу Шуазелю мемуар, посвященный вопросу о торговле Франции с Россией. Маркиз де-Боссе, на основании донесений своих предшественников, также приходит к выводу о целесообразности восстановления торговли Франции с Россией. Но самый характер торговли должен значительно измениться. Дело в том, что та существовавшая незначительная, непосредственная торговля Франции с Россией заключалась только в привозе предметов роскоши: драгоценностей, мебели, позолоченных вещей, экипажей и т. п., тогда как агличане привозили исключительно товары, необходимые и полезные. Товары же французские были вредны или опасны для русской нации. Благодаря этому, русское правительство всегда проводило демаркационную линию между торговлей французов и англичан. Впрочем, такое разграничение основано на недоразумении, так как значительная часть товаров, которые англичане привозят в Россию, французского происхождения. Русское правительство, указывает маркиз де-Боссе, выражает недовольство тем, что французы ввозят значительное количество безполезных предметов, и в то же время ничего не вывозят. Между тем, подчеркивает де-Боссе, все то, что английские купцы вывозят из России в большей своей части продается во Франции. Как бороться со всеми этими дефектами в организации французской торговли в России. По предложению де-Боссе, необходимо основать торговую компанию с основным капиталом в 650 т. ливров, которые могут быть собраны довольно скоро, если только компания будет уверена в сочувствии и покровительстве правительства. Необходимо предоставить компании и некоторые льготы в виде уменьшения портовых пошлин, тем более, что имеется много лиц, готовых войти в состав компании. Затем де-Боссе сообщает, что учредители будущей торговой компании считают необходимым скорейшее заключение торгового договора относительно вывоза льна, конопли, смолы, железа и других предметов морского снаряжения. Французское правительство при этих условиях будет покупать все необходимое из первых рук вместо того, чтобы обращаться к помощи посредников.[1]) В мемуаре де-Босе нового, конечно, ничего нет. Но он интересен в том отношении, что весьма отчетливо отражает настроение представителей французской буржуазии, с интересами которой Людовик XV мало считался в своей политике. Маркиз де-Боссе совершенно правильно характеризовал настроение французской буржуазии, желавшей возобновить торговые сношения с Россией непосредственно, минуя англичан. Статья в „Gazette de France" от 19 Сентября, на которую ссылается сам де-Боссе, указывала на необходимость восстановления торговли с Россией предоставлением Франции той свободы, которой пользуются в России все нации.[2]) Как бы в дополнение к записке маркиза де-Боссе, Беранже в своем письме от 11 октября 1763 г. указывает на намерение России учредить торговую компанию для торговли в Средиземном море, преимущественно в Кадиксе, Марсели, Ливорно, Генуе, куда предположено отправить коноплю, кожу, икру, воск и другие продукты.[3]) Ряд вопросов, предложенных в России представителям французского купечества действительным статским советником Тепловым, главным директором табачных платанций на Украине, о том, довольны ли французы табаком, привозимым из Виргинии и Амерсфорта, а также, в какой сумме выразится ежегодное потребление табаку и каких сортов преимущественно, указывает на наличие тенденции со стороны русского правительства

---

[1]) Сборник 140, стр. 242—243
[2]) Сборник 140, стр. 243
[3]) Сборник 140, стр. 246

завязать непосредственные торговые сношения с Францией.[1]) Однако, все эти факты и сведения, шедшие, как из французских, так и русских источников, не оказали никакого влияния на характер той политики, которой Людовик XV держался по отношению к России. Инструкция данная новому послу в России от 18 декабря 1763 г., служит наглядным доказательством того, что принципиальные взгляды Людовика XV на характер отношений России и Франции остались без всяких изменений. По мысли составителей инструкции:[2]) 1) реальные интересы Франции и географическое положение Франции по отношению к России не допускают возможности большего единения во взглядах и мероприятиях между Россией и Францией, 2) направления внешней политики русской и французской диаметрально противоположны. Россия является врагом Турции и Северных держав, к сохранению которых стремится Франция, 3) стремление варварской России к расширению своих границ и приближение к границам Франции не может не вызывать беспокойства, 4) вследствие обширности своей территории Россия, оставив некоторое количество войск для внутренней безопасности, может отправить за пределы своего государства чудовищные армии, 5) страна, войска которой достаточно приучены к войне, при наличии абсолютного и деспотического правительства, должна казаться опасной своим соседям и, главным образом, тем нациям, которые станут об'ектом для новых завоеваний. Указывая дальше на существенные противоречия во внешней политики России и Франции, в особенности в отношении к Польше, правительство Людовика XV считает, что единственные прямые отношения, которые Франция может иметь с Россией,—это торговые, в которых обе стороны могут пользоваться взаимными выгодами. Россия имеет огромное количество наиболее ценного материала, имеющего отношение к флоту. Получение последнего непосредственно может быть только желательным, как для уменьшения стоимости продуктов, так и для увеличения торгового и военного флота с соответствующим количеством матросов. Внимание правительства давно было обращено в этом направлении. Указывая дальше, что англичане благодаря только торговле, пользуясь большим кредитом в России, и заняв в этом отношении место голландцев и вместе с тем, вывозя в Россию французские товары: вина, материи, моды, способствовали в Петербурге распространению неправильного суждения, будто мы вывозим находящуюся в употреблении денежную монету вместо того, чтобы пользоваться продуктами края. Впрочем, благодаря некоторым разсудительным (sensés) людям и в частности министрам, русские отказались в настоящее время от этой ложной мысли[3]), и сознают, что мы нуждаемся столько же в их производствах, сколько и в продуктах собственных производств. Сами русские отчетливо представляют себе, что прямая и непосредственная торговля между обеими нациями позволит им разделить между собой прибыль иностранных предпринимателей. По мнению составителя инструкции маркизу де-Боссе—это последнее убеждение затормозило возобновление торгового договора с англичанами в виду тенденции предоставить торговые преимущества всем народам и восстановить между последними конкуренцию.

Эта политика без сомнения является самой лучшей, которой должна держаться Россия, и которой мы должны следовать. Когда вопрос о торговом договоре будет поставлен перед этим правительством

---

[1]) Сборник 140, стр. 239
[2]) Сборник 140, стр. 287
[3]) Сборник 140, стр. 291

и нами, то мы в качестве основания для переговоров получим торговый договор с англичанами. Признавая необходимость скорейшего заключения франко-русского торгового договора, составитель инструкции рекомендует маркизу де-Боссе и в этом вопросе не проявлять собственной инициативы и ждать того момента, когда об этом заговорит само правительство. Сам Панин весьма заинтересован в этом вопросе и, по всей вероятности, первый поставит его на обсуждение.[1])

Инструкция маркизу де-Боссе указывает, что оффициальная политика Франции по отношению к России остается без изменения. Политика недоброжелательства и недооценки России—это те же задачи, которые ставились во главу угла, как в оффициальной дипломатической, так и тайной переписке. В одном отношении содержание инструкции отличается значительной новизной. В ней отведено значительное место вопросу о торговом договоре с Россией, и, конечно, нельзя не признать, что такая постановка вопроса логически вытекала из тех докладных записок, которые по вопросам торговли представлялись Шуазелю. Инструкция маркизу де-Боссе отражает действительную политику французского правительства и, подчеркивая совершенно определенно необходимость заключения для Франции торгового договора с Россией, отличается той же близорукостью, что и инструкция барону де Бретелю. Руководители французской внешней политики слишком верили в искусство своей дипломатии, в силу своего влияния и политического значения, и потому мало обращали внимания на то, что двойственная позиция, занятая Францией по отношению к России, в конечном итоге даст Франции только одни неблагоприятные результаты, содействуя в то же время экономическому усилению своего политического и экономического врага—англичан.

Маркиз де-Боссе по разным соображениям задержался в Париже. Французское правительство в своих отношениях к России было больше всего занято вопросами внешней политики, главным образом, польским, перед которым торговый договор отступал на задний план, и в переписке Беранже с Шуазелем он занимает совершенно второстепенное место, тем более, что и представители русского правительства не подымали вопроса о торговом договоре с Францией. Между тем, французские купцы не переставали проявлять своего особенного внимания к уже ни раз затрагиваемому ими вопросу. Французских негоциантов очень интересовала и волновала проблема ослабления в России английского торгового влияния и возможность установления прямых непосредственных торговых связей с Россией. Так в июне 1764 г. некий Аверди представил записку относительно торговли с Россией.[2]) Самая записка в смысле содержания не дает ничего нового, для уже ранее высказывавшихся суждений, но она интересна, как показатель настроения определенных французских общественных кругов, весьма заинтересованных в развитии французской торговли в России и недовольных, быть может, медлительностью французского правительства в столь важном вопросе. В одном отношении записка дает новые данные—по вопросу о возможности вывоза из Украины табаку вместо того, чтобы вывозить последний из английских колоний, откуда табак вывозился в значительном количестве. Сокращение вывоза табаку будет весьма ощутительным для Англии.

Внешние—политические вопросы отстранили пока на второй план вопросы торговой политики, но маркиз де-Боссе, остававшийся в Париже, представил 9 сентября 1764 г. новый мемуар о торговле в Рос-

[1]) Сборник 140, стр. 292
[2]) Сборник 140, стр. 376—378

сии.[1]) Новая записка рассматривает злободневный вопрос весьма всесторонне. Видимо, сам автор довольно основательно познакомился со всеми материалами, касающимися французской торговли в России. Для России, думает составитель мемуара, северная торговля имеет громадное значение. Это обстоятельство было вполне оценено англичанами, чему является свидетельством все книги англичан, касающиеся торговли, все трактаты, все их поведение. Тем не менее, какие бы преимущества англичане не имели бы в России, по мнению Боссе, французы могут совершенно свободно конкурировать с ними и в скором времени их превзойти, так как они предоставляют для торговли больше предметов, чем все нации вместе. Не возбуждая подозрения англичан вопросом о торговом договоре, восстановление значительной торговли было бы вполне возможно, так как французские изделия потребляются в достаточном количестве. С своей стороны, и французы вывозят многие предметы, но всеми выгодами пользуются только одни англичане. Восстановление торговли повлекло бы за собой возбуждение вопроса о торговом договоре, и когда русские убедятся в том, что „мы потребляем большое количество материалов туземного происхождения, то англичане не будут говорить, будто мы стремимся ввозить наши товары, не вывозя никаких товаров русского происхождения“. От непосредственной и прямой торговли Франции с Россией получится ряд преимуществ первостепенной важности: 1) расширение потребления продуктов французского происхождения, что повлечет за собой увеличение производства фабричных изделий. С своей стороны, французские торговые дома, освободившись от издержек посреднического характера, будут получать товары из первых рук, что повлечет за собой увеличение распространения французских между русскими и соответствующее уменьшение покупной цены. 2) Непосредственные торговые связи с Россией уменьшат стоимость товаров, вывозимых из России, вывоз которых в данное время находится всецело в руках англичан, получающих вследствие этого значительную прибыль. 3) Уменьшение английской торговли в России и соответствующее увеличение французской будет смертельным ударом, нанесенным Францией Англии. Англичане давно чувствовали, что, если Франция постарается возобновить свои непосредственные торговые связи с Россией, то английская торговля параллельно этому упадет. Поэтому, англичане пускали в ход все средства с тем, чтобы помешать русской нации, привыкшей к потреблению наших продуктов, получать их непосредственно. Сокращение торговых оборотов Англии в России будет иметь огромное политическое значение, так как это повлечет за собой уменьшение политического влияния Англии при русском дворе. Английское влияние при русском дворе всецело основано на торговле. Никаких других тесных связей между Россией и Англией не существует. 4) Непосредственная торговля России с Францией будет способствовать увеличению, как торговли и флота, так и численности матросов, так как Россия через посредников снабжала Францию всем тем, что нужно для флота. 5) Плавание по северным морям—одно из наиболее опасных и затруднительных, и в то же время является наиболее подходящим для подготовки хороших матросов для флота. Таковы выгоды, получаемые Францией, по мнению маркиза де-Боссе, от непосредственной торговли с Россией.

Во второй части своей докладной записки маркиз де-Боссе касается вопроса о средствах восстановления французской торговли с Россией. До настоящего времени в Петербурге было большее или

[1]) Сборник 140, стр. 405—412

меньшее количество торговцев без кредита и без коммерческой репутации, на что неоднократно указывали представители французского правительства в России. Необходимо учреждение в Петербурге торгового дома под управлением французского негоцианта, который хорошо бы знал все местные условия жизни. Торговый дом должен быть снабжен достаточным капиталом и пользоваться за границей открытым кредитом, дабы он мог конкурировать в этом отношении с теми английскими торговыми домами, которые пользуются подобного рода репутацией. Такой торговый дом станет центром, на адрес которого негоциатны Франции будут отправлять свои товары. При такой торговой политике, поддержанной правительством, Петербург станет Константинополем Балтики. Для побуждения к основанию в России французских торговых домов необходимо, чтобы негоцианты были уверены в том, что возвращение во Францию будет им предоставлено, без чего ни один французский богатый коммерсант не решится обратить свое внимание на торговлю на севере. Наконец, необходимо открытие в Петербурге французского кредитного учреждения, с проектом которого выступил Raimbert, имевший в России торговлю в продолжении 15 лет.

Весной 1765 г. маркиз де Боссе прибыл в Петербург, где ему пришлось столкнуться с неоффициальной дипломатией Людовика XV, представителем которой в Петербурге явился французский консул Rossignol, которому были даны секретные инструкции от 20 июня 1765 г.[1]) Впрочем, новые секретные инструкции несомненно умереннее прежних. Очевидно, полная неудача дипломатии Бретеля побудила Людовика XV быть менее агрессивным по отношению к русскому правительству. Новые инструкции предлагали Rossignol'ю соблюдать величайшую осторожность в своих разговорах и не пытаться искать повода к уничтожению могущества России (loin de chercher à déprimer la puissance des Russes).

Новые секретные инструкции отводят больше внимания, по сравнению с предыдущими тайными инструкциями, вопросу о торговле. Людовик XV должен был подчеркнуть необходимость взаимной торговли, а также заинтересованность в последней обоих государств. Общие интересы должны найти соответствующее отражение в взаимном договоре. Но, по мнению Людовика XV, Франция едва ли будет в состоянии поддерживать с Россией значительную торговлю, при наличии ряда условий, тормозящих развитие торговых сношений, как-то: чудовищные пошлины на товары французского происхождения, монополии отдельных отраслей торговли, неисполнение принятых на себя обязательств, расположенность к Англии, с которой давность отношений (постоянная торговля), при наличии внушительного флота, делают связи России с Англией неразрывными. Поэтому все проекты, составлявшиеся по этому поводу, следует признать фантастическими, и „все наши отношения с этой державой, по мнению тайных инструкций, должны ограничиваться ознакомлением с ее политикой и предотвращением тех проступков, которые могут противоречить видам короля“. Новые инструкции умереннее прежних. Правительство Людовика XV несколько сбавило тон своих секретных указаний. Но противоречие между официальной и тайной дипломатией осталось по старому. Тайная дипломатия интересовалась Россией с точки зрения международных отношений, тщательно следя за линией поведения России и стремясь предотвратить акты, противоречащие интересам короля. Кроме того, тайная дипломатия полагала, что, несмотря на наличие ряда

[1]) Сборник 140, стр. 505—506

факторов, благоприятных для развития торговли Франции с Россией невозможно осуществление составленных по этому поводу проектов и фактически капитулировала перед Англией, перед ее морским и торговым могуществом. При такой двойственной линии поведения французского правительства положение оффициального представителя французской дипломатии было более, чем затруднительным, и, разумеется, вопрос о франко-русском торговом договоре не мог быть разрешен с той быстротой, какая была наиболее желательна для реальных торговых политиков, стремившихся вырвать всю или часть торговли с Россией из рук Англии и тем подорвать значение и влияние последней в России. Впрочем, маркиз де-Боссе по прежнему вопрос о торговле считал первостепенным для Франции. В депеше от 30 июля 1765 г.[1]) Боссе сообщает своему правительству о близости заключения англо-русского торгового договора и учитывает при этом политические последствия этого союзного договора, принуждающего Англию вопреки собственному желанию поддерживать союзные отношения с державами континента. В большой депеше от 21 октября 1765 г.[2]) маркиз де-Боссе снова обращает внимание герцога Пралена на необходимость установления непосредственной торговли Франции с Россией. Маркиз де-Боссе считает свой новый мемуар дополнением к записке, поданной им перед от'ездом и составленной на основании различных материалов и содержащей в себе лишь общие разсуждения по столь интересному вопросу. В своей новой записке маркиз де-Боссе сосредоточивает свое внимание на местных условиях, на которые обратили его внимание местные негоцианты, предлагавшие, с своей стороны, ряд определенных мнений и практических предложений. Так для поддержания активной французской торговли в Балтике необходимо только 10 кораблей при наличии французского торгового флота в 400 тонн. Если не считать того, что Франция теряет при покупке товаров через посредников, то убытки Франции вследствие отсутствия прямой торговли могут быть исчислены в 1 миллион ливров. Отсутствие прямой торговли России с Францией мешает сохранению коммерческой тайны (fidelitè et le secret des commissions)

При таких условиях весьма затруднительно удвоение своих потребностей без того, чтобы об этом не были осведомлены другие. Несомненно, такого рода деликатные поручения было бы преподчительнее давать французам, чем англичанам. Торговля по Балтике увеличит количество матросов для королевского флота. Плавание по балтийскому морю может служить для них прекрасной школой. Небольшие размеры моря, частые перемены ветров будут способствовать увеличению различных маневров, которые будут содействовать усовершенствованию в теории и практике морского искусства. Благодаря торговле, правительство всегда будет в состоянии противодействовать на севере планам России и Англии в целях уменьшения их влияния. С развитием торгового флота будут подготавливаться кадры матросов для королевского флота, если только король будет вынужден к тому, чтобы показать свой флаг на море и оказать влияние на государства Севера. Появление в северных портах французских купцов, по мнению де-Боссе, увеличивая конкуренцию и предоставляя северным державам различные преимущества, будет иметь для Франции те же последствия, что раньше для Англии, так как русские предоставят равенство в торговле тогда, когда заинтересованные нации придут в их порты. В целях развития франко-русской торговли и получения выгод, кото-

[1]) Сборник 140, стр. 524
[2]) Сборник 140, стр. 554—561

рые откроются вследствие торговли с Россией по мысли де-Боссе, необходимо побуждать французских негоциантов: 1) к открытию французских торговых домов и 2) необходимо заключить торговый договор, переговоры о котором были начаты при Елизавете Петровне, и только политические обстоятельства, в силу которых Россия находилась в непосредственной связи с Англией, создали ряд препятствий к тому, чтобы преодолеть все затруднения при заключении торгового договора. Возобновление переговоров о заключении торгового договора необходимо особенно с того момента, когда англичане возобновят свой. С другой стороны, русское правительство, в лице Панина, покровительствует увеличению франко-русского товарообмена и заключению торгового договора. Устройства французских торговых домов и их отделений в России—необходимо, по мнению Панина, для развития прямой франко-русской торговли. Между прочим, Панин указал на целесообразность вывоза из России во Францию солонины для флота через Архангельск, но, по мысли Боссе, такая торговля предпочтительнее будет через Ригу, куда направляются быки из Украины. Маркиз де Боссе указывает еще на то обстоятельство, что Панин в своей торговой политике стремится установить непосредственные сношения с отдельными французскими портами. Впрочем, предпринятая русским правительством экспедиция в Италию кончилась полным крахом.

В новом мемуаре по существу нового ничего нет, если не считать отдельных незначительных деталей, которые не вносят существенных изменений в те проекты относительно франко-русской торговли, которые составлялись де-Боссе и подавались заинтересованной в торговле стороной. В одном отношении записка дает новое. Она подчеркивает, что, благодаря развитию торговли на Балтике, правительство Людовика XV может оказывать влияние на политику держав Севера. Это был косвенный ответ де-Боссе на инструкции, данные Людовиком XV своему консулу Rosignol'a Во всяком случае, де-Боссе прекрасно оценил значение прямой торговли России с Францией для ослабления экономического и политического могущества Англии, и только близорукая политика Людовика XV не могла разобраться в тех последствиях, экономических и политических, какие открывались перед Францией благодаря установлению между Россией благожелательных торговых и дипломатических отношений.

IV.

Пока французское правительство взвешивало и обсуждало с разных сторон выгоды и преимущества непосредственной торговли с Россией, англичане не дремали и прилагали все усилия к тому, чтобы поскорее заключить торговый договор с Россией и тем самым закрепить за собой русский рынок. Маркиз де-Боссе отчетливо представлял себе всю важность англо-русского торгового договора для франко-русских торговых отношений. Тщательно следя за всеми перепитиями англо-русских торговых переговоров, М. де-Боссе немедленно сообщал о всех новостях, касающихся англо-русского торгового договора, быть может в надежде побудить свое правительство приступить к скорейшим переговорам о заключении торгового договора с Россией, как основы, на которой должна базироваться непосредственная торговля Франции с Россией. В своих корреспонденциях правительству маркиз де-Боссе настоятельно указывал на близость ратификации англо-русского торгового трактата, который рассматривался де-Боссе, как договор о союзе.[1] Эти дипломатические депеши осведомленного и прак-

[1]) Сборник 141, стр. 14, 34, 41, 71 и др.

тически настроенного посла могли быть отчасти парализованы депешами Rissignol'а королю в которых доверенный короля обнаруживал удивительную недальновидность и непонимание дела. Rissignol предполагал, что установление торговых связей между двумя нациями никоим образом не зависит от политической кон'юнктуры. Торговля может существовать и развиваться, хотя бы при обоих государствах не было бы никакого представительства. Кроме того, не торговлей Франция может вовлечь Россию в орбиту своей политики. В торговле доминирует Англия. Ее политический вес можно уничтожить только с торговлей, но ни вес, ни торговля не перейдут во власть Франции, хотя бы она держалась той же политики и использовала для этого все средства, которые находились бы в ее расположении.[1])

Разумеется, такой пессимистический взгляд поверенного Людовика XV не мог не парализовать настоятельных указаний де-Боссе на необходимость развития франко-русской торговли и заключения торгового договора с Россией. Rissignol по просту предлагал Франции капитулировать перед Англией на экономической почве. Французские тайная и явная дипломатии никак не могли выработать одной точки зрения на значение для Франции прямой торговли с Россией, хотя об'ективные соображения, приводимые в защиту последней, были достаточно убедительны своей документальностью.

Англичане же, успешно заключив свои переговоры по возобновлению англо-русского торгового договора, добились его заключения и ратификации со стороны обоих заинтересованных правительств. Новый торговый договор 1766 г. был в значительной степени повторением договора 1734 г., хотя англичанам удалось получить для своей торговли значительные преимущества в виде уменьшения пошлин на сукна и фланели и пр.[2]) Торговый договор, будучи большой победой англичан на экономическом поле сражения, означал поражение французов, так как последние, оставаясь в пределах письменного обмена мнений со своим правительством и переговоров с представителем русского правительства—Паниным, не предпринимали никаких шагов к реализации своих предположений. Такая политика правительства Людовика XV, парализовавшая, как энергию своих негоциантов, живших в России, так и своего официального дипломатического представителя, лишний раз подчеркивала односторонность всей внешней политики Франции, в орбиту которой входило унижение и ослабление России, как большой и могущественной державы.

Маркиз де-Боссе тревожно встретил заключение Англией торгового договора с Россией. Также нервно реагировали на это и заинтересованные негоцианты, стремившиеся подачей записок убедить свое правительство в необходимости держаться определенной торговой политики по отношению к России. Представители заинтересованной французской буржуазии действуют в указанном направлении весьма энергично и настойчиво. Маркиз де-Боссе делал, с своей стороны, все возможное, лишь бы убедить свое правительство принять более решительный курс в вопросе о торговой политике по отношению к России. Еще до официального заключения англо-русского торгового договора банкир и вице-консул в Петербурге Raimbert представил 15 февраля 1766 г. большой мемуар, касающийся торговли и французского плавания в России.[3]) Записка отличается обстоятельностью и широтой

[1]) Сборник 141, стр. 66

[2]) Н. Н. Фирсов Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле в царствование Екатерины II. П. 1902, стр. 317

[3]) Сборник т. 141, стр. 21—26

в постановке вопроса. Автору часто приходится ломиться в открытую дверь повторять всем известное и убеждать тех, кто не в состоянии, в силу своей односторонности и предвзятости мнений, поддаться каким либо об'ективным соображениям и фактам. Автор признает, что все предыдущие разновременно поданные записки показали как необходимость для Франции торговли с Россией, так и на те выгоды, которые получат от этого и государство и подданные. Равным образом, установлено, что все прямые и непосредственные связи между Францией и Россией возможны только учреждением des comptoires de la nation russe. Однако, обстоятельства не благоприятствовали осуществлению намеченной цели, а иностранцы снабжали нашими продуктами государства севера и нас необходимыми для нас предметами. Суждения же французских негоциантов о том, что они никогда не знали ни торговли, ни плавания по Балтийскому морю и не имели собственных интересов в этой стране, не могут нас оставлять в столь разрушительной зависимости.[1])

Составитель мемуара указывал также и на то, что англичане стремятся воспользоваться наличными политическими обстоятельствами, и что они предпринимают безконечные усилия с тем, чтобы удалить из России самостоятельную торговлю и мореплавание Франции, и что в стремлении к поставленной себе цели они пользуются всем, не щадят ни денег, ни интриг.[2]) И все таки, несмотря на ряд неблагоприятных условий, французский банкир думает, что немедленные торговые сношения с Россией можно легко восстановить; и что возможно, что оба правительства предоставят торговым договором все подходящие для этого средства.[3]) (les moyens les plus promptes) По мысли составителя записки, в настоящее время и русское правительство, и негоцианты убедились как в вреде посреднической торговли, так и в том, что только одна конкуренция может быть наиболее целесообразным для торговли орудием и наиболее годным для ее увеличения и расширения. Кроме того, русские очень заинтересованы в том, чтобы торговля между обоими нациями была непосредственной, так как „мы потребляем не мало их продуктов и, кроме того, мы можем дать выход двум новым предметам их торговли: солонине и табаку.“ Raimbert указывал дальше на стремление русских купцов через отправку кораблей в Ливорно вступить в непосредственные торговые сношения. Русские негоцианты обладают достаточным весом в правительственных сферах, и ими возможно воспользоваться для рассеяния английских интриг и претензии.[4]) Автор записки сознает, что русская торговля в значительной степени зависит от англичан, от которых находится в полной зависимости благосостояние, как купцов, так и земельных собственников, и что всякое прекращение ими торговых сделок грозило бы полным разорением для указанных общественных групп. И только тогда исчезнет эта боязнь, когда в России окажутся торговые дома, которые будут в состоянии возместить и заменить англичан. Настроение правительственных сфер благожелательно для Франции. М. де-Боссе и Rossignol высказывали пожелание об учреждении в Петербурге французских торговых домов, но французские негоцианты думают, „что англо-русский торговый договор предоставляет английским торговым домам такие льготы и преимущества, которыми не располагают другие нации, что издержки по плаванию слишком велики, чтобы

[1]) Сборник 141, стр. 21
[2]) Сборник 141, стр. 21
[3]) Сборник 141, стр. 21
[4]) Сборник 141, стр. 22

вступить в конкуренцию с голландцами, и что наши корабли не столь удобны для плавания на Балтийском море, которого они еще не знают так, как знают голландцы и другие северные народы."[1]) В остальной части своей записки Raimbert стремился показать ошибочность и необоснованность этих предположений. По существу, англичане никакими преимуществами перед другими иностранцами не пользуются. Опыт отправки корабля из Петербурга в Брест показал, что издержки оказались меньше по сравнению с голландцами. Наконец, было время, когда и англичане, и голландцы не знали Балтики.[2]) Благодаря этим условиям, восстановление прямой торговли России с Францией возможно, по мнению составителя записки, совершенно независимо от всякого торгового договора, но если последний будет заключен, то он будет очень полезен для того, „чтобы ускорить и закрепить тот успех“.[3])

Записка Raimbert обратила на себя внимание герцога Praslin'а и была отправлена к сведению государственного контролера. Praslin в сопроводительном письме высказал мысль, что теперь настал момент серьезно заняться этим предметом.[4]) Raimbert перед своим от'ездом в Петербург познакомил герцога Шуазеля со всей своей работой относительно скорейшего установления непосредственной франко-русской торговли. В общем, итоги деятельности в этом направлении благоприятны. Многие из негоциантов готовы принять участие в торговле с Россией. Но для развития мореплавания необходимо предоставить судовладельцам и купцам ряд льгот, чтобы было легче выдержать конкуренцию с голландцами, в частности, предоставить купцам полную свободу в вопросе снабжения кораблей таким количеством матросов, какое им, по их мнению, будет достаточно. Для развития торговли мебелью и сукнами, находящейся в данный момент в руках англичан, необходимо освободить вывозимые мебель и сукно от уплаты вывозных пошлин. Наконец, следует предоставить всем заинтересованным в торговле лицам, свободу и безопасность, необходимые для иностранных наций с тем, чтобы сделать торговлю и мореплавание Франции цветущими. Не может быть двух мнений по этому поводу. Первое— это заключение торгового договора. Это мнение обычное. Второе— превратить условия подобного трактата в общие постановления касательно торговли и мореплавания иностранцев на началах взаимного благоприятствования. Raimbert решительно высказывается в пользу последнего мнения.[5]) Перед своим от'ездом в Россию Raimbert имел беседу с русским послом князем Голицыным, которому он указал на двойные пошлины на тонкие сукна и вместе с тем на то, что заключение торгового договора с англичанами сделало торговый трактат не соответствующим своему назначению, так как только полное равенство договора по отношению к подданным короля по сравнению с другой нацией может рассматриваться, как существенное основание договора.[6])

Общая политическая кон'юнктура отстранила на задний план вопрос о торговле. Только в марте 1767 г. маркиз де-Боссе снова обратил на него внимание французского правительства указанием на быстрое развитие русской торговли, в особенности между 1759-1761 г. г. на сосредоточение половины торговли по Петербургу в руках англи-

---

[1]) Сборник 141, стр. 23
[2]) Сборник 141, стр. 25—26
[3]) Сборник 141, стр. 26
[4]) Сборник 141, стр. 28
[5]) Сборник 141, стр. 70
[6]) Сборник 141, стр. 72

чан и на необходимость прямой торговли Франции с Россией, так как посредническая торговля англичан мешает России и другим нациям пользоваться взаимными выгодами.[1]) Де Боссе снабдил свое краткое донесение герцогу Шуазелю ценным приложением—мемуаром о преимуществах прямой торговли между Францией и Россией.[2]) Вопрос для французской дипломатии был не новым. К нему не раз возвращались французские дипломаты в своих депешах. Новый мемуар обширнее всех предыдущих. Вопрос рассматривается почти с исчерпывающей полнотой, которая, казалось, должна была убедить французское правительство к принятию необходимых, зависящих от него, мер к восстановлению прямой торговли Франции с Россией. Мемуар указывал на целый ряд предметов, которые Франция должна покупать у России, как то: пенька, мачтовый лес, доски, смолу, железо, кожу, медь, полотно, льняные семена. С своей стороны, Россия имеет нужду во французских товарах, а именно: в винах, в устрицах, водках, сухих фруктах, сахаре, кофе, индиго, в материях, модах, мебели, различных драгоценностях. До сих пор французы получали русские продукты тремя способами: 1) правительственным заказом на какой нибудь голландский дом; 2) предоставлением английским коммерсантам заказов со стороны французских; 3) получением продуктов из рук голландцев и англичан, которые привозят их во Францию для продажи и для самих себя.[3]) Составитель мемуара констатирует рост русской внешней торговли в период 1753-1765 г. г., правильно ставя рост торговли в прямую связь с ростом военного и торгового флота в Европе. Почти четвертая часть английского вывоза идет для удовлетворения нужд собственного флота. Остальное количество русских произведений, оцениваемое в сумме 12 тысяч ливров, вывезено в порты Испании, Португалии и Италии. Эта торговля является весьма прибыльной. Французские негоцианты давным давно это учли и стремились принять участие в прибылях.[4]) Такие же интеллигентные и активные, как и англичане, французские негоцианты могли бы взять на себя труд распределения продуктов севера по берегам Италии и Испании. В скором времени они возьмут верх в продажных сделках, так как они будут иметь преимущество в создавшейся конкуренции. При непосредственных торговых связях Франции с Россией, преимущество окажется на стороне Франции, и вся вывозная торговля нечувствительно перейдет в руки французов. Непосредственным следствием новой торговой кон‘юнктуры явится сокращение английской индустрии. Она подорвет благосостояние многих английских негоциантов, большое количество матросов останется без работы. Количество английских судов, ежегодно приходящих в Балтийское море, уменьшится на половину. В английских портах будут находиться только те корабли, которые привезли продукты, необходимые исключительно для английского флота. Англичане предвидят последствия ослабления их торговли и, с своей стороны, озабочены принятием предупредительных мер. Развитие непосредственной торговли с Россией повлечет за собой увеличение французского вывоза, так как русские, при виде, что в их портах находится много наших кораблей для вывоза русских изделий, станут более снисходительными к ввозу французских товаров. Мало того, они предоставят те же преимущества, которыми располагают в настоящее время англичане, потому что мы будем находиться по отношению к ним

[1]) Сборник 141, стр. 257.
[2]) Сборник 141, стр. 257-272
[3]) Сборник 141, стр. 258-260.
[4]) Сборник 141, стр. 261.

в таком же положении, в каком в данный момент находятся англичане. Благодаря знанию французскими негоциантами вкусов всех классов общества, живости французов, воодушевленных личным интересом, любви русских к французским материям и другим французским изделиям—произойдет вся эта революция. Для скорейшего осуществления всех этих теоретических предположений необходимо открытие в России отделений наиболее богатых французских домов, на адрес которых надо отправлять поручения по купле и продаже. Составитель записки не скрывает от себя всех предстоящих трудностей, так как большая часть французских негоциантов совсем незнакома с Балтийской торговлей. Впрочем, это препятствие вполне преодолимо и, при поддержке кредита и заказов, предприниматели будут иметь верный успех. Необходимо открыть торговые отделения также в Данциге, Кенигсберге, Риге. Данцигская торговля хорошо известна и не требует никаких доказательств. Из Кенигсберга можно вывозить мачтовый лес. Мемель и Либава могут снабжать хлебными зернами, льняным семенем, пенькой, дубом. Сюда ввозится большое количество вин, водок, масла из Франции. Рига получает ежегодно 40-60 тонн (chargements) соли. Англичане ввозят туда большое количество сукон и меньше шерстяных материй. Французские купцы могут принять участие в этом ввозе и разделить получаемые англичанами прибыли.[1]) Изложенная нами записка подводит итоги всем разговорам и мемуарам по поводу установления и развития непосредственной торговли с Россией. Она не только богата документальными соображениями в пользу непосредственной торговли с Россией, но показательна, как отражение идеологии французской буржуазии в ее стремлениях к развитию внешнего рынка для Франции путем сокращения английской торговли, а вместе с ней и английского политического и экономического могущества. Континентальная система Наполеона I родилась в эпоху старого режима в оффициальной переписке французских послов в России с своим правительством при соответствующей поддержке со стороны наиболее заинтересованных и компетентных представителей французской буржуазии, имевшей торговые дела в северной столице. Впрочем, вся эта пропаганда прямой торговли с Россией кончилась полной неудачей. Романтические чувства Raimbert'a и его сторонников не нашли широкого отклика во французской буржуазии, еще не осознавшей важность русского рынка в борьбе Франции с Англией. Да к тому же сам Людовик XV не особенно стремился к восстановлению и упрочению непосредственной торговли Франции с Россией, неоффициально стремясь к осуществлению совсем не той политики, которую намечали отчасти Бретель и, в особенности, Беранже и Боссе. Неудивительно, что борьба двух дипломатий усиливала Англию и отдала весь рынок в распоряжение Англии, имевшей полную возможность мешать усилению морского могущества Франции, необходимость которого отчетливо сознавалась и маркизом де-Боссе, и представителями французской буржуазии, заинтересованной в развитии франко-русской торговли, как средства сломить экономическое и политическое могущество Англии.

---

[1]) Сборник 141, стр. 261—272

ОГЛАВЛЕНИЕ

B0000002465948